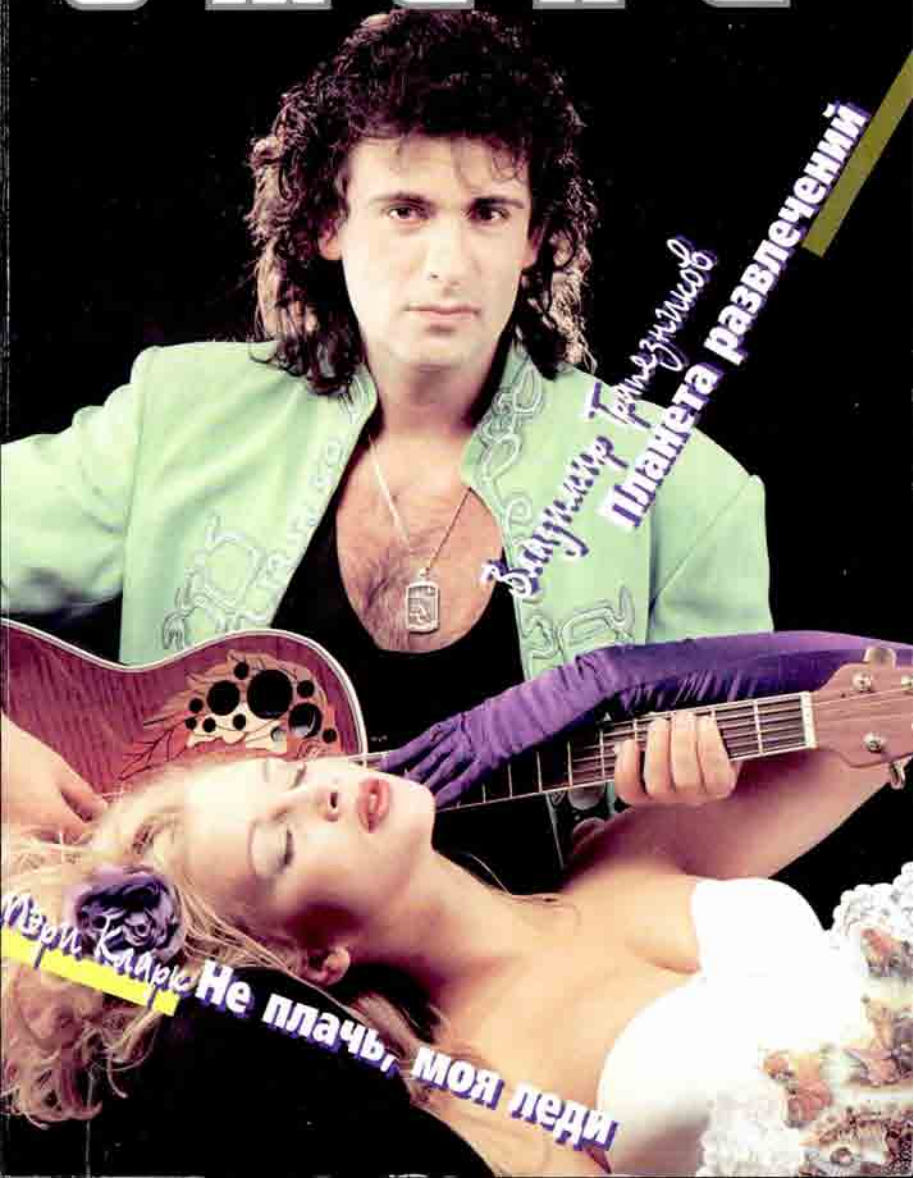

ОМОН 30 97

Владимир Тимозин
Планета развлечений

Иван Копелев
Не плачь, моя леди

**ИЗ ЗИМЫ
В ЛЕТО**

**С КОМПАНИЕЙ
ДИАТУР**

Экскursionные туры:
**Шикарный Париж
Амстердам-Брюссель-Париж**

Горнолыжные туры:

**Турция
Словения, Чехия
Франция
Австрия**

Отдых и развлечения:

**Кипр
Египет (Красное море)
Турция
Израиль**

Экзотические туры:

**Таиланд
Остров Ямайка
Шри-Ланка, Мальдивы
Куба**

Москва, м. «Смоленская»,
Шубинский пер., д. 2, офис 1
тел./факс (095) 241-54-51,
241-04-41

СМЕНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ НИЗИЛОВ

Редколлегия:
ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

зам. главного редактора
БОРИС ДАНИЮШЕВСКИЙ
НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ

зам. главного редактора
СЕРГЕЙ ПОПОВ
МИХАИЛ ТЕЛИЧНИН

главный художник
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ
ТАМАРА ЧИЧИНА

оформление
ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

худ.-технический редактор
АЛЕНСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 23.12.96.
Подписано к печати 29.1.97.
Формат 84x108 1/32.

Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. нр. отт. 17,64.
У-изд. л. 23,10.

Тиран: 72500 экз.
Заназ № 1100
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Рег. № 014832

**Учредитель — коллектив
редакции журнала
«Смена».**

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Набор, верстка и
цветоделение — «Институт
новых информационных
технологий».

Отпечатано в типографии
издательства

«Пресса»,
125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического
брана обращаться
в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

3 (1589) МАРТ

© «Смена», 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

- 66**
проза
ВЛАДИМИР ТРАПЕЗНИКОВ
ПЛАНЕТА РАЗВЛЕЧЕНИЙ
Фантастическая повесть
- 174**
МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК
НЕ ПЛАЧЬ, МОЯ ЛЕДИ
Детектив
- 29**
поэзия
ЕВГЕНИЙ РЕЙН
- 151**
ЕЛЕНА ДАНЧЕНКО,
СВЕТЛАНА АБРАМОВА,
НАДЕЖДА ВЕСЕЛОВСКАЯ
- 20**
время и мы
ОЛЕГ ДЗЮБА
МАСЛО МАСЛЯНОЕ
- 33**
ЕВГЕНИЙ ДОБРОВОЛЬСКИЙ
ЖИЗНЬ НАУЧИЛА
- 58**
РОССИЯ БЕЗ КРЫЛЬЕВ?
Беседа с авиационструктором Константином Васильченко
- 138**
ДУША И КОСМОС
Беседа с психологом Центра подготовки космонавтов Олегом Роминым
- 144**
ВЛАДИМИР КАРПОВ
ХЛЕБ НИЩИХ
- 164**
МАЙЯ ОРЛОВА
МЕТР КАЗАНОВЫ ПЛЮС КЕПКА
- 4**
история и культура
ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ
**АЛЕКСАНДР КУПРИН:
ДЕГОТЬ И ПАТОКА**
- 46**
СВЕТЛАНА МАГИДСОН
ПЕРСТЕНЬ ЗИНАИДЫ

148 ВИНТОР ЧАЙКА:
**«Я - ОДЕССИТ,
И ЭТО ЗНАЧИТ...»**

154 АДЕЛЬ АЛЕКСЕЕВА
КУИНДЖИ

■
На 1-й обложке:
композитор и певец
ВИНТОР ЧАЙКА.
(Читайте стр. 148)

АН ОУН С

**АНДРЕЙ ДЫШЕВ
ДИКИЙ ОСТРОВ**

История возникновения и распада таких «финансовых пирамид», как «МММ» или «Властилина», у всех на слуху. Именно этой скандальной теме и посвящен роман московского писателя. События, в нем описанные, происходили или могли происходить в действительности. Ниточка, потянувшаяся от найденного на яхте трупа женщины, приводит главного героя к цепи экстремальных ситуаций, связанных с самым популярным на крымском побережье акционерным обществом и его генеральным директором...

**ИГОРЬ ЗОЛУТУССКИЙ
ОБОРВАВШИЙСЯ
ЗВУК**

Лишенный властями советского гражданства, прожив во Франции шестнадцать лет, Владимир Максимов не хотел брать гражданство французское, так как считал себя не только русским писателем, но и русским гражданином. Теперь, спустя два года после смерти Максимова, все яснее становится какой крупной личностью был этот человек.

Александр КУПРИН: ДЕГОТЬ И ПАТОКА

ЮРИЙ ДРУЖНИКОВ

Помыслик помысли

В некотором царстве, где юбилеи были неотъемлемым, а подчас и единственным украшением повседневной жизни, одну дату в переходном 1988 году, когда сказать уже кое-что можно было, не отметили. Забыли? Не могло того быть. Имелось специальное издание, которое дозволенные юбилеи предвосхищало и указывало градацию политической полезности: «Календарь знаменательных и памятных дат».

Эта дата оставалась памятной, но не знаменательной, не ко времени. Знаменовала то, что не хотелось вспоминать, вот и сделали вид, будто не вспомнили. В советском литературоведении ветер как раз переменял направление. Из черного списка в белый стали переходить отдельные запретные ранее на родине писатели. Классик, обозначенный в заглавии, пятидесятилетие со

дня смерти которого исполнилось тогда, особый. Нерешительность продемонстрировала пределы на тот момент дозволенного, некоторую растерянность и, хочется думать, чувство вины перед ним. Александр Иванович Куприн давно был разрешен, только правда о нем оставалась половинчатой, сокрытой.

Помню, в старинном пособии для домовладельцев прочитал о полезном изобретении русского умельца. Как сделать, чтобы петухи не начинали кукарекать рано, не будили хозяев? Для этого над шестком, где петухи спят, надо натянуть проволоку. Взмахивает петух спозаранку крыльями, вытягивает шею, чтобы приветствовать восходящее солнце, а тут ему проволока. Ударился и кукарекнуть не смог.

Перед российской наукой о литературе возникла сложная проблема. О чем писать стало можно, а о чем нельзя? Момент важный, ведь фотография бывает цветная и черно-белая. Нет фотографии только белой или только черной. Отечественному же литературоведению (не касаясь всего остального) на нашем веку пришлось быть и только белым, и только черным, а пуще всего ярко-красным. До многоцветного путь долог.

Даже официально признанных русских классиков советский читатель знал с искаженными биографиями и весьма произвольным толкованием их произведений, не всегда или не полностью к тому же опубликованных. Три четверти века под запретом были многие области культурного наследия. Многие в архивах безвозвратно исчезло.

6   Оглянемся назад. Попробуем беглым взглядом окинуть историю советского куприноведения, творчество отечественных биографов Куприна.

«Наш» или «не наш»?

Советская критика не обходила вниманием его жизнь и творчество. Хорошо это для авторов или плохо, многих ведь других десятилетиями замалчивали, будто их на свете не было, Куприна — никогда. Но взгляды и деятельность писателя освещались на разных этапах по-разному.

Первым Куприна взвесил и оценил разъездной агент «Искры», которого Ленин назвал одним из «главных писателей-большевиков». Это был Вацлав Воровский, печатавшийся под экзотическими псевдонимами Жозефина, Фавн и Профан. Позже недоучившийся инженер Воровский стал именоваться «одним их создателей марксистской художественной критики в России». Есть все основания назвать Жозефину-Фавна-Профана одним из первых советских куприноведов, научный метод которого весьма прагматичен и, я бы сказал, целеустремлен.

Взятый у Ленина, этот метод оценки явлений литературы стал впоследствии универсальным, обеспечивая по сей день бесхитрое просвещение любых произведений искусства. Он был записан и в уставы творческих союзов, например в устав Союза писателей СССР. Суть его — польза для дела партии в данный момент.

Куприн-прозаик в жестких и нелюбезных тонах описывал окружавшую его «буржуазную» действительность. В «Пое-

динке» обнажил, в «Яме» разоблачил, в «Молохе» осудил, в «Анафеме» пригвоздил. К тому же Куприн до революции печатался в издательстве «Знание», руководимом Горьким. Это дало основание Воровскому одобрить Куприна с точки зрения его приемлемости для пролетарской революции.

Хотя Воровский и пожурил Александра Ивановича за то, что в его произведениях звучит отвратительный «общечеловеческий гуманизм», а классового подхода к явлениям нет, все же, по мнению разведного агента «Искры», у Куприна можно разглядеть прогрессивную «борьбу новых социальных начал».

Благожелательное отношение большевистской печати тех лет к Куприну объясняется и тем, что он после революции сотрудничал с издательством «Всемирная литература». А в декабре 1918 года с помощью Горького писатель попал на прием к Ленину с предложением издавать для деревни газету под названием «Земля». Предложение было принято, но, как тогда писали, не состоялось по «техническим причинам». Просто большевики еще не могли прибрать к рукам всю печать, не было ни станков, ни бумаги. Печатники, наиболее квалифицированная часть рабочего народа, столь нужная партии, были против большевиков.

Вторым ответственным партийным критиком творчества Куприна стал Анатолий Луначарский. Нарком просвещения требовал от художника связи с рабочим классом, которая у Куприна отсутствовала. В этом плане Куприну предстояла перековка, выработка цельного мировоззрения. Основные суждения Луначарского похожи на аргументы Воровского.

Когда Куприн стал редактором газеты «Приневский край», которая издавалась при штабе белой армии Юденича, а затем уехал в Хельсинки и переселился в Париж, отношение к его творчеству в советской литературной критике меняет знак «плюс» на «минус».

Оказывается, никаких прогрессивных начал, упомянутых выше, не было даже и в дореволюционном творчестве писателя. В жизни у Куприна, по мнению советских биографов конца двадцатых-начала тридцатых годов, имелись две возможности реализовать себя: революция 1905-го и Октябрьская. А у него не хватило сознательности «примкнуть». В результате в произведениях «искажается облик социал-демократической интеллигенции».

Куприн, не ведающий об играх в Москве, без цензуры пишет прозу и публицистику, печатается, скучает, как все нормальные люди в мире, по местам, где родился и куда ему, в отличие, скажем, от Тургенева, доступ закрыт. Материальные трудности переносит с юмором: «Когда меня спрашивают, как поживаете? — я отвечаю: слава Богу, плохо». Возвращаться не думает, даже относится к этому весьма иронически. «Но что я умею и знаю? — пишет он М.К. Куприной-Иорданской. — Правда, если бы мне дали пост заведующего лесами советской республики, я мог оказаться на месте».

А в Москве тем временем Куприна (будто он подотчетен агитпропу) обвиняют в «социальной слепоте», «эпигонстве», «мелкотравчатости», «тупой покорности» (цитирую лишь малую часть выражений критики). Мастера упрекают в том, что он до революции «нигде не отметил роста пролетариата», а после революции «никак не откликается на боевые выступления масс». Ока-

зывается, у Куприна (в тех самых произведениях, которые еще недавно столь высоко оценивали Воровский и Луначарский) литературные сыщики выследили теперь наличие «реакционной пошлости... проповеди под Ницше».

В журнале «На литературном посту» (славное полувоенное название) от 1926 года имеется программная статья «Куприн-политик». Автор ее — Борис Волин. Примечательная и незаслуженно забытая фигура. Шеф отдела печати Наркомата иностранных дел, Волин вскоре стал главным цензором СССР — начальником Главлита и по совместительству директором института красной профессуры, после чего сам присвоил себе звание профессора.

Поистине, классовая борьба с шестидесятилетним Куприным, мирно живущим в Париже, возводится в ранг важнейших внешних задач советского государства. В скулодробительной статье о Куприне критик М. Морозов установил: «Понятия Куприна о добродетели и красоте не выдерживают критики». И пояснил: у него в произведениях нет «женщины-общественницы», а есть «пленительные самки». У писателя «нездоровый скептицизм и идеологический дурман». Куприн, «сделавшись наиболее заклятым врагом советской России, в своих злобных нападках на нее опускается до самого оголтелого черносотенства».

Всему этому советский читатель должен был верить на слово. Имя Куприна в эти годы внесено в списки Наркомата просвещения, рассылаемые в библиотеки: его книги предлагалось сжигать. Централизованным уничтожением вредных изданий, включая сочинения Достоевского и Куприна, руководила заместитель Наркома просвещения по библиотечному делу Надежда Крупская. Другим заместителем этого наркома был одно время уже упомянутый Волин. Литературоведение черпало вдохновение не в сочинениях классиков, а в полицейских списках.

Из «анти» в советского

Неожиданно для читателей потоки брани в адрес Куприна исчезают со страниц советской прессы. На некоторое время он перестает существовать. Затем, весной 1937 года, советская литературная критика снова меняет знак, теперь «минус» на «плюс». Куприн возвращается в Москву.

Вчерашний «оголтелый черносотенец», узнаем мы из печати, «тепло встречается советской общественностью». Книги его, те же самые, написанные до революции, еще недавно запрещенные и «полные идеологического дурмана», теперь в авральном порядке переиздаются многими издательствами сразу, в столицах и в глухомани. Они стали, по утверждениям печати того времени, «любимым чтением советских людей». Сам Куприн, судя по газете, заявил корреспонденту, что он преисполнен желаний войти в круг писательской семьи Советского Союза. Можно ли опубликовать такое, если это заранее не согласовано и не одобрено? Он введен в цензурные списки одобренных советских писателей.

Больше того. Оказывается, бывший «заклятый враг советской России» Куприн все предыдущее время разоблачал «уродливую буржуазную действительность». Даже, видимо,

тогда, когда писал антисоветские статьи в западной прессе. А то, что раньше называлось «злыми нападками» на большевиков, теперь считается «восторженным гимном борцам русской революции». В дореволюционном его творчестве обнаружат лишь один недостаток: он следовал «традиционному реализму» вместо того, чтобы следовать реализму социалистическому.

Дано указание писать о его творчестве диссертации. И они успешно защищаются теми самыми недавними погромщиками его творчества. Куприн переводится на десятки языков народов СССР. Его повести экранизируются, а пьесы (слабые, которые не нравились ему самому) спешно репетируют в театрах.

Поистине, мистерия-буфф! Сотни советских писателей, преданных власти и идее, исчезают в застенках, а ореолом почета окружается вполне активный ненавистник системы. И что особо примечательно, руководят обеими процедурами одни и те же профессиональные литературоведы из органов. Разумеется, привлекая, когда это нужно, дилетантов из писательского цеха.

Александр Ивановичу не суждено было увидеть своих новых изданий. Фильмов и постановок. Он умер, не успев удостоиться членства в Союзе советских писателей, не прошел испытательный срок.

С тех пор о нем написано много, но и спустя полвека самыми живыми в советских биографиях выдающегося писателя России остаются два последних коротких периода его жизни. Первый — когда он после долгих лет эмиграции тайно от знакомых заспешил на родину. И второй, когда он объявился в Москве.

Назад в светлое будущее

Арифметика играет незначительную роль в творчестве писателя, а все же любопытно посчитать годы жизни Куприна. Одногодок Ленина, он родился в 1870 году неподалеку от Симбирска, в Пензенской губернии. Два представителя одного поколения, два сверстника. Оба честолюбивы, умны, энергичны. А пошли разными путями, несоединимы оказались их понятия добра и зла, совести. Впрочем, это особый разговор.

Сорок девять лет провел Куприн в России, а затем, на втором году революции, эмигрировал. Семнадцать лет провел вонне, дольше всего в Париже, неожиданно — в незабываемый 37-й приехал обратно и через пятнадцать месяцев (без трех дней) умер, не дожив одну ночь до дня рождения, когда ему исполнилось бы 68.

Александр Иванович и его жена Елизавета Морицевна (которую именовали также Елизаветой Маврикиевной) появились на Белорусском вокзале в Москве 31 мая 1937 года. До этого Куприн скучал, но возвращаться не хотел. И вдруг...

Дочь Куприна Ксения собиралась ехать с ними, но потом отказалась. Она рассказывала писателю и парижскому корреспонденту «Нового Русского Слова» Андрею Седых: «Отъезд мы держали в строгом секрете, и никто из писателей об этом не знал». Заманивали многих, но не всегда срабатывало. А тут получилось. История отъезда уже тогда многим казалась странной. На Западе читатель знал немного больше, но много было слухов. На

родине же эта часть куприноведения была так же секретна, как и все прочие разведывательные акции.

В последние месяцы до отъезда состояние здоровья Куприна стало резко ухудшаться. В их парижскую квартиру зачастили представители советского посольства, напрашивались в друзья почитатели таланта — тайные агенты НКВД. Со специальной миссией приехал Константин Симонов с Валентиной Серовой, ибо было известно, что Куприн влюбчив, а Серова — актриса-красавица. Гости Москвы рассказывали Куприным, как популярен великий писатель на родине — произведения его там буквально нарасхват.

Полпред СССР во Франции Владимир Потемкин лично руководил операцией на месте, рисовал Куприну (вот какое совпадение!) потемкинские деревни. Не изученная по достоинству оклосталинская фигура, Потемкин после этого был направлен на должность замнаркома иностранных дел. Он дорос до члена ЦК и был похоронен «не по рангу» у Кремлевской стены. Именно он, в разные годы руководивший также Наркомпросом, причастен к оболваниванию нескольких поколений.

Материально Куприну в Париже жилось не сладко. Бунин поделился с ним деньгами от Нобелевской премии, но их хватило ненадолго. А в СССР, уверяли их представители советского посольства и специальные гости, наступило полное изобилие. Им обещали бесплатную квартиру, дачу, прислугу. У него был рак пищевода и, по-видимому, начались метастазы, а ему говорили, что в советских больницах и санаториях гарантируется полное выздоровление от всех болезней. В конце концов Куприных потихоньку привезли на посольской машине в советское консульство и вручили готовые серпасто-молоткастые паспорта с визами и билетами в одну сторону — в Москву. Потихоньку, потому что боялись протестов прессы, общественности, знакомых, не без оснований опасались международного скандала. Но все обошлось.

Правда, уже согласившись ехать, Куприн спросил работников советского посольства: «А можно взять с собой Ю-ю, мою кошечку?». Кошку взять из Парижа разрешили, а библиотеку — нет. Усаживаясь в вагон на парижском вокзале, Куприн больше всего, как вспоминают свидетели, заботился о кошке. «Совсем больной, он плохо видел, плохо понимал, что ему говорят». В Париже ходил слух, что Куприна подпоили.

Итак, старый писатель возвратился на «новую» родину.

Задание переселить живого классика, кроме НКВД и Наркомата иностранных дел, по личному указанию Сталина выполнял также секретариат Союза писателей. А в нем, как это бывает, практические заботы поручили рядовой сотруднице. Ею оказалась Серафима Ивановна Фонская, хозяйка дачи-мастерской (впоследствии дома творчества) Союза писателей в поселке Голицыно, до которого тогда было полтора часа езды от Москвы. Тридцать лет спустя выпустили небольшую брошюрку — краткие и отполированные ее воспоминания. Я по долгу жил и работал в одной из клетушек этого дома, чаще всего в той комнате, где жил когда-то А.С. Макаренко. Отсюда он ушел на станцию, чтобы ехать в Москву, и в вагоне умер.

Если Серафима Ивановна знала человека и доверяла ему, она потихоньку, охотно и откровенно рассказывала значительно больше, чем опубликовали в книге. Особенно в тихие зимние вечера, если отключали электричество и приходилось сидеть в гостиной старого дома при керосиновой лампе. Не я один был собеседителем, чтобы записать и спрятать. Были уже публикации. Кое-что в них отлично от ниже описываемого, но я не считаю себя вправе теперь перекраивать.

Именно в Голицыно Александр Фадеев и его помощники решили поместить писателя-возвращенца, чтобы начать создавать из него образец для подражания. Но сперва, сразу после торжественной встречи с духовым оркестром и перед отправкой в Голицыно, Куприных поселили на несколько дней в центре Москвы в удобной для них и для НКВД гостинице «Метрополь», где тогда жила также партийная элита не высшего эшелона и удравшие из своих стран лидеры компартий. Номера в «Метрополе» по известным причинам часто освобождались, жильцы исчезали.

Куприных прокатили по Москве. В прогулках вернувшегося классика сопровождали «молодые писатели», которые отслеживали каждый его шаг, каждый контакт. Он часто плакал, а больше молчал. Упрямылся, не хотел делать, что его просили, но соглашался, если ему обещали стакан вина. В праздник Куприных провели на трибуны неподалеку от мавзолея и показали военный парад на Красной площади. Восторги писателя по поводу того, что он видел, регулярно печатали газеты, но неизвестно, выражал ли он эти восторги и в какой форме.

К приезду Куприных в Голицыно, как рассказывала мне Фонская, она сняла за счет Литфонда дачу с березками возле окон. Ее обставили казенной мебелью с инвентарными номерами. Заранее Фонская отыскала в Голицыне кухарку, которая знала и обязана была петь русские народные песни. Куприных повезли на автомобиле.

Погода была чудесная. С утра на площадке возле дома-мастерской репетировалась встреча. На волейбольной площадке выстроили роту из соседней войсковой части, которая отрабатывала трехкратное «ура». За забором толпились любопытные прохожие. Простые советские писатели всегда ходили через черный ход, а по этому случаю оторвали гвозди и открыли дверь с террасы в сад. Журналист из «Комсомольской правды» Александр Чернов, сидя на ступеньках, набрасывал вопросы для интервью с классиком. Талантливую комсомолку-прозаика и красотку Анну Кальму, загорающую в кустах в купальнике, прогнали для очистки горизонта от фривольностей. Об этом пожилая писательница рассказывала мне сама тридцать лет спустя.

Едва худой сгорбленный старик с прищуренными слезящимися глазами, поддерживаемый с обеих сторон, шатаясь, вылез из автомобиля, он, к удивлению представителей власти, вдруг бойко крикнул командиру роты, подготовленной для приветствия: «Здравия желаю, господин унтер-офицер». «Он не господин, а товарищ командир», — подсказали Куприну компетентные сопровождающие. Трехкратное «ура» скомкалось. Из дома вынесли кресло и поставили на площадке.

До этого на политзанятиях красноармейцам вслух читали отрывки из Куприна и приказали заучить наизусть вопросы, которые следует задать писателю. Вопросы эти сразу отмела Елизавета Морицевна, сославшись на усталость писателя после дороги. Тогда командир роты, согласно сценарию, пригласил Александра Ивановича выступить в воинской части, где солдаты, все как один, любят его произведения. Тут опять Елизавета Морицевна ответила, что писатель сейчас нездоров и не выступит.

В гостиной дома-мастерской был накрыт стол с дымящимся самоваром. Гостей посадили на почетные места. «Как вам нравится новая советская родина?» — задал первый вопрос представитель «Комсомольской правды». — «Ммм... Здесь пышечки к чаю дают», — ответил Александр Иванович и, не обращая внимания на остальных, стал пить чай.

Поняв, что от странного классика ничего не добьешься, корреспондент стал спрашивать жену его, и стоворчивая Елизавета Морицевна отвечала за Александра Ивановича. Потом красноармейцы устроили во дворе русские пляски под гармошку, чтобы развеселить почетного гостя. А он захныкал и сказал, что устал и хочет спать. Серафима Ивановна поспешила отвести Куприных на снятую для них дачу.

Старики жили одиноко. До Москвы — долго трястись в паровой копоти. Куприн то и дело бредет к почтовому ящику, ждет писем из Парижа от дочери. Письма не доходят. Старик встает на колени возле деревьев и целует березки. После полудня Александр Иванович дежурит за калиткой на улице, ожидая, когда в соседней школе кончатся занятия. У проходящих мимо детей он просит тетрадки по геометрии. Он приносит их домой и перерисовывает квадраты и треугольники. Может, пытается вспомнить азы математики, которую зубрил в юности в кадетском корпусе?

Тяжело болен писатель был давно. К раку добавился глубокий склероз (возможно, это то, что сейчас называется болезнью Алцхаймера), и организаторы переезда с нетерпением выжидали удобного состояния больного. Когда симптомы стали более явными, служащие советского посольства в Париже начали действовать активно. Имеются свидетельства не только западных очевидцев событий, но и рассказы таких лиц, как упомянутый выше репортер Чернов.

Любопытно, что так называемые интервью с Куприным, те, во время которых за него говорила Елизавета Морицевна, или другие, просто сочиненные в инстанциях, иногда печатались в виде статей, будто бы написанные самим возвращенцем. Куприн заявляет: «Я совершенно счастлив». Он благодарит советское правительство и кается, что недопонял преимущества новой власти своевременно. «...я сам лишил себя возможности деятельно участвовать в работе по возрождению моей родины. Должен только сказать, что я давно уже рвался в Советскую Россию, так как, находясь среди эмигрантов, не испытывал других чувств, кроме тоски и тягостной оторванности». «Я остро чувствую и осознаю свою тяжкую вину перед русским народом», — кается писатель. Какую вину? В чем? Все это писали за него — для внутреннего употребления и для заграницы.

Куприн, который уже везде в печати именуется «патриотом социалистического отечества», то и дело твердит благодарности советскому правительству, взалхлеб хвалит все, что увидел в СССР: города, заводы, дворцы, метро в Москве, проспекты, каких, конечно же, нет за границей, высокий уровень образования всех, включая домработниц.

Прохожие, судя по статье, на улицах дружно кричат: «Привет Куприну!» «Всех их радует то, что я наконец вернулся в СССР». В особом восторге Куприн от советских юношей и девушек. «Меня поразили в них бодрость и безоблачность духа, — пишет последний из могижан критического реализма о Москве 37-го года. — Это — прирожденные оптимисты. Мне кажется даже, что у них по сравнению с юношами дореволюционной эпохи стала совсем иная, более свободная и уверенная походка. Видимо, это — результат регулярных занятий спортом».

Не шибко грамотный стиль, комсомольский оптимизм, дежурная политическая труха вместо наблюдений свидетельствуют, что Куприн такого ни написать, ни произнести не мог. Читаешь и думаешь: может, авторы этих интервью сознательно сочиняли для потомков пародийные тексты, не имея возможности сказать правду? Но, к сожалению, все это было серьезно.

Куприн пишет, что привезенная из Парижа кошечка Ю-ю чувствует себя в Советском Союзе прекрасно, «вызывая бурный восторг детишек». «Даже цветы на родине пахнут по-иному, — рассказывает классик. — Их аромат более сильный, более пряный, чем аромат цветов за границей». Если он скучал по родине, то это можно было бы понять. Но следом из газеты вылезает аграрно-политический кукиш: «Говорят, что у нас почва жирнее и плодороднее». В очерках нет мыслей Куприна, в них отражены основные тезисы текущих речей товарища Сталина на тему «Жить стало лучше, жить стало веселей». Тосковал Куприн по России, а приехал в СССР.

Деньги, вложенные в переброс писателя из страшного мира капитала в светлое завтра, начали приносить политические проценты. Экранизируется купринский «Штабс-капитан Рыбников», в котором разоблачается японский шпион в Петербурге во время русско-японской войны, и газета печатает заявление писателя, что его рассказ «перекликается с современностью».

Организаторы операции под кодовым названием «Куприн» отнюдь не считали свою работу завершенной. Вскоре Куприна убедили отправить письмо Ивану Бунину, рассказать, как хорошо живется в Советской стране, уговорить и его возвратиться из эмиграции. Правильное письмо было сочинено, и Куприн его подписал. Бунин на это письмо не ответил.

Проценты в актив агитпропа продолжали поступать долго и после смерти писателя. Был снят фильм «Гранатовый браслет», разоблачающий все, что надо. В январе 1986 года «Литературная газета» опубликовала воспоминания Валентина Катаева о беседах с вернувшимся Куприным. В.П. Катаев, приходится заметить, всегда вовремя оказывался возле классиков. Помните его воспоминания о Бунине? Они создавались в разное время, слоями. Ранний слой был — «Бунин и я», средний слой — «Мы с

Буиным», последний — «Я и Буин». Столь же точны его философские беседы во время прогулок по Москве с Куприным, сочиненные полвека спустя.

Болезнь Куприна быстро прогрессировала. Поведение писателя было, как говорят психиатры, неадекватным. Его перевезли на арендованную дачу в Гатчину, под Ленинград, обещали вернуть дом. Библиотека Куприна в его Гатчинском доме после революции была разворована, и сейчас еще на черном рынке появляются раритеты с его подписью и дарственными надписями ему.

Вернувшийся из-за границы всемирно известный автор оказался прочно отрезан от цивилизации. Он не сумел бы, даже если б мог, ни возмутиться, ни высказать слово, которое бы услышали на Западе.

Скоро Александра Ивановича торжественно похоронили. Организации, занимавшиеся живым Куприным, сдали его досье в архив и занялись другими эмигрантами. А миф было поручено докраивать творческим союзам. На Запад потекли статьи о счастливой жизни, которую увидел Куприн перед смертью, о его значении для социалистической культуры. За все эти измышления писатель ответственности не несет. Мертвые сраму не имут, а наш несчастный Фауст и по сей день расплачивается за сделку с Мефистофелем.

Через пять лет, весной 43-го, Елизавета Морицевна повесилась в Гатчине от голода, холода, тоски и бессмысленности существования.

Приказ — считать классиком

Последующие полвека можно охарактеризовать как апофеоз советского куприноведения. К сожалению, с потерей не только чувства исторической реальности, но и простой стеснительности.

Перед возвращением Куприна из-за границы советская пресса вела себя сдержанно. Что если операция сорвется? Возьмет старик да заупрямится. Пока Куприн был жив, авторы, писавшие о нем, как и компетентные органы, все же осторожничали: вдруг кто из иностранных журналистов, знавших Куприна много лет, опровергнет опубликованную чепуху. А в советских издательствах будто плотину прорвало: отдельные издания, дешевые и подарочные, рассказы для детей, избранные однотомники и собрания сочинений — миллионные тиражи.

Из многочисленных монографий, посвященных Куприну, статей и комментариев к его сочинениям советский читатель знал, что Куприн дружил с основоположником соцреализма Горьким. Но не положено было знать, что Куприн порвал с Горьким и его издательством «Знание» из-за расхождения во взглядах, сочинил на него злую пародию, а сотрудничал с Арцыбашевым, печатался в журналах «Мир Божий» и «Русское богатство», которые противостояли марксизму.

В советских исследованиях доказывалось, что статьи Куприна времен революции выражали радость перемен. Но замалчивалось, что речь шла о февральской революции. Как бы забыва-

лось, что его рассказы «Гатчинский призрак», «Открытие», «Старость мира» полны скепсиса. Не упоминалось, что Куприн был арестован большевиками и лишь по счастливой случайности, в отличие от Гумилева, избежал расстрела.

Оказывается, эмигрировал Александр Иванович по недоразумению: «Поступок этот был неорганичен для него, был случаен», в эмиграции он «почти бросил писать». Это все сочинил о Куприне достойный человек – Константин Паустовский. Что греха таить, в отличие от героинь купринской «Ямы», советским авторам приходилось торговать не только телом, но и душой.

Из статей самого мастера, опубликованных на Западе, из воспоминаний его современников явствует, однако, что он «восставал» не против врагов Октябрьской революции, а против самой революции, утверждая, что, кроме бедствий, ничего она народу не принесла и не принесет.

Социализм виделся писателю серым существованием. «За счастье людей 33-го столетия, – пишет он, – нет никакого интереса разбивать голову». Проще говоря, Куприн – за живого человека и против идеи насильно его осчастливить. Замысел Ленина только начинал реализовываться, а Куприн уже видел его суть: «Даже если эксперимент будет неудачным, если миллионы погибнут, а миллионы будут несчастны, он – эта помесь Калигулы и Аракчеева – спокойно оботрет нож о фартук и скажет: «Диагноз был поставлен верно, операция произведена блестяще, но вскрытие показало, что она была преждевременной. Подождем еще лет триста...»

Коммунизм для Куприна – это «рай под заряженными ружьями». Именно из этого рая он бежал, а не просто по недоразумению «оказался на своей даче в Гатчине, отрезанным белыми от Петрограда». Именно осознав суть власти в городе на Неве, стал Куприн редактором антибольшевистской газеты «Приневаский край». Эмигрировал не «в состоянии растерянности» и не «случайно», как написано в его советских биографиях, а вполне целеустремленно спасался от террора.

Как только Куприн отошел от революции, творчество его начало, писали критики, затухать. Его бранили за отсутствие «передового мировоззрения». А у него всю жизнь было отвращение к толпе. Революция для него – бессмысленное движение массы людей, и больше ничего. Сразу после Октября он мягко заявил, что учение о диктатуре пролетариата «перешло в дело не вовремя». В одном он ошибся: считал, что новый порядок долго не продержится.

Эмиграционный период был малоплодотворным в творчестве Куприна, узнаем мы из советских исследований. «На чужбине писатель не создал ничего значительного, мучительно тосковал по России и постепенно осознавал свои ошибки».

А в действительности с 23-го по 34-й год Куприн издал шесть книг, написал пятьдесят новых рассказов и три большие повести, фактически романы. А еще его многочисленные статьи и эссе. Правда, в них прошлое России представляется не столь мрачным, как раньше. Но мы понимаем почему. Все познается в сравнении. Написанный в Париже дневник путешествий по Фран-

ции «Юг благословенный» демонстрирует нам стиль зрелого журналиста, каковым Куприн был с молодости, когда в начале века описал свой полет на одном из первых самолетов, едва не стоивший ему жизни, когда ради того, чтобы понять, что есть в жизни риск и страх, заходил с папиросой в зубы в клетку к тигру — покурить.

Разумеется, в Советском Союзе публиковали ту часть творчества Куприна, которая «соответствовала». Недоступны были (хотя приводились выгодные цитаты) труды западных авторов о Куприне: Глеба Струве, Александра Дынника, Георгия Адамовича, Стефана Грэхема, Лидии Норд, Ростислава Плетнева, многочисленные мемуары о нем и западные издания, в которых он печатался.

После развала Советского Союза живые умные писатели перестали вести борьбу за коммунизм, лозунги давно сняли. А мертвый бессловесный Куприн, получается, ведет. Я не удивился бы, если б следом за Пастернаком и Галичем его сделали бы членом Союза писателей СССР. В конце восьмидесятых в Москве оставалось две организации, принимавшие покойников: Союз писателей и крематорий. Но вскоре и сам единый Союз писателей приказал долго жить.

Даже личная жизнь Куприна подгонялась под стандарты идеологических мифов. Он был человеком раздражительным, вспыльчивым и независимым во мнениях, невоздержанным на слово и дело. Без серьезного повода при гостях бросил горящую спичку на подол платья первой жены. К счастью, женщину спасли. От второй жены у него был ребенок, когда он еще не разошелся с первой.

Грешник, он не стеснялся приводить героинь своего романа «Яма» в приличное общество. Напившись, буянил. Оскорблял, становился непредсказуем. Любил природу и — любил травить кошку с собаками. «Ему нужно было бы, — вспоминает Тэффи, — плавать на каком-нибудь парусном судне, лучше всего с пиратами».

Еще во время войны и революции Куприн начал от тоски пить. Аркадий Аверченко писал о нем: «В таком виде не надо показываться на людях, а сидеть, спрятавшись, как медведь в берлоге». Многие годы Куприн страдал нашей несчастной российской болезнью, оживлялся, только выпив. Жена старалась давать ему не более стакана вина в день. Георгий Адамович называл это состояние Куприна смесью умдренности и старческого маразма. Периодами питье занимало классика больше политики (что литературоведами в штатском было учтено), ведь именно обещаниями выпивки и вымогали у него нужные подписи.

В Москве Куприн очень удивился совету забулдыги-пьяницы, которого он привел домой и который, послушав наивного старика, посоветовал поменьше болтать лишнего. Об этом же писала в воспоминаниях Лидия Норд. «Неужели это правда насчет слезки? — спрашивал ее классик в недоумении. — Но в моем доме, кто? Прислуга? Сиделка? Доктор? Не исключено, добавим мы, что и пьяница, рекомендовавший писателю держать язык за зубами, был не случайный забулдыга. После возвращения писатель не начертал ни строки прозы, ни единой

записи в дневнике. А написанные за него тексты до сих пор цитируются.

Никто писателя не лечил, пока ему не стало совсем плохо и жена потребовала врачей. Более чем через год после приезда (10 июля 1938 года) ему сделали операцию, которая была бессмысленна, а возможно, и сократила его жизнь. Умер Куприн 25 августа.

Не было в советских публикациях даже упоминания о том, что перед смертью в ленинградской больнице Куприн потребовал священника. Сознание больного прояснилось, и писатель долго беседовал со святым отцом наедине. О чем беседовал? Кто был этим священником? Наверняка записали исповедь и положили на стол, кому надо. Узнать бы на какой полке и в каком неведомом архиве это лежит.

Позже в биографиях писателя стала выдвигаться другая причина его смерти. «Многолетнее пребывание Куприна в эмиграции сильно повлияло на его здоровье, надорвало его силы, превратило в преждевременного старика». «...разлука с Россией, затянувшаяся на семнадцать лет, окончательно подточила его мощное когда-то здоровье».

Советские критики утверждали, что Куприн вместе с Циолковским стал основоположником советской научной фантастики и коммунистических утопий, продолженных затем Алексеем Толстым. А может, антиутопий? И продолженных не придворным автором «Хлеба», а совсем другими людьми?

В рассказе Куприна «Тост» действие происходит тысячу лет спустя. За пролетарской борьбой на Земле с ужасом глядят с других планет. Герои рассказа предлагают тост за мучеников прошлого, за жертвы нового террора: «Разве вы не видите этого моста из человеческих трупов, который соединяет наше сияющее настоящее с ужасным, темным прошлым? Разве вы не чувствуете той кровавой реки, которая вынесла все человечество в просторное, сияющее море всемирного счастья?».

Ясновидец Куприн написал этот рассказ во время уличных боев 1905 года и опубликовал в сатирическом журнале «Сигналы» год спустя. Революцию он называл «черной молнией», а Петра Первого и Ивана Грозного — большевиками. Коммунизм для Куприна — это рай под заряженными ружьями. Если Александр Иванович и прокладывал кому-нибудь дорогу в утопии, то это были Замятин, Вулгаков, Оруэлл.

До революции Куприна печатали нарасхват крупнейшие издатели во многих странах. Острота в повороте фактов, зримость картин, грубовато-сочный язык с самого начала выделили мастера. Уважение к человеческому достоинству, защита, как мы теперь говорим, прав человека, ненавязчивость суждений, тонкий и грустный, я бы даже сказал, серьезный юмор, стали купринскими литературными принципами. «Гранатовый браслет», «Гамбринус», «Листригоны», роман «Яма», который принято называть повестью, читаются и перечитываются поныне.

Конструктор крепко сколоченного короткого рассказа, Куприн, в отличие от большинства его коллег, не ушел навсегда в романисты, но сочинял рассказы почти всю жизнь. Наследник

опыта Льва Толстого и ученик Чехова, последний классик передал эстафету мастерства и принципы воплощения литературной правды, какой ее видит и отображает сочинитель, целому поколению русских авторов во всем мире.

Нравоучения классикам мировой литературы десятилетиями определяли суть литературоведения и всего гуманитарного образования в Советском Союзе. Кодекс соцреализма превратил великую литературу в великую макулатуру. Друг Куприна писатель Николай Никандров, умерший в 1964 году, перед смертью просил написать на своей могиле: «Убит Союзом писателей».

Авгиевы конюшни предстоит разгрести литературоведению в России, чтобы снять толстые наслоения предвзятости и унылой одноцветности. В оценке писателей и литературных явлений все еще жив вульгарный социологизм, утюгом проходящий по живому творчеству писателя.

Мне возразят: литературоведение – зависимая наука. Чего от него ждать, если не было свободы в самой литературе? Книгохранилища стерилизованы, и Бог знает, удастся ли их восстановить. Архивы державы напоминают евнухов, которым декретом предложили воспроизводить потомство. Думаю, законы социалистического искусства открыл вовсе не Маркс, а английский физик Дальтон. Суть их – патологическая неспособность различать цвета.

Шатаясь, вышла на костылях из застенков исхудавшая история – другой хлипкий источник литературоведа. Куприн, кажется, предвидел это: «А ведь русская литература, – как бы ни уродовали, ни терзали и ни оскопляли ее всем известными обстоятельствами, – всегда была подвижнической».

Мэтр написал эти слова еще до революции. Сегодня они звучат как напоминание, как завет последнего из могикан.

✓
Хотите, чтоб о вас хорошо говорили, – не говорите о себе хорошего.

Б. Паскаль.

ГОВОРЯЩИЙ СЛОВАРЬ-

КАРМАННЫЙ ПЕРЕВОДЧИК!

Не секрет, что в современных условиях знание английского – необходимое условие сколько-нибудь успешной карьеры делового человека или специалиста. Не является тайной и то, с каким трудом дается изучение чужого языка. Как утомительно иной раз зубрить новые слова, которые ну никак не хотят оставаться в памяти! А научиться понимать речь на слух – и подавно труднее. А кто научит идиоматике и сленгу?

Американские специалисты совместно с российскими филологами разработали электронную версию словаря с возможностью перевода с русского на английский и обратно. Это не единственная в своем роде продукция, однако по богатству возможностей Language Teacher ER 2200T – чемпион. Достаточно сказать, что его словарный запас насчитывает 450 тысяч слов. Среди них 325 тысяч общих слов и идиом, 35 тысяч медицинских терминов, 33 тысячи технических терминов, 29 тысяч бизнес-терминов, 28 тысяч юридических терминов. Таному позавидует даже переводчик-профессионал.

Создатели словаря позаботились о том, чтобы максимально повысить эффективность запоминания слов. Ведь переводчик не только отображает слова и перевод на экране, он еще произносит их как на английском, так и на русском языках. Это устраняет необходимость в разгадке транскрипций и усиливает интерес к работе со словарем, особенно у детей. Естественно, что вероятность запоминания слов при этом существенно повышается.

Если Вы работаете с узкоспециализированной лексикой и часто не можете отыскать необходимые слова ни в одном словаре, Language Teacher предоставит Вам возможность добавить профессиональные термины в основную память и в дальнейшем легко переводить их.

Если Вы не уверены в написании того или иного английского слова, не теряйтесь и набирайте его как

слышите, орфографический корректор поправит Вас и подскажет правильное написание слова.

Language Teacher ER2200T содержит дополнительно 400 фраз и 400 ключевых слов, необходимых во многих жизненных ситуациях, что придаст Вам уверенность в заграничных поездках и общении с иностранными партнерами.

Справочник по английской грамматике, компактно представленный в памяти переводчика, дает возможность быстро найти интересующую тему в грамматическом разделе электронного устройства.

Деловому человеку пригодится удобная записная книжка с ежедневником объемом 64 килобайта, в которую можно вносить информацию как на русском, так и на английском языках.

Лингвистическая игра Hangman также помогает в обучении английскому языку. Она тренирует слуховую и зрительную память, позволяет быстрее запоминать слова и их правописание. Эта игра увлекательна как для взрослого, так и для ребенка.

Множество дополнительных функций, таких, как: ускоренный ввод слов, справочник неправильных глаголов и американских идиом, калькулятор, перевод систем мер и весов, конвертация валют, а также говорящие часы с будильником и по-прежнему временем сделают Language Teacher Вашим незаменимым помощником.

Габариты: 14,5x9,5x1,5 см.

Итак, если Вы или Ваш ребенок изучаете английский язык, хотите отправиться путешествовать или Вам предстоят переговоры с иностранными партнерами, то карманный словарь-переводчик – это то, что Вам нужно.

Приобрести новинку можно в Объединении «Прогресс-Т».

**Тел. (095)239-95-34,
тел./факс 239-97-55**

То, что мы едим
под видом
импортного
масла,
надо мазать
на заборы,
а не на хлеб.

МАСЛО МАРСИАНОЕ

«Марсианский» вкус

Разное масло довелось мне пробовать за свою жизнь. Было дело, и сам творил из деревенских сливок.

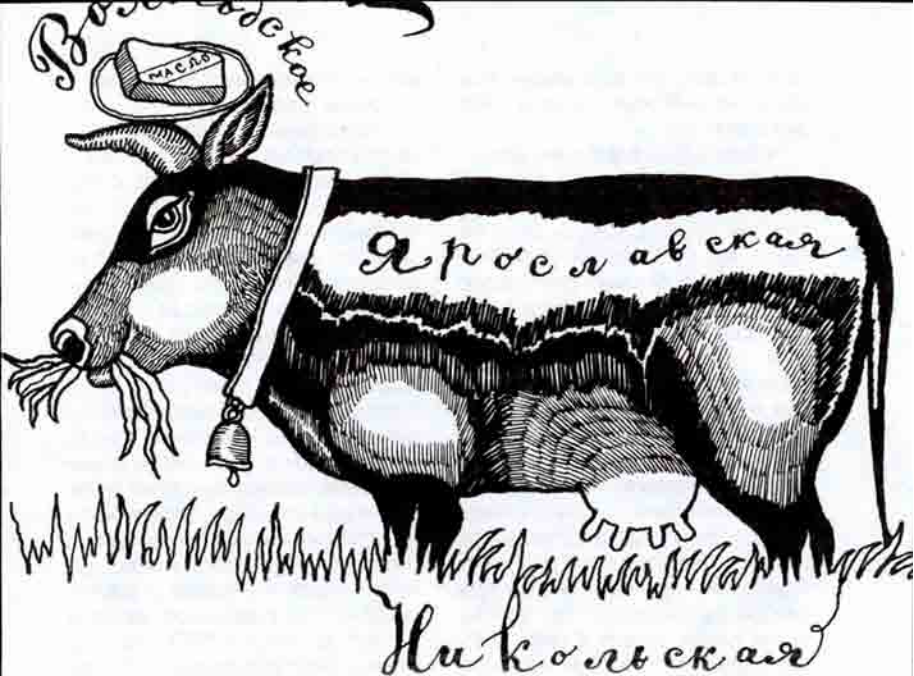
Все нюансы процесса за давностью лет мне уже не упомнить. Но вот самого устройства для преобразования сепарированных сливок в нечто пахучее, воздушное, усыпанное звездочками соли крупного помола, мне уж точно никогда не запомнить.

Домашняя маслобойка – штука немудреная: всего-то деревянный цилиндр, снабженный деревянным же поршнем. Содержимое этого подобию автомобильного насоса никак не хотело сбиваться и противно почавкивало внутри, раздражая слух. Само маслобитие смахивало на ручную подначку колес гигантского грузовика, и к концу вахты на ладонях вылезли водянистые пузырьки мозолей.

Результат однако же выдался столь волшебным, что я и через

тридцать с чем-то лет помню ясный июльский вечер, мелькание стрелок да перезвон колокольцев на рыжеватых выях коров, шествовавших мимо забора. Буренки возвращались с «Марса», как новость почему именовалось отделение колхоза, близ которого их выпасали, так что сотворенное в конце концов масло в моем воображении чуть отсвечивало красноватым бликом, долетевшим с воинственной планеты. «Марсианское» масло это щедро намазывалось на домашний хлеб и было столь восхитительно для обоняния, зрения и вкуса, что настрадавшиеся осязание и слух присмирели до самого утра...

Единственный свой маслодельческий опыт описываю здесь не похвальбы ради, а тонко потому, что ни на «Rama», ни на «Halvarine» меня с тех пор не проведешь. Вкусные сосочки на языке настроены единожды и до финального креста.

Пусть рекламная дамочка и кудахчет ежевечерне с экрана, что «Рама» напоминает ей вологодское, общего между этими маслами мало.

Хотя не обошлось и без объединяющей даты. Всеобщее, так сказать, закармливание российского рынка импортными маслами (не всегда безупречного качества) пришлось на 1992 год. Между тем иноземное изобилие совпало с вековой годовщиной начала экспорта масла из Вологодской губернии. Увы, дата пришлось не ко двору, и никто ее даже в самой Вологде не заметил.

Другое дело, что главного виновника тогдашнего торжества на его родине все-таки не забыли. Ведь сотворил он, ни много ни мало, а все маслоделие русского Севера. И был при этом не дипломированным молочных дел мастером, а моряком, покинувшим палубу из-за невозможности привыкнуть к качке. Коров этот благодетель Се-

вера никогда не пас, на маслобойках не работал и чувствовал себя на петербургском парнете куда уверенней, чем на росистой луговой траве.

Громкую его фамилию слыхивал, должно быть, всякий. Так уж получилось, что один сын череповецкого помещика стал знаменитейшим художником Василием Верещагиным, а брат его Николай пошел по бюрократической лестнице и стал заметным чиновником в министерстве государственных имуществ. С него-то все и началось.

Анофоз еды

Николаю Верещагину предстояло научить совершенно новому делу не слишком знакомых с ним людей. Разнечь фантазию земства грядущими перспективами и подкрепить свою агитацию деньгами и консультантами оказалось ему вполне по плечу. Не обошлось, видимо, и без умения привлечь к

делу людей, располагавших пресловутым «ноу хау», то есть знавших как и что...

«Первыми насадителями усовершенствованных приемов в молочном хозяйстве вообще и в маслоделии в частности», как пышно обрисовал их роль дореволюционный экономист И. Степановский, волею судеб оказались гольштинцы Буманы. Надо сказать, что уроженцы этой некогда датской, а потом немецкой земли у нас особым почетом не пользовались. Виной тому, пожалуй, чудачковатый император Павел, окруживший себя далеко не самыми лучшими, надо думать, представителями гольштинской знати. Между тем гольштинцы славились в Европе своим молочным хозяйством, так что семейный процесс, которым заправляла Ида Ивановна Буман, пошел в гору. В образцовом хозяйстве Буманов окрестный народ мог не просто подивиться, но и подучиться. Сам Верещагин тоже не поленился приехать в Вологду для того только, чтобы лично показать гласным земства работающий сепаратор. Не обходилось и без призывов. Один из тезисов Верещагина и по сей день ничуть не устарел, ибо призывал Николай Васильевич своих вологодских слушателей к борьбе за вытеснение с рынка продукта, именовавшегося тогда «олеомаргарином» — примерно так же зовущимся и сейчас.

Ключ к победе Верещагин видел не в запретах, а в устройстве маслозаводов. Не обходилось и без прямого лоббирования. С подачи губернского земства Верещагин добился, что министерство финансов установило выгодные для маслоделов тарифы на перевозки по железной дороге. Железнодорожники не слишком возражали и скоро настолько вошли во вкус масляных перевозок, что завели целый парк рефрижераторных вагонов, которые сновали

между вологодскими станциями и морскими портами.

Качественный и вполне конкурентоспособный товар охотно покупали в капризной Европе. От масла из Вологды уклонялись разве что англичане. Туманный Альбион издавна был привередлив к упаковке, потому датские коммерсанты приспособились продавать британцам свое, отлично упакованное масло, а для себя покупали в России вологодское подешевле... В отдельные годы в Вологде разом действовало двенадцать экспортных «масляных» контор.

Вологодскую торговлю не подкосила даже конкуренция более дешевого масла из Сибири. Уступив часть европейских рынков, вологодские маслоделы отыгрались в Азии, успешно торгуя в Стамбуле и в Александрии. Максимальной отметки экспорт достигал в 1906 году: за границу было отправлено 107,5 тысячи пудов из произведенных 395,6 тысячи. Россию тоже не забывали, причем особенно пристрастили своих покупателей к маслу из Вологодской губернии знаменитые тогда купцы братья Бландовы, про магазины которых старые москвичи вспоминали до тех пор, пока было кому вспоминать...

Занятно, что масло, шедшее на экспорт, именовалось «гольштинским», а направленное в Москву или в Санкт-Петербург звалось «парижским». А русским маслом тогда считали топленое, которое можно хранить без холодильника. Его и производили в основном в помещичьих усадьбах и в заниточных крестьянских хозяйствах до верещагинской «гольштинизации». (Диковный этот неологизм сам Верещагин, правда, никогда не употреблял. Словечко это пустил в ход Михаил Горбачев, агитируя на какой-то из своих встреч с народонаселением Ставрополя за гольштинскую породу коров. Как не вспомнить здесь вечный афоризм про все новое, но

торое в итоге оказывается старым, как мир...) Ну а возвращаясь к былым названиям, напомним, что «парижское» масло стало «вологодским» в 1939 году. А шведы еще до революции, уловив выгоду, добыли рецепт «вологодского» и стали выпускать это масло под маркой «петербургского».

Вопросы пророку Самуилу

В наше время надпись на обертке 200-граммового брикета масла в Вологде касательство имеет далеко не всегда. Невесть почему «вологодским» стали звать особый сорт высококачественного масла независимо от его происхождения. Вот и получилось, что право на «вологодское имя» получили даже смоленские маслоделы. Но истинно «вологодским» их масло нельзя назвать – хотя бы из-за рекламной картинке с изображением орехов. Несведущему покупателю легко подумать, что купленный им брикет обогащен каким-то ореховым экстрактом – никаких орехов в вологодском масле нет и быть не должно.

«Ореховый» вкус придают «вологодскому» сливни, пастеризованные при высокой температуре.

Впрочем, до орехов ли было в недавние годы затюханному потребителю, если в самой Вологде этот деликатес продавался в одном только магазине, который остряки прозвали фирмой «Живые и мертвые». Торговали там только по справкам из загсов – по случаю свадеб или похорон. Получалось, что я как убежденный холостяк мог рассчитывать на дегустацию разве что на чьих-то поминках.

В трагикомичные те годы журналистка из «Литературной газеты» с ужасом описывала вологодский перрон, покрытый вляксами растаявшего масла, что капало из сумок и авосек пассажиров московского поезда. Гостя призвала тогда с газетной страницы «помочь – в смысле нанор-

мить – провинции»). Как она представляла эту помощь, мне и по сей день неведомо. Знаю только, что ответов на подобные вопросы не мог подыскать даже Остап Бендер. Помните, должно быть, как великий комбинатор жаловался компаньонам, что провинциальная публика чаще всего интересовалась у пророка Самуила, почему нет в продаже животного масла!..

Сейчас в Вологде любого масла полно, и перед лицом всемирной экспансии здешние маслозаводы решили посмотреть, кто из них на что способен. Первым делом надумали проверить, что же кроется за яркими этикетками, щедрым новором покрывшими городские прилавки. Экспертиза закупленного товара дала весьма любопытные результаты. Масло из Финляндии на поверку предстало обыкновенным маргарином – правда, неясно: виной ли тому сами финны или продавцы, набившие руку на смене ярлыков. Масло, привезенное из Белгородской области, оказалось отнюдь не «крестьянским» и еле-еле дотянуло до категории «бутербродного»... Проверить сертификаты, которыми должен быть снабжен любой товар, удалось только в сопровождении милиции. При первых просьбах показать документы из-за спины продавца появлялись дюжие молодцы с недружелюбными вопросами.

Убедившись, что более низкая цена оправдана прежде всего сомнительным качеством, маслоделы взялись определять лучших по своей профессии. Перед началом решающей дегустации многие полагали, что вперед вырвется масло торгово-промышленной компании «Северное молоно» из городка Грязовца, известное отменным вкусом и ароматом. Увы, на этот раз грязовчанам пришлось мириться с тем, что приз за лучшее масло получили технологи малоизвестного завода

из города Никольска. Причина успеха никольчан не в последнюю очередь крылась... в сене. В далеком даже по вологодским понятиям Никольске коров и по сей день кормят сеном с экологически чистых северных лугов.

Взять для сравнения череповецкое масло. Но вкусу и цвету вроде бы не придерешься. Но попробуй позабудь при дегустации о дымах металлургического комбината или химических гигантов Череповца. Иное дело Никольск. Выбросы металлургов туда хотя и долетают, но изрядно ослабевшими. Да и сена там явно побольше, чем в других районах, где коров явно подкармливали силосом, едва заметный след которого и сбавил кое-кому баллы, выставленные за безупречное на вкус неспециалиста масло. Приблудных сортов вроде «бутербродного» на дегустацию не допустили, потому я и усомнился, в одном ли силосе дело, и спросил об этом почетного эксперта конкурса Ольду Геннадиевну Котову, многие десятилетия преподающую тайны маслоделия студентам Вологодской молочной академии.

В следующие полчаса я узнал о вологодском масле больше, чем за всю предшествующую жизнь. Масляный брусон оказался необычным вместилищем природных загадок, систематизированных и обобщенных крестьянами и технологами, исхитряющимися управлять той чередой химических реакций, которая превращает пучок сена в каплю молока, а затем в частицу масла.

Королевский бутерброд

Без риска ошибиться предположу, что большинство сограждан представляют преобразование молока в масло наподобие процесса, описанного в шуточных стихах о королевском бутерброде. Автор бессмертного Винни-Пуха Милн набросал такую примерно схему: ко-

роль вознаждал бутерброда и обратил на это внимание придворной молочницы, придворная молочница отправилась к придворной корове, и та, поотнеживаясь для приличия, все же выдала желанное масло. Путь от приказа до бутерброда таким образом занял минут пятнадцать.

В реальной жизни милновский король успел бы изрядно наголодаться, прежде чем дождался масла, приготовленного из молока утренней дойки. Содержимое подойника нужно просепарировать, отделив сливки от обраты; потом начинается пастеризация, без которой вологодское масло не обретет своего истинного вкуса. Дальнейшее будет зависеть от производственных возможностей маслозавода – масло можно сбивать, перенести методику домашних маслобоек в промышленные масштабы, но можно получать и путем преобразования сливок в специальных установках. Вологодское масло лучше всего изготавливать вторым способом. Тогда в масляной толще почти не остается воды, и содержимое сувенирного бочонка или обиходной обертки из фольги предстанет в виде чистейшего жира. (Вообще, от соотношения жира и воды и зависит во многом качество масла.) Интересно, что маслоделам совсем безразлична порода коров, чье молоко они преобразуют в королевскую мечту. Ольга Геннадиевна Котова сказала, что лучше всего для вологодского масла подходит молоко коров Ярославской породы.

А неприметный для меня «силосный» привкус у масла оназдался на поверку чем-то наподобие выхлопа из тарахтящего двигателя. Непорядок заметит каждый, а поводов может скрываться много, и все разные. Или водитель-лентяй давно под капот не заглядывал, или бензин не той марки залил.

Так и в маслодели. Ну кто не замечал желтую пленку, появляющуюся на брикетах? Вкуса она противного, запах издает не слишком приятный, но куда деваться, если в недавние времена каждому был положен один талон на полкилограмма «бутербродного» в месяц. На сковородку все без разбора — там переплавится, перекипит!

Но с этой пленкой — иначе штаффом — шутить, вообще-то, не стоит. У лабораторных крыс, которых потчевали таким маслом, выкидыши приключались куда чаще, чем в контрольной группе. А избавиться от штаффа не так уж сложно. Надо прежде всего не пускать на масло молоко от почтенных по дойному станку коров, хорошо бы еще не добавлять в их рацион ни жмыха, ни подсолнечного силоса. Ну а если не обойтись ни без того, ни без другого, то нужно хотя бы позаботиться об упановке.

Пергамент, в который и по сей день пануют масло на многих заводах, образованию штаффа не мешает, а вот фольга от него начисто предохраняет. Если же использовать для коробочек под масло полистирол или поливинилхлорид, то хранить его можно даже при комнатной температуре. Все так просто...

И все так недостижимо... Во всяком случае было недостижимо, поскольку кто возьмется сортировать бидоны с молоком по возрасту коров, если удоев не хватает для плана, и зачем морочить себе голову тонностями упановки, когда и без фольги оторвут с руками. Так что нечего было делать настоящему вологодскому маслу на тогдашнем столе — молока на него уходит много, а обходится оно дороже, чем обычное. Словом, стоит ли вообще путаться с напризным маслом, когда можно без помех заработать на каком-нибудь псевдопортвейне из Азербайджана.

Про крепленную бормотуху я вспомнил не для красного словца. Компания «Северное молоко» из города Грязовца на полном серьезе собиралась приняться за розлив привозного вина для того лишь, чтобы за счет винной выручки выдавать зарплату в срок. Холодильники фирмы ломались от запасов «лучшего масла Севера России», как гордо именуется оно в рекламных проспектах, а в недалекой Вологде его было днем с огнем не отыскать. Перекупщики исправно справлялись о ценах, но затем их голоса гасли в глубинах телефонных проводов. Накручивать прибыль на элитном, но дорогом вологодском масле оказывалось хлопотней, чем потчевать сограждан товарами, по дешевке схваченными на распродажах со складов НАТО.

В прежние годы универсам на Нутузовском проспекте Москвы запрашивал ежемесячно по 13 тонн, но после 1992 года постепенно сбавил аппетит до 5–7 коробок. С другими магазинами дела ничуть не лучше. Постоянным клиентом «Северного молока» оставалось, правда, управление, снабжающее верховные структуры, но и оно удержать фирму на плаву не смогло бы.

Про экспорт речи и подавно не заходило. Визитов на фирму много, отзывы о продукции звучали наилучшие, но брать масло никто не спешил. Вместо этого не раз предлагали нашим маслоделам взять на себя роль расфасовщика французского или германского товара в фирменную фольгу с товарной маркой «Северного молока». Директор Михаил Иванович Копытов невозмутимо благодарил за предложения и раскланивался.

Бывшему офицеру-десантнику издавна была свойственна привычка собирать архивы на интересующие его темы. Из досье Копытова

я и узнал, что соседняя Финляндия дотирует производителей молочной продукции на 72 процента, Франция на 43. Не скупится на помощь подшефным хозяйствам и российский «Газпром». Своими данными Нопытов регулярно потчевал представителей московской прессы, но ни разу в печати их не увидел. Зато прочел как-то интервью Юрия Лужкова, который пенял вологодским маслоделам за крутые до несуразности цены, из-за которых масло проще купить за границей. Цифры, приведенные мэром, разили обывателя насмерть, но были выше истинных чуть ли не на десять тысяч рублей за кило «лучшего масла». Кто подсунул энергичному мэру нахальную, но действительную «дезу», мне знать не дано, но кому-то надо было крепко шокировать экономящих москвичей и отпугнуть их от товара вологодского происхождения. Этот «кто-то» в сем деле на время преуспел. В итоге первый фирменный магазин «Вологодское масло» открылся в Санкт-Петербурге, а не в Москве. А почему там? Да не в последнюю очередь потому, что новый санкт-петербургский мэр Яковлев не стал колесить по свету в поисках гуманитарной помощи, а предпочел оглядеться вокруг и заключил договор о сотрудничестве с Вологодской областью. Перед этим, правда, свершилась какая ни есть, но стабилизация рубля и повысились таможенные пошлины на импортные продукты. Импортеры занервничали, зато кое-кому из производителей стало хоть немного легче.

Тем временем производство элитного сорта в Грязовце успело съехать едва ли не к доверещагинским отметкам! 1990 год – 1480 тонн «вологодского», в 1994-м – 360 тонн, в 1995-м меньше 150. Про нежелание работать говорить не приходится, но маслоделам на-

тастрофически не хватает молока. Посланцы московских молочных комбинатов платят онрестным агрофирмам втрое больше, чем способен заплатить директор Нопытов. Так что гряззовчанам приходится покупать молоко за четыреста километров севернее, куда московские гости пона что не забираются.

Нуба, клюква, лимонад

Сам Бог вроде бы велел бросить камень-другой в сторону недорегулированных толком колхозов и совхозов, но лежачих не бьют. Вологодская газета «Красный Север» сообщила в начале минувшей зимы, что в иных хозяйствах Бабушкинского района коровы дают по 2-3 литра молока в сутки. Тем не менее мелеющие молочные реки текут пона что из крупных хозяйств, а не с фермерских подворий. И не потому, что единоличники разучились ухаживать за коровами. Все они умеют, но всему приучены, но какой смысл заводить дойное стадо, если молоком придется скорее всего поить домашнюю скотину.

Суrowый обличитель современных порядков Василий Белов подметил в статье, что в военную пору лишнего молока в деревнях не оставалось – все вывозили подчистую. Сейчас никто ничего вывезти не спешит. Молочным заводам не с руки гонять цистерны по хуторам ради одного-двух бидонов. Прежде их на телегах свозили на центральную усадьбу, но тогда за срыв заготовок полагались жесткие кары. Страх, к счастью, ушел, а ничто его толком не заменило.

Заехав на хуторок в двухстах километрах от Вологды, я услышал от хозяина Николая Николаевича Трапезнинова, что все вокруг живут одним натуральным хозяйством, выращивая в поле или в хлеву лишь то, что можно сходу обменять или продать.

Верещагин и земство сто лет назад надумили мужиков объединяться в артели. Бывали даже казусные с точки зрения политграмоты случаи, когда в одной артели на сходе равными голосами обладали крупный землевладелец и простой крестьянин... Глядишь, история и повторится, только бы не слишком близко к фарсу.

А пока что маслоделы берутся за что попало – только бы поприбыльней и понадежней. На «Северном молоке» научились делать лимонад и разливать минеральную воду, здесь варят свое пиво и продают его в фирменном баре. Городок получает от молочной фирмы тепло, пользуется ее очистными сооружениями, эта услуга тоже бесплатна. Хотелось бы, конечно, грязовчанам заняться чем-нибудь поближе к их основной «теме» – выпускать детское питание, к примеру. Но своих средств на покупку оборудования пока не хватает, а прежнее областное руководство по принципу кота Васьки внимательно выслушивало ходатаев и советовало им заняться ради денег... сбором клюквы. Уж не знаю, какого «изма» было в этом совете больше – того, перед которым стоят буквы «цдини», или того, где первые два слога «крети». Ведь параллельно с «мудрыми» советами в Вологде торжественно открыли цех детского питания, возведенный совместно с немецкой фирмой «Нрюгер». Затем эту подбросила области «Лига германо-российской дружбы» во главе с космонавткой Светланой Савицкой. Цех детского питания был оснащен оборудованием, проработавшим на Нрюгера лет тридцать, торжественно освящен, но толком и не заработал, несмотря на клятвенные обещания немецкой стороны запустить его на полную катушку в течение месяца. За год, минувший после разлета по цеху

шампанских пробон, тогдашний губернатор Николай Подгорнов успел покинуть свой пост по указу президента, затем проиграл выборы, а потом и подавно оказался за решеткой «Матросской тишины» по обвинению во взятках. Детского питания за это время, однако же, почти не прибавилось, так как для покупки дополнительного, но необходимого, как потом выяснилось, оборудования нужно поискать еще миллиардов тридцать.

Копытов еще до начала крюгеровской авантюры предлагал наладить сходное производство примерно за треть этой цены, но командировки в Германию для руководства области были, видимо, куда аппетитней рутинных поездок в Грязовец. Престиж и выгода – они же словно масло для бутерброда. Как ты его ни подбрасывай, а упадет на одну и ту же сторону.

Секрет и совет

... А на прощание немного о секретах фирмы. О них куда приятней, чем о секретах чиновничьих командировок... Творение истинного масла сродни алхимии, в нем все на вере и сверхъестественном чутье. Я спросил у одной из пяти хранительниц тайн, как она улавливает мистический по своей сути момент, когда пора изменить режим, чтобы процесс пошел куда надо, а не наоборот. Зинаида Брилина, показывавшая мне безлюдный, из-за отсутствия в тот день молока, цех, сказала, что все таинства можно уловить только сердцем.

Красивые фразы всегда немногочисленны, зато добавлять к ним нечего.

Проще высмотреть на витрине брикет натурального вологодского масла, потом дома состругать с него полупрозрачный лепесток и мягко перенести ножом на ломтик хлеба...

"ОТ КУТЮР"

go самых go окраин

С тех давних пор, как жены комсостава явились на бал по случаю победы над Германией в заграничных комбинациях, посчитав их бальными платьями, минуло более полувека. И даже если случившееся – просто долгоживущий анекдот, то «бельевой стиль» итальянца Ренато Балестры, продемонстрированный москвичам на Неделе высокой моды в конце прошлого года, по вполне понятным причинам вызвал бурный восторг и рукоплескания. Что ж, сегодня «ретро» и в таком анекдотическом варианте трогает российские сердца...

Истинная высокая мода «от кутюр» предполагает эксклюзив, ручную работу, что никак не вяжется с серийным (даже очень качественным) пошивом. Может, и прав президент Российской ассоциации высокой моды Александр Достман, трактующий «от кутюр» с обескураживающей простотой: «Высокое – это высоко...» В самом деле, вряд ли где-то в Западной Сибири или же в Рязанской области придется ко двору курточка «от самого Лапидуса» с вмонтированными в нее солнечными батарейками и сотовым телефоном. А вот свадебные платья Дома «Бальмэн», восхитившие всех строгостью и изяществом работы, не сомневаюсь, придутся по вкусу невестам из Москвы и до самых до окраин. Но по карману ли – другой вопрос... Не интересуется «одежда будущего» и итальянца Роберто Кавалли. Его коллекция (шелк и шотландская клетка, кожа с тиснением «гусиные лапки»...) вполне приемлема именно в сегодняшней жизни. Вообще, надо помнить: мода – это лишь чистота линий и пропорций. Тогда будет понятно, почему столько лет не стареют модели Нины Риччи, Кардена, Шанель... Российская мода была вполне достойно представлена коллекцией Юдашкина и «меховым» модельером Крутиковой. Кстати, она и получила главный приз Недели «Золотой манекен».

ВАЛЕРИЙ ПОНТЕВ

Фото на IV-й обложке ВИТАЛИЯ ВАНИНА

КАК УЛИСС

Когда садишься в новый самолет,
 Когда влезает в рыжий грузовик,
 Когда выходишь задом наперед
 Ты из дверей облупленных своих.

Ты покидаешь родину, тебе
 Какое путешествие грозит,
 Но ты про это позабудь теперь,
 Пока влезает в рыжий грузовик.

Ты покидаешь родину. Она
 Как будто бы ленива и скупа,
 Прохладная и вялая страна,
 Что смотрит на тебя из-за угла.

Но это все такие пустяки.
 А вот когда у моря ты сойдешь,
 Тогда себя, дружок, побереги –
 Иначе ты, должно быть, пропадешь.

Тебе так скоро станет все равно,
 Забвение устроится в груди –
 Там женщины вкуснее, чем вино,
 И музыка приятнее любви.

Расположившись между двух сирен,
 Бессмертием укрыт до головы,
 Ты переходишь в непробудный плен,
 И стерегут тебя орлы и львы.

Под черной вазой бронзовых небес,
 У круглых ослепительных перил
 Ты глянешь через лень свою и спесь
 В ту сторону, которую забыл.

И скажешь ты случайно: «Боже мой!
 Когда, когда домой, домой, домой?»
 И станешь повторять ты: «Боже мой!
 В Элладу! В Ленинград! Домой, домой!»

ВТОРОЕ ОКТЯБРЯ

Открываю шторы –
 Октября второе.
 Рассветает. Что вы
 Сделали со мною,
 Темная измена,
 Пылкая зарница?
 «Оставайся, Женя», –
 Шепчет за граница.

Был я семиклассник,
Был полусащитник,
Людам – однокашник,
Чепухи зачинщик.
Был я инженером,
Все мы – инженеры.
Стал я легковером
Самой тяжкой веры.
Фонари темнеют,
Душу вынимают.
Все они умеют,
Но не понимают.

ШЕСТОЕ МАЯ

За десять лет два раза – тот же день,
шестого мая, было воскресенье.
Медовая московская сирень,
лиловое густое сновиденье
мотались на углах. На телеграф
зачем-то шел я, стиснутый народом,
и вдруг нос к носу... И она задрала
свой горборимский, ибо шла с уродом,
какой-то смесью чушки и хорька,
и потому особенно надменна.
Хотя нам было с ней наверняка
о чем поговорить. Одновременно
пролить слезу на теплый тротуар
шальной Москвы, пустой, как все столицы
в воскресный день. И ветер продувал
Тверскую, и не мог уговориться.
Он нес пустые пачки «Мальборо»,
сиреневые гроздья, чьи-то письма...
О, жизнь, ты возникаешь набега,
как из души прорвавшаяся песня.
Ты возникаешь наугад, впотьмах,
где ищешь выключателя на ощупь.
Ну, вот и окна вспыхнули в домах,
мы двинулись на Пушкинскую площадь.
Она была подружкой двух друзей
в иных местах и временах... когда-то.
Ее белье пора продать в музей,
и я ручаюсь, воздадут богато.
Все это было в лучшей из систем,
где ипнокрена бьет на черном хлебе.
Зачем, я вопрошаю вас, зачем,
и почему? И что всего нелепей –
остались оба, в общем, в дураках,
Не для того ль она, дохнув шампанским,
сирень перебирала на руках
здесь, на Тверской, с каким-то иностранцем?
Который, впрочем, был здесь не у дел,
на выставках чего-то там наладчик.

Из-за чего ж, дружок, ты погорел,
мой ученик, мой гениальный мальчик?
Из-за чего нешуточный свой дар
принес другой на сей алтарь грошовый?
И здесь уже кончался тротуар,
и начинать им не хотелось новых.
Я видел, как они вошли в такси,
И «Волга» побежала по бульварам.
Кончаю – ни смущенья, ни тоски,
ни ругани – и все-таки недаром...
Ведь что-то было. Что-то, хоть слеза,
хоть полсловечка, дырочка в перчатке.
Я повернул блудливые глаза –
из телеграфной двери, из тройчатки
процеживались, словно в решето,
пестрейшие приезжие пижоны,
и булькала толпа у ВТО,
сияя в джинсовне на все фасоны.
Шестое мая – день известный встарь,
пятнадцать лет назад он много значил.
День ангела жены. Но календарь,
как водится, его переиначил.

ПАМЯТИ А. Т.

Эту книгу я когда-то
в зале, убранной богато,
молча подарил ему,
между волком и собакой,
между водкой и салянкой
дня, ушедшего во тьму.

Он сидел надменно резко,
в профиль плоский, словно фреска,
четкий, что морской конек,
всем заметный, все простиивший,
до изложницы остывший,
одинок и одноног.

ПРО ЗРЕНИЕ

О, зрение, ты – разорение!
Опустошен твой пестрый банк,
закрывает мой бланк.
А как он был богат когда-то,
но подевалось все куда-то.
Была пора, руля крыла,
я подлетел к Делякруа,
С утра Синьяк, и добрый знак –
Рассвет бодрее, чем коньяк.
Наш свет никто не выцветал,
Так долго спектр не выцветал!
Теперь уж мне за полувек –
что видел этот человек?

Иконостас и окна ТАСС,
Указ за мир и Казимир.
И Мотну Лизу, и минареты,
и матадора Монолето.
Кустодиева мир пудовый,
Густой на диво и фруктовый,
И вот теперь я дальноторок –
Не жалуися, когда за сорок.

ЖЕЛЯБОВА, 9

На улице Желябова жила-была
Одна моя знакомая,
Некрасивая, но я-то знал ее давно.
И, пожалуй, бледной кожи
Я ее не замечал.
Вел себя совсем негоже,
Приходил я и малчал.
А вообще-то я трепач,
Но, хоть плачь, не вязались разговоры
В этой комнате большой.
Только розовые шторы опускались за спиной,
Только песни и раздоры раздавались за стеной.
Только красный чай с брусничкой.
Абазурчик шевелил
И приветливой грузинкой
На плантацию манил.
И еще качалка-кресло, словно лодка на волне.
Темнота за штору лезла, как разведчик на войне.
А потом я долго не был,
И об этом пожалел.
На Желябова налево есть подвал, где я нелепо
С малой рюмки ошалел.
И желанный адресочек
Телеграфом записал,
Словно душу пропесочил,
Будто что-то обещал.
Я вошел и удивился, позабыл совсем про флирт:
Дом как будто удлинился,
Дом как будто разделился,
И к тому же новый лифт.
А на месте старой двери
Бесконечная стена.
Кто-то темный, видный еле
(Вероятно, Сатана)
Мне сказал: «Напрасно ищешь,
Я здесь житель коренной,
Был богат, а нынче нищий,
Ты, да я, да мы с тобой.
Это след войны тотальной,
Вздор событий, бред дремот.
Был ремонт здесь капитальный,
Капитальный был ремонт».

**Калашников –
фамилия знаменитая.
Купец Калашников,
оружейник Калашников...
Анатолий Тимофеевич
Калашников – горный инженер,
профессор, академик,
генеральный директор
Лебединского горно-
обогатительного комбината...
Я не ставил себе целью
нарисовать портрет
этого человека, о котором
так много написано и у нас,
и за границей.
Хотелось просто рассказать
о том, какие проблемы решает
этот удивительный человек.
Чем он живет и о чем мечтает.**

ЖИЗНЬ НАУЧИЛА

ы ехали из Губкина в Сапрыкино и везли за собой дождь. Погода была прескверная. Дорога – под стать погоде.

Под серым, набухшим небом на сколько хватало глаз, далеко к горизонту тянулись отроги Донецкого кряжа, сглаженные доисторическими ветрами и ливнями. То там, то сям на степных увалах возникали размытые паводками горловины оврагов, и ржавые пятна охры свидетельствовали о наличии железных руд, выходящих на поверхность.

Когда-то давно главный астроном, тайный советник и кавалер, академик большой Санкт-Петербургской академии, их превосходительство Борис Петрович Иноходцев, проводя в здешних местах свои научные опыты по определению точных географических координат – широты и долготы больших губернских городов Курска и Белгорода, – обнаружил странное поведение магнитной стрелки. Она вела себя совсем не так, как ей положено по науке. Она металась. Ее забрасывало на 15 градусов к западу. Это было установлено посредством двух самых совершенных по тому времени астролябий. Академик растерялся. Чур меня, чур... Но быстро пришел в себя, высказав смелое предположение о том, что обнаруженная им аномалия свидетельствует единственно о близости залегающих богатых железных руд. А нечистый здесь ни при чем.

Передо мной в дождевых потоках на лобовом стекле нашего джипа возникает растерянное лицо академика. 1796 год. Там тоже своя перестройка: только что умерла матушка Екатерина, на престол вступил Павел. В академии научные интриги, дутые авторитеты, со всем этим надо считаться. Но Иноходцев достойно выходит из трудного положения, высказывая мнение, что обнаруженная им аномалия, вызванная огромной магнитной силой подземного железа, послужит к вящей славе России. Тем более что этот край возле Белых гор, из которых добывали лучший мел для пудрения подмышек и париков, был, несомненно, краем горцинов и металлургов.

В этой раскисшей степи расторопные мужики издревле ставили сырдутные домницы, плавили руду, ковали металл, и, может быть, Сапрыкино, куда мы держали свой путь, славилось мечами, зазубренными нанонечниками для стрел, которые, как рыболовные крючки, застревали в теле врагов так, что вытащить их не представлялось возможным. А еще – скромными, но долговечными орудиями труда: серпами, лопатами, топорами...

– Тут лук надо сеять, – мрачно сказал Налашников, сидевший за рулем. – Я оборонщинам говорю: постройте комбайн для уборки лука. Постройте! Вы же разбогатеете! У вас его с руками оторвут!

– А они?

– Что они? Приказа нет, дяденька. Дайте госзнак, построим. Мы, дескать, не привыкли суетиться. Но ничего, рынок научит... Недолго ждать. Жизнь научит.

Больше о луковом комбайне мы не говорили, но я понял, что возник он не просто так, к слову. Все давно продумано и обчислено. В большом рабочем кабинете Налашинова, где на почетном месте, рядом с белоголовым американским орлом, прилетевшим из-за океана и свидетельствующим о широких международных связях, стоит бронзовый Меркурий, бог торговли в крылатых сандалиях, который помогал древним римлянам насчет торговой прибыли и показывал – это буквально, – где зарыт клад, собирались специалисты сельского хозяйства, выясняли, почему нынче лук. По наной цене идет оптовая торговля, накова себестоимость и нельзя ли хоть одним глазком по-

смотреть на современный лукоборочный, ежели такой существует в наличии. И в Германии, в Бонне, куда пригласили Анатолия Тимофеевича на немецко-российский форум как «нового предпринимателя и практика из российской провинции», Калашников тоже заинтересовался самым совершенным сельскохозяйственным оборудованием, хотя, казалось бы, с такой стати, – к его прямым обязанностям сельскохозяйственные заботы ну никак не относятся. Он генеральный директор Лебединского горно-обогатительного комбината, добывающего ту самую руду, о которой так убедительно писал на высочайшее имя академик Иноходцев.

Лебединский ГОК – это огромное предприятие, дважды попавшее в Книгу рекордов Гиннеса, 18 тысяч работающих, из которых никто не хочет бежать на сторону, а на некоторые рабочие должности существует конкурс до 100 человек на место, точно в киноактеры.

Немецкие газеты писали, что в мрачной, безрадостной картине распада Советского Союза, еще вчера пугавшего полмира своими оцетинившимися ракетами, нацеленными в самое сердце Европы, наконец-то появились долгожданные и обнадеживающие краски, свидетельствующие о возрождении России как великой державы. В этом плане Лебединский ГОК преуспел как никто. Отменное качество его железорудной продукции и широкие международные связи позволили комбинату не просто расширить свое производство, но приступить к осуществлению уникального агропроекта, где забытая Богом деревня Сапрыкино играла каную-то важную, мне еще не понятную до конца, роль.

Мы ехали напрямик через поля, по раскисшей стерне, чтоб сэкономить время и заодно лишний раз убедиться в проходимости стопятидесятилитного джипа «Паджеро – Мицубиси» 4x4, который мы, по русской привычке терзать себе душу, сравнивали с нашим «уазиком», командирской машиной, ласково именуемой в народе «козлом» за прыгучесть на дороге, за жесткость рессор и хлипкость внутреннего убранства. Одно нас кан-то забавляло и заставляло ухмыляться, что именно нашего «козла» предпочитают всем другим автомобильным маркам колумбийские нарнбароны, продираясь по дебрям Южной Америки.

– Наше село можно поднять просто и быстро, – говорил Калашников. – Нужны дороги, элитные семена, удобрения и компьютеры.

Луновыи комбайн отходил в сторону. Дороги и компьютеры – два луча главного направления, подумал я. И вспомнил любимый лозунг генерального – «От уникальных технологий к новым стандартам жизни!» и так же часто повторяемое им в соответствующей обстановке «За нас с вами и за хрен с ними!» Калашников человек веселый. Он идейный апологет рыночных отношений.

– Рынок – это самое мудрое, что придумало человечество за всю свою историю. Хлеб и рынок, – говорил он мне. – Деньги – это потом, тоже, между прочим, не глупая вещь как эквивалент вложенного труда. Рынок – это не базар, это шире, но чтоб понять ситуацию, начинайте с базара.

Все богатые наши города богаты по-своему. Все бедные – бедны одинаково. То есть беспросветно.

Губнин – богатый город. Во дворах чисто, машины умытые. Много красивых женщин. Голоса их по-южному певучи, а движения округлы и неторопливы.

Одинокого человека здесь не оставят вниманием. В первый же вечер в гостиничном ресторане вам улыбнется каная-нибудь милая девушка в розо-

вой марлевке и, открывая в улыбке золотой зуб, снажет, берясь за спинку вашего стула: «Мужчина, можно я здесь у вас присяду?» – что выдает в ней работника бывшей советской торговли, где не принято было говорить – «садитесь», только – «присаживайтесь».

Если вам понравится беззаботное девичье щебетание, а бес, как оно случается нанануне уик-энда, не дремлет и шарахнет в ребро, можно пригласить барышню к себе. Денжурная без всякого, так показалось мне, пропустит на этаж, что само по себе является свидетельством тектонических сдвигов в нашем обществе. Но приглашать не стоит, я ошибся. И все дело не в заботах о нравственности. Хозяйка гостиницы Валентина Васильевна объяснила мне, что их четырехзвездный отель «Schwan», а по-русски «Лебедь», перестраивался из типовой провинциальной гостиницы со всеми удобствами в конце коридора. Номера представляли собой тесные комнатки, задача стояла нагородить их как можно больше. Все пришлось менять. Но осталась слышимость как память о тех панельных временах, и чтоб не мешать соседям, которые, может быть, именно в это время отдыхают, водить к себе гостей Валентина Васильевна не рекомендует. Есть комната, где можно встретить гостей, поговорить... А потом вся обстановка как-то дисциплинирует и не способствует легкомысленным шагам. То ли бесшумный японский лифт виноват, то ли чистый бобрик под плитус на весь пол. А может, это свежее, регулярно меняемое белье, фирменные махровые полотенца, как положено, на краю ванны, и итальянская мебель, изготовленная будто бы по эскизам самого Леонардо. Все это редко встречается в провинции, а когда встречается, здорово сбивает столичную спесь. Подумаешь, какой-то Губнин, север Белгородской области, 60 тысяч жителей, скромный железнодорожный узел где-то в стороне. На центральной площади, как положено, стоит гранитный Ленин в длинном демисезонном пальто. Он сжимает в руке газету и смотрит куда-то вдаль, и Калашникову всегда делается тревожно, потому что не ясно, что рисуется вождю. Пустые витрины с трехлитровыми банками-пузырями, в которых стынет березовый сок, или качаются, как в пучине, морские мины, «рогатая смерть», тяжелые, зеленые помидоры?

Несколько успоаивают городские объявления тут же, у постамента. Они свидетельствуют, что город живет полнокровной жизнью, учит английский, худеет, лечится у народных целителей и готовится к просмотру суперзаграничного фильма «Расплата и любовь». Название вполне эффектное, но, по мнению Анатолия Тимофеевича, губнинцы в кино не ходят. У всех телевизоры и виданы. Можно поставить в зале кресла театрального типа – есть и такие, – но это вряд ли поможет. «О чем вы...»

Суббота – большой базарный день, а значит, самое подходящее время для знакомства с городом. Уже с раннего утра в воздухе растворено какое-то нетерпение. Скрытая каная-то суэта и ожидание чудесных перемен. Пахнет арбузами, малосольными огурцами, цибулей. А еще – цветами, розовым, мраморным салом с чесноком и грушевым самогоном. Вас обжигает этот онаянный запах, сулящий синее пламя из ноздри. Вас какает.

Губнинский рынок открывается ровно в семь, но уже к шести у его кованых ворот паркуются машины с иногородними номерами. Из Белгорода, Нурска, Харькова, Обояни и Волчанска, из Старого и Нового Оскола. Идет беглый обмен торговыми новостями, дым «Беломора» мешается с дымом «Мальборо», пришедшимся по впусу нарождающемуся фермерству.

Солнце медленно поднимается над степью, вспыхивают золотые купола второго в России по величине после храма Христа Спасителя Спасо-Преображенского собора, построенного по инициативе генерального директора Лебединского ГОКа на щедрые пожертвования с российской и германской стороны в память о всех погибших на этой земле. Нурская дуга, третье ратное поле России после Куликовского и Бородинского. Это совсем рядом. Для Бога все одинаково равны, что русские, что немцы, мне запомнилась надпись на могильной плите «Ich bin hier für immer geblieben, Mutter», что в переводе означает: «Я здесь остался навсегда, мама...» На открытие храма приехал сам патриарх, а президент, ему специально мастерок сделали, заложил первый кирпич.

Я иду к рынку мимо бара под названием «Тирольский гость». Бар строили австрийцы. Здесь по их технологии варят темное «мюнхенское» пиво и светлое «пльзеньское», и никто не ворует кружек и не писает мимо итальянской сантехники, хотя, конечно, бывает... Бар в городе Губкине потрясает даже не пивом, а своим интерьером, выучной личного состава. Также, говорят, в Австрию посылали.

– Русское пьянство – это страшный бич, – объясняет Анатолий Тимофеевич. – Надо как-то бороться. Кто знает, как? Горбачев попробовал, ничего не вышло. Вообще сухой закон – не наш путь. Я думаю, надо варить пиво. Это альтернатива. Давайте понастроим прекрасных баров, чтоб не в подворотне, не на детской площадке во дворе, а за столом, из красивой кружки, с хорошей закуской. Снажете, мечтатель, а я снажу – реалист. Только так победим зеленого змия!

Принято считать, что провинция не любит столицу. Она ей завидует и не доверяет. Она с ней в конфронтации, пока к власти приходят новые элиты. Идет дележ имущества. А как поделят, похоже, произойдет замирение. Потребуется сила центральной власти, чтоб защитить все, что приобретено так или иначе. Пока же провинция на всех уровнях критикует центр. Почему для мэра Лужкова можно убрать НДС, а для директора Калашникова нельзя? В прошлом году ГОК сдал бесплатно 30.000 квадратных метров жилья, ровно столько, сколько Ю. Лужков сдал бесплатно по всей столице, остальное в Москве идет за деньги. Провинция любит говорить о больших финансовых аферах – все ж крупные банки в Москве! – о ваучерах, которые будто бы Москвы не коснулись: там знали, а мы поверили, лопоухие. Нам ведь, бывало, как прикажут... Все эти центробежные мотивы были широко использованы Жириновским в борьбе за президентское кресло, но успеха не имели, потому что дураков нет. Все всё понимают. В этом смысле «Тирольский гость» – знаковый объект. Ничего подобного ему в столице нет, как нет копченых с дымком губнинских колбас, губнинского сыра, губнинских энологически чистых соков, которые с большим удовольствием покупают в Европе за твердую валюту на радость тамошним народам, очень пенкущимся о своем здоровье.

Благополучие и преуспеяние города Губкина имеют причину в природных, сырьевых богатствах, на которых он стоит и которые так щедро его окружают. Это железная руда и самая плодородная почва России. Именно отсюда для Всемирной Парижской выставки 1900 года был вырезан кубический метр земли как всемирный эталон плодородия. Мне рассказывали, что во время войны немцы пытались вывозить в Германию вагоны с губнинским черноземом. Но тогда не вышло. Сейчас бы продали...

В те, еще близкие времена, когда вся внешняя торговля находилась в руках государства и центр не очень-то поощрял прямые внешнеторговые связи, Губкин пребывал в тиши и покое. Но что тому Богу молиться, который не милует, и зачем слепо подчиняться центру, у которого нет прежней власти. Тем более Губкин почувствовал, что у него есть товар, за который платят хорошие деньги. И вошел во вкус.

Тут есть над чем поразмыслить, но субботний базар уже открывается пороссячим визгом, тяжелым шарканьем шагов, толкотней, матершинкой с утра пораньше, то есть без злобы, а так, исключительно для прочистки горла. Кругом толкотня, качающиеся спины и где-то там, за ними, нежно-ворнующие голоса продавцов. Звуки большого торжища плотно накрывают вас.

В открытом «москвичевском» багажнике на свежей травке лежат чистые поросята. Бабушка, которая торгует ими, разрешает взять любого на руки. Поросенок вывертывается, у него голое щенячье пузо. Он повизгивает, монро тыкается вам в щеку. Сневозь его розовые уши просвечивает солнце и нежная улыбка играет на пятке.

– Не, – говорит серьезный дядечка, по виду мастеровой, с анкуратно сложенным под мышкой мешком. – Низя им имена давать. Потом привыкнешь. Борьна, Фросьяна, руна не подымется. Без имени проще.

– Берите, берите поросеночка, – ласково заглядывая вам в глаза, уговаривает бабушка, – он быстро вырастет, у них мамка обжористая.

Но вы наивно полагаете, что поросенок вам ни к чему, и следуете дальше, туда, где в воротах, на сневозняке, продают автомобильные детали – масляные фильтры, свечи зажигания, тормозные колодки, – бывало, днем с огнем не сыщешь.

Тут же – женские туфли, турецкие дубленки, крышки для консервирования и бюстгальтеры. Их подолгу рассматривают на свет, растягивают, сжимают. А из динамика где-то на крыше гремит: «А я вовсе не колдунья, я любила и люблю...», сбону предлагают вашему вниманию зимние шапки из нутрии, кролика, ондатры, которую так любила наша партноменклатура. Что творилось с этими шапками! Рассказывают, что на весь район спускали всего три шапки, первая шла первому секретарю, вторая – к советской власти, председателю горисполкома, третья, понятно, – начальнику КГБ. Хоть и не сажали уже, но могли... А теперь были б деньги. Продавец шапок пружинистой походкой проходит вдоль шапочного строя с железной расчесочной, демонстрирует качество меха, и ловишь себя на том, что еще каких-нибудь пять лет назад такого быть не могло.

– Развяжите инициативу, – говорит Калашников. – Развяжите, будет все!

Между тем совсем рядом вертлявая узкогубая гражданка по имени Риточка – у нее востренький такой носик и все пальчики унизаны копейечными колечками – ласково окликает вас. Она продает кожаные скрипучие пальто, косухи, куртки с наворотами, с прибабасами. У губкинцев есть деньги, ГОК не задерживает зарплату. И слухи о здешних заработках разносятся далеко по соседним областям.

– Фирма «Нортъе», – говорит Риточка, глядя куда-то в сторону. Ох, и лживые же у нее глаза! Лживые и восторженные. Но вы такой фирмы не знаете, и она устало напоминает без нажима, как интеллигент интеллигенту, который подзабыл то, что, разумеется, знал. – «Нортъе Ла-Манш»... – и вдруг буквально срывается с места. – Дамочка, купите доченьке! Красавице вашей. Ее вещь. Примерьте.

Дамочка останавливается, смотрит буной. Дочка, великовозрастная телка, сопит, оттопырив губу, и тяжело переступает в заляпанных крос-

совнях с ноги на ногу. Ей хочется *свою вещь*. В мгновение она пальто оназывается у нее на плечах. Ломая ногти, Риточка застегивает пуговицы, а что там дальше, вы не успеваете досмотреть, потому что стихия рынка несет вас мимо фанерного киоска с гордым именем «Престин», где предлагается продукция города Белгорода, которая представлена тремя рулонами рубероида, холодильником «Стинол» и мутной хрустальной вазой. Можно заглянуть в комиссионку по соседству и убедиться, что золотые времена комиссионной торговли нанули безвозвратно: богатые покупают новые вещи, бедные ничего не покупают, у них нет денег. Некоторое очивление наблюдается в «Продуктах», где традиционно государство пытается сбить рыночные цены, но безрезультатно. Губнин дожид до того, что покупать на рынке дешевле, чем у государства. Да и нет у государства того мяса, тех яблок, тех помидоров, которые так щедро предлагает рынок. Вы двигаетесь вдоль его прилавков, и вам объясняют, как маленькому, что лучший огурец растет в городе Лермонтове Ставропольского края, а заготавливать помидоры на зиму надобно только в бочках. В банках – ба-лавство.

– Это, извини, другой помидор, – брезгливо роняет ветеран с орденом Отечественной войны на пиджакане без пуговиц. – Бочковой помидор духовитый. Жописстый. Ты его надкусил, и сок брызнет тебе в душу прямо, и ты задыхаешься. Я жене сказал: я твои банки все поразбиваю. Утихла...

Вы слушаете и мотааете на ус. И что бы там ни говорили, а вся наша жизнь – один большой рынок. Я продаю то, что имею, и покупаю то, чего у меня нет. Другого не дано. И общий привет любителям сала.

– Свинна, кабанчик? – спрашивает первый любитель. – Покрытая, непокрытая?

Второй любитель в роли продавца, встрепенувшись, с уважением протягивает кусочек на кончике ножа. Некоторое время идет дегустация – вы свидетель – с причмокиванием, с трепетанием ноздрей, с закрыванием глаз. Появляются, точно сами собой, два стаканчика, зубами вытягивается пробна. Начинается разговор за жизнь, за хозяйство, за Севастополь. Потому что какой же Севастополь украинский город? Это Никита дуран! И что ж вы, холы, независимость свою с обмана начинаете?

Так вы и двигаетесь по рынку, набираясь мудрости, чтоб уже по пути домой сформулировать в непосредственной близости от бессмертного вондя, явно подражая чеканному его стилю, – да здравствует рынок, организатор и вдохновитель всех наших побед! Пусть будущих, но несомненных. Вот построим луновый комбайн, обеспечим село дорогами и компьютерами, вот тогда и победим, но сначала съездим в Сапрыкино.

Деревня Сапрыкино – степная наша расейская глухомань в стороне от большой дорог. Еще недавно всеми забытая, без элентричества совсем, без ясных перспектив на будущее. Все всем до лампочки Ильича. Местная шутна.

Весной и осенью Сапрыкино тонуло в непролазной грязи, так что в район сапрыкинцам приходилось добираться – на хозпартантив или женщина рожает – лучше всего на «Нировце», а потом до трех дней отходить от тряски, запаха дизтоплива и самогона, взятого про запас на всякий дорожный случай. Сапрыкино не разделило счастливой участи при-трассовых хозяйств, куда между делом любило заглядывать районное начальство, чтоб выпить, пощупать девон, что немалованно: отсюда по-казатели.

И перехватывающий дыхание душистый дымон вился над банькой. И свежие венички лежали на полку один к одному – наши березовые, из местных перелесков в начале июня, и мягкие кипарисовые от шамаханской царицы из дружественной Грузии. И квас не магазинный – не надо! – а изюмный, с тмином, щедро так плескали на раскаленную каменку. Душистый пар обволакивал грешное тело, а в доме для приезжих между тем раскидывали сна-терть-самобранну, и председатель робко предлагал, заглядывая в глаза руко-водящего гостя, до дна, и получалось с юмором, что всегда ценилось на зе-мле:

– «За победу коммунизма!», Иван Митрофанович!

Партначальник хмурился, и не сразу, а выждав паузу – что-что, а это они все очень умели для нагнетания обстановки – поправлял:

– За окончательную победу!

И сразу от души отлегалось. Как камень спадал. Пронесло! У нас ведь до-ныне главное – не кто как работает, а кто как угощает.

Сапрыкино в этом смысле не могло предложить ничего достойного ни по меню, ни по части куража, а потому пребывало в бедности, перебиваясь сво-ими силами. Ну вот сдадут, бывало, капусту. Две машины. Орс напишет, что взял на ответственное хранение 10 машин, им что, жалко, что ли? А в ян-варе составляли акт, что вся капуста померзла к такой-то матери. «Форсма-жорные обстоятельства». Забыли про рождественские морозы и от крещен-ских не спаслись. Короче, перебивались, как могли.

Первый раз в Сапрыкино меня привез Борис Афанасьевич Андреев, на редкость душевный человек, исполняющий должность помощника генераль-ного директора. Он у Калашникова вроде как начальник секретариата, или по-военному – ближайший порученец. Есть такая должность, в уставах не оз-наченная.

40 Был солнечный день. С утра в Сапрыкино тишина. Дети – в колледже, взрослые – на фермах. На улице пустынно. С деревьев беззвучно падали жел-тые листья. По обочинам на красных лапах догуливали последние свои де-нечки белые гуси. Возле правления стоял щеголеватый председательский «уазик», и шофер тряпкой, которая еще недавно была десантной тельняш-кой, протирал стекла.

Шофера звали Юркой. Это был парень лет тридцати в расхристанном ар-мейском бушлате, в кепке, из-под которой выбивался нечесанный, но все равно шикарный чуб. От нечего делать Юрка охотно объяснил, что оно, ко-нечно, гусь свинье никак не товарищ. Но в современном раскладе дер-жать гусей выгодно. Утром его покормил, выгнал со двора, дальше он сам добывает себе пищу. Гусь – как тот холодильник, открыл – взял. И по банкам. Получается вроде тушенки. Весной Юркина жена настояла, чтоб они завели бычка, деньги понадобились, то, се, детям надо что-то купить. Осенью сда-ли, веса в нем было четыре центнера, получили полтора миллиона. А сколь-ко фуража пошло? Сколько труда? Подсчитали на свежую голову, никакого резона нет. Гусь же, чего с него взять, ходит себе и ходит, лапами гребет. Не-которые детей щиплют, но редко. У Юркиной бабки гуси были злые, как чер-кесы.

Андреев похвалил здешних гусей, но сказал, что гусяное мясо тяжелое и быстро надоедает.

Сапрыкино никогда не числилось в списках благополучных передови-ков. Все эксперименты, так безжалостно проводимые над нашим сель-ским хозяйством, его не обошли, Сапрыкино то разукрупняли, то опять же объединяли, то велено было сапрыкинцам сеять кукурузу квадратно-

гнездовым способом под снег, а потом безоглядно ориентироваться на производство сахарной свеклы повышенной сахаристости да с каждым годом все круче и круче, так что в конце концов по отчетам получалось, будто копали из-под земли нусковой сахар. Раз процент добавили, два... Все из лучших побуждений. Прокурор приезжал. Страху навел. Колледжа тогда еще не было.

С некоторых пор основным направлением определили овцеводство. Держали 22 тысячи баранов. Это много. Стригли здесь же, у себя. Шерсть тюковали и на «НамАЗах» с ветерном отправляли в Харьнов, тут рядом.

Кроме шерсти, доход давал *потожир* – секретное вещество, которое шло на изготовление тонких смазочных веществ для оборонки. Но оборонка первой легла на бок, оказавшись в полном безденежье. А Украина ввела налог на добавленную стоимость при пересечении своей государственной границы. Наши, глядя на соседей, сделали то же самое, и производить баранину стало невыгодно. Это ж в южных странах, где баран пастется круглый год на душистых лугах, а чуть похолодает, кормится с колес, там от него одни прибыли. У нас же круглый год не получается. Да и к баранине в русском народе отношение традиционно плевое. Нет в ней ни того навара, ни той сытости, как, допустим, в свинине. А насчет дубленок, как задумывалось, лучше не связываться, проще в Турции, у басурман, покупать. Дешевле. Однажды возникли было надежды. Один сапрыкинский малый служил в ФСБ, в Москве, в кремлевской охране, он приезжал на побывку, первым делом заказывал, сделайте мне шашлычок, и в застолье по секрету рассказывал, что все кремлевское начальство – и Коржаков, и Ельцин – предпочитают баранину. В ней нет холестерина или даже есть, но в очень ограниченных количествах. Тут бы надо по-умному рекламную кампанию провести, фантазировали сапрыкинцы. Хорошо бы телевидение подключить. Пусть на «Поле чудес» Янубович снажет: «Баранина – наша вторая молодость!» Рекламная пауза и сапрыкинский пейзаж в дымке, и на душе благодно, будто мост строишь из Питера в Москву, а на мосту лавки с красным товаром, снекеры, марсы... Одна только занавына, отсюда деньги взять на рекламу, если сапрыкинские колхозники 10 (десять!) лет не получали зарплаты, то есть ни рубля за свой, ладно уж непроизводительный, но ведь вложенный труд! И прозябать бы Сапрыкину в своем колхозно-нищенском состоянии по сей день, если бы не открылся вдруг один неожиданный поворот. И надо было всего-то две буквы заменить и стать *подхозом*, то есть подсобным хозяйством при Лебединском горно-обогательном комбинате. Но сначала что же тут началось! Весь председательский корпус заволновался, понаехали в Сапрыкино красные колхозные командиры, активисты крестьянской партии, коммунисты с транспарантами. Вспоминали, какой радостной и зажиточной была колхозная жизнь; вспоминали молодость, агитировали:

- Вас поработить хотят! Рабами сделать!
- Комбинат вас отходами завалит. Им отходы некуда девать. Сионисты!
- Нельзя свою землю в чужие руки отдавать!

Нет, быть рабами сапрыкинцы никак не хотели и отдавать землю свою, не свою – это особый разговор, – за просто так непонятно кому не собирались, и дедушка Елисеев Иван Марнелыч кричал громче всех:

– Нам чужих пряников не надоть! Да здравствует советская власть, как учил товарищ Ленин!

Бабушка его уложила спать, и он затих, а утром задумчивый поехал на базар продавать зеленый лук и вернулся без почина.

В тот сырой и промозглый день, когда мы ехали в Сапрынино на днине «Паджеро», Калашников объяснял сложившуюся ситуацию издали и начал с того, что если бы Генри Форда назначили директором Магнитки, прини́мем такой вариант, он бы на третий день сошел с ума. Ему бы пришлось решать, что рабочим курить, на чем ездить на работу, где жить, как подготовиться к отопительному сезону, когда все трубы перержавели, а у котельной не хватает мощности. И главное – почему в середине квартала, когда все контракты подписаны, деньги распределены, вдруг повышаются цены. Что делать?

Крупное предприятие должно кормить своих рабочих. Так сложилось у нас. Хорошо, плохо – особый разговор.

Анатолий Тимофеевич Калашников человек решительный. Но для полного счастья ему нужна земля. Калашников готов взять ее на любых условиях.

– Я не знаю, чем кормят Бориса Николаевича, – продолжал он, вглядываясь сквозь заляпанное ветровое стекло в серую дождевую муть, – но вот один мудрец говорил когда-то в древности, что когда видишь перед собой пропасть, не надо думать о бездне. Давайте строить мосты.

Лебединский ГОК – многопрофильное предприятие, но мало кто представлял, что по контрактам с зарубежными партнерами здесь построят мини-заводы по производству сыра, колбас, растительного масла, соков, пива... Я видел эти не по-нашему комфортабельные свинарники, где в непривычной чистоте интеллигентного вида свиноматки лежали в тесном окружении своих нежно похрюкивающих поросят; видел коровники, где коровы драгоценных датских пород (на валюту купленные!) живут под постоянным наблюдением умных компьютеров, которые считывают с бирки на коровьих ошейниках, чем кормить, как долго массировать вымя, сколько брать молока у данной особи. В урочный час коровы без всякого принуждения идут на дойку, мокрым носом деловито открывая алюминиевые калитки в узком проходе, чтобы стать под свой доильный аппарат. Именно так.

– Нет, вы только посмотрите, что горняки делают! – восхищался президент Ельцин, когда ему показывали, как решается продовольственная программа комбината. – Нумыс, восемьдесят сортов колбасы, осетры... Оказывается, и у нас в России таное возможно!

В подсобные хозяйства комбинат вкладывает деньги из своей прибыли. Основной его профиль никто не менял. Сейчас строится завод по производству металлизированных брикетов. Его проект получил статус «президентского», речь идет об одном миллионе американских долларов чистой прибыли *ежедневно!* Вот они, масштабы деятельности Лебединского ГОКа. Первая очередь завода должна быть пущена в нынешнем 1997 году, а четвертая – в 2000-м. Надо спешить: в мире на сегодня существует огромный дефицит этого вида сырья. По самым беглым расчетам требуется 27 миллионов тонн, а на рынок поступает лишь 5 миллионов! Вот где открывается перспектива на будущее, о котором надо думать уже сегодня. Иначе пропустишь время. Иначе конкуренты тебя обгонят, и все построенное – храм, коттеджи, дискотек, где принимали президента, всю социальную сферу вообще, включая медицину и помощь пенсионерам, все это трудно будет сохранить в условиях нашего жесточайшего налогообложения при маниакальной ненасытности супермонополистов – энергетиков и железнодорожников. О завтрашнем дне не думают, сегодня надо урвать кусок и в ненасытный рот себе! «Нет, это не наш подход, – говорит Калашников. – Мы пойдем другим путем!» И смеется, закидывая голову. Волосы падают ему на лоб. Есть мнение, что генеральный директор парикмахеру не ходит. Нет времени.

В подхозе «Сапрынино» тоже будут производить высшего качества сыр, подсолнечное масло, которое в любых количествах готова покупать Англия, потому что нет в нем ни следа канцерогенных веществ – отработали технологию! – сосиски, колбасу, восемь сортов чипсов. А из белгородских и курских яблок, от которых челюсти сводит, такие кислые, и которые метровым слоем валялись по осени прямо на земле в заброшенных колхозных садах, выходит великолепный яблочный сок. Уверяют, что в нем содержится богатейший набор витаминов. Купили упаковку в Германии, немцы дали у себя рекламу: «Его пьют дети!» и открыли нашему соку европейскую зеленую улицу. Я видел, как стоят по уши груженные яблоками чувевские, корочанские, старооскольские грузовики, добитые на сельских своих проселках, чтоб сдать душистый груз и разбогатеть. Естественное желание. Лучше быть богатым, чем бедным. Уютней оно как-то.

Тут видится Калашникову историческая аналогия, которой он хочет поделиться. Это во время избирательной кампании 1929 года будущий американский президент Герберт Гувер, к слову, тоже горный инженер, выкинул лозунг: «Намной семье – автомобиль, намное утро намному ребенку – станок сона!» Казалось бы, несравнимые вещи – автомобиль и станок сона, но президентскую кампанию Гувер выиграл, вот и делайте выводы.

Если согласиться, что Лебединский горно-обогатительный комбинат – государство в государстве, не помышляющее о выходе из состава Белгородской области, то обеспечить стананом бесплатного сока намного ребенка – вполне реальная задача. С машинами сложнее. Тут цены явно взвинчены. Одна надежда – рынок исправит положение. Ситуация неестественная. Свой автомобильный завод Калашников строить не собирается, ну его, хлопот не оберешься со сменниками. Зато предоставить намной молодой семье собственный дом по упомянутой уже программе «Нилье для молодежи!» комбинат готов. Все в этом плане отработано: даются долгосрочные ссуды, можно помочь стройматериалами, транспортом, специалистами по строительной части.

Все хорошо, одна неприятность дает себя знать: за время советской власти нашего человека разучили работать. Он отвлечется любит, перекурить, поболтать с соседом, он слишком ценит свободное время. Его надо подтренировать, чтоб вошел в норму.

– Я вот тут приезжаю как-то в Сапрынино, – рассказывает Калашников. – Сарай строят. 20 человек лежат, отдыхают. Гудрон надо растопить, вот они и ждут, когда он растопится. Я к ним с вопросом: «Господа, а что если бы один из вас пришел бы часам к шести и развел огонь?» Они на меня смотрят с любопытством. Молчат. Потом один отвечает: «Не догадались...»

Подготовительные работы – самые неблагодарные, потому что они трудоемкие, а показать нечего. Какие-то колонны торчат, горы щебня, песка, тут же арматура, цемент в мешках, прикрытый полиэтиленом от дождя. Все это не впечатляет. О конечных результатах можно только догадываться. И то с трудом.

Село требует специалистов, которых у него нет, и которых подготовить в своих недрах оно не может. Хорошо, главного механика подобрали у себя. На комбинате. Уговорили. Жена плакала, но ей пообещали чистый воздух и белые грибы прямо у крыльца. Главного энергетика тоже дали из своих, но это, так сказать, руководящий состав. А кто станет к компьютерам на сапрынин-

ской ферме НРС – то есть, крупного рогатого скота? Такой возникает вопрос. Кто будет работать в новых свинарниках, напичканных хитроумной электроникой?

Можно пойти старым, проверенным путем, сделав ставку на тетю Машу, у которой свой приусадебный огород, с которого она и кормится, дом, дети, поросеночек в сарае. И ехать ей некуда. Да и никому она не нужна, не в обиду будь сказано.

Главное, надо понять, что, ориентируясь на тетю Машу, мы делаем свою продукцию слишком дорогой: производительность труда по современным понятиям у нее очень низкая, у нашей труженицы. Даже несмотря на то, что платят ей гораздо меньше, чем следовало бы. Безотказные тети машины руки не могут уняться за доильным аппаратом, за транспортером кормораздатчика, за всеми теми механическими хитростями, которыми оснащено современное массовое производство сельхозпродуктов. Это уже не надо объяснять, это надо принять, как данность раз и навсегда. И вот так рассуждая, Калашников пришел к выводу, что в селе Сапрыкино надобно открыть колледж. Учить молодых наших селян так, как учат в том Миллфилде, это в Объединенном Королевстве, где за 15 тысяч фунтов в год учится русский мальчик Боря, внук президента Ельцина.

Колледж начали строить в самом центре села, рядом со стрелной между двух главных улиц, где монет под серым дождем бетонный монумент, выстроенный неумело, но от чистого сердца, на котором написано бетонными буквами – «Список лиц, погибших в ВОВ 1941–1945 по сапрыкинскому сельскому совету».

Я читаю фамилии погибших и узнаю, что Гольцевых не вернулось 15 человек, Попковых – 6, Елисеевых – 29, Зиновьевых – 34, отцы, сыновья, братья... Кто скажет, в каких краях зарыты их останки...

Колледж – двухэтажное нарядное здание, где есть столярные, слесарные мастерские, где мальчишек учат автоделу, а девочек – кройке и шитью. Где в классе информатики стоят 10 новейших компьютеров, а в зале для танцев зернало, как в Большом театре, во всю стену.

Учителей набирали по конкурсу, заманивая высокой зарплатой и собственным коттеджем. Это целая улица коттеджей. Учительская. Еще до конца не застроенная. Но английский язык здесь уже учат с первого класса. Деревенские ребяташки охотно надевают наушники – как в танке! – и слушают оксфордское произношение, а потом «спикают по-инглишу» на улицах между собой и дома, радуя слегка обалдевших родителей, которые сегодня не могут поддержать разговор со своими детьми, а через каких-нибудь три-четыре года увидят, что не могут управлять своим телевизором, не зная, как обращаться с персональным компьютером.

Всем классом школяры смотрят по виду вестерны со стрельбой без переводчика. А еще они по-взрослому рассуждают о том, что родному Сапрынину вот-вот понадобятся люди, которые смогут заставить работать иностранные инвестиции. Так что Белинского и Гоголя с базара эти ребята вряд ли понесут. Слишком изменилась жизнь.

И по вечерам, если отъехать за околицу, с придорожного увала Сапрыкино предстает все в цветных, уютных огоньках, похожее на большой корабль, который плывет и уплывает в свое виртуальное будущее.

Конечно, это аномалия. Исключение из общих правил нашей жизни. Но исключение умное и счастливое.

- ПАНАСЮН А.Ю. А что у него в подсознании?** 12 уроков по психотехнологии проникновения в подсознание собеседника. – М.: Дело, 1996. – 272 стр. с ил.
- В Раздумьях о России (XIX век).** – М.: Археографический центр, 1996. – 444 стр.
- ВЕРНАДСКИЙ Г.В. Киевская Русь.** Пер. с англ. – М.: АГРАФ, 1996. – 448 стр. – (История России)
- БЬЮВЭЛ Р., ДЖИЛБЕРТ Э. Секреты пирамид:** Секреты пирамид. Созвездие Ориона и фараоны Египта. – М.: Вече, 1996. – 368 стр. – (Великие тайны)
- КРОСС Э.Г. У Темзских берегов:** Россияне в Британии в XVI веке. /Пер. с англ. – СПб.: Академический проект, 1996. – 387 стр. – (Современная западная русистика)
- СУДОПЛАТОВ П.А. Разведка и Кремль:** Записки нежелательного свидетеля. – М.: Гей, 1996. – 510 стр. – (Рассекреченные жизни)
- МАЙБУРД Е.М. Введение в историю экономической мысли:** От пророков до профессоров. – М.: Дело, Вита-Пресс, 1996. – 544 стр.
- О штрафных санкциях за нарушение налогового законодательства:** Практическое пособие. – М.: Экономика и финансы, 1996. – 48 стр. – (Бухгалтерский учет и отчетность предприятий)
- БОГДАНОВ О.А. Трамплин – полет:** Из записок автогонщика. – М.: ИЛБИ, 1996. – 416 стр. с ил.
- УМНЯКОВА Н.П. Как сделать дом теплым:** Справочное пособие. – М.: Стройиздат, 1996. – 368 стр. с ил.
- Домашний уют своими руками.** – /Перевод. – М.: Внешсигма, 1996. – 128 стр. с ил. (Подарочное издание)
- ГАРИБЯН С.А. Мой новый Вавилон:** Словарь ключей запоминания 1300 английских слов. – М.: ИЛБИ, 1996. – 144 стр. с ил.
- БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ Н.Н. Ремесло сатаны:** Роман. – Калуга: Золотая аллея, 1996. 384 стр.
- ДАЛЬ В.И. Пословицы русского народа:** в 3-х томах. – СПб.: Диамант, 1996.
- НОНДАКОВ Б. Иуда из Ясенева:** Роман. – М.: Гей, 1996. – 430 стр. – (Рассекреченные жизни)
- КУЗМИН М.А. Стихотворения.** – СПб.: Академический проект, 1996. – 832 стр. – (Новая библиотека поэта)
- РУБЦОВ Н.М. Осенняя луна:** Книга избранной лирики. – М.: Московский рабочий, 1996. – 176 стр.
- ПИКУЛЬ В.С. Из тупика:** Роман в 2-х книгах. – М.: Голос, 1996. – Кн. 1-я – 528 стр., кн. 2-я – 496 стр.
- ПУШКИН А.С. Борис Годунов:** Трагедия. – СПб.: Академический проект, 1996. – 542 стр. – (Русская классика с комментариями)
- САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН М.Е. Собрание сочинений:** в 3-х томах. – М.: Полигран, 1996.
- Граф Дракула: Вампиры.** Фантастический роман барона Олшвейри. **СТО-НЕР Б. Дракула:** Роман. – /Пер. с англ. – М.: ТЕРРА, 1996. – 464 стр. – (Готический роман)
- МИСИМА Ю. Избранное.** – /Пер. с япон. – М.: ТЕРРА, 1996. – 512 стр. – (Сокровища мировой литературы)
- ПРУС Б. Фараон:** Роман. – /Пер. с польск. – М.: Художественная литература, 1996. – 544 стр.
- ГРУМОНДЗ В.Т. История полетов,** рассказанная для детей. – М.: МАИ, 1996. – 112 стр. с ил.
- Уроки детского творчества.** – /Перевод. – М.: Внешсигма, 1996. – 128 стр. с ил.
- ЧИЖИКОВ В.А. Наше вам с кисточкой!** – М.: Самовар, 1996. – 111 стр. с ил.
- ЛИЕПА М.Э. Я хочу танцевать сто лет.** – М.: Вагриус, 1996. – 236 стр. с ил.
- ДИКНЕНС Ч. Собрание сочинений:** в 3-х томах, 4-х книгах. – /Пер. с англ. – М.: Полигран, 1996
- БАРКАН А.И. Его величество ребенок какой он есть:** Тайны и загадки. – М.: Столетие, 1996. – 368 стр.

СВЕТЛАНА МАГИДСОН

Перстень Зинаиды

*Среди рассеянной Москвы,
При толках виста и бостона,
При бальном лепете молвы
Ты любишь игры Аполлона,
Царица муз и красоты,
Рукою нежной держишь ты
Волишебный скипетр вдохновений,
И над задумчивым челом,
Двойным увенчанным венком,
И вьется и пылает гений...*

А.С. Пушкин
«Княгине З.А. Волконской»

Зинаидой Волконской увлекались, восхищались Гете и Гейне, Мицкевич и Гоголь, Карл Брюллов и Глинка, Вяземский и Баратынский, Денис Давыдов и Чаадаев... Ей посвящены многие стихи, из-за нее рушились судьбы, из-за нее умирали. И не только потому, что это была женщина необыкновенной красоты. Она являлась обладательницей яркого, острого

ума и множества самых разнообразных талантов. Ее низкий грудной голос (контральто) заставлял трепетать не только меломанов, но и великих композиторов, среди которых был и бесподобный Джоакино Россини. Ее ровесник, ее поклонник, он не пропускал ни одного выступления княжны в салонах Турина, где она родилась, в салонах Милана, Венеции... сочинил для нее несколько дивных романсов, а затем выпустил их в свет с посвящением: «Мадам Волконской». Можно ли было сделать приношение лучше, чем это?.. Да, именно княгине Зинаиде Александровне Волконской (1791–1862) и будет посвящен наш рассказ.

В своем роскошном доме-палаццо в вечном городе Риме, где Зинаида Волконская прожила тридцать два года (1830–1862), она устроила колонию для русских художников. Они, приезжая в Рим, подолгу жили у нее.

Хозяйка придумала там нечто вроде салонной мастерской: кто-то рисовал в альбом экспромты, кто-то у мольберта создавал портрет, она и сама в то время увлекалась акварелью, бывала среди художников. Почти все они – Кипренский, Федор Бруни, Иванов, Брюллов – старались красками или карандашом запечатлеть ее. Спускался в гостиную и Николай Васильевич Гоголь, подолгу живший в Италии и любивший работать на вилле княгини, открывал свою «заветную тетрадь» и писал. Кажется, ему здесь хорошо работалось, что было немаловажно для его нервной природы, он писал тогда «Мертвые души». Гоголю нравилась Волконская: он восхищался ее красотой, ее художнической натурой.

Римская вилла Волконской в первой половине XIX века была центром культурной жизни Европы. Там царила русская Муза, обладавшая дивной способностью притягивать к себе сердца, влиять на умы, таланты, соединять одинокие души творцов. Волконская, царица салона, была магнитом, к которому притягивались великие таланты Европы. Попробуйте собрать вместе Гейне и Дюма, Мицкевича и Вяземского, Шиманскую и Глинку, Гоголя и Жуковского, – нет, такого, кроме нее, никому не удавалось.

Она намечала линии русского дружества, она соединяла (часто даже и не желая этого) судьбы выдающихся людей. В ее салоне встретились Каролина Павлова (тогда Яниш) и Адам Мицкевич. Пусть судьбы их не соединились, но любовь Каролины была так велика, что она умерла с его именем на устах. Да и встреча с Николаем Филипповичем Павловым, будущим мужем Каролины, первым переводчиком Бальзака, произошла тоже в салоне Волконской.

Такова была сила ее духовного и душевного притяжения. Тайное желание человека она могла сделать явным. Так, Гоголь, живя в Италии, скучал по долгой русской беседе, мечтал о встрече с Жуковским, но боялся даже думать о том, чтобы посмотреть в глаза, добрые, чуть раскосые, Василия Андреевича... как вдруг увидел его на вилле Волконской. Они не расставались несколько дней, Гоголь знакомил поэта с Римом, они вместе рисовали. Жуковский подарил эти ри-

сунки Волконской, сейчас они в США, в Гарварде, где находится весь архив княгини. Вернее то, что осталось от огромного собрания рукописей, книг, автографов, картин, рисунков, писем, нот... Наследники Волконской, испытывая нужду, продавали бесценные документы, картины и книги кому придется, распыляя по свету редчайшую коллекцию.

Приехав из Европы в Россию, Зинаида Волконская решила обосноваться в Санкт-Петербурге, где жили ее родственники по мужу – Волконские-Репнины. Но «важный господин Петербург» своей чопорностью и великосветской холодностью оттолкнул ее, хотя Зинаида Волконская открыто выражала свое сочувствие и свою дружественность декабристским организациям – Союзу Спасения, Союзу Благоденствия. Вот был бы исторический курьез, если б княгиня Волконская сделалась декабристкой! А это обязательно случилось бы, останься она в Петербурге. Но она неожиданно уехала в Москву.

Мать Зинаиды умерла, когда ей не было и года, а случилось это в Турине; впоследствии ее отец, князь Ал.М. Белосельский-Белозерский, женился вторично. И так уж получилось, что жена его оказалась одной из самых богатых женщин России. Но и первая супруга князя Варвара Яковлевна Татищева, мать Зинаиды, была примечательной и яркой личностью. Кто в Европе не знал тогда выдающегося русского историка Татищева, ее отца?!

Приехав в Москву, Волконская поселилась в доме своей мачехи А.Г. Белосельской-Белозерской, урожденной Козицкой, в том самом доме, что на Тверской рядом со Страстным монастырем. Сегодня в этом доме расположены магазин купца Елисеева и музей Николая Островского. Именно в этом роскошном особняке, имеющем давнюю историю, открыла З. Волконская свой знаменитый салон. Он просуществовал всего пять лет (1824–1829), но, как и парижский салон мадам Рекамье, где собирались великие писатели, вошел в историю европейской культуры. В московском салоне Волконской беседовали, спорили, музицировали, пели самые замечательные люди России; здесь бывали Пушкин и Мицкевич, посвящавшие хозяйке стихи, книги (например, «Цыганы», «Крымские сонеты»); Вяземский и Баратынский, дарившие княгине стихотворные экспромты, мадригалы, эссе, воспевавшие ее неповторимый образ, стиль ее салона; Чаадаев и Погодин, ораторствовавшие у нее по понедельникам на «академических обедах», писавшие статьи об этих удивительных «литературных собраниях». Ведь для каждого «обеда» заранее выбиралась серьезная историко-литературная тема, выступали знатоки, профессора университета, писатели, философы: Николай Сандунов, Николай Надеждин, Степан Шевырев, знаменитые братья Киреевские, Михаил Загоскин, Николай Павлов, Михаил Чистяков... Но все же царила в салоне, даже на «обедах», сама Волконская. Она читала отрывки из своих произведений – и как читала! – дикция, жест, обрисовка характера каждого действующего лица были беспо-

добны. Недаром Волконская брала уроки дикции и актерского искусства у знаменитой французской актрисы Маро. Сам Михаил Щепкин восхищался актерским талантом и красотой Волконской. Уж если она начинала говорить или читать на «обедах», то умолкали все, даже Петр Чаадаев. Не могли мужчины устоять перед красотой и обаянием ума этой великой женщины.

Важной персоной в салоне на Тверской был итальянский художник, скульптор, гравер Микеланджело Барбиери. Приехал он в Москву по просьбе прекрасной княгини. Он не мог без нее жить, а она не могла без него обойтись, ведь он все умел: учил ее сына греческому, итальянскому, латыни, расписывал стены ее Театра, на сцене которого и «певал с нею», лепил плафоны и оборудовал стены гостиной украшениями из терракоты, создал интерьер столовой для «Литературных обедов», обставлял знаменитую «Греческую комнату» на верхнем этаже. Все материалы для этих «салонных затей» он сам привозил из Италии, Греции... Можно ли было все это делать, не будучи влюбленным в прекрасную княгиню? Вряд ли... Он слушал ее шаги, то удалявшиеся, то приближавшиеся, словно это была музыка.

Ежедневно бывал в салоне Волконской и молодой поэт, похожий на Аполлона, — Дмитрий Веневитинов (1805–1827). Он без памяти влюбился в прекрасную княгиню, но... взаимными чувствами управляет небо. А оно не было милостиво к поэту. Итак, мы назвали имя второго героя нашего рассказа.

Обычно сдержанный, светский, умеющий владеть собой, он, приходя в салон, менялся: пламень чувств усиливался почти катастрофически. Среди множества лиц в салонных собраниях он видел только лицо Волконской.

Какие бурные и сладостные начались для него дни, вечера... Она встречала его в легком черном платье, длинном и пышном. Чуть вздрагивал ее шарф, подчеркивающий изящество фигуры. Она легко и непринужденно двигалась, а он мог часами следить за ней, ждать, когда она пройдет мимо него, сопровождаемая запахом жасмина. Губы ее улыбались, а большие глаза были печальны. О, эта лукавая прелесть утонченной женщины... К тому же обладавшей поистине художественным кокетством. Какой водоворот чувств это вызывало. Да, Дмитрий Веневитинов, прекрасный поэт, музыкант, критик, художник, переводчик, свободно владевший шестью языками, ежедневно общаясь с Зинаидой Волконской, испытывал в течение трех лет все нюансы истинной влюбленности.

Встречая его, улыбаясь, поцеловав в лоб, она исчезала... От этого пламень чувств усиливался. Он видел, как она шла, почти не касаясь пола, встречать красавца-итальянца Риччи, который стал ее партнером в операх. Ревновал ли Дмитрий Веневитинов к нему княгиню? Вероятно. Но русский красавец, умница, подлинный символ воплощения в человеке художника — Дмитрий Веневитинов старался жить по законам искусства. Для него единственно реальным миром (конечно,

в философском смысле, а Веневитинов окончил философский факультет Московского университета) был мир искусства. Да и вся жизнь княгини, которую занимали только «игры Аполлона», была подчинена искусству и красоте. Поэтому молодой философ отгонял от себя мысли о ревности. Тем более что в салоне, в этом «волшебном своднике», прекрасная княгиня и красавец-поэт близко общались, готовя совместные концерты, придумывая программы «Литературных обедов»... Вот здесь и проявилось знание Волконской литературы, истории, музыки. Недаром ведь ее, единственную женщину, избрали почетным членом «Общества любителей российской словесности». Поэтому и назвал ее Пушкин «царицей муз и красоты».

Сколько великих людей приезжало на Тверскую... Это была главная улица Москвы, здесь когда-то селилась высшая знать. А с открытием салона Волконской Тверская стала улицей, наполненной светской суетой, духом аристократии. Среди красивых женщин, съезжавшихся к ней в дом, она была самой обольстительной. И это понимали все мужчины. Ее умение быть обворожительной заставляло краснеть даже Александра Сергеевича Пушкина. Он постоянно бывал в салоне, но относился к Волконской с тем почтением, которое не позволяло ему влюбиться в эту женщину. Она же осыпала комплиментами великого поэта. По приезде из Михайловского в Москву, осенью 1826 года, Александр Сергеевич был сразу принят в салоне Волконской. Она приготовила ему изысканный подарок: исполнила романс Геништы на его стихи «Погасло дневное светило...» А когда на время Пушкин должен был уехать снова в Михайловское, княгиня в обольстительных письмах звала его обратно: «Великий русский поэт должен писать или в степях, или под сенью Кремля, и автор «Бориса Годунова» принадлежит городу царей».

Светская забота о том, чтобы постоянно нравиться, нравиться так, как никто, превратили ее жизнь в непрерывное кокетство. Но этого требовал от Волконской ее салон, равного которому не было в России. В жертву престижа салона она бросала все, даже мнение о салоне правительства, Бенкендорфа, царя Николая Павловича... А вот мнение его брата — Александра Павловича ей в свое время было очень дорого.

Александр I был ее страстным поклонником, в его свите она ездила по Европе, а он бывал на всех ее концертах.

Но все же власти и даже генерал-губернатор, живший рядом с домом Волконской, с неохотой замечали большие сборы гостей в салоне. Кажется, это не очень нравилось и полиции, которая наблюдала за поведением и образом мыслей хозяйки знаменитого салона. Фон-Фон, директор канцелярии Третьего отделения, доносил Бенкендорфу: «Между дамами самые непримиримые и всегда готовые разорвать на части правительство — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат средоточием всех недовольных; и нет брани злее той, которую они извергают на правительство и его слуг».

52

В салоне Волконской, этом свободном дворце Искусств, был театр, где она иногда давала в высшей степени примечательные концерты. Здесь певали романсы Булахов, Алябьев, Мельгунов, граф Миньето Риччи, обладавший великолепным голосом и писавший, как и русские композиторы, романсы для прекрасной Зинаиды. Он был влюблен в нее без памяти и даже бросил ради нее русскую жену, тоже известную певицу, композитора Екатерину Лунину. Выступала здесь и великая синьора Каталони, примадонна Ла Скала, имя которой Пушкин написал рядом с именем Волконской в стихотворении «Среди рассеянной Москвы...» Волконская ставила в своем Театре «итальянские оперы»: «Танкред», «Итальянка в Алжире», «Золушка» любимого ею Россини; ставила Моцарта, «Дон-Жуана», «Волшебную флейту», свою колдовскую «Жанну д'Арк»... Музыку и либретто «Жанны» Волконская написала сама, издав даже эту «музыкальную драму» отдельной книжкой. Декорации, костюмы, сценографию «Жанны» осуществил вездесущий, легкий, бесконечно талантливый и, естественно, влюбленный в княгиню Микеланджело Барбери. Ему приходилось надевать маску, скрывая свою мучительную страсть, а лучше сказать, прикрывая ее иронией. То, чего не умел делать Дмитрий Веневитинов. Сердце поэта разрывалось, как он сам сказал, «от рыдающей любви». Да, он, поэт-философ, полюбил эту женщину глубоко, полюбил со всем пылом юности. Этот пыл горячил в нем не только кровь, но и воображение; счастливая беззаботность жизни, свобода сердца уходили... Он не знал до сей поры страстного нетерпения любовника, ожидающего возлюбленную. Теперь он жил минутными воспоминаниями о ее жестах, походке, словах, пении. А оно сводило его с ума.

*Волшебница! Как сладко пела ты
Про дивную страну очарованья,
Про жаркую отчизну красоты!*

Ее концерты, оперы, музыкальные вечера были для него и счастьем, и несчастьем.

*Зачем, зачем так сладко пела ты?
Зачем и я внимал тебе так жадно
И с уст твоих, певица красоты,
Пил яд мечты и страсти безотрадной?*

Все, кто знал Дмитрия Веневитинова, не мог не восхищаться им. Его классическая красота, обаяние, воспитанность, блеск красноречия, сама жизнь его, похожая на произведение искусства, удивляли. Ведь все это как бы не укладывалось в обычные (даже для крупной личности) рамки. Но... Она не ответила на его большое чувство. Хотя... и подогревала его на огоньке художественной интимности. Ему невозможно было не полюбить ее, потому что это были натуры родственные, созданные друг для друга. Казалось, что само небо

послало в дар ему эту женщину. И в этом была «тайна». Ведь у них было, было какое-то взаимопонимание, вспышка... Но с некоторых пор он ощущал одиночество, отчуждение. Он менялся в своей всевозрастающей печали. Она стала центром его поэтического притяжения.

Конечно, любовь облагораживает сердце, но безответное чувство ведет к гибели, обвалу души. В своих письмах он постоянно говорит о смерти, о самоубийстве. Его мать, его брат крайне встревожены, видя в его молчании, в его судорожных улыбках, чуть скользящих по губам, огромную душевную муку.

Сердце женщины, которым поэт так дорожил, даже более, чем свой жизнью, сердце, которое он в течение трех лет просто боготворил, это сердце отдалялось от него... Он не мог, как ни старался, проникнуть в тайну существования любимой женщины, но чувствовал силу необъяснимого рока.

К чему любить, к чему жить, если та, которую боготворишь, которой отдаешь сердце, жизнь, да и все, что есть дорогого на свете, отдаляется... Можно ли, думал он, любить друг друга в такой данности?..

Веневитинов погружался в философию Платона, Канта, Шеллинга... Поэта привлекали мысли этих философов о великой миссии человека, которому предстоит заняться самоусовершенствованием, самопознанием. Эти идеи Веневитинова отразились в его произведениях: «Анаксагор. Беседы Платона», «Письмо к графине NN», в романе «Владимир Паренский» (не закончен). Это глубокие философские раздумья, которые еще не прочитаны сегодня.

Двадцатилетний Веневитинов, восприняв философские идеи немецких романтиков, поверил, что поэт есть избранник небес, отмеченный «печатью власти на челе». Он ощущал себя «сыном богов», возвышающимся над толпой «непосвященных». Когда он появлялся в обществе, на него все сразу обращали внимание. Уже его патрицианская внешность, гордо вскинутая голова Аполлона, руки необычайной красоты, изысканная манера одеваться, его божественное красноречие, когда слова переливаются, перекатываются, как крупный жемчуг, его жест, похожий на жест танцовщика, — все говорило об его избранничестве. Поэтому ему и трудно было понять, почему не отвечает взаимностью на его чувства «царица муз и красоты». Ведь Веневитинов видел в искусстве (статья «Скульптура, живопись и музыка») источник любви к людям, к человечеству. Поэтому все таланты, коими обладала Волконская, он обожествлял, считая, что они вдвоем придут к «высшей мудрости». Мысли поэта переходили от немецких философов-романистов к Данте, он перечитывал его «Vita Nuova», «Божественную комедию», стремясь постичь их зашифрованный смысл. Вслушиваясь в дивные терцины великого флорентийца, Веневитинов старался раскрыть его духовный облик, понять его неземную любовь к Беатриче. В этот сияющий образ Возлюбленной «сурового Данте» молодой поэт вглядывался не случайно,

как бы видя в нем живые черты любимой им женщины. Зинаида Волконская силой его воображения превращалась в эту благороднейшую Донну, в этот «движущий дух» («spiritus movens») жизни. И Веневитинову, пожалуй, как никому другому, было понятно, почему Данте свою возлюбленную Беатриче сравнивает с образом Богоматери. Веневитинов не расставался с «ветхим Данте», который помогал ему понять философский смысл любви, «сокрытый под странными стихами». Теперь в его письмах доминирует тема роковой любви, несущей смерть. Любовь для него вдруг стала сочетаться со «сладчайшей смертью». А ведь это навеял ему Данте в «Vita Nuova»:

*И я обрел смирение в страданье,
Когда узрел те кроткие черты, —
И рек: «О смерть! Как сладостна ты стала...»*

«Любовь, — писал Данте, — мятежная, разрушительная, губительная сила, даже «камень словно взывает в великом страхе» к тому, что «любовь несет гибель, грозит смертью». Какие странные сближения — в отрочестве и Зинаида Волконская с упоением читала канцоны и терцины Данте. Она мечтала о такой «неземной любви». Мечтала... Позже она интересовалась историей создания образа Беатриче, выяснила, что это реальное лицо, дочь Фолько Портинари, флорентийского гвельфа, занимавшего важный пост в родном городе Данте. Имя «Беатриче» (Beatrice) — подлинное; в итальянском оно означает «благодатная». Мадмуазель Зинаида видела в этом какое-то знамение, связанное с ее жизнью. Она даже ездила во Флоренцию, к которой Данте до конца дней своих сохранил любовь. О, эта «желанная, вероломная, низкая, долгожданная» Флоренция... Зинаида Волконская и Дмитрий Веневитинов — это ли не русские Беатриче и Данте?..

Нет, она не сидела у постели умирающего Веневитинова, не держала его руки, не дрожала, ощущая все печали его сердца... он умер в Санкт-Петербурге, куда его перевел всеильный канцлер Нессельроде, вероятно, чтобы разлучить с вольнодумной Волконской. Ведь весь царственный Петербург знал, что Веневитинов готов был выполнить любую ее просьбу (пусть даже политически опасную!). Ведь выполнил он желание княгини проводить к ссыльному мужу в Сибирь Екатерину Трубецкую. Подумать только, изнеженный «сын богов» садится в кибитку и едет тысячи верст по ссыльному тракту вместе с молодым французом Воше, библиотекарем графа Лавалля, отца Екатерины, в Нерчинские рудники, оберегая в пути печальную жену-мученицу. А при въезде в Петербург Веневитинова и Воше арестовали. И хотя пребывание поэта на гауптвахте было кратковременным, оно надорвало его душу. Подавленность, растерянность долго не покидали его. Но если бы Зинаида Волконская вновь попросила его выполнить какое-нибудь ее поручение — он сделал бы это обяза-

тельно. Как могли разминуться эти двое, созданные друг для друга?

Любовь сожгла его... Но до последней минуты он продолжал исследовать непроницаемые глубины ее сердца. Ему казалось, что в нем созрели, задолго до их появления на свет, скрытые чувства. Это постоянное и волнующее «расследование» приводило к тому, что все силы его души были в отчаянном напряжении. Это заставляло его писать стихи. И слава Богу, потому что они сделали его бессмертным. Они остались жить среди людей.

Но внутри себя он ощущал странное желание смерти, он ощущал отзвуки сетований влюбленного Данте. И зарождалось желание раздаться со всеми страданиями, тоской, одиночеством, ревностью.

За образом Зинаиды, впечатавшемся в его сознание навсегда, Веневитинов стал постоянно видеть другой образ — мужчины. Нет, это не был ее муж. Он знал, что Никита Григорьевич Волконский живет в Петербурге. Что они, светские люди, великолепно соблюдают эту «жизнь врозь». А мужчина?.. Да, он был, граф Риччи. Красавец-флорентиец, поэт, музыкант, певец. Какое странное совпадение: граф, писавший Зинаиде Волконской «безумные стихи» о любви, был родом из Флоренции. Их роман был в полном разгаре. И хотя доподлинно Веневитинов не мог знать об этом, сердце его содрогалось. Он уже не мог знать, что в 1828 году граф Миньято Риччи с большим трудом разошелся с женой, Екатериной Луниной; не мог знать, что итальянец покинул Россию и навсегда уехал в Италию... Что отовсюду писал страстные письма княгине, повествовавшие о его «безумной любви». Любовь к Зинаиде Волконской прошла через всю жизнь Риччи. Собственно, он и умер на ее вилле в Риме.

Эта вилла Волконской в Риме, где она жила после отъезда из России весной 1829 года, сегодня разрушается. Запущен сад, в древней стене которого сохранился грот Гоголя. Отсюда начинается аллея «Воспоминаний», по обеим сторонам которой в зарослях травы и плюща расположены урны, плиты, бесценные памятники, которые постепенно разрушает время. Уже нет и памятника Веневитинову, он исчез бесследно. Словно кто-то хочет, чтобы начисто стерлась память об этом удивительном юноше.

В тридцатые годы нашего века Донское кладбище, где был похоронен поэт, сравнивали с землей. Так бы и не узнали могилу Веневитинова, если бы не необычный перстень на его руке, который когда-то подарила поэту Зинаида Волконская. Он был, по преданию, найден три тысячи лет назад во время раскопок в Геркулануме. Она сама надела перстень на палец поэта, сказав, что он будет охранять его. Но ему страстно хотелось остаться с княгиней наедине. И услышать совсем другие слова. И иначе провести это прощание. Душа Веневитинова, ощущавшая всепоглощающую Любовь, познала и «блаженство и безнадежность...» Но как дерзнуть открыть ей свое чувство? Стихами, решает он. На другой день Дм. Веневитинов,

перед самым отъездом в Петербург, ответил на ее подарок стихотворением «К моему перстню»:

*Ты был открыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой.
Но не любовь теперь тобою
Благословила пламень вечной
И над тобой в тоске сердечной
Святой обет произнесла:
Нет! Дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.*

Как видим, сердце поэта уже почти и не жило, страдая, сокрушаясь, изнемогая, погибая... Ведь после этого трагического прощания он прожил всего несколько месяцев.

Нет сомнений, что причиной его преждевременной смерти было сильное потрясение, связанное с Зинаидой Волконской. В любовных элегиях, коих осталось довольно много, Веневитинов рассказывал о тяжести и невыносимости неразделенной любви, о невозможности и недостижимости счастья. О высоте платонических чувств... И о мистическом браке... господи, прекрасный юноша угас, не испытав даже вкуса поцелуя. Угас гений, любовь для которого была и жизнью, и дыханием, и вдохновением.

А перстень, найденный в могиле, снова был предан могильной пыли. Какое трагическое пророчество! С перстнем Веневитинов не расставался никогда: ни на этом, ни на том свете. Это ли не странно-мистическое свидетельство бессмертия Любви?..

Как могли разминуться эти двое, созданные друг для друга? Любовь сожгла его, но и она, опаленная этой трагической любовью, бежала из России, обосновалась в Риме, думая, что природа, искусство, архитектура, величественные соборы Италии исцелят ее душу. Но этого не произошло: она все более погружалась в мистицизм, мрачнела, неистово молилась. Приняла католичество. Стала затворницей. Судьба и с ней сыграла злую шутку.

Высшее счастье в жизни — это уверенность в том, что вас любят; любят ради вас самих, вернее сказать — любят вопреки вам.

Виктор Гюго

Я твой колоколец-бубенец,
отзовусь на каждое касанье,
разгоняя утренний свинец,
золотыми звякну волосами,
пропою короткое: "Пора!",
не влагая горестного смысла
в то, что мы дожили до утра
и совсем изжили наши числа...
Пять минут судьбы – к лицу лицом,
пять секунд судьбы, но телом – к телу!..
Золотым залетным бубенцом
по твоей душе я пролетела,
но – кто знает? – может, над крыльцом
в доме, где и так всего в избытке,
я когда-то стану бубенцом –
певчим наваждением на нитке...

Не вольная птица – жена – не девица,
мне мужнее имя марафть не годится...
Спи, мой богоданный! Пускай не приснится
тебе золотая воровка-куница...
Я шапочку кунью на брови надвину –
спи, мой богоданный! Спи, мой чужевинный! –
сапожки сниму, и босой до порога
легонышко пройду, половицей не дрогнув...
А утром меня призовешь ты к ответу:
– Что ножки как лед? Или бегала где-то?..
Отвечу, горящие губы кусая:
– Напиться вставала... бежала босая...

...Не стоит войны и труда
плетенье словесного хлама...
Опять на носу холода...
Опять оступенья от срама...
И как не держись молодцом,
придется тайком раскумекать,
что пахнет летальным концом –
ни света, так века.
Бумага – забава котят...
Разборки: "а мы бы!" – "а вы бы!"
...Теряя чешуйки летят
в ночи кистеперые рыбы...
Живем ожиданьем Суда,
себя посторонние жалея...
Вот так. На носу холода.
И век Водолея.

РОССИЯ БЕЗ КРЫЛЬЕВ?

- МиГ-31 – самолет-легенда.. Расскажите, как создавался этот истребитель-перехватчик?

– Тогда, в начале семидесятых были задействованы десятки тысяч специалистов, около 500 предприятий; десятки конструкторских организаций, исследовательских институтов; более ста стендов для натурных испытаний, где проверялись различные характеристики элементов самолета, двигателя, оборудования... У нас в стране в те годы с вычислительной техникой было

еще слабовато, но МиГ-31 имел прекрасную бортовую вычислительную аппаратуру – его радиолокационная станция могла “засечь” десятки объектов и вести за ними наблюдение. Истребитель был готов атаковать (одновременно!) всеми имеющимися ракетами цели, летящие практически у земли и до высоты 30 километров. И парк таких вот машин позволил создать защитный рубеж со стороны Северного Ледовитого океана. Они действовали в группах, прикрывая фронт в несколь-

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА:

Его имя было засекречено – так же, как его дело... Доктор технических наук, профессор Константин Константинович ВАСИЛЬЧЕНКО работал Главным конструктором ОКБ имени Микояна. Под его руководством разработан и запущен в серийное производство один из самых выдающихся боевых самолетов нашего времени – истребитель-перехватчик МиГ-31. Васильченко удостоен Ленинской премии и звания Героя Социалистического Труда. Последнее десятилетие Васильченко возглавлял Летно-исследовательский институт им. М. Громова (ЛИИ).

но тысяч километров. Во время боевого дежурства самолеты взлетали за Уралом, доходили до Северного полюса. Они, выполняя различные маневры, могли передавать обнаруженные цели с одного самолета на другой... Насколько мне известно, истребитель-перехватчик с такими возможностями, как у МиГ-31, до сих пор нет ни в одной стране мира.

...У американцев в то время был самолет SR-71. Он летал на большой скорости и на большой высоте. У не-

го не было оружия, но "штатники" могли поугадать, "пощекотать нервы", проверить готовность нашей противовоздушной обороны. Так вот эти "игры" сразу же прекратились, как только в боевых частях ПВО появился МиГ-31. У него потолок до 30 километров и летал он со скоростью 3000 километров в час. Ясное дело, кто кого, при таком раскладе, запугать может... Конечно, лишь госказ мог обеспечить финансирование, реализацию этого проекта.

– Ну, а в Соединенных Штатах в подобных случаях обходятся без госзаказа?

– Американский конгресс ежегодно принимает бюджет, где заложены статьи расходов на военные цели. Соответствующие комитеты конгресса вносят на рассмотрение проекты перспективных разработок – нужен, например, самолет такого типа, с какими-то характеристиками. Каждая фирма разрабатывает и строит свой самолет, тщательно скрывая всю информацию от конкурентов. Результат работы представляется только в последний момент, к проведению совместных оценочных испытаний машин разных производителей. Что-то отбирается для внедрения в серию, а все остальное... Можно представить, в каком убытке оказывается фирма, не прошедшая такой отборочный конкурс. Например, в свое время не прошел в американские ВВС большой транспортный самолет фирмы "Боинг". Фирма сумела вовремя сделать из него пассажирский лайнер – теперь всем известный "Боинг-747". Если бы не это, "Боинг" мог просто разориться... Я неоднократно слышал в Америке и от военных и гражданских специалистов, и от высокопоставленных чиновников добрые слова о нашей системе госзаказа. И при этом собеседники с сожалением говорили о том, что они очень много денег тратят впустую. Они прекрасно поняли: госзаказ дает твердые гарантии в таком необычайно объемном и затратном производстве, как авиастроение, и сводит финансовый риск до минимума...

– Но теперь-то госзаказа нет. И что?

– А ничего... мы не создаем ничего нового. В свое время стали строить модификации МиГ-31. Был, например, создан вариант, оснащенный ракетой, которая могла выводить на орбиту спутники. Однако все новшества существуют сегодня только на бумаге...

Был самолет, задуманный как новый истребитель-перехватчик. Судь-

ба его печальна: самолет уже несколько лет стоит в ангаре и не сделал ни одного полета – для него до сих пор нет двигателей...

– Вспоминается печальная судьба орбитального корабля многоразового использования "Буран". Единственный его экземпляр стоит ныне среди аттракционов в Центральном парке культуры и отдыха...

– Лет двенадцать назад, когда я был начальником Летно-исследовательского института, там начались работы по "Бурану". Корабль делали по самолетной схеме, поэтому он был законным "клиентом" ЛИИ. В 60–70-е годы существовала исследовательская программа, целью которой являлся запуск в космос беспилотных объектов. Космические модели выполняли суборбитальные полеты, тормозились, приводнялись или приземлялись в расчетных точках. Накопленный опыт пригодился при создании "Бурана". Многочисленные эксперименты на его копиях помогли успешно решить и одну из главных проблем – автоматическую посадку корабля. Летящие лаборатории отрабатывали сотни посадок без вмешательства пилотов.

Первый и единственный испытательный полет "Бурана" по орбите вокруг Земли в ноябре 1988 года подтвердил правильность всех технических решений. Мне посчастливилось быть тогда на Байконуре. Корабль прилетел из космоса и совершил беспилотную посадку в автоматическом режиме. Точность приземления была поразительная – это все равно, что с крыши десятиэтажного дома попасть в спичечный коробок. Американцы такого и представить себе не могли...

Ну, а потом – перестройка, экономический хаос. Работы по "Бурану" застопорились. Хотя в 91-му году все еще планировались два полета. Первый замышлялся как беспилотный; второй предполагался с экипажем. Но... Теперь, увы, можно только констатировать: программа "Бу-

ран" была звездным часом советской авиации и космонавтики.

– *“Обкатать” новую машину, довести ее до серийного выпуска – дело сложное и... случается, опасное. Не так ли, Константин Константинович?*

– Новый самолет рождается как? Идея, задание, конструкторские решения, опытный образец и, наконец, запуск “в серию”. Я говорю, понятно, упрощенно, схематично. Так вот, между опытным образцом и “серией” – главная фигура – летчик-испытатель. Артем Иванович Микоян особо нежно, с любовью относился к испытателям. Он-то уж знал: именно летчики-испытатели своим опытом, знаниями, чутьем, мужеством доводят машину “до ума”, работая на предельных режимах. Они расплачиваются за это здоровьем, нервами, а порой и жизнью...

– *И такие ЧП есть на вашей памяти?*

– Увы... Владимир Нефедов, Олег Гуднов, Александр Федотов, Миша Комаров – прекрасные люди, великолепные летчики – погибли во время полетов... Федотов, в 1984 году это было, испытывал опытный образец одной из “миононовских” машин. И надо же, в воздухе отказал указатель расхода топлива. То есть летчик по прибору видит, что топлива все меньше и меньше, а на самом деле его полно. Федотов решил приземляться как можно быстрее, думал: горючее на исходе. Резко сманеврировал – машина попала в штопор, а в банках – 15 тонн! Ну, и... До сих пор сердце болит, когда это вспоминаю. Позже мы нашу школу летчиков-испытателей, которую основал еще Михаил Михайлович Громов, назвали именем Саши Федотова.

– *А что с Михаилом Комаровым произошло?*

– Молодой парень, перспективный испытатель, он “обкатывал” МиГ-23, образец с изменяемой геометрией крыла. И вот, помню, в сентябре это было [семидесятый год. – Ю.Н.], погода тихая, светлая... Зада-

ние такое – испытать машину на боевое применение. Ну, дело обычное. И все бы нормально было. Но по трагической случайности в системе жизнеобеспечения летчика вместо кислорода “залили” азот. Комаров должен был выйти на предельную скорость, а потом резко снижаться... Тут контроль и контроль нужен. А азот, что пошел в маску, “опьянил” летчика. Он впал прямо-таки в эйфорию. Его с земли запрашивают: “Как дела”? А он чуть ли не поет: “Нормально!!!” И – потерял сознание...

Светлая память этим людям. Без них не было бы новых самолетов, авиации нашей – боевой и гражданской. Ведь как бы прекрасно ни вели себя узлы, конструкции, приборы на стендах – истинная их надежность подтверждается только в полете, в воздухе. Там машину испытатель “раскручивает” до предела возможного. Там, образно говоря, и ставится знак качества, “личное клеймо” НБ.

– *Ну, а с МиГ-31 не было никаких неприятностей, ЧП?*

– Бог миловал... Все прошло довольно гладко. Неполадки, сбои, шероховатости убирали на стендах. Вообще, надо сказать, работа с этой машиной была “ювелирная”...

– *Отойдем немного “в сторону”... Почему, Константин Константинович, вы пришли именно в авиацию?*

– Мальчишки моего поколения в предвоенные годы буквально бредили небом, самолетами... В 1943 году я поступил в МАИ на самолетный факультет. После четвертого курса стал работать в ОКБ Микояна техником, а после окончания института перешел туда на инженерную работу.

Управление знаменитой впоследствии на весь мир фирмы помещалось тогда в двухэтажном здании. Здесь было все: и кабинеты Микояна и Гуревича, и зал для конструкторов, и несколько комнат, где работали “расчетчики”, “прочности”, “аэродинамики”... Все было скромно, ни-

чего лишнего, а ведь в это время проходил летные испытания реактивный истребитель МиГ-15 со стреловидным крылом – уникальнейшая машина!

– Тот самый истребитель, который в свое время был одним из лучших, если не лучшим в мире?

– Более десяти лет этот самолет (и его модификация МиГ-17) был основным истребителем ВВС Советской Армии и армий соцстран. Он отлично показал себя в Корее в 1950 году...

– Каким видится вам будущее российской боевой авиации?

– Многое тут зависит от того, как будет складываться политическая ситуация в мире... Я как-то беседовал с одним крупным специалистом НАСА. Он мне говорит: "Вы поставили нас в очень сложное положение, прекратив развивать боевую авиацию и космонавтику. У нас в НАСА безработица увеличилась в 2 раза, сократился объем поисковых работ и научных исследований". А действительно, с кем бороться-то? Хорошо известно, что техника всегда находится на пике своего развития, когда существует межгосударственное противостояние.

– А что происходит в гражданской авиации?.. По мнению ряда специалистов, к 2000 году у нас обветшает и потребует замены до 80 процентов всего парка пассажирских самолетов... "Аэрофлот" решил закупить 10 американских пассажирских самолетов, как говорится, не от хорошей жизни отечественного самолетостроения...

– Приобретаются 10 самолетов "Боинг-737" на замену ушедшему "Ту-134". Такое количество, понятно, не решит проблему воздушных перевозок... Но дело даже не в этом. Самолеты эти – б/у (бывшие в употреблении). Что это значит? Предположим, на покупку такого самолета вы тратите условно 100 миллионов. Но ведь в стоимость не входит техобслуживание с привле-

чением специалистов, знающих этот самолет, переобучение пилотов, приобретение запчастей... А ведь все это стоит денег, и вам придется заплатить еще не раз по 100 миллионов, чтобы ваш авиалайнер летал надежно. Я твердо уверен: прежде всего нужно заботиться о выгоде собственного государства... Мне на "Боинге-737" приходилось летать. Чем он может сильно превосходить наши самолеты такого же класса? С технической стороны – ничем особенным. Эта машина 20-летней давности. И даже если нам придется обновлять не 80 процентов парка, а половину или хотя бы треть, мы просто не в состоянии отыскать тех запредельных сумм, которые потребуются для закупки и содержания такого количества самолетов. Да и цели у нас должны быть совершенно другие. Россия ведь пока не Бурунди и не Новая Гвинея! Сегодня мы еще имеем мощное, хорошо оснащенное авиационное производство. Наши заводы еще способны строить самолеты, производить оборудование, двигатели... Но что получается?

Государство фантически бросило крупнейшую отрасль на произвол судьбы. У авиастроителей нет заказов. А ведь заказчиком мог бы стать тот же "Аэрофлот"... Компания является (в том числе) и собственностью государства, и кому, как не ей, подержать государственные интересы, вложив деньги в развитие отечественного авиатранспорта.

– В последние годы много говорят о том, что можно продавать нашу авиационную продукцию за рубежом. При этом утверждают: если на наши пассажирские лайнеры поставить американские двигатели, менее шумные и более экономичные, повысив к тому же комфортность в салоне, то эти самолеты успешно пройдут сертификацию и выйдут на мировой рынок...

– Сертификация довольно щепетливое дело: позиция государст-

ва-сертификатора направлена на защиту собственного производителя – это в первую очередь относится к США. И можете быть уверены, что американцы обязательно найдут какую-либо зацепку, чтобы не выдать нам сертификат... Так что питать иллюзии, будто в один прекрасный день они вдруг начнут способствовать реализации российской техники на мировом рынке, нет никаких оснований... С 1991 года в России выдан ряд сертификатов на право использования у нас американских авиасредств. Между тем наши самолеты не получили ни одного сертификата от FAA – Федерального авиационного агентства США.

– *Кстати, есть предложение ставить на аэробусы "Ил-96" двигатели известной моторостроительной фирмы "Пратт-Уитни", пока пермские моторы ПС-90 не доведены до должной кондиции...*

– И снова хорошо будет только американцам. Ну и, вероятно, тем нашим "деятелям", которые проталкивают эту инициативу в жизнь. Фирмы США, производящие двигатели, и так живут без особых проблем. А теперь за наш счет будут обеспечены дополнительными заказами и немалыми деньгами. У российских "двигателистов" положение станет еще хуже. До доводки наших изделий руки уже просто не дойдут. Да и вообще – кто будет этим заниматься...

– *Еще не так давно ЛНИИ, где вы были начальником почти 10 лет, считался институтом секретным и... привилегированным. Как ему живется сейчас?*

– Напомню сперва, чем он занимается: более полувека – исследованиями в области военной и гражданской авиации; в конце пятидесятых годов появляется новая область – космическая... Летчики-исследователи работали в воздухе, специалисты готовили программы исследований, получали и обраба-

тывали результаты. Можно без преувеличения сказать, что через институт проходили летательные аппараты чуть ли не всех видов и типов.

Здесь создали летно-испытательные станции (ЛИСы) многих конструкторских бюро – Туполева, Миокояна, Сухого, Яковлева... Их специалисты получали возможность участвовать в работах как на своих "фирмах", так и в ЛИИ. Ведь и я начинал свою инженерную работу на ЛИСе ОКБ Миокояна там же, в городе Жуковском... Для развития авиации такие исследования жизненно необходимы. Особое место занимали так называемые опережающие исследования – изучение "того, чего еще нет".

Помню, у нас были самые невероятные конструкции. Например, летающая платформа – "турболет". Кабина, реактивные двигатели, газовые рули... А крыльев и хвостового оперения – нет. И она летала! Был аппарат, прозванный "Анакондой". Он имел длиннющий фюзеляж и очень маленький размах крыла. Был не менее экзотический самолет ОКБ Яковлева с ромбовидным крылом... На этих экспериментальных образцах проверялись новые подходы, новые идеи.

Сегодня какая-либо исследовательская работа сведена до минимума. Зарплату сотрудникам постоянно и подолгу задерживают. Но люди пона на летную полосу не ложатся, в пинеты не встают – терпят... На что живут? Торгуют – это у нас теперь одно из самых почетных "занятий". Рыночные отношения в самом прямом смысле осваивают инженеры, доктора и кандидаты наук. Да и сам уникальный институт тоже превратился в коммерческое предприятие. Служебные строения и ангары – в складские помещения, таможенные пункты... Все время возят какие-то грузы, совершают полеты в дальние страны с единственной целью – заработать деньги.

- А что с летающими лабораториями, о которых вы говорили?

- Вся эта техника почти не используется... А между тем на предпоследней авиационной выставке в Фарнборо наша летающая лаборатория для испытания силовых установок на базе самолета "Ил-76" вызвала немалый интерес у зарубежных специалистов. Обсуждался даже вопрос использования этих ЛЛ иностранными фирмами.

- На Западе таких нет?

- Для фирмы иметь ЛЛ - очень накладно. Для организации, которая опирается на поддержку государства (как это всегда было у нас), испытание тех же двигателей разных фирм на базе летающих лабораторий - вполне реальная вещь... Интерес к российской летающей лаборатории у наших западных коллег возник неспроста - они умеют считать деньги! Вот характерный пример. Сверхзвуковой пассажирский самолет у нас по разным причинам решили не строить. А для американцев он актуален. Когда стало ясно, что "Нонкорд" себя исчерпал, фирма "Боинг" разработала СПС - сверхзвуковой пассажирский самолет. Это машина с большой вместимостью, с большими возможностями. И тогда американские "фирмачи" договорились использовать в качестве летающей лаборатории для изучения аэродинамики крыла и снятия целого ряда других характеристик наш Ту-144. Его восстановили, поставили американские двигатели и в начале ноября он совершил первый пробный полет...

Вот так наши отечественные идеи, "наработни", в конечном счете, работают на реализацию чужих проектов. Ну, не обидно ли?!

...Отечественное авиастроение сегодня подвергается нещадному разрушению не только из-за нехватки денег, не только от того, что вынуждены уходить великодушные ученые и инженеры, но - из-за низкой компетентности некоторых нынешних руко-

водителей авиапромышленности. Авиация является очень сложным и разноплановым производством. Необходимо объединение усилий огромного количества смежников. Здесь требуется профессионально грамотная координация. Если уж человек не разбирается в том, чем "заведует", то он завалит любое дело - и малое, и большое, государственное.

Лишь один пример... Когда-то "Спейс Шатл" с вертикальным взлетом считался достижением. Потом оказалось, что могут быть и другие варианты. Например, старт в носок с самолета-носителя. В ОКБ имени Антонова спроектировали такой самолет, а в НПО "Молния" разработали для него космический аппарат. Старт в космос возможен был прямо с аэродрома! Такой аппарат взлетает с полосы по-самолетному, разгоняется в атмосфере тоже по-самолетному. В стратосфере должен включаться переходный двигатель - он уже не атмосферный, но еще не ракетный. Потом, уже для выхода на орбиту, пускались ракетные двигатели. Система эта должна была сочетать в себе несколько типов двигателей. И подобная работа могла бы, без сомнения, быть реализована. Однако она разделила судьбу программы "Буран"...

- Если топчутся на месте передовые, престижные отрасли, это фактически отставание. Конкуренты ждать нас не будут..

- Сейчас многие руководители авиационных заводов, производственных объединений, проектных организаций в результате копейной приватизации стали их безраздельными хозяевами. Что может произвести такое предприятие, когда "хозяин" соблюдает только свой шкурный интерес?! Если какие-то авиазаводы и собирают самолеты - военные или пассажирские - то их количество мизерно... Иногда мы узнаем о создании новых моделей самолетов и вертолетов. Это могут быть очень хорошие машины, да радо-

ваться нечему. То, что нам показывают, – единичные экземпляры. До серии – дело не дойдет...

– Выходит, положение в отечественной авиации сегодня почти безнадежно?

– Во-первых, уже ясно: без государственной помощи (и финансовой, и политической) не обойтись. Во-вторых: помощь эта должна быть сфокусирована на нескольких самых важных направлениях. Необходимо всеми силами "держаться на плаву" ныне работающие авиапредприятия, КБ, эксплуатационные системы. Далее: возобновить фундаментальные исследования, выбрав (на конкурсной основе) самые перспективные программы. Тут не следует ждать мгновенной отдачи – надо просчитывать на два-три хода вперед. Без "задела" мы снова станем барахтаться в болоте сиюминутных решений. Не отказываясь ни в коем случае от частного, коммерческого капитала, инвестирования, основной финансовый груз все же обязано взять на себя государство. Пусть это не "живые деньги", а, к примеру, льготные кредиты, льготное налогообложение, таможенные послабления... Нужно незамедлительно упорядочить запущенную иностранной авиатехники: как только мы перешагнем в этом деле допустимую черту и окажемся в зависимости от импортера-производителя, на отечественном самолетостроении можно ставить крест. В лучшем случае наши заводы, КБ, полигоны превратятся в огромную слабоуправляемую ремонтную базу...

Многочисленные АО, совместные предприятия – а это раздробленность авиастроения – лишь осложняют и без того трудное положение нашей авиации. Смотрите: крупнейшие мировые фирмы "Боинг" и "Дуглас" недавно объединились (и финансово, и "умами"), мы же, наоборот, идем в "кустарщину"... Я бы мог перечислить еще немало важного, нужного, безотлагательного для воз-

рождения российского авиастроения. Но, думаю, не стоит утомлять читателя – это разговор для специалистов. Ну, а нам, как гражданам России, следует очень четко понять: авиация – крылья Отечества – не только поэтический, красивый образ. Это та проза, та реальность, без которой невозможна современная нормальная жизнь. И чем слабее эти самые крылья, тем больше в нашей жизни "черных ящиков"...

– Константин Константинович, давайте представим, что появилась возможность вернуться к большой конструкторской деятельности. Как бы вы к этому отнеслись?

– Сейчас стал модным вопрос: "Наково ваше хобби?" Если бы вы спросили меня об этом, я бы ответил: "Работа". У меня и сейчас ее много. Я, например, не один год являюсь членом президиума ВАНа – Высшего аттестационного комитета Российской Федерации.

Через комитет этот проходит большое количество диссертаций, в частности в области техники. Могу с удовлетворением отметить: многие работы представляют практический интерес и научную ценность. Это говорит о том, что в любые самые нелегкие времена талантливые люди идут путем поисков и открытий. И самое отрадное, что такие люди есть. Я считаю своим долгом всецело поддерживать их, потому что сегодня они являются надеждой, а завтра станут опорой нашей науки, которая, будем надеяться, не погибнет.

– А может, у вас действительно есть какое-нибудь "домашнее увлечение"?

– У меня хорошая семья, дачный участок, где я порой становлюсь "фермером"... У нас живут кот Тихон и кошка Ньюш. Это мои друзья... Они всегда первыми слышат, как приходит лифт, и встречают меня у входной двери...

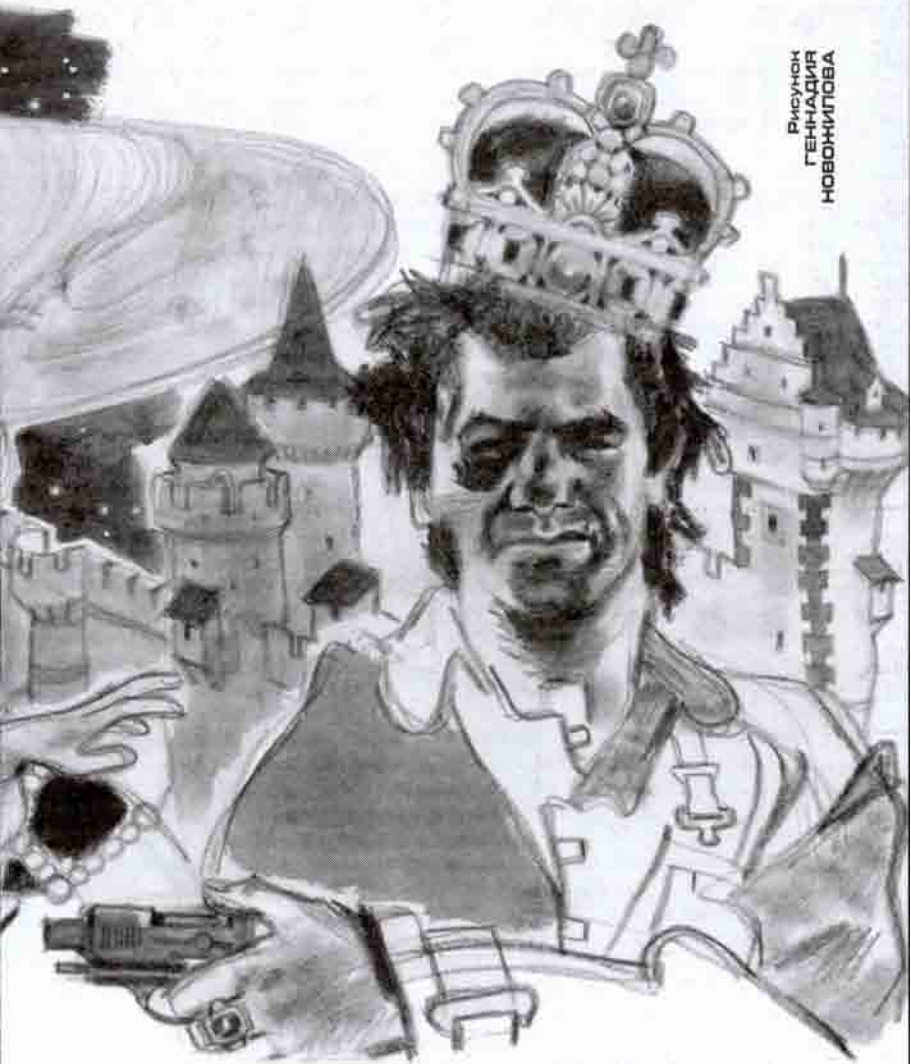
**Беседу вел ЮРИЙ НАМИНСКИЙ.
Фото СЕРГЕЯ ПАШКОВСКОГО**

ВЛАДИМИР ТРАПЕЗНИКОВ

Планета раз

Рисунки
ГЕННАДИЯ
НОВОНИКОВА

Впечатления

Сигнал вызова запищал, как всегда, не вовремя. Я чертыхнулся, наскоро дожевывая, поплелся в комнату и нажал кнопку ответчика. Экран засветился.

– Вам кого? Никого нет дома, – скороговоркой промямлил я, плюхаясь в кресло.

– Мне того, кого нет, – то есть тебя. Приятного аппетита.

С экрана глядела лукавая физиономия Рики.

– Спасибо, спасибо... Но меня действительно нет. Ты меня не застала. Я еще не пришел.

– Жаль... Так хотелось первой сообщить приятную новость.

Но не вещать же в пустоту. Поговорим позже.

Я оторвался от спинки кресла.

– Валяй, сообщай. Я уже здесь.

– Ничего не понимаю! Ты есть или тебя нет? Ладно, слушай. Завтра с полудня мы с тобой в отпуске. На целых десять дней.

– Не понял. Голова плохо варит от усталости. Ты шутишь?

– Это правда, Вет. Но с утра тебя ждет...

– Понятно, – перебил я. – С этого надо было начинать. Сколько раз учил: сначала кислотину, а потом сахар! Что еще ему от меня нужно? И так работы хватает. Зря радуешься. Вот увидишь: завтра я получу новое задание, выполнять которое мы будем под видом отпускников.

– Ну что ты сразу так? Я уверена – все гораздо проще: решил дать нам отдохнуть.

– А вызывает зачем?

– Ну, не знаю. Может, хочет посоветоваться с тобой перед отъездом.

– Как же! Ладно, разберемся. А вообще-то это здорово – по крайней мере сменим обстановку. Собирай чемодан!

– Кстати, куда полетим?

– Понятия не имею. Думаю, после утреннего визита это прояснится.

– Ты невыносим, заладил опять свое. Ладно, отдыхай. До завтра.

– Привет...

Экран потух.

Я машинально жевал бутерброд и не чувствовал его вкуса. Доброта начальства не давала покоя. Что бы это значило? Отпуска я не просил. Рика, насколько знаю, – тоже.

Думать надоело. Вообще, я считаю, много думать вредно, особенно над тем, что завтра и так станет ясно.

“Утро вечера мудренее”, – посетила меня древняя мудрость, и я лег спать.

Как ни странно, Рика оказалась права.

Бэр Рош Найд, наш шеф, встретил меня любезной улыбкой и, усадив в кресло, подтвердил все, что я от нее услышал. Нам был предоставлен самый настоящий краткосрочный отпуск. Ни о каком задании не было и речи.

Готовый самым решительным образом отнекиваться от любой новой работы, я был несказанно удивлен.

– Простите, но мне сейчас не до отпуска, – наконец решился возразить я. – Да и не просил я о нем. Вам ли не знать, сколько у меня работы?

– Все отложите до своего возвращения. А сейчас собирайтесь и по-старайтесь хорошенько отдохнуть. Вот билеты на лайнер – я попытался учесть ваши желания.

– Интересно, какие?

– Помнится, вы хотели побывать на Салге. Билеты туда. Один ваш, а второй передайте, пожалуйста, Марике Афи. Она тоже в отпуске и не прочь позагорать под лучами Веги. – Глаза шефа весело блеснули. – У меня все. Забирайте Марику и торопитесь – отлет через три часа.

Никогда прежде не замечал я за шефом такой отеческой заботы о сотрудниках. И вот на тебе... Совершенно сбитый с толку, я вышел и нос к носу столкнулся с Рикой.

– Ну что? Получил задание?

Я отрицательно помотал головой.

– А я что говорила? Так куда летим?

– На Салгу. Шеф билеты вручил.

– Отлично! – Рика запрыгала. – И когда?

– Через три часа. Дуй домой, собирайся. Опаздывать нельзя.

Чмокнув меня, она убежала.

Салга – это действительно здорово! Я люблю ее с детства. С тех самых пор, когда маленьким мальчиком впервые оказался на ней с родителями, взявшими меня с собой в отпуск. Салга – это ослепительно голубая Вега, буйство необыкновенной растительности, прозрачное, теплое море, а главное – дух полной свободы, присущий только Салге. Что там говорить – курортная планета! Еще Салга – это Морис. Морис Квис. Друг детства. Сколько мы с ним не виделись? Лет десять? Нет, больше. Отличный был парень. Интересно, какой он сейчас? Ведь стал большим ученым...

И все же я пытался понять, почему на меня свалилось такое счастье. Станный отпуск...

После сутолоки космопорта и предлетных волнений было приятно развалиться в кресле и, потягивая ледяной сок, вполглаза смотреть какую-то развлекательную программу по бортовой трансляции. Общая усталость, загадочная чехарда последних суток повергли меня в полусонное состояние, и тело с удовольствием предавалось приятно ничегонеделанию. Целые сутки такого состояния сулил полет, и это радовало.

Рика плескалась в ванне. Смотреть программу надоело.

– Старуха, ты не утонула? – спросил я.

– Пока нет, а что?

– Выходи, посиди со мной. Мне скучно.

– А чем тебя развлечь?

– Придумай что-нибудь.

Дверь ванной хлопнула у меня за спиной.

– Не оборачивайся, я не одета.

– Была охота – шевелиться лень.

– Тоже мне – ленивый супермен!

– Супермен я только на работе, а сейчас – отпускной лодырь.

– Ничего, я тебя расшевелю.

Она села в кресло напротив, взяла со столика стакан и отпила глоток.

– Знаешь, а шеф молодец! По-моему, он специально отправил нас вместе, чтобы я тебя окончательно окружила. Пора брать инициативу в свои руки – ты, видно, никогда не решишься сделать мне предложение.

– Почему? Когда-нибудь решусь... Вот только разберусь с делами и выплюсь хорошенько.

– Болтун! Этого никогда не будет.

Она подошла и села на подлокотник моего кресла.

– Так ты не хочешь шевелиться?

– Не-а.

– Ладно!

Ледяной сок мгновенно перекочевал из стакана за ворот моей рубашки. Рика отпрыгнула раньше, чем я успел ее поймать.

– Ну, погоди!

Я прыгнул, стараясь ухватить край ее туники, но она оказалась проворней и, надев мне на голову подушку, отскочила в сторону. Второй прыжок оказался еще менее удачным. Не рассчитав, я оттолкнулся сильнее, чем следовало, и распластался бы по стене, не окажись в этом месте дверь каюты. Автомат успел сработать, дверь открылась, и я вылетел в коридор, сбив с ног стюарда с подносом. Душ из всевозможных холодных напитков привел меня в чувство. Самым вежливым образом принеся извинения ошалелому глядящему на меня служителю, я вернулся в каюту и притворился ушибленным. Я громко охал и стонал, пока не разжалобил эту разбойницу, умиравшую от хохота. Мы долго целовались.

– Все! Расширенную программу безобразий отложим на ночь. А теперь одевайся, – скомандовал я. – Пойдем в ресторан, посмотрим, кого нам Бог послал в попутчики.

В ресторане было неожиданно тихо. Мы сели за свободный столик и включили светильник.

– Хорошо!

– Ты о чем? – Рика оторвала взгляд от меню.

– О тишине.

Подошла официантка. Я сделал заказ и спросил:

– Скажите, у вас всегда так?

– Что именно?

– Грохота нет.

– В это время – да.

– Тихий час?

– Если хотите, – девушка улыбнулась. – Танцевальная программа после десяти.

– А что здесь танцуют?

– Приходите – увидите.

Наша беседа, во всяком случае с моей стороны, сопровождалась заинтересованным взглядом

– Что это ты к ней пристал? – сладким голосом спросила Рика, когда официантка отошла.

– А что? По-моему, она очень даже ничего...

– Твой вкус оставляет желать лучшего!

– А вдруг, глядя на тебя, она подумала то же самое?

– Ты глуп, как... – она запнулась, подыскивая сравнение.

— Вы позволите? — Около нашего столика стоял среднего роста коленастый мужчина, примерно моего возраста, с добродушной улыбкой на круглом лице.

Мы позволили. Незнакомец сел и углубился в меню. Рика изображала обиду и сосредоточенно изучала кончики ногтей. Под столом я легонько толкнул ее колено и шмыгнул носом. Она украдкой показала мне язык.

— Так на чем ты остановилась? Твои сравнения меня очень забавляют. — Я развлекался на всю катушку, зная, что на людях это ничем не грозит.

Ногу я успел отдернуть, и под столом раздался легкий стук каблучка об пол.

— Я сравнивала загар на Салге с загаром на Земле. Почему-то на Земле у меня всегда проступают веснушки...

— Да что вы говорите? Я страдаю тем же, — незнакомец неуклюже встрял в разговор. — Особенно досадно, что они проступают на ушах!

Я удивленно поднял глаза на эту святую простоту и тут понял, что ошибся. Секунду спустя мы все трое весело смеялись. Да, ситуацию он оценил быстро.

— Позвольте представиться, Вильс Торн, климатолог. На Салгу лечу в творческий отпуск.

— Вет Ник, искусствовед; Марика Афи, математик. Просто в отпуск.

— На Салгу, как я понял, не впервые?

— Нет, но давно там не был. Честно говоря, предпочитаю более дикие места. Поддался на уговоры Рики...

— Не пожалеете. Уверен, что найдете для себя массу интересно. Я не встречал человека, недовольного отпуском, проведенным на Салге.

— Боюсь, буду первым. Люблю на некоторое время лишаться общества себе подобных...

Торн хотел что-то сказать, но моя любящая подруга не смогла прикусить язык:

— Вы не можете себе представить, какой он дикарь в душе. Дай ему волю — он всех низвергнет в первобытное состояние, а все искусство сведет к танцам под тамтамы. Я не шучу. Кто бы знал, каких трудов мне стоит удерживать его в рамках цивилизованного поведения...

Климатолог улыбнулся. Доверительно наклонившись ко мне, он громким шепотом сообщил, что на Салге я непременно получу возможность самовыразиться в любом приятном моему сердцу начинии.

— И даже в каннибализме? — простодушно спросил я.

— Обязательно, если вам этого хочется.

— Что вы такое говорите? Вет, мне будет страшно с тобой.

— Это твое дело, дорогая. Ты сама подбила меня лететь на эту чудесную планету. И теперь я очень тебе благодарен. Наконец-то уголю свою природную кровожадность!

За нашим столом было весело. Торн оказался острым на язык собеседником, которого ничто не могло загнать в тупик.

После подачи очередного блюда наступила пауза, и Рика спросила:

— Кстати, Вильс, а почему вы сказали, что направляетесь в творческий отпуск? Это что, шутка?

– Что вы! Хотите верить, хотите нет – сушая правда. Знаете, именно на Салге во время всевозможных игр и развлечений у меня возникают самые интересные идеи, которых потом хватает на долгое время работы. Так сказать, совмещаю приятное с полезным: отлично отдыхаю и привожу с собой целый багаж мыслей. И не я один! Многие мои высокоученые приятели говорят то же самое. Есть даже такие, которые обосновались на Салге крепко и живут там безвыездно. Я, увы, этого позволить себе не могу, потому что моя работа связана с различными экспериментами, требующими разъездов. Видимо, дух игры, положительные эмоции благотворно влияют на работу мысли.

– Как интересно. – Рика слушала, разинув рот. – Я на себе этого не испытывала.

– Обязательно испытаете, бьюсь об заклад. Когда вы были на Салге последний раз?

– Давно.

– Вы не узнаете планету. Теперь там есть аттракционы, отвечающие любым вкусам. Развлечения развиваются стремительно.

– А чем вы занимаетесь, если не секрет? – поинтересовался я.

– Не секрет. От вас никаких секретов. Я и мои коллеги замаяхнулись смоделировать климат Пэлы. Знаете, такая небольшая планета системы Проциона. Мы хотим установить некоторые связи и практически попытаемся изменить ее природные условия.

– Пэла? Почему она? Безжизненная планетка, страна пыльных бурь, дикой жары и страшного холода. Для чего вы стараетесь? Неужели мало нерешенных проблем на Земле? Не лучше ли заниматься ими?

– На Земле все давным-давно ясно... – Торн что-то прикинул в уме. – А если что и не ясно, то легко разрешимо. Улучшение климата там – дело техники. А Пэла, как вы верно подметили, планета контрастов. Задачи там куда увлекательнее!

– Может быть... Но все-таки мне кажется, что земные дела важнее.

– Фу, какой ты приземленный, – высокомерно бросила Рика. – Я отлично вас понимаю, Вильс. Фундаментальные задачи несравненно интереснее частных.

– Благодарю. Найти поддержку в лице такой очаровательной женщины – истинное удовольствие.

– Бедный искусствовед ничего не понимает в науке, – со смиренным видом произнес я. – Вам, ученым мужам, видней.

– Не огорчайтесь. Рядом с такой женщиной вы постигнете все! Прошу прощения, мне пора. Я и так надолго нарушил ваше уединение.

Торн встал, галантно поклонился Рике, пожал мне руку и направился к выходу. Я взглянул на Рику, и мне показалось, что она чем-то недовольна.

Было раннее утро, когда мы вышли из здания космопорта и направились к стоянке гравилетов. Мой старый друг Морис Квис, с которым я связался сразу по прибытии, ждал нас у себя. Я погрузил вещи, помог сесть Рике и, устроившись сам, ввел в бортовой компьютер шифр дома Мориса. Машина плавно оторвалась от площадки и стала набирать высоту, одновременно забирая на юг. Минут десять спустя

мы уже летели над Долиной снов, где изумрудная зелень леса и бледно-голубой фон неба радовали глаз. Кое-где среди деревьев попадались поляны с рядами небольших домиков – центры развлечений. Тогда включался бортовой компьютер, на все лады расписывая и расхваливая аттракционы, которые может предоставить данный центр.

Рика заблокировала информатор и повернулась ко мне.

– Ничего нового, Вет, все это было и раньше. О чем же говорил Торн?

– Не знаю. Я на самом деле не любитель иллюзорных приключений и не очень в них разбираюсь. Предпочитаю естественные...

Наконец гравилет пошел на снижение, и мы разглядели на берегу небольшой реки одинокий белый дом с площадкой на крыше. Встречал нас сам хозяин, приветственно махая рукой. Всю одежду ему заменили белые шорты. Не успел гравилет опуститься, как я оказался в объятиях друга. Если не считать загара, Морис совсем не изменился за десять лет нашей разлуки.

– Вет, чертяка, неужели это ты?! – он буквально вынул меня из кабины.

– Вроде я, а что, не узнал?

– Как же, тебя не узнаешь – все та же хитрющая рожа. Здорово!

Он согнул руку в локте и раскрыл ладонь. Это было наше старое приветствие. Я сделал то же самое, и наши ладони сжались.

– Здорово, Морис! Глядя на тебя, можно подумать, что ты только что с ветки. Похоже, совсем одичал.

– Погоди. Побудешь здесь месячишко – станешь таким же. О! Кто это с тобой? – Морис метнулся к кабине и предложил руку выходящей Рике. – Приветствую вас в своих апартаментах. Морис Квис, с вашего позволения, абориген, – он церемонно поклонился.

– Марика Афи, – произнесла Рика и как-то растерянно улыбнулась.

Не выпуская ее руки, Морис обернулся ко мне и сделал страшное лицо.

– Злодей! Почему ты не предупредил меня, что едешь с дамой, я бы подготовился к приему.

– Ничего. Я хотел показать ей аборигена в естественном виде. Рад, что удалось.

– Я еще с тобой посчитаюсь!

Он подхватил наш багаж, отпустил гравилет и направился к лесенке, ведущей с площадки в дом. Мы последовали за ним.

– Вот твоя конура, – он кивнул головой на дверь, – вещи в наказание будешь заносить сам. А вам, Марика, я придумаю что-нибудь получше. Идемте.

Оставив мой чемодан в холле, они свернули в коридор.

“Ай да Морис, ай да абориген – умыкнул невесту и даже рта не дал ей раскрыть. Оперативно! – Я потянулся так, что хрустнули плечи. – Посмотрим конуру”.

Комната оказалась маленькой и уютной. Бросив в угол чемодан, я развалился в кресле и уставился в окно. Прямо под ним плескалась река, к самому берегу которой подступали деревья. Захотелось искупаться.

“А почему бы и нет, ведь я в отпуске!”

Не раздумывая долго, я переоделся и пошел искать компанию.

– Хозяин! Где ты? – позвал я прямо из холла.

– Иди сюда, ты мне поможешь.

Одна из полупрозрачных дверей сдвинулась, и я увидел Мориса, с озабоченным видом ковырявшегося в каком-то автомате.

– Есть шанс остаться без обеда: кухонный автомат сошел с ума, – пояснил он.

– Симптомы? – поинтересовался я.

– Смотри! Я заказываю сок тогу, – он быстро набрал по памяти шифр, – а получаю...

– Подгоревшую яичницу, – именно ее я извлек из распахнувшихся шторок в стене. – Слушай, а что будет, если заказать, скажем, черепаховый суп?

– То же самое, – он уныло указал мне на стол, где уже стояло несколько шедевров кулинарии, точных копий того, что я держал в руках.

– Да, твой повар не балует разнообразием. А что ты хочешь от меня? Боюсь, кулинар из меня еще хуже.

– Не сомневаюсь. Я надеялся, ты что-то смыслишь в этих ящиках.

– Куда мне. Я служитель искусств. С тебя весь спрос – ты ученый. Ознакомься с какой-нибудь инструкцией, разберись и почини эту глупую машину.

– Твои ценные советы очень кстати. Была бы инструкция... – Мой друг явно пригорюнился. – Придется отправиться в ресторан.

– Почему пахнет горелым? – Рика вошла в кухню и покосилась на нашу стряпню. – Ждете еще гостей?

– С чего вы взяли? – Морису было явно неловко.

– Здесь пять порций, только чего – не пойму.

– Это яичница, дорогая, – охотно разъяснил я.

– Да?

– Не удивляйся, она в национальном аборигенском исполнении. Морис приготовил ее собственноручно. Это традиционное блюдо, которое подают здесь самым дорогим гостям. По порции каждому и две на добавку. Так принято.

Взгляд хозяина был красноречивее слов.

Очаровательная гостья бесстрашно подошла к сумасшедшему повару и уверенно открыла боковую дверцу. Там горели какие-то огоньки.

– Дайте карту шифров.

– Вот, возьмите, – засуетился Морис.

Глядя в карту, Рика несколько раз пробежала пальцами по клавишам управления. Огоньки замигали и загорелись в новой комбинации. Нажав дважды на какую-то кнопку, моя подруга дождалась света красной лампы над пультом и после этого вновь набрала какой-то шифр.

– Напиток из цветов лимеллы, – объявила она и один за другим извлекла три запотевших стакана.

Мы не могли даже разинуть рты.

– Пейте, – она засмеялась. – Кажется, я спасла всех от голодной смерти. Дайте сюда почетное блюдо.

Но аборигенского национального и след простыл. Я уверен, что посрамленный хозяин просто выбросил его в окно. Мужественно и хладнокровно. Все пять порций.

– Ну, а теперь купаться. Ты же это хотел предложить нам, Вет. Я было удивился ее пронизательности, но тут заметил, что сжимаю под мышкой полотенце.

– Конечно. Пошли, Морис. Твоя река зовет нас.

Мы обедали на открытой веранде, укрытые от жарких лучей голубой звезды зеленой крышей из вьющихся растений. Дом стоял на высоком, обрывистом берегу, а вокруг, насколько хватало глаз, простирался лес, рассеченный долиной реки. В воздухе было разлитое жаркое марево летнего дня. Пахло цветами, травой. На все лады жужжали насекомые. Полный покой и умиротворение. Мы вспоминали наши детские проказы, общих знакомых, кто кем стал. Кому-то завидовали, о ком-то сожалели... Два друга встретились после долгой разлуки – иначе не бывает.

– Понимаю тебя. Не жизнь, а сказка. – Я оставил тарелку и вытер губы. – Только по логике вещей поселиться здесь должен был я, а не ты.

– Почему? – спросил Морис.

– Потому что я, в отличие от тебя, всегда был прописным лодырем. А ты трудяга. Тебя всегда тянуло туда, где жизнь кипит, где много нерешенного.

– Ошибаешься, Вет. Именно здесь я работаю как нигде. И насчет покоя – тоже неверно. Наши аборигены скучать не дадут. Все время подкидывают новые идеи.

– Я знаю, аборигенов здесь немало, но, честно говоря, я всегда рассматривал их как праздных бездельников, родственных мне по духу.

– Сразу видно, что ты нечастый гость на Салге. Да, это планета развлечений, но развлечения развлечениям рознь. Для одних – приятное времяпрепровождение, для других – работа мысли и источник творческого вдохновения. Кстати, я в себе открыл это совершенно неожиданно, когда всерьез втянулся в некоторые игры.

– Поразительно! То же самое говорил один климатолог, наш попутчик на Салгу, помнишь, Вет? Он еще сожалел, что не может осесть здесь насовсем.

– Его зовут Вильс Торн, – уточнил я.

– Как же, знаю! – откликнулся Морис. – Веселый малый. Значит, он прилетел?

– Вместе с нами.

– Вот кто действительно фанатик! Когда попадает на Салгу, только и делает, что играет...

– Слушай, а что он затевает с Пэлой?

– Ты в курсе? Интереснейший эксперимент! Глобальное изменение климата. По его просьбе я проверял некоторые расчеты.

– Ну и как?

– Все сошлось. Его модель замечательно работает. Два-три небольших штриха, и последние трудности будут сняты. Можно приступать к осуществлению проекта.

– Так вы тоже работаете над этой проблемой?

– Нет, это всего лишь товарищеская услуга. У меня есть своя задача...

– А чем занимаетесь вы?

– Хочу немножко подвинуть Солнце, – скромно произнес Морис.

– Вот прямо так взять и подвинуть, – усмехнулся я.

– Зря смеешься. Задача не проста, но вполне осуществима. А! Что тебе объяснять... – Он махнул рукой и продолжил, обращаясь к Рике: – Вы, наверное, знаете, что все звезды в Галактике сгруппированы в гравитационные узлы? – Рика утвердительно кивнула. – Внутри узла они вращаются вокруг некоего центра, в котором всегда находится звезда, как мы выяснили, – его сердце. Убери ее, и узел перестанет существовать – звезды разлетятся, как воздушные шарики, нитки которых выпустили из рук. Далеко, конечно, они не улетят – рано или поздно войдут в состав соседних узлов, но местоположение в Галактике поменяют. Можно точно рассчитать, куда попадет Солнце после такого путешествия. С помощью автоматов исследовать параметры этой точки пространства и сравнить с теми, что мы имеем сейчас. Если они лучше – эксперимент оправдан.

– Да, но надо куда-то деть центральную звезду. С ней-то как быть?

– Взрвать.

– Как?!

– Это не так сложно, как кажется. Мы здесь уже разработали несколько способов. Сложнее другое – точно подгадать момент взрыва, чтобы Солнце в конце пути оказалось в нужной точке. Этим я сейчас и занимаюсь.

– Ты уже знаешь нужную точку? – не удержался я.

– Конечно, – спокойно ответил Морис. – Мы ее всячески обследовали и выяснили, что там втрое меньше вредных космических излучений, укорачивающих нашу жизнь.

– Где-нибудь на самой периферии Галактики? – уточнила Рика.

– Верно, – он назвал координаты, которые были для меня пустым звуком.

– Слушай, – меня осенило, – а когда Солнце попадет туда?

– Через 5000 лет.

– Ты что, рассчитываешь прожить так долго? Бред какой-то!

– Нет, конечно, но не беспокойся – во время путешествия ничего страшного не произойдет. Жизнь будет идти своим чередом, а потомки нас оценят.

– И скажут спасибо?

– Скажут, не волнуйся.

– Морис, тысячи поколений на Земле прожили в наших “скверных” условиях, они создали могучую цивилизацию, богатую духовную культуру. Наши корни, наша история неразрывно связаны с тем куском пространства, где миллиарды лет находится Солнце после своего рождения. Наша техника, как я понял из твоих слов, позволяет достигнуть той заманчивой области, а может, найти место и лучше. Наверняка, там отыскалась бы какая-нибудь планета, которую можно колонизовать и заселить желающими. Разумно ли подвергать риску целую планетную систему, свою Родину, ради сомнительных преимуществ, которых, кстати, мы сами оценить не сможем... Обратного пути, очевидно, не будет, и вправе ли кто-то брать на себя такую ответственность перед потомками? Пусть я мало смыслю в науке, но я разбираюсь в вопросах культуры. И скажу прямо – наши современники духовно убоги по сравнению со своими предками. Предки умели наделять душой неодушевленное, передавать свои мысли и чувства через картины, скульптуру, музыку. Они создавали творения, в кото-

рых заключались целые эпохи. Они умели мечтать! Окружение творцов часто было злым, но они упорно работали над тем, чтобы взрастить в человеке чувство прекрасного...

Недавно я пытался найти человека, который пишет музыку сам, без помощи музыкальных автоматов. И что? Нашел. Одного! Одного на многомиллиардное человечество. Мы – общество потребителей, которые, потребляя, ничего не хотят давать взамен. Мы привыкли к благоденствию, у нас начисто пропало чувство опасности перед чем бы то ни было. Мы не хотим заниматься дальнейшим благоустройством своего старого дома – Земли. Ты – яркое тому подтверждение. Да и не только ты. Талантливые ученые, вы осели на Салге и развлекаетесь, вынашивая промежду прочим бредовые идеи... Знания ради знаний, не считаясь ни с чем!

– И что ты предлагаешь? – Морис не выглядел задетым за живое. – Давайте все вернемся на Землю, будем ее радеть и холить, всю науку подчиним решению сиюминутных частных проблем; терзаясь муками совести, будем думать, чем увековечить себя перед потомками в культуре и искусстве, – ты этого хочешь?

Что касается ученых, осевших на Салге, могу повторить то, что уже сказал: труд здесь плодотворней, чем где бы то ни было. Видимо, условия располагают. Тебя не устраивают направления и тематика работ? Но извини, наверняка ты многого не понимаешь просто в силу неподготовленности. Да и много ли работ ты знаешь? Слышал лишь про мою и Торна. Не суди опрометчиво! Мы любим Землю, но работать с оглядкой на нее на каждом шагу я не вижу необходимости. Ничего тревожного там не происходит, отдельные недоделки – проблемы чисто технические, большинству из нас неинтересные. Да и проживает сейчас на материнской планете лишь треть человечества. Зачем копыя ломать?! – Морис помолчал, взял из вазы яблоко, надкусил и, улыбувшись, закончил, обращаясь одновременно ко мне и Рике: – Чтобы вы не думали о нас, как о каких-то предателях-злодеях, я познакомлю вас вечером с моими приятелями-учеными. Хотите?

– Любопытно познакомиться. – Спорить с Морисом не хотелось, да и вправду было интересно.

Рика улыбунулась в ответ и в знак согласия хлопнула глазами.

Ее немногословие за обедом и этот финальный жест почему-то мне не очень понравились.

Едва за окнами стемнело, я оделся для званого вечера и направился к Рике. На стук в дверь ответа не последовало.

– Старуха! – Я постучал сильнее.

Тихо. Решив, что меня уже ждут, направился к лестнице.

Поднимаясь, я действительно различил наверху голоса. Шел оживленный разговор. Такая молчаливая за обедом, Рика сейчас с успехом наверстывала упущенное. Она о чем-то спрашивала Мориса, тот отвечал и, в свою очередь, спрашивал сам. После очередной его реплики они вдруг засмеялись и долго не могли успокоиться. Я стоял на последней ступеньке и уже готов был шагнуть на площадку, чтобы разделить их веселье, как вдруг:

– А ты совсем не изменился, Мор! – отчетливо донеслись слова Рики, и я замер.

Каждому с детства внушают, что подслушивать нехорошо, но что поделаешь! Моя профессия приучила меня иногда мириться с этим пороком, и, отбросив праведные угрызения совести, я обратился в слух.

– Ты тоже, Альфи, – произнес Морис. – Разве что внешне...

– Все течет...

Они помолчали.

– Где же Вет? – опять послышался голос Рики. – Наверняка до сих пор не проснулся с обеда. Представить трудно, какой это соня. Позови его, а то придется ждать до утра.

Послышались шаги. Я кубарем скатился с лестницы и, изобразив заспанную физиономию, не спеша стал подниматься.

– Приятного пробуждения. – Морис ждал меня у выхода.

– Что, уже пора?

– Еще чуть-чуть, и можно спать до утра.

– Ты что, решил сочинять рифмы на мои темы? Давно ждете? Могли бы разбудить!

– Сон гостя священен для хозяина!

Он посторонился, освободив проход. Я вышел на площадку и, потягиваясь, поплелся к гравилету. Было неловко за свой поступок. Я заранее репетировал свое изумление от встречи двух старых знакомых, не сразу узнавших друг друга, но актерское мастерство не пригодились.

– Быстро вы его растолкали, Морис. Я приготовилась ждать дольше. Сон – искусство, в котором он преуспел больше всего!

– Возможно, – я брякнулся на сиденье и откинулся на спинку. –

Мы летим или нет?

– Вроде как. Вам удобно, Марика?

– Вполне.

– Тогда вперед!

Гравилет стремительно взмыл в ночное небо.

Рядом со мной сидели симпатизирующие друг другу люди, якобы знакомые лишь с сегодняшнего утра...

Вообще, всякие загадки – мой хлеб. Решать их я обязан по долгу службы. Любые, какие подsunут жизнь и начальство. Меня этому специально учили. Эту планиду я выбрал сам, причем вполне сознательно. У меня с детства такая дурная привычка – если что не понимаю, докопаться до сути, разложить по полкам, вскрыть причины... Иначе гложет червячок неудовлетворенности. Причем, чем запутаннее дело, тем интереснее. Но я все-таки не машина. Должны быть области, где все ясно! Личная жизнь, например. Избавь, судьба, от ребусов, которые тебе подкидывают близкие люди. Хорош друг! Хороша невеста! Целый день за нос водят, за идиота держат. Сидят, как ни в чем не бывало... Кто они друг для друга? Подслушал три фразы – вот и гадай. Не хочу! И не буду! Вы меня дурачком выставляете, вот и буду дурачком. Обидно, конечно, но переживу. Да еще посмотрю, как вы дальше крутиться станете. Черт бы вас побрал вместе с вашими секретам! Все настроение испортили. Обманщики! А вообще – жизнь прекрасна! Хватит об этом!

Я взглянул за борт. Никогда прежде мне не доводилось пролетать над Салгой ночью, и я понял, что многое терял. На востоке над побе-

режем польхали гигантские зарницы, сплетаясь в причудливую паутину красок: шли какие-то праздники. На западе в горах догорала узкая изумрудная полоска заката — чудо Салги, а над головой играли звезды, перемигиваясь со множеством разноцветных огоньков-светлячков в лесу под нами.

Ночное великоление захватывало. Я, как школьник на экскурсии, вертел головой во все стороны, восхищенный гармонией игры рукотворных красок с красками природы.

Внезапный звонок вывел меня из эйфории. Гравилет качнуло, и он стал снижаться.

— Черт! — выругался Морис. — Не проскочили. Жди теперь!

— Что у тебя? — Через его плечо я бросил взгляд на приборы. Аварийная индикация молчала.

— Ничего особенного. Вынужденная посадка на полчаса.

— Почему?

— Возмущения в гравитационном поле. Все аппараты в это время садятся — сильно болтает.

— Причина известна? — впервые после отлета подала голос Рика.

— Пока нет... А в общем, это никому не мешает. Мы привыкли.

— Прошу! — Морис распахнул перед нами дверь. — Добро пожаловать в клуб аборигенов.

Мы вошли в вестибюль, мягко освещенный скрытыми светильниками. Ковер под ногами гасил звук шагов. Напротив входа висело огромное зеркало, к которому сразу направилась Рика. "Прихорапиться! — почти со злостью подумал я. — Для кого?!" Настроение испортилось окончательно. Морис куда-то вышел, и мы были вдвоем.

— Вет, ты чего такой кислый? — Рика улыбалась мне в зеркале.

— Не выспался, — бурчал я и отвернулся.

— Может, заболел?

— Может...

— Да что с тобой?

Говорить правду не хотелось, врать тоже.

— Ну что пристала? Не акклиматизировался еще на Салге, — интонация получилась резче, чем я ожидал.

— А грубить зачем? Могу и не спрашивать... Если так плохо, сидел бы дома и не портил мне настроение своим мрачным видом!

Меня чуть не прорвало, но я вовремя сжал зубы. Воистину, можешь считать, что эмоционально защищен от всего на свете, но нет ни в чем совершенства! Уязвимые места обязательно найдутся.

— Вы готовы? — Я не заметил, как вернулся Морис.

— Конечно. — Рика взяла его под руку. — Идемте.

— А ты?

— А ему нужно немножко акклиматизироваться. Пусть побудет один! — И она увлекла Мориса в дверь, из которой он только что вышел.

Я дважды промерил вестибюль взад-вперед и заметил за одной полуоткрытой дверью небольшой полутемный зал с фонаккордом в глубине. "Отлично! Найду, чем заняться, и без вас". Я подсел к фонаккорду и провел по клавишам. Он ответил красивым, насыщенным звуком. Наиграв пару первых пришедших в голову тем, я включил вариатор: было любопытно, на что способен этот инструмент. Огор-

чатся не пришлось! Причудливо переплетая обе мелодии, автомат начал разработку, находя неожиданно интересные музыкальные решения. Смена ритмов и настроений чередовалась непрерывно в каждой новой вариации, которым, казалось, не будет конца. Музыка – великая вещь! Я совершенно пришел в себя и успокоился.

Закончив игру, встал и направился к выходу.

– Вы уже кончили? Жаль!

Женский голос заставил меня обернуться. Оказывается, у меня были зрители. Вернее, зрительница. Она сидела в кресле позади фон-аккорда.

– Извините, вы были так увлечены... Не хотелось мешать.

– Ничего страшного, не стоит извиняться. Мне даже приятно. Только не пойму, что вас заинтересовало.

– Ну прежде всего у нас в клубе нечасто увидишь человека за фон-аккордом. А потом... Потом ваши темы. Они весьма оригинальны.

– Вы мне льстите. Это первое, что пришло в голову. Не уверен даже, мои ли они... Все это проделано, чтобы узнать возможности незнакомого инструмента.

– Последняя разработка одного местного ученого. Приятно, что фонаккорд вам понравился.

Она встала с кресла, движением плеч сбросив белую меховую накидку, легкой походкой подошла и села к фонаккорду. Я различил скульптурно правильный профиль, обрамленный густыми светлыми волосами, свободно падавшими на обнаженное плечо. От затылка ко лбу пробегали искры – нитка камней.

Тут я вспомнил, что меня ждут.

– Мои друзья, наверное, меня потеряли. Извините, я не представился – Вет Эльм Ник, искусствовед.

– Вайла Мария Дани, – она снова набросила на плечи мех и, улыбаясь, взяла меня под руку. – Возможно, я смогу помочь вам в поисках. Кто ваши друзья?

– Наверное, вы знаете Квиса?

– Мориса? Конечно. Пошли.

Мы вышли в вестибюль и направились к лестнице. Она привела на открытую площадку, куда, казалось, слетелись все светлячки Салги: вокруг стояло множество столиков, на каждом из которых горел небольшой светильник, выхватывая из ночи сидящих. Я в растерянности остановился.

– Идемте, – Вайла потянула меня за руку. – Я знаю излюбленное место вашего друга.

Мне оставалось только подчиниться, и мы пошли по залу. Моя спутница была, видимо, лицом значительным. Все, мимо кого мы проходили, здоровались с ней, причем большинство мужчин при этом вставало, а женщины, приветственно взмахнув рукой, старались перекинуться парой слов. На меня смотрели с любопытством, отчего я чувствовал себя несколько неуютно. Было ощущение, что я сопровождаю королеву, удостоившую своим вниманием провинциального гостя.

Наконец я увидел Риду. Она сидела за столиком одна, подперев рукой щеку, и вертела тарелку на столе. Мориса не было.

“Не очень-то вам весело, сударыня. Ничего, сейчас я вас развлеку”.

– Не соскучилась без меня? – Я опередил свою спутницу и подошел к Рике первым. – А где Морис?

– Вет! – Ее лицо осветилось неподдельной радостью. – Я... – Она вдруг осеклась, заметив рядом со мной Вайлу. Глаза метнули молнию. – Морис пошел искать тебя, – тон стал сварливым. – Где тебя носит?!

Ради таких мгновений стоит жить! Все мои выдумки рухнули. Не хорошо, конечно, но я решил немного позлить Рику, а потому, как ни в чем не бывало, произнес:

– Познакомьтесь, Вайла Мария Дани – Марика Альва Афи. Присаживайтесь, Вайла.

– Добрый вечер. – Вайла села на предложенный мною стул и посмотрела на Рику. – Не сердитесь. Ваш друг очень хотел вас найти, но заблудился. Я ему помогла.

– Помогли заблудиться? – Рика, наконец, улыбнулась.

– Найти вас. Я неудачно выразилась.

Мы засмеялись.

– Поужинаем? – я вопросительно посмотрел на Вайлу.

– Не откажусь, только слегка.

– А мне, похоже, надо основательно подкрепиться. Ты чего-нибудь хочешь? – обратился я к Рике.

– Спасибо! Пока ты акклиматизировался и блуждал, я наелась.

– Как хочешь.

Есть мне и вправду очень хотелось. Поэтому я очень обрадовался, что заказ на столе появился быстро.

– Приятного аппетита! Я с ног сбился! – Морис положил мне руку на плечо. – Добрый вечер, Вайла. Вы уже познакомились? Его ищут, а он, оказывается, зря время не теряет. Молодец! Я как раз хотел представить вас друг другу.

Он обошел стол и сел рядом с Рикой.

– Привет, Морис. Люди искусства находят друг друга гораздо быстрее, чем вы, ученые. Твой друг – виртуоз фонаккорда.

– Будь осторожна, он виртуоз не только в этом, а ты – женщина незамужняя.

– Ну вот, сразу взял и расстроил все мои коварные планы. Кто тебя за язык тянет?

– Вайла – мой друг, и я должен открыть ей глаза на такого прохвоста. А вообще-то он действительно умеет обращаться с фонаккордом. – Морис повернулся к моей новой знакомой: – Чем он тебя покорило? Звуковыми картинами? Они у него – что надо!

– Нет, звуковых картин не было. Надеюсь, Вет, вы продемонстрируете их мне?

– Обязательно. Вот только доем...

– У него три страсти: поесть, поспать и картины сочинять, – небрежно бросила Рика и демонстративно отвернулась.

Я сделал вид, что не заметил.

– Смотри, Вайла, почитатель твоих талантов! – Морис привстал и помахал рукой. – Вильс Торн собственной персоной!

Торн подошел и поздоровался со всей компанией.

– Уже кого-то доедает? – с интересом осведомился он у меня, вероятно, припомнив мои людоедские наклонности. – Вкусно было?

– Только начинаю разгрызать – о вкусе пока говорить рано.

– Рад тебя видеть, Вайла! Сколько же мы не виделись? Страшно соскучился по твоей музыке. Сыграй! Не только я, многие ждут твоего выступления.

То, что Торн соскучился только по музыке, могло, по моему мнению, задеть Вайлу, но я ошибся. Она выглядела очень довольной и милостиво пообещала исполнить его просьбу.

– Скажите, Вайла, а чем вы занимаетесь на Салге? Что вас удерживает в кругу этих ученых сухарей? – простодушно поинтересовался я.

– Видите ли... – она мгновение помедлила. – Кто-то должен доносить культуру до аборигенов, иначе они совсем одичают. В меру сил я – миссионер-просветитель в их среде.

– Она наш духовный наставник! – вмешался Морис. – Правда, Вильс?

Но Торн не успел ответить. Его опередила Вайла.

– Давайте перейдем к музыке. Я готова выступить, но сначала хочу попросить сыграть нашего гостя. Вы ведь не откажете, Вет?

Что я мог возразить? Пришлось согласиться.

Вайла поднялась на сцену и ударила в небольшой гонг. В наступившей тишине взгляды всех устремились на ее фигуру, выхваченную из темноты ярким столбом света.

– Друзья! – обратилась она к замершей аудитории. – Рада вам сообщить, что в нашем клубе необычный гость, которого я попросила выступить. Не стану говорить, что он будет делать, – сейчас все увидите сами, но уверена: сегодняшний вечер запомнится вам надолго. С удовольствием представляю его – Вет Эльм Ник!

Широким жестом руки она пригласила меня на сцену и ободряюще улыбнулась. Это было совсем нелишне: интригующая реклама ко многому обязывала, да и выступать перед большой аудиторией мне давненько не приходилось.

Поклонившись, я сел к фонаккорду в центре сцены и на мгновение задумался. Что им показать? Пара завершенных недавно звуковых картин сейчас почему-то показалась слабой, и я решился, положившись на импровизационное вдохновение, показать картину Салги, какой я увидел ее во время ночного полета.

Вся феерия красок мгновенно возникла перед глазами, и я вдруг осознал, что знаю, как передать ее в звуке. То, что не складывалось в гравилете, сейчас встало на свои места, и, включив сектор памяти фонаккорда, я начал.

Вокруг полыхнуло! Музыка и свет причудливо смешались, создавая яркие образы. Я вновь летел над ночной Салгой и восхищался гармонией красок. Человек и природа рука об руку шли по пути созидания прекрасного...

Последний аккорд растворился в нежно-голубом сиянии, и все вокруг окутала темнота. Ни звука! Опершись на фонаккорд, я хотел встать, но был буквально отброшен на стул криками и шквалом аплодисментов. Сцену залил мягкий свет, а на столиках вновь зажглись светильники. “Браво, Ник! Спасибо!” – кричали со всех сторон. Я понял, что картина удалась, поднялся и вдруг с удивлением обнаружил, что у меня дрожат колени.

Раскланиваясь, я уже собирался спуститься со сцены, когда на нее поднялась Вайла. Ни слова не говоря, она села к фонаккорду. Свет опять погас, и тут же все стихло.

Светились только клавиши, на фоне которых четкой тенью обрисовывались руки. Мне показалось, что Вайла волнуется. Я подошел к краю сцены, собираясь спуститься, но, удивленный, остановился: Вайла стала наигрывать мою тему ночи! Но что она с ней делала! Романтическое таинство мрака, которое старался передать я, исчезло. Мрак таил в себе неосознанное чувство страха, внушал беспокойство. Человек, растворенный во тьме, был одинок и незащищен... Световое сопровождение дополняло гнетущее воздействие музыки.

Тема кончилась, наступила предгрозовая пауза.

Остолбенеv, я стоял на краю сцены, не в силах пошевелиться. Готовый услышать что угодно, только не это, я внутренне собрался, стараясь до конца понять исполнительницу.

И буря грянула! Вайла начала разработку.

Ночь, царица зла, обрушила на слушателей тысячи демонов. Непикуемый ужас и смятение, животный страх и душевная паника подхватывали на черные крылья и бросали в огненный водоворот. Ты был мелок и слаб перед могуществом сил мрака, они вершили твою судьбу, в их руках были жизнь и смерть, противостоять им было невозможно.

Неожиданно все утонуло в багровом сполоче, и я смог перевести дух. Вздох облегчения прошел и по рядам слушателей, но было ясно, что это еще не конец. Готовилось продолжение. Пострашнее! Все говорило об этом, и внезапно во мне вспыхнула злость. В конце концов она разрабатывала мою тему, задуманную как тема романтической красоты, и я почувствовал за собой право вступить в открытый спор.

Ни секунды не колеблясь, я сел ко второй клавиатуре и, не дожидаясь начала следующей вариации Вайлы, взял светлый аккорд, озаривший сцену нежным сиянием.

Мы сидели напротив друг друга, разделенные фонаккордом, и я поймал взгляд Вайлы. Готов поклесться, что она не удивилась такому повороту событий: ее глаза насмешливо сощурились, и она откинулась на стуле, ожидая продолжения.

“Что ж, поспорим!” – мелькнуло у меня, а пальцы, быстро победив по клавишам, уже рисовали земную летнюю ночь: плескалась река среди лугов, по воде бежала лунная дорожка, в низинах клубился туман... Знакомые родные образы на удивление легко возникали в звуке. Никогда раньше я не импровизировал с таким вдохновением. Чего не бывает со злости! Сцена была залита серебристым светом. Покой и умиротворение царили в душе. Я закончил и прислушался. Было очень тихо, но явственно чувствовалось, что атмосфера потеплела. Накал исчез.

Но радовался я рано: моя соперница не желала уступать!

Внезапно налетевший шквал перемешал нарисованную мной идиллию. Ветер ревел. По реке ходили с шипением волны, а по небу неслись обрывки туч, то открывая, то закрывая зловещий глаз Луны, который злорадно подмигивал. Холодно и одиноко...

Точность и образность изображения у Вайлы были потрясающи! Но я быстро пришел в себя и уже разработал ответ. Я был уверен, что одержу победу в споре, и ждал только окончания, чтобы сказать это, но неожиданно все обернулось иначе. Закончив, Вайла порывисто встала и отошла от фонаккорда. Расчет был точен – конечно, мой ответ не состоялся. Для слушателей последнее слово осталось за ней!

Сцена осветилась обычным светом, и мы стояли на ней, взявшись за руки. Гром оваций был впечатляющ! Ослепительно улыбаясь, она раскланивалась, приложив левую руку к груди. Досадуя в душе на правила хорошего тона, я был вынужден последовать ее примеру, получая свою долю восторгов. Недовысказанность в споре раздирала мою душу, и, наверное, моя улыбка была довольно кислой. Но я изо всех сил старался скрыть это.

Под несмолкаемые рукоплескания мы спустились со сцены и направились к своему столику. Опираясь на мою руку, Вайла гордо плыла среди восторженной толпы, как должное принимая изъясления признательности за доставленное удовольствие.

“Королева! – опять подумал я. – Королева Салги, кто ты? – Это было действительно интересно, тем более что сама она о себе так и не рассказала. – Ничего, сейчас узнаем!”

Продолжая улыбаться, я мысленно включил свои наручные часы. Вернее, не часы, – они и так всегда идут, – а свой индивидуальный кристалл биосвязи в них, настроенный на мое биополе. Назвав код адресата, я запросил информацию о Вайле Марии Дани, приложив к имени биоспектр. В голове коротко пискнуло – запрос был послан. Я прикинул время: передатчик – ретранслятор на Салге – Земля и обратно. Через четверть часа я должен был знать об этой женщине все...

Когда мы подошли к нашему столику, я был неприятно удивлен: Вильс Торн сидел в одиночестве. Рики и Мориса не было. Вайла не обратила на это никакого внимания.

– Ну как, Вильс, ты доволен?

– Еще бы! Это восхитительно! Благодарю. – Он как-то сочувственно посмотрел на меня.

В это время к Вайле подошли очередные обожатели, и она отвлеклась.

– А где наши друзья? – спросил я Торна.

– Они ушли в самом начале вашего состязания, – негромко произнес он. – Марика сказала, что очень устала, и Морис повез ее домой.

– Мне ничего не просили передать?

– Нет.

Все вдруг стало безразлично. Я почувствовал себя очень усталым и опустился на стул. “Видимо, перегнул. Дернуло вязаться в этот глупый спор. Рика всерьез обиделась”. Захотелось немедленно увидеться с ней и объясниться.

Я сидел и думал, как повежливей распрощаться и отправиться домой, когда на мою руку легла рука Вайлы.

– Мы с вами неплохо выступили, Вет. Полный триумф. Думаю, теперь можно поразвлечься – хватит развлекать других.

“Только этого не хватало, – с раздражением подумал я. – С меня на сегодня довольно”. Но вслух сказал:

– С удовольствием, Вайла, но только в другой раз. Что-то я сегодня устал и не в форме.

– О! Это поправимо. У меня есть тонизирующее средство. Всегда ношу с собой.

Она достала упаковку с таблетками и предложила мне.

“Черт возьми, напичкает какой-нибудь гадостью...” – но пришлось поблагодарить и проглотить.

– Вильс! – она обратилась к Торну. – Ты у нас знаток всех игр и развлечений. Давай покажем гостю лучшее, что сейчас есть на Салге.

– Не знаю, стоит ли... – замылся Торн. – Столько впечатлений в один день. Да и я не собирался сегодня играть.

– Не узнаю тебя, ты же фанатик! Может, тоже утомился? Съешь мою таблетку.

Торн отказался, сославшись на желание с кем-то встретиться. Он понимал мое состояние, и я поблагодарил его взглядом.

– Ничего, – настаивала Вайла. – Встретишься завтра. Я и сама не прочь сегодня поиграть. Доставь мне это удовольствие!

– А действительно, – неожиданно поддержал я Вайлу. – Мне очень любопытно, в какие игры вы здесь играете?

Торн не смог скрыть удивления.

– Ну, если вы в состоянии... – он осекся.

– Вполне. Таблетки чудодейственны! Усталость как рукой сняло.

– Что ж, пошли.

Мы встали из-за стола и направились к выходу.

Опираясь на мою руку, своей королевской походкой шла очаровательная женщина, КОТОРОЙ НЕ СУЩЕСТВОВАЛО!

Именно такой ответ пришел на мой запрос две минуты назад.

Место, куда мы прилетели, было посещаемым. Несмотря на глубокую ночь, толпа отдыхающих захлестнула нас, едва мы покинули посадочную площадку гравлетов. Люди разговаривали, смеялись, что-то обсуждали... Под деревьями стояли длинные столы, на которых светились экраны. К ним зачем-то подходили. Еще дальше, в лесу, мерцало множество огоньков, но что это – я разглядеть не мог. На небольшой сцене кто-то скверно играл на фонаккорде. Под эту музыку несколько пар танцевало.

Торн уверенно шел впереди. За ним пробирались сквозь толпу Вайла и я.

Вильс обернулся и что-то прокричал. Я отрицательно помотал головой и показал на уши. Тогда он махнул рукой. Проследив направление его жеста, я увидел ряды ярко освещенных полусфер, возвышавшихся над головами. Одни были прозрачны, другие зеркально отражали окружающее. Мы пошли к ним.

Здесь было гораздо тише и свободней. Около некоторых сооружений стояли небольшие группы, как мне показалось, чего-то ожидая. Взрыв хохота раздался совсем рядом, и я обернулся. Внутри прозрачной полусферы в какой-то нелепой позе стоял человек, дико озираясь по сторонам. Вид его был настолько комичен, что и я невольно засмеялся.

Условий игры я пока не понял, но догадался, что люди около полусфер – просто зеваки, развлекающиеся за чужой счет.

– Здравствуйте, рад вас видеть! – Приветливо улыбаясь, к нам подошел невысокий мужчина. – Как поживаете, уважаемая Вайла? Совсем нас забыли.

– Добрый вечер, Артур. Как можно вас забыть! Просто была занята. Но сегодня решила – хватит. Захотела поразвлечься. Кстати, со мной гость, не знакомый с нашими играми.

– Артур Нэй, – его рукопожатие было гораздо крепче, чем я ожидал. – Сторож при играх.

– Не скромничайте, Артур. – Вайла повернулась ко мне. – Это Главный консультант аттракционов на всей планете. Любому найдет игру по душе.

– Всегда рад помочь. О! Какая встреча!

– Привет, Артур. Все развлекаешь народ своими фокусами? Не надоело? – к нам подошел Торн. – Ты должен сегодня придумать что-нибудь этакое, надо удивить нашего гостя.

– Я все понял. Но что предложить? У нас поднят высший уровень – это доставит удовольствие тебе, Вильс. Но я не знаю, захочет ли гость начинать сразу с таких сложностей...

– Захочет, – как-то вдруг решила за меня Вайла и, будто оправдываясь, пояснила: – Ник – человек незаурядный. Надо попробовать. Рекомендую.

– Вы явно переоцениваете мои способности, – я смутился. – Но это правда: даже не зная игры, мне хочется начать с максимально трудного уровня. Всегда интересно узнать степень своей глупости и самоуверенности.

– Ну что ж. Дерзайте. – Нэй жестом предложил нам следовать за ним.

– Что это за сооружения? – спросил я Торна, указав на правильные ряды полусфер. – И вообще, что это за аттракцион?

– Это самая интересная игра Салги – любимое развлечение ученой братии. У нее есть несколько уровней: первый – самый простой, где вы сами задаете компьютеру, кем хотите себя увидеть, и он, согласно вашему желанию, воссоздает необходимую атрибутику; высший уровень – самый сложный, здесь компьютер сам, без вашего участия, создает мир ваших мыслей, раздумий, переживаний... Сталкивает с ними лицом к лицу, на редкость точно выделяя важнейшие проблемы. Впрочем, все это скоро сами поймете. Остальные уровни – промежуточные.

Что касается этого, – он указал на полусферы, – здесь входы в игру, или, если быть точным, каналы связи с компьютером. Мы называем их “грибами”. Все они сгруппированы в сектора соответственно уровню. Когда гриб занят, он становится зеркальным. Свободные – прозрачны.

– Ну вот, пришли. – Артур остановился и указал на шеренгу грибов. – Это как раз то, о чем вы просили.

Я осмотрелся и отметил, что народу здесь было значительно меньше, и большинство грибов пустовало.

– Сектор высшего уровня, – пояснил консультант. – Мало кому он по зубам. Играете?

– Конечно! – Я направился к ближайшему свободному грибу. – Где здесь вход?

– Не спешите, Ник. Я должен объяснить вам правила.

– Извините, слушаю, Нэй.

– Когда войдете внутрь, увидите справа от входа столик. На нем – перстень с камнем. Наденьте его на палец, которому он придется впору, обязательно камнем вверх! Это сигнал компьютеру начинать. В процессе игры вы можете попасть в ситуацию, которая покажется вам безвыходной. Тогда достаточно повернуть кольцо камнем внутрь, и вы ее преодолете. Но это можно сделать только однажды. Второй поворот перстня означает выход из игры. Вот, собственно, и

все правила... Да, чуть не забыл! – он улыбнулся. – Если вам самому надоест играть, будет скучно и неинтересно, то для окончания достаточно просто снять перстень с руки. Ну, а теперь прошу! Вход здесь.

Артур Нэй подошел к грибу и коснулся светящейся точки на стене. Дверь сдвинулась, и я шагнул под прозрачный свод.

– Желаю интересных приключений! – последние слова Нэя были прерваны легким щелчком закрывшейся двери, и сразу наступила полная тишина.

Ни звука не долетало снаружи, только внешнее освещение свободно проникало сквозь купол, и я увидел перстень, о котором говорил Артур. Взяв его со столика и повертев перед глазами, я полюбовался игрой камня насыщенного синего цвета. Уже собираясь надеть его на средний палец правой руки, я почувствовал, что за мной наблюдают. Подняв глаза, увидел Вайлу и Торна, которые смотрели на меня и о чем-то разговаривали. К ним подошел Нэй. Поймав мой взгляд, Вайла ободряюще улыбнулась и взмахнула рукой. Я кивнул в ответ и надел перстень на палец.

Купол как будто подернулся дымкой; она с каждой секундой становилась плотнее, все меньше и меньше пропуская внешний свет. Наконец я не смог различить даже собственной руки, поднесенной к лицу. Тишина и тьма вокруг. Было слышно, как пульсирует собственная кровь... “Хорошее начало. Что дальше?” – подумал я и в следующее мгновение замурлился.

В глаза ударил яркий свет.

Вообще-то он не был ярким – так показалось вначале. Был вечер. Я стоял на вершине невысокого холма и разглядывал незнакомый пейзаж. Передо мной расстилалась равнина, поросшая высокой травой, с разбросанными тут и там валунами. Вдалеке синел лес, над которым я различил очертания средневекового замка. Никаких других признаков человеческого жилья вокруг видно не было. Еще раз оглядевшись повнимательней, я заметил под холмом хорошо накатанную дорогу, уходившую в сторону замка.

Прикинув расстояние и решив, что путь не займет много времени, я спустился с холма и бодро зашагал по дороге.

На равнине гулял ветер. Было прохладно. “Хоть бы плащ какой выдали, что ли... – я поежился и прибавил шагу. – Так и простудиться недолго”.

Внезапно за спиной послышался стук копыт, и мимо пронесся всадник. Он чуть не сбил меня – я едва успел отскочить в сторону и, споткнувшись, упал на дорогу.

– Осторожней! Слепой, что ли?! – заорал я вслед, отплеываясь от пыли.

Он вдруг резко осадил коня и повернулся. Я все еще отряхивался, когда он подъехал.

– Вот это удача! – воскликнул он, спешиваясь. – Какая встреча!

– Радужней не бывает, – зло ответил я, залиывая ссадину на руке. – Спать надо в постели, а не в седле.

Я поднял голову и онемел от изумления: передо мной стоял Вильс Торн! Только почему-то с бородкой клинышком и стрелками усов. Да и одежда была странной – высокие ботфорты, чулки, какие-то нелепые короткие штаны и куртка, богато расшитая золотом. На плечи

был накинут плащ, а на голове красовалась широкополая шляпа с перьями. И еще длинная шпага, на эфесе которой покоилась левая рука.

Я хотел спросить, как он здесь оказался, но что-то удержало. Скорее всего глаза, злобно сверкавшие под шляпой.

— Смотри, какой разговорчивый! — между тем продолжал всадник. — Он еще и учит. Молчи, шпион! Как я тебя сразу не разглядел? Ведь и со спины одежда выдает тебя с головой.

Мне стало интересно, что будет дальше, и поэтому я промолчал.

— Ага! Язык проглотил от страха! Сдавайся. Отведу тебя в замок, там все выясним. И не вздумай бежать — убью на месте.

Говоря это, он выхватил из ножен шпагу и двинулся на меня.

Дело принимало серьезный оборот. Сдаваться не входило в мои планы, но и бежать от наглеца было бессмысленно: рядом с ним стояла лошадь. Обстоятельства рассудили за меня: едва шпага приблизилась к моей груди, сработал рефлекс самозащиты. Противник явно этого не ожидал. Молниеносно оттолкнув клинок в сторону, я, перехватив его руку, завернул ее за спину и дал ему самого обычного пинка. Обидчик упал, уткнувшись носом в пыль.

Мне редко приходится применять приемы такого рода, и я не рассчитал силу удара — он лежал без сознания.

Подняв шпагу, я сломал ее о колено и положил обломки рядом. Затем, без всяких угрызений совести, снял с него плащ и с удовольствием в него закутался. Так как поймать коня не удалось, — он к себе не подпускал, — я бросил эту затею и пошел по дороге к замку.

Быстрый шаг разогрел меня. Я торопился закончить свое путешествие до наступления темноты, но два обстоятельства меня озадачивали: я шел уже довольно долго, но закат не спешил погаснуть, да и казавшийся таким недалеким лес, среди которого возвышался замок, не приближался. Чтобы проверить свои подозрения, я побежал. Дорога мелькала под ногами, но лес был все так же недосыгаем. Я собрался присесть отдохнуть на большой камень, и вдруг осознал, что вижу его не впервые. «Не может быть! — была первая мысль. — Все они тут похожи». Но, приглядевшись, понял, что не ошибся. Чтобы подкрепить свое наблюдение, я внимательно посмотрел на дорогу, и последние сомнения рассеялись: в желтоватой пыли четко отпечатывались три цепочки следов, и все мои! Других следов не было вообще.

Сев на злополучный камень, я призадумался. Дорога ясно просматривалась до самого леса, казалось, иди и иди, но я каким-то образом ходил кругами. «Да еще этот закат, который никак не погаснет! — Я встал, потому что от камня шел холод. — Живет же кто-то в этом замке, как они в него попадают? Любопытно взглянуть...» Тут я услышал взвизгивания и скрип за спиной и обернулся.

Неказистая лошаденка тянула телегу с певучими колесами. В ней сидел старик в рваном плаще и надвинутой по самые брови облезлой меховой шапке. Какое-то жуткое олицетворение нищеты.

Поравнявшись, старик безо всякого интереса посмотрел в мою сторону и, отвернувшись, невозмутимо продолжал свой путь.

— Здравствуйте, — я пошел рядом с телегой.

В ответ он угрюмо кивнул, даже не повернув головы.

— Вы в замок?

Еще одно движение головой, которое я расценил как утвердительное.

— Не могли бы подвезти? А то вот притомился...

— Заплатишь — сvezу, — бесцветным голосом проговорил он и, натянув вожжи, остановил телегу. — Чем платить будешь?

Я растерялся и осторожно поинтересовался:

— А что бы вы хотели?

— Ну что? Можешь деньгами, можешь еще чем... — его глаза вопросительно уставились на меня.

Я вспомнил, что такое деньги, но что толку: их все равно не было; я даже не знал, как они выглядят. Однако вид старика подсказал мне выход.

— Денег нет, — сказал я, — но могу предложить свой плащ. Отдам, как только приедем.

Я стоял рядом, и старик, протянув руку, бесцеремонно пощупал ткань.

— Годится, садись! — он тронул свою лошаденку, а я, прыгнув в телегу, удобно устроился на выстилавшем дно сене.

Убаюканный скрипом колес, я задремал и очнулся от громкого стука копыт по деревянному настилу моста.

Было еще не очень темно, и я смог разглядеть высокие стены с башнями, отвесно уходившие в воду рва, окружавшего замок. Под аркой ворот стояло несколько стражников с алебардами. Один из них пошел нам навстречу.

— Когда-нибудь тебе придется ночевать в лесу, — сказал он старику. — Мы уже собрались поднимать мост. — Тут он увидел меня. — Ты кто?

— Путник, ищущий ночлег.

— У нас ты ничего не получишь.

— Почему?

— Приказ — чужих не пускать. Ищи другое место.

— Но вокруг лес... Не ночевать же под деревом.

— Не знаю. Убирайся! — Он угрожающе наклонил алебарду.

Мне ничего не стоило сбросить этого ревностного служаку в ров, но от ворот отделилось еще несколько стражников. Они двинулись на помощь товарищу. Поневоле пришлось уступить. Я слез с телеги и тут поймал взгляд старика, устремленный на мой плащ. Признаться, мне не хотелось с ним расставаться, имея в перспективе ночевку на природе, но обмануть нищего я не мог. Отстегнув плащ и протянув его старику, я отошел прочь. Телега въехала в ворота.

Со скрежетом опустилась тяжелая решетка; медленно стал подниматься мост, грохоча цепями.

Под покровом наступившей ночи я остался один перед широким рвом, в воде которого отражались звезды...

Времени на раздумья не было, да и раздумывать, собственно, было не о чем. Становилось все холоднее, а перед холодом я безоружен — нечем даже развести огонь. Единственный выход — проникнуть в замок. Но добром туда не пускали. "Что ж, попробуем по-другому". Я пошел вдоль рва, всматриваясь в стену, смутно черневшую на фоне неба. Одинаково высокая, она тянулась от башни к башне, и стало понятно, что искать изъяны, да еще в темноте, бесполезно.

Остановившись, я отбросил последние колебания и быстро разделся. Увязав одежду в рубашку, я поясом прикрепил ее к голове и, опершись руками о берег, стал спускаться к воде.

Пересечь ров было делом пустячным, но что ждало впереди! Подплыв к стене, я понял, что опоры под ногами не существует. Руки нагнулись на кладку из огромных грубо отесанных камней, и, нащупав неровности, я подтянулся. Но выбравшись из воды, понял, что недооценил трудности своей затеи. Мне не раз приходилось лазить по скалам безо всякого снаряжения, правда, днем, в теплую погоду. А сейчас! Камни были влажными, отчего руки и ноги то и дело скользили. Чтобы не сорваться, я был вынужден плотно прижиматься к стене, холод которой леденил грудь. Пальцы немели и плохо слушались. Время для подобных восхождений в голом виде было явно не подходящим...

Преодолев больше половины пути, я почувствовал, что выдыхаюсь. Но отступать было некуда. Неожиданно пальцы нащупали неширокий карниз, который, видимо, остался после надстройки стены. Собрав последние силы, я забрался на него и расслабился. Это были мгновения блаженства! Все тело радовалось отдыху. Но долго стоять так нельзя — холод все время напоминал о себе, и я стал взбираться дальше.

Камни здесь стали заметно суше, и дело пошло веселее. Наконец рука коснулась верхнего края стены! Уцепившись за него, я стал подтягиваться, и тут случилось непоправимое: камень, за который держался, плохо лежал в кладке и не выдержал моего веса. Я почувствовал, как он тронулся с места, но было уже поздно. Чтобы он не накрыл меня, я сильно оттолкнулся и полетел вниз...

Падать оказалось гораздо быстрее и проще, чем взбираться. Я сориентировал тело и классически вошел в воду головой, вероятно, почти без всплеска, чего нельзя сказать о проклятом камне, который упал мгновением раньше, наделав много шума. Глубина рва вполне позволяла использовать стену в качестве вышки для ныряния, и если бы не одежда, которая от удара о воду сбилась на лицо, залепив рот и нос, я бы не испытал никаких неудобств. Вынырнув и первым делом сдвинув в сторону свои тряпки, отдышался и поплыл к противоположному берегу. На вторую попытку сил не осталось. Переплыв ров и схватившись за свисающий куст, я обернулся и увидел, что на стене творится нечто интересное. Там метался огонь, слышались голоса, бряцало оружие. Развороченный муравейник! Между двумя зубцами остановилась темная фигура и замахала факелом:

— Сюда! Это здесь!

— Что там? — послышался властный голос.

— От стены камень отвалился. Вот тут, господин лейтенант.

Рядом с первой фигурой выросла вторая.

— И из-за этого подняли такой переполох! — Офицер осмотрел выбоину и покачал головой. — Я говорил, что стену надстроили плохо — рухнет сама собой...

— Осмелюсь доложить, господин лейтенант, перед тем как упал камень, мне почудились какие-то шорохи снаружи. Я хотел пойти посмотреть, а тут...

— Что ты несешь? Какие шорохи? Просто проседала кладка. Смотри! — он взял факел и высунул его наружу. — Не думаешь ли ты, что

кто-то мог лезть здесь? Все! Часовые – по местам! Рабочие завтра починят стену. Проследи, чтоб сделали это хорошо.

Он удалился, сопровождаемый несколькими, судя по топоту, стражниками, а над злополучным местом вновь показался факел: часовой еще раз внимательно оглядел стену, а затем долго всматривался в ночь. Наконец скрылся и он. Снова все окутал мрак. Положение мое было незавидным. Даже если бы стена не охранялась, я все равно не смог бы повторить восхождение – не было сил, да и одежда насквозь промокла.

“Надо попасть в замок любой ценой”, – вертелась мысль, но, к сожалению, ничего путного в голову не приходило. Неожиданно я обнаружил, что плыву. Плыву вдоль рва к воротам. Зачем? Я и сам не знал. Что-то подталкивало меня, и я не противился. “Будь что будет...”

Плыть пришлось недолго. Место, где я карабкался на стену, было недалеко от ворот. Вдруг перед ними раздался звук рожка. Я подплыл ближе и замер в ожидании. Вскоре в одной из бойниц показался свет, и грубый голос окликнул:

– Кто?!

– Открывайте живей, бездельники! – последовал поток ругательства. – Вы что, не узнали мой рожок?

– Это вы, граф?

– А то кто же! Прошу вас, лейтенант, быстрее впустите меня. Я страшно замерз.

– Опустить мост! – раздалась команда.

Загрохотали цепи.

Забраться на мост из воды было невозможно – слишком высоко, а потому, выбравшись на берег, я развязал одежду и стал натягивать ее на себя. Процедура малоприятная, но голое тело в темноте слишком бросается в глаза, а я рассчитывал остаться незамеченным.

Мост был чудом техники и опускался настолько медленно, что прошел только половину пути, когда я уже лежал там, где дорога обрывалась в ров, и всматривался в смутный силуэт всадника. Лошадь переступала ногами и тихо фыркала, зато ее хозяин посылал проклятия нерасторопным стражникам, которые никак не могли управиться с мостом. На мгновение он умолк, и я расслышал, как стучат его зубы. Признаться, недавно и я был близок к этому, но сейчас возбуждение достигло предела, заставив забыть про холод.

Возникший план был прост. Едва мост приблизился, я прыгнул и уцепился за его край. На темном фоне замка всадник не мог меня увидеть, да и мысли, я полагал, у него были заняты другим. Он ждал, пока мост опустится окончательно, а я, перебирая руками, добрался до подъемной цепи и полез по ней вверх. Хотя цепь шла на меня, поднялся я довольно быстро. Еще одно усилие – и я держался за толстое бревно, в которое упирался мост в поднятом состоянии. Проползти по нему не составляло труда, и, немного спустя, я был над воротами.

По мосту зацокали копыта, а навстречу высыпало несколько стражников с факелами во главе с офицером. Они загородили ворота.

Всадник остановился перед цепочкой солдат. Офицер поднял факел, изучающе взглядываясь, остальные стояли наготове.

– Какого черта, лейтенант?! Вы что, не узнаете меня?

– Простите, господин граф, но я исполняю приказ.

– Ну так исполняйте быстрее! Не видите, я потерял плащ и страшно мерзну. Прикажите кому-нибудь отдать мне свой.

– Конечно. – Один из солдат передал графу плащ. – Можете ехать.

– Благодарю. И не сердитесь за грубость. Страшно устал – везу срочное послание герцогине.

Солдаты расступились, и граф тронул коня.

Я повис на руках и, едва он поравнялся со мной, прыгнул.

Оказавшись за спиной всадника, я выбил его из седла и, вскочив в него сам, схватился за узду. Первую часть плана я менять не стал; теперь оставалось с почетом сдать, но в этом обстоятельства пришли мне на помощь. Конь оказался норовистым – он слушался только хозяина. Почувяв чужака, да еще так бесцеремонно вскочившего в седло, он взбрыкнул, а затем, встав на дыбы, завертелся на месте. Стражники оказались проворней, чем можно было предположить. Опешив на мгновение, они быстро пришли в себя и, подняв оружие, кинулись ко мне. Животное взбрыкнуло еще раз, и я очутился на земле. Но оставшись на ногах, бросился к воротам, сбил подбежавшего солдата и, увернувшись от второго, отправил его в ров. Подхватив алебарду, выбил шпагу у лейтенанта, но тут сзади меня схватило сразу несколько рук. Чувствуя, что вырваться еще можно, я тем не менее счел момент для сдачи подходящим и прекратил сопротивление.

– В ров его! – крикнул лейтенант, и сильные руки поволокли меня к краю моста.

– Стойте! – прозвучал голос графа.

Стражники остановились, не ослабив, однако, хватки.

– Дайте огня! – прихрамывая на ушибленную при падении ногу, граф приблизился и внимательно посмотрел на меня при свете факела. – Так и есть. Я уже встречался с ним сегодня. Узнаешь?

Мог ли я не узнать?! Теперь стало понятно, почему его голос показался мне знакомым: это был тот самый всадник, который чуть не сбил меня в самом начале пути – человек, как две капли воды похожий на Торна.

– А! Вы уже отдохнули? Признаться, не предполагал, что это произойдет так скоро. Как поживает ваша шпага и где ваш плащ? – Я не мог упустить случай поиздеваться над ним – слишком наглой была его физиономия, а наглецов я терпеть не могу.

– Молчи! – Ему явно не хотелось предаваться воспоминаниям в присутствии солдат. – Это шпион, – сказал он лейтенанту. – Посмотрите, как он одет, да еще весь мокрый! Наверняка это не первая его попытка пробраться в замок.

Лейтенант с интересом посмотрел на меня, но промолчал. А граф, самодовольно усмехнувшись, продолжил:

– Я предоставлю ему возможность оказаться в замке. Думаю, герцогиня узнает много интересного. – И, обернувшись к солдатам, крикнул: – Эй, свяжите его и ведите за мной!

Вскочив в седло, он благодарно потрепал своего умного коня и въехал в ворота. Я двинулся следом, подгоняемый конвоирами.

Пройдя под низким сводом, мы остановились перед второй решеткой, которая перекрывала ворота с внутренней стороны.

За спиной послышался знакомый грохот – поднимался мост. Только когда первая решетка опустилась, поднялась вторая, и я

в сопровождении конвоя вышел на тесный мощный камнем двор.

Я был в замке! И, кажется, догадывался, кого скоро увижу...

Перед входом в центральную башню чадно горел факел, в свете которого я разглядел двух часовых. Граф спешился и, бросив поводья подбежавшему слуге, стал подниматься по ступеням. Сказав что-то одному из солдат у входа, он знаком приказал мне подойти и, распахнув низкую дверь, пропустил вперед.

Мы шли по коридору, который через несколько шагов круто завернул влево и привел нас к винтовой лестнице наверх. Поднявшись, миновали несколько полутемных комнат и, наконец, остановились перед массивными дверями, охраняемыми стражей. При моем появлении солдаты скрестили алебарды, но, увидев графа, успокоились.

— Доложите обо мне, — были первые его слова, произнесенные в замке.

Один солдат скрылся за дверью. Ждать пришлось недолго.

— Прощу вас, — он распахнул тяжелые створки.

Просторный зал был освещен жарко пылавшим камином. Отблески огня играли на стенах, выхватывая из темноты чьи-то портреты в богатых рамах, развешанное оружие, доспехи.

Посреди зала на мягком ковре стояли два высоких кресла с неудобными прямыми спинками. Больше в зале не было ничего и никого...

Не обращая внимания на графа, я подошел к креслам, и, выбрав поменьше, стал ногой придвигать его к камину.

— Как ты смеешь! — раздался за спиной гневный голос графа, и его рука схватила меня за плечо, собираясь оттолкнуть. Но тут скрипнула маленькая дверца рядом с камином, и он, отдернув руку, замер в поклоне.

На фоне пляшущего пламени я увидел женщину в богатом белом одеянии, с играющей камнями короной на голове. Лицо ее было в тени. Я сделал два шага в сторону камина, и она, привлеченная моим движением, повернулась к свету. Так и есть — моя догадка подтвердилась! Передо мной стояла Вайла Дани. Но она была не одна. Следом, звеня бубенчиками, вышел человек в шутовском наряде. Вот тут-то я удивился! Нет, не появлению шута — в этом не было ничего особенного. Просто этим шутком был... Артур Нэй.

Вся компания, с которой я недавно расстался, оказалась в сборе...

— Привет, граф, — первым заговорил шут. — Ты, как всегда, вовремя — мы не успели досмотреть и первого сна. Кого это ты привел? — он подошел ко мне и изучающе осмотрел. — Какой он мокрый! Держу пари, ты выловил его в болоте. Хватит кланяться — сиину сломаешь. Отвечай, когда спрашивают.

Граф даже ухом не повел, продолжая стоять в почтительной позе.

— Уймись, — бросила шуту хозяйка и милостиво улыбнулась моему спутнику. — Приветствую вас, граф. Откуда в столь поздний час?

— Сиятельная герцогиня, — граф наконец разогнулся. — Я спешил как мог. Важные новости. — Он извлек из-за отворота куртки свернутое в рулон послание, с которого на шнуре свешивалась печать, и подал предмету своего поклонения.

Герцогиня углубилась в чтение.

– Вечно у тебя важные дела. Все плетешь интриги! У хозяйки скоро при виде тебя будет открываться рвота – так ты ей надоел, – гримасничая, скороговоркой выпалил шут. – Твое воспитание оставляет желать лучшего. Приволок в тронный зал какую-то мокрятину среди ночи. Наследили тут. Хозяйка, где у нас тряпка? Надо подтереть – целая лужа натекла!

– Ты мне мешаешь, шут. – Герцогиня оторвалась от письма и с любопытством посмотрела на меня. – Где вы схватили его, граф?

– На мосту. Шпион пытался проникнуть в замок.

– И что? Сразу сдался?

– Если бы... Дал настоящий бой страже. – И он с подробностями принался живописать недавнюю схватку.

Я стоял, повернувшись спиной к огню, наслаждаясь теплом, и не заметил, как граф закончил свой рассказ.

Он вновь поклонился, прощаясь, но вдруг, спохватившись, спросил:

– А как быть с этим?

– Я сама поговорю с ним, идите.

– Спи спокойно, мы сами разберемся, – встрял шут.

Граф был раздосадован. Бросив на меня уничтожающий взгляд, он повернулся и вышел.

Дождавшись, пока за ним закроется дверь, герцогиня приблизилась ко мне и, куда делась надменность тона, просто сказала:

– Ну сбросьте, наконец, эти веревки. Они же вам мешают! Освободитесь, и поговорим. Не удивляйтесь. Я знаю гораздо больше о вас, чем вы можете предположить.

– Откуда, позвольте спросить? – Я с треском разорвал веревку и стал растирать затекшие руки.

– Из письма, которое мне при вас вручил граф...

– И что же там такое написано? А главное, кем?

– Это неважно. А впрочем, можете сами почитать.

Право, мне было любопытно. Я взял из ее рук свиток и, развернув, подошел поближе к огню.

– “Сиятельная герцогиня! К вам направляется выдающийся”...

“Ого! Выдающийся!” ...Но больше ничего я прочесть не успел. Неожиданно вынырнувший откуда-то шут вырвал у меня письмо и мгновенно бросил в камин.

– Что ты делаешь, хозяйка? Прочтет – сразу зазнается. А зазнайство – порок! Зачем подталкиваешь человека на такое? – Он назидательно поднял палец и загородил собой камин, как будто опасаясь, что я стану спасать бумагу.

– Простите его, – герцогиня погрозила шуту, – он дурак, а с дурака какой спрос? Правда, последнее время он совсем распустился. Поди прочь!

– Вот и борись после этого с пороками – никакой благодарности. – Шут взял щипцы и, тщательно перемешав угли, уселся рядом на пол.

– Бог с ним, с письмом, – бросил я небрежно. – Не будем придаваться пороку... Так что вы хотели мне сказать?

– Я давно вас жду, – спокойно произнесла герцогиня. – Ваше место пустует, – она указала на большой трон. – Сядьте рядом со мной, почувствуйте себя хозяином, и мы все обсудим.

Да! Такого поворота я не ожидал.

— Если я вас правильно понял, вы предлагаете мне стать герцогом, правителем вашей страны, а заодно руку и сердце?

— Именно так. — В ее голосе не промелькнуло и тени смущения. — Вы мне нужны, будьте моим повелителем. Что ж вы стоите? Садитесь!

— Я не против, но дайте хозяину сухую одежду. Сколько можно стоять в мокром в собственном доме? — Я решил потянуть время, чтобы все хорошенько обдумать.

— И то правда, хозяйка! — вмешался шут. — Не дай Бог, кто скажет, что у нас герцог с подмоченной репутацией.

Герцогиня улыбнулась ослепительной улыбкой Вайлы — красивая все-таки женщина!

— Отведи господина в гардероб, — приказала она шуту. — Я с нетерпением жду вас!

Последние слова предназначались только мне.

Помещение, в которое привел меня шут, представляло собой широкий коридор. Его конец терялся вдали, а по стенам стояли одинаковые шкафы с зеркальными дверками.

Не раздумывая долго, шут стал открывать все подряд в правом ряду.

— Выбирай, хозяин, что тебе по вкусу, — запросто сказал он. — Здесь все, что душе угодно.

Действительно, бегло оглядев содержимое всего лишь нескольких шкафов, я понял, что здесь собраны костюмы всех времен и народов. Камзолы и кафтаны висели вперемишку со строгими смокингами, кружевные воротники и пышные жабо соседствовали с пестрыми халатами... От многообразия расцветок рябило в глазах.

— А что здесь? — спросил я, указав на левый ряд шкафов.

— Женские наряды. Мне кажется, они тебе не подойдут. Но, если хочешь, взгляни, не запрето.

Любопытства ради я заглянул и пожалел, что здесь нет Рики — она бы пришла в восторг.

— Зачем такое изобилие, — я перебирал костюмы, — и почему такой разнობой стилей?

— А! — шут махнул рукой. — Ходит к нам много всяких. У каждого свои запросы. Всем угодить надо!

— Много, говоришь? Но ведь в замок чужим не попасть.

— Но ты же попал!

— Да, но...

— Все, кто нужен хозяйке, попадают и становятся своими. Ты теперь тоже свой.

— И сколько здесь таких, пришлых?

— Большая часть... Идут все новые и новые. И всех накорми да одень. Морока одна!

— Слушай, шут, а кто нужен хозяйке?

Он скорчил хитрую гримасу и захихикал, заставив зазвенеть бубенчики на голове.

— Неужели сам догадаться не можешь? Кого хозяйка берет в повелители! Выходит, дурак ты, а не я.

Не зря герцогиня сетовала на распущенность шута. Но вспомнив про предложенное мне высокое положение, я резко осадил его:

— Отвечай! Тебя хозяин спрашивает!

Шут упал на колени, картинно воздев руки:

– Помилуй, помилуй, господин! – затараторил он плаксиво, а затем, подскочив, как на пружинах, приблизился ко мне и, оглядевшись по сторонам, зашептал в ухо: – Знай же, герцогиня – колдунья! Чарами она манит в свой замок людей отовсюду, но попадают в него лишь те, кто способен хорошо варить головой. Вроде тебя.

– Что ж, насчет чар – хорошая шутка, – усмехнулся я.

– Смейся, смейся... А вот ответ: сам-то зачем шел в замок?

– Ночевать было негде, выбирать не приходилось.

– Ну-ну. Она каждому умеет так подстроить, что выбирать не приходится.

Продолжая рыться в шкафах, я вдруг наткнулся на костюм, который был копией моего. После увиденного и услышанного здесь, я даже не удивился, более того – ждал этого.

Переодевшись в сухое, я подошел к зеркалу.

– Скажи, шут, а что, хозяйка предлагает трон каждому, кто вновь приходит в замок?

Но ответа не последовало. Оглянувшись, я обнаружил, что мой собеседник исчез. Видно, этого мне знать не полагалось.

Одиночество в гардеробе меня не беспокоило: обратный путь я хорошо помнил и не нуждался в провожатом, предложение герцогини обдумал. Захлопнув распахнутые дверцы шкафов, я подмигнул себе в зеркале и отправился продолжать приятное знакомство.

На сей раз стража у входа в тронный зал не загоразивала дорогу. Солдаты отсалютовали и почтительно распахнули створки дверей.

При моем появлении хозяйка замка поднялась с малого трона и пошла навстречу. Мы остановились в нескольких шагах друг от друга, и она замерла в глубоком реверансе. Мне воздавались воистину королевские почести! Окончив церемонию приветствия, она приблизилась ко мне и, взяв под руку, повела к трону. Наверное, мы были восхитительной парой! Я даже пожалел, что нет зрителей.

Перед тронном мы остановились.

– Прошу вас! – торжественным жестом она пригласила меня сесть на этот символ власти. – Возложите на себя корону и будьте моим повелителем.

“Кстати, а где корона?” И тут я увидел, что герцогиня держит ее в руках, собираясь возложить на мою голову. От верховной власти меня отделяло мгновение...

Искушение познать, что это такое, было велико. Но не загоню ли я сам себя в угол, если положение на троне будет обязывать идти на сделки с совестью? А это для меня неприемлемо.

– Я чужестранец, госпожа герцогиня, и уверен, многого не понимаю в устоях жизни вашей страны, – я смотрел ей прямо в глаза. – По моим представлениям, возможно отсталым, верховный владыка должен знать свой народ, ясно представлять цели своей деятельности. Знать, чего от него хотят. Быть уверенным, что действует не во зло. Только тогда можно нести бремя власти. Сейчас я не знаю ничего и боюсь, – прими я из ваших рук власть, – наделает много непоправимых глупостей. Вы можете возразить, что будете все время рядом и удержите от опрометчивых шагов, но это означает, что я пешка в ваших руках. Поэтому позвольте мне сначала узнать вашу страну, во

всем разобраться и лишь потом дать ответ на ваше предложение. Прошу простить за дерзость, но иначе я не могу.

Лицо герцогини помрачнело, от улыбки не осталось и следа. Она отвела глаза в сторону, скрывая их выражение. Но было и так ясно, что я разрушил какие-то ее планы.

— Что ж... Ваше желание разумно и делает вам честь, — холодно произнесла она. — Вы желаете знать, что от вас хотят? Извольте! Я объясню. — Она отошла к камину и уставилась на пляшущие языки пламени. — Большинство жителей моего замка — выдающиеся люди: ученые, инженеры, музыканты... Словом, творческие личности. Они пришли ко мне со всех концов света и нашли здесь то, чего нет нигде: право свободно творить. Нужно ли объяснять, что талант, опережающий свое время, всегда и везде подвергается гонению, в лучшем случае, не находит поддержки и понимания у власти имущих. А я создаю идеальные условия для работы — не вмешиваюсь и не мешаю. Во всех близких и далеких государствах работают мои агенты, цель которых — отыскать творческие незаурядности и натолкнуть на мысль идти сюда. И поток не иссякает! Но только самые выдающиеся достигают замка. Над тем, как производить отбор, поработали мои ученые. С плодами их труда вы познакомились...

— Да, сработано здорово! Но простите, все проникают в замок, подобно мне?

— В том-то и дело, что нет. Сколько людей — столько способов. Каждый достигает цели по-своему. Например, недавно один музыкант... Впрочем, это тайна. Его и моя. И я не буду ее открывать.

— Жаль. Очень интересно! — Я действительно был заинтригован. — А что, он сам рассказал про свои приключения?

— Зачем? Я имею возможность все наблюдать. Кстати, вас я не теряла из виду, пока не началась схватка у ворот: там уже ничего нельзя было разобрать.

Стало как-то неловко: моя хозяйка имела возможность наслаждаться зрелищем моего голого восхождения по стене!

— А камень наверху вы подстроили? — напрямик спросил я.

Она кивнула, смущенно улыбнувшись.

— Мне было очень интересно, как вы поступите дальше. Ваша авантюрная затея сулила интересное продолжение, и я не ошиблась!

— Благодарю! Только вы удовлетворяли любопытство в тепле, а я принимал контрастные ванны на свежем воздухе.

— Надеюсь, до насморка не дойдет?

— Как знать...

— Вас вылечат — у меня отличные врачи. Зато я воочию увидела настоящего мужчину в деле. Слав ваших качеств — ловкость, изобретательность, ум — восхитил меня. Ничего подобного прежде я не встречала. Я полюбила вас. Поверьте, когда вы вновь оказались у моста, я уже готова была приказать впустить вас, но тут началась всеобщая свалка, и невозможно было что-либо предпринять. Как я переживала, но главное — убедилась, что вы тот, о ком я мечтала всю жизнь, человек, на которого можно опереться. Поэтому я опять прошу принять корону и стать моим мужем и повелителем.

Все вернулось на круги своя. Но женитьба казалась мне пока преждевременной, и поэтому я продолжил разговор:

– Итак, вы сказали, что лучшие творческие личности приходят и становятся гражданами вашего государства.

– Да, – рассеянно подтвердила герцогиня, наверное, находясь еще в плену своих мечтаний.

– Но ведь это грабеж среди бела дня! Лишившись таких людей, государства не имеют будущего!

Моя собеседница посмотрела на меня, как на недоумка.

– И очень хорошо!

– То есть как?

– Чем слабее они, тем сильнее я.

– Что ж в этом хорошего?

– Власть! Абсолютная власть, сосредоточенная в моих руках. Ее-то я и предлагаю вам разделить.

– У-у-у, как скучно... А главное – бесперспективно. Тысячи владык всех мастей желали этого, но все кончалось крахом.

– Верно! Но они добивались ее насилием. Моя же власть будет основана на монополии творческого разума, таланта. Здесь соберется все гениальное, что есть на свете, а хозяйкой буду я.

– Ваша затея обречена на провал. Конечно, в известной мере вам удастся ослабить соседей, но, поверьте, всех выдающихся людей не сманить никогда! Вы загубите лучшие годы жизни, растратите силы в погоне за призраком. Никто не придет к вам на поклон.

– Вы так считаете, потому что всерьез никогда не думали об этом. А если подумаете, то поймете, что я права. Попробуйте. Я предоставляю вам все возможности!

– Спасибо, увольте. Носитесь с этой идеей в одиночку, – безжалостно отрубил я.

– Вы ничего не поняли! – Хозяйка замка вскочила с кресла и встала передо мной.

– Напротив, отлично понял, но, как и предупреждал, понять – не значит разделить. Я не играю в такие игры, они мне неинтересны. Да и к власти я равнодушен: власть ради власти – мечта маньяков. Счастливо оставаться! – я направился к двери.

– Стойте! Одумайтесь, пока не поздно! – Ее голос дрожал то ли от ярости, то ли от сдерживаемых рыданий.

Я обернулся.

– Мне не о чем думать – все ясно.

– Ошибаетесь! – она хлопнула в ладоши.

Тотчас что-то твердое уперлось мне в спину, а перед лицом звякнули скрепленные алебарды: два стражника возникли по бокам, а сзади, улыбаясь во весь рот и звякая бубенчиками, стоял таинственно исчезнувший в гардеробе шут, сжимая огромный пистолет с воронкообразным дулом. Вид этого вояки был настолько комичен, что я невольно расхохотался. Но смех как-то быстро оборвался, когда я посмотрел на герцогиню. От слабой женщины в ней не осталось и следа. Передо мной стояла фурия со сверкающими огнем глазами.

– Теперь, когда вы знаете мою тайну, – проговорила она ледяным тоном, – вы не можете уйти из замка.

– А что мне здесь делать, позвольте спросить?

– Предоставляю вам выбор – либо принять мое предложение, а вместе с ним почет, власть, славу, либо погибнуть. Живым вы отсюда не уйдете!

Дело принимало крутой оборот.

— Могу ли я подумать?

— У вас было достаточно времени.

— Да нет, вроде... Перед таким выбором я еще не стоял.

— Хорошо! Жизнь и смерть в ваших руках, пока не пересыплется этот песок. — Она сняла с камина большие песочные часы и, поставив передо мной, села в кресло.

— Скажите, — обратился я к герцогине, когда верхняя колба истекла последними крупинками, — предположим, я соглашусь принять корону и вас в придачу...

— Согласны? — Забыв про все церемонии, герцогиня почти бегом подскочила ко мне. На лице ее играло торжество.

— Не спешите... Так вот. Предположим, я соглашусь. Но подумайте сами: согласился я в условиях, мягко говоря, необычных, и где гарантия, что я искренен. Вы сами заметили, что я ловок и изобретателен. Сможете ли вы мне доверять? Не будете ли все время, потеряв покой, размышлять: не во вред ли вам я действую? Что вы на это скажете?

Ее реакция превзошла все мои ожидания. Она замерла в растерянности.

— Ох! — послышалось сзади, и тут же раздался грохот упавшего на пол пистолета. Обернувшись, я увидел, что шут обеими руками схватился за голову. Стражники вопросительно смотрели на свою госпожу, опустив алебарды. Момент для бегства был подходящий.

— Куда бежать — неважно. Там разберемся". Резко лягнув шута ногой в живот, я почти одновременно нанес сильный удар в челюсть левому стражнику. Он брякнулся на пол, не издав ни звука, его шлем отлетел далеко в сторону. Подхватив алебарду, я набросился на второго солдата. Растерявшись, он не оказал серьезного сопротивления, и я уложил его ударом по голове. Со слугами было покончено. Я искал глазами хозяйку, но ее и след простыл. Только слабый щелчок двери рядом с камином подсказал, куда сбежала герцогиня. Сам не зная зачем, — ведь надо было скорее бежать отсюда, — я кинулся к этой двери и вышиб ее ногой...

Внезапно все вокруг будто окуталось туманом. Он сгущался с каждым мгновением. Вот уже пропали контуры зала, камин. Стало темно...

Вдруг вспыхнул свет, и я оказался посреди гриба на площадке аттракционов высшего уровня! За прозрачной стенкой стояли, улыбаясь, шут и герцогиня, вернее сказать, мои новые знакомые — Вайла и Артур. Игра была окончена. Почему? Этого я не понимал, так как перстень был на пальце, и я им не воспользовался ни разу.

Распахнув дверь, я вышел в теплую ночь Салги, напоенную ароматами трав, и, вдохнув полной грудью, расслабился. Только сейчас мне удалось сбросить физическое напряжение. Нервный накал все еще давал о себе знать.

— Хорошенькая игра! Того гляди, умом тронешься, — подумал я и довольно улыбнулся — это развлечение пришлось мне по вкусу. — И все же, почему она прервалась? Надо бы выяснить".

— Ну как? — спросил Артур Нэй. — Понравилось?

— Еще бы! Я в восторге. А вы, Вайла, так и не играли?

– Играла, но очень недолго. Видимо, этот уровень для меня слишком сложен. Вы продержались гораздо дольше.

– Позвольте поблагодарить за доставленное удовольствие. – Я поклонился Вайле и протянул руку Нью.

– Ой! – Вайла вдруг перехватила мою кисть и развернула ее ладонью вниз. – Смотрите, Артур!

На среднем пальце красовался перстень с синим камнем, тот самый, с которого началась игра. При выходе из гриба я забыл снять его.

– Да, – произнес Нэй, покачав головой. – Невероятно!

Мне стало неловко. “Подумают еще про меня невесть что! Но сами тоже хороши – напомнили б, и дело с концом. Зачем ойкать и головами качать?” Я снял кольцо с пальца и, ни слова не говоря, направился к грибу.

– Ник, вы куда?

– Да вот, кольцо случайно прихватил, надо на место положить, – буркнул я в ответ.

Вайла и Артур засмеялись.

– Постойте, вы, кажется, неверно истолковали наше удивление. – Артур положил мне руку на плечо. – Сейчас объясню.

Он взял у меня перстень и еще раз посмотрел на него, как на невиданное диво.

– Понимаете, то, что перстень остался у вас, означает вашу победу. Если б было наоборот, в момент окончания игры он просто исчез бы с вашего пальца.

– Вот оно что! А я-то не мог понять, почему игра прервалась. Значит, вы говорите, компьютер сдался?

– Именно так, – вмешалась Вайла, – и это поразительный, невероятно редкий случай даже для игрока с большим стажем. Как вам это удалось, Вет?

– Не знаю... Само так вышло, – скромно ответил я. – Может быть, случайность?

– Вряд ли. Скорее – дело в вас. Я говорила, Артур, что Вет Ник человек незаурядный!

– И оказались правы, Вайла.

– Ну, вы меня перехвалите. Уже ощущаю потребность задрать нос, – я свысока посмотрел на собеседников.

Мы рассмеялись.

– Артур, не могу ли я оставить это кольцо на память?

– Почему бы нет? Этот трофей по праву ваш. Уж не упомяну, кто может похвастаться подобным. – Он протянул мне перстень, и я надел его на палец.

– Ну как дела? Как сыграли? – к нам подошел Торн. – Первое, что услышал при выходе из гриба, – ваш смех.

– Свершилось невероятное, Вильс. Такого ты и представить не можешь!

Вайла взяла меня за руку и продемонстрировала перстень. Торн даже присвистнул:

– Сколько играю, а такого у меня нет. А я-то думал, что продержался дольше всех. Поздравляю, Вет! А как сыграла ты, Вайла?

– Как видишь, перстня у меня нет, и я уже давно составляю компанию Артуру. Слушайте! Давайте сейчас все вместе поедem ко мне. Хочется сменить обстановку.

– Удобно ли? – с сомнением произнес я. – Скоро утро, наверное, вам надо отдохнуть.

– Вы плохо меня знаете. Если бы я устала, то не стала скрывать, просто повернулась и ушла – у меня взбалмошный, вздорный характер. Кстати, кто вам сказал, что скоро утро?

Я посмотрел на часы и опешил: с начала игры прошло чуть больше часа.

– Вот это да!

– Не удивляйтесь, – улыбнулся Нэй, – в игре время бежит иначе.

– Ну, так едем? Ночь в самом разгаре, – повторила приглашение Вайла.

Я согласно кивнул, Артур тоже. Ему только нужно было кого-то предупредить о своей отлучке – ведь он находился на службе. Отказался только Торн.

– Прости, Вайла. Навещу тебя в другой раз. Я, кажется, нашел выход из той проигрышной ситуации, на которой прервалась игра. Хочу продолжить спор с компьютером.

– Ладно, ладно! Я тебе это припомню. Ну да что с тебя взять. Играй, раз дорвался, – она взяла нас с Нэем под руки, – а мы пошли. Пока!

– До свидания, – откланялся Торн и направился к грибу, из которого я только что вышел.

– Счастливой игры, Вильс! Этот гриб приносит удачу, – я проводил его взглядом до входа.

– Надеюсь! – он улыбнулся, взмахнул рукой и захлопнул за собой дверь.

Мы с Артуром Нэем сидели в мягких креслах напротив друг друга в роскошно обставленной просторной гостиной. Заняв свое любимое полулежачее положение и откинув голову на спинку, я с интересом слушал о различных компьютерных играх. Наверное, не существовало такой, которую бы досконально не знал Артур. Чувствовалось, что это профессионал высшего класса, с увлечением и любовью относящийся к своему делу.

– Ну, как вам у меня? – прервала нашу беседу Вайла, вкатывая в гостиную столик с напитками и закуской. – Прошу, угощайтесь.

– Чудесно! Вы отлично устроились.

– Вам нравится, Вет? Жаль, сейчас ночь, и я не могу показать, какая природа вокруг! Это место для меня выбирал Артур.

– И давно вы живете на Салге?

– Скоро шесть лет. – Она подседа к фонаккорду. – Вет, идите на вторую клавиатуру, покажем Артуру, на что мы способны!

– С удовольствием, – в таком деле спрашивать меня никогда не приходилось. – Начинайте.

– Чур, без вариатора!

– Согласен!

И она повела тему...

Играли мы вдохновенно и, когда закончили, с удивлением обнаружили, что домашний концерт длился больше часа. Нэй усердно бил в ладоши, искренне восторгаясь.

– Превосходно! Какое взаимопонимание! Вы созданы друг для друга. – Он поудобнее устроился в кресле. – С удовольствием послушаю еще. Прошу вас, продолжайте.

– А что, Вет? Я еще в форме, – и она заиграла вновь.

– Простите, – раздался вдруг голос Артура. Вайла остановилась. – С вами совсем забыл о делах – ведь я же сбежал со службы, – он поднялся.

Уговаривать, видно, было не в правилах Вайлы. Она лишь с сожалением покачала головой – что ж, надо, так надо – и протянула ему руку. Простившись с ней, Артур подошел ко мне.

– Надеюсь, скоро увидимся и продолжим знакомство.

– Можете не сомневаться. Игра покорила меня. Прошу вас, придумайте мне что-нибудь еще более интересное.

– Постараюсь. Вайла, я возьму ваш гравилет? Вызывать долго, а я опаздываю.

– Конечно, Артур. Только не забудьте прислать его обратно.

– Забуду! – Он засмеялся и вышел.

Не прошло и минуты, как в окне мелькнули огни взлетающего гравилета. Мы с Вайлой остались одни...

Играть почему-то больше не хотелось. Усевшись в кресло, я взял со стола стакан и, потягивая из него, понес какую-то веселую чепуху. Вайла послушно смеялась в нужных местах, что-то рассказывала сама, но чувствовалось, что она устала. Близилось утро. Пора было заканчивать затянувшийся визит и, поблагодарив хозяйку, откланяться.

Я поднялся, готовый проститься, как в окно влетел неожиданный порыв ветра. Вайла зябко поежилась и, накинув мех, выглянула наружу.

– Идет большая гроза, – сказала она. – Все затянуло.

Я подошел к окну. Совсем близко небо прочертила молния, и, мгновение спустя, загрохотало.

– Пока не полило, позвольте поблагодарить вас и проститься. Наверное, дома меня потеряли. Как от вас вызвать гравилет?

– Компьютер в соседней комнате, – она указала на дверь, – а можно и через посадочный маяк, вон он мигает на газоне.

Я направился к компьютеру и послал вызов. Ответ пришел быстро – машина должна была прибыть через восемь минут. Отключив экран, я обернулся и увидел Вайлу. Она стояла у меня за спиной.

– Все-таки полетишь? Я надеялась, ты останешься. Куда лететь в такую грозу?

– Видите ли...

– Говори мне, пожалуйста, ты. Отбрось эту официальность.

– Хорошо... Сама знаешь, гравилет не боится грозы. Единственно, неприятно будет промокнуть, пока до него добежишь. Успеть бы до дождя.

– К чему тебе домой? Там все спят, тебя никто не ждет. Заночуй у меня.

“Только этого не хватало, – подумал я. – Эта женщина уже второй раз за сегодняшнюю ночь предлагает мне свою любовь – первый раз в игре, когда она была герцогиней, а второй – сейчас. Правда, в игре компьютер лишь воплощал мои мысли. Однако я провидец. Ай, да Вет Ник! Что там дальше было? Ах, да. Я отверг ее и явился шут с пистолетом. А как наяву?”

– Спасибо. Вайла. Но поверь – надо лететь.

Из дома мы вышли вместе. Ветер неистовствовал, небо разрывали молнии. Вокруг грохотало, но дождя пока не было. Гравилет уже сто-

ял на газоне рядом с посадочным маячком, весело перемигиваясь с ним огоньками. Вайла взяла меня под руку, и так мы подошли к самой дверце.

— Может, все-таки останешься? — почти прокричала она, и мне показалось в свете очерченной молнии, что в глазах ее блестят слезы.

Я отрицательно помотал головой и полез в гравилет. На землю упали первые крупные капли.

— До свидания, Вайла. Беги в дом, промокнешь! — Я закрыл дверь и, дав команду медленного подъема, включил прожектор.

Вайла стояла с поднятой в прощальном жесте рукой, не обращая внимания на все усиливающийся дождь. Белую меховую накидку сдуло с одного плеча, и она развевалась по ветру. Ее фигура становилась все меньше и меньше, наконец, растворилась совсем...

Вокруг простиралось звездное небо. Задав курс, я привалился к стене и закрыл глаза...

Из сладкой дремоты меня вывел короткий звонок — гравилет шел на посадку. Выглянув за борт, в слабых предраассветных сумерках я разглядел внизу белое пятно — дом Мориса, рядом с которым угадывалась темная лента реки. В посветлевшем небе догорали звезды. Никакой грозы здесь не было и в помине.

Легкий толчок, и гравилет замер. Можно было выходить. Я взялся за ручку двери и... остановился. Машина опустилась не на крышу дома, где была оборудована площадка, а на какую-то поляну в лесу. Впрочем, несмотря на предутренний сумрак, я узнал ее. Через эту поляну мы вчера ходили к реке. Сюда от дома через лес вела аккуратная дорожка.

“Но почему я оказался здесь?” Меня охватило волнение от предчувствия удачи. Я даже руки потер от возбуждения. Пальцы наткнулись на перстень — приз в моей ночной игре. Я снял его, — пока он мог только помешать, — и спрятал в карман. Затем скинул одежду — так легче бесшумно передвигаться в лесу, — открыл дверь и спрыгнул в траву.

Утро было прохладным и тихим. Ничто не нарушало покоя природы. Несколько прыжков, и я очутился под деревьями, осторожно двигаясь вдоль дорожки. Не прошел и сотни шагов, как справа замаячил просвет. Это была лужайка, значительно меньше той, на которой приземлился я, но на ней тоже стоял гравилет. Небольшая двухместная машина, какими владеют постоянные жители Салги, была пуста. Но от нее по траве к лесу тянулась полоска сбитой росы. Направившись по этому следу, я вновь углубился в заросли и вскоре замер, прислушиваясь. Вне всякого сомнения, под большим деревом возле самой тропинки кто-то прятался. Мне удалось уловить шум его дыхания. Теперь я знал все, что хотел. Можно было возвращаться...

Забравшись в свой гравилет, я быстро оделся и нацепил на палец перстень. “Ну что ж, вперед!” — толкнув дверцу, вновь вышел наружу и, отпустив машину, зашагал по дорожке.

Вот и знакомое дерево. Внезапный шорох заставил меня резко отпрянуть — вовремя! Из-за ствола выскочила темная фигура, и перед самым лицом просвистел кулак. “Да, не силен ты на выдумку! Примитивно!” — Я перехватил руку нападавшего и, подставив ногу, резко

дернул, рассчитывая уложить его. Удары наносить не хотелось, но мгновение спустя я понял, что слупил. Мне не удалось даже сдвинуть его с места, и я почувствовал, что если сейчас не отскочу, то удар его руки будет для меня последним. Все, что я успел, — это отшатнуться, повернувшись боком. Кулак скользнул вдоль груди. Не устояв, я упал, больно ударившись рукой о подвернувшийся камень. Раздался негромкий хруст — нет, к счастью, не костей: вдребезги разлетелись мои часы-передатчик. Противник прыгнул, намереваясь добить меня ногой, но я откатился, и его удар пришелся в дерево. Ожидая, что он вззоет от боли, я вскочил, собираясь, в свою очередь, атаковать, но замер от невероятности увиденного — толстый ствол переломился как тростинка, и дерево с треском повалилось! Сила неизвестного врага была невероятной! Он вновь стоял ко мне лицом, готовый продолжать. Моя жизнь висела на волоске: любой из его ударов, достигни он цели, мог пробить меня насквозь... И тогда я решился на крайнее средство: в очередной раз отпрыгнув, выхватил энергатор и сдвинул регулятор на минимальную интенсивность. Вскинув оружие, ударил лучом в нервный узел над правой ключицей...

Не издав ни звука, человек повалился, как подрубленный.

Продолжая держать энергатор наготове, я приблизился к поверженному врагу и попытался разглядеть лицо. Но было еще слишком темно. Убедившись, что он не притворяется, я, отдышавшись, взвалил его на спину и потащил к дому.

Едва передвигая ноги от усталости, я добрал до лестницы на веранду и почувствовал, что дальше тащить не в силах. Свою ношу я буквально уронил в траву и, несмотря на жгучее любопытство, некоторое время не мог разогнуться — так ныло тело. Наконец я обернулся... и сразу узнал его. Передо мной лежал Артур Нэй — главный консультант игр на Салге, он же шут в моей ночной игре. Пусть с опозданием, но он появился и наяву!

На его лице застыла неестественная гримаса. Опустившись на колени, я приложил ухо к груди. Сердце не билось. Он был мертв.

“Неужели промахнулся? — я стал расстегивать на нем куртку. — Не может быть!” Действительно, луч ударил точно, но вид раны был необычным. Отметив это, я даже не сразу сообразил, в чем дело, но позже понял — совершенно не было крови. Вместо нее обильно сочилась какая-то зеленоватая жидкость!

“Что, Вет Ник, не ожидал?! — я поплелся к входной двери. — Буди Риду, надо посоветоваться”.

Миновав холл, я подошел к комнате Рики и тихонько постучал. Шум поднимать не хотелось: мог проснуться Морис. “Крепко спит”, — я постучал сильнее. Не получив ответа, открыл дверь и заглянул. Постель была не смята. На ней лежали какие-то вещи. Рядом стоял раскрытый чемодан... “Ага. Как собиралась вечером, так все и бросила. Вот тебе и устала, домой просилась. До сих пор где-то болтается!”

Вернувшись в холл, я направился к креслу, чтобы, приняв любимую позу, обдумать дальнейшие действия, как вдруг краем глаза заметил справа какое-то движение! Резко повернувшись, я нервно расхохотался: грязный оборванец с безумным взглядом навел мне в грудь энергатор. “Хорош! Нечего сказать, — спрятав оружие, я подошел к

зеркалу. — Ни дать ни взять, вылитый атаман разбойников”. Вокруг левого заплывшего глаза красовался лиловый синяк, напоминая традиционную повязку. Куртка была продрана в нескольких местах, вся в пыли. Не лучше выглядели и брюки. От вчерашней элегантной прически остались воспоминания.

У себя в комнате я снял с руки разбитый биопередатчик и свое великолепное кольцо, положил их на подушку, достал чистую одежду и направился мыться. Иначе лететь с визитом к Вайле было просто неприлично. Освежившись, я обработал свои многочисленные ушибы и ссадины и почувствовал прилив сил. Теперь послание Рике. Подсев к компьютеру, я написал:

“На меня совершено нападение. Нападавший, Артур Нэй — Главный консультант игр на Салге, убит. Разбит мой биопередатчик. Лишен связи. Отправился для расследования к Вайле. Труп забрал с собой. Устанавливаю время работы — сутки с 6.00 по среднему времени Салги.

В мое отсутствие запроси все об Артуре Нэе. Потребуй расширенный поиск по Вайле Марии Дани — она не значится в каталогах ныне живущих людей; ее биоспектр мной уже послан. Выясни, кто из сотрудников знал о нашем отпуске.

Если не объявлюсь после контрольного времени, приказываю:

— Самостоятельного расследования не проводить;

— Отправить сообщение моим шифром: “Беру Ропу Нарду, начальнику Службы космической безопасности, лично. Обнаружено внешнее вмешательство. Категория — высшая. Прошу прислать группу дознания. Главный следователь Отдела новых проблем Вет Эльм Ник”.

Не исключена возможность нападения на тебя. Будь осторожна. Вет”.

Я ввел послание в память компьютера и закрыл личным кодом. Теперь никто, кроме Рики, не мог его прочесть. Чтобы привлечь ее внимание, я включил сигнализатор. Раздался прерывистый писк, и над экраном замигал зеленый огонек — компьютер звал к себе. “Догадается... Так, с этим все, — я встал. — Хотя нет. Подстрахуемся”. Секунду спустя у меня в руках был листок с копией послания. Немного подумав, я пошел на кухню и положил его за шторы выдачи. “Ну вот, теперь можно спокойно заняться делом. Поехали на свидание с Вайлой!” Я вышел из дома и направился в лес за гравилетом Нэя.

“Действительно, замечательное место”. — Я стоял перед домом Вайлы на веселой лужайке, пестревшей цветами. Вплотную к ней подступал лес, который сейчас был полон порохов: с листья, напоминающая о недавнем ливне, срывались крупные капли. Из-за недалеких гор в легкой дымке поднималась Вега...

Входная дверь была раскрыта настежь! Прятаться не входило в мои планы, но это обстоятельство насторожило. Помедлив, я переступил порог и неслышно пошел по коридору. В гостиной, где мы так мило сидели всего несколько часов назад, все было по-прежнему. Даже посуду она не убрала. У раскрытого окна на кресло была небрежно брошена ее белая накидка, и залетающий ветерок слегка шевелил мех. Подкраившись к двери в комнату, куда Вайла уходила переодеться, я прислушался. Ни звука. Взявшись за ручку, осторожно

приоткрыл ее, и тут... снаружи раздался знакомый шелест! Бросившись к окну, я уже знал, что опоздал.

Мой гравилет оторвался от лужайки, но почему-то полетел над самой травой. Послышался несильный удар, и лишь затем он стал подниматься. Раздумывая над этим времени не было. Оставалось единственное средство – уничтожить силовую установку. Тогда бы аварийная система мягко посадила машину. Прицелившись, я дотронулся до спуска, но в последний момент отдернул палец: гравилет уходил в сторону Веги, ее лучи слепили, и мой выстрел мог оказаться неточным. “Хватит трупов. Они мне нужны живые”. Я опустил оружие.

В этот момент за спиной раздался смех!

Вновь вскинув энергатор, я резко обернулся, но гостиная была пуста. Смеялись в комнате, в которую я так и не успел заглянуть. Ворвавшись в нее, я остолбенел: на экране компьютера хохотала Вайла! Она буквально умирала, захлебывалась смехом. Вдруг смех оборвался. Многозначительно подмигнув, она сделала жест ручкой. Что-то затрещало, и экран потух. Запахло горелым. Подскочив к пульту, я убедился, что компьютер безнадежно испорчен. И тогда мне стал понятен показавшийся странным маневр гравилета. Уже не спеша, я вышел на лужайку, думая о том, что оказался в ловушке: оба канала вызова гравилетов, – маяк и компьютер, – уничтожены; одновременно уничтожена и всякая другая связь. Труп неизвестного существа – похищен. Будь цел мой передатчик, западня не сработала бы – в любой момент я мог вызвать гравилет и улететь отсюда. Но он был разбит... Можно было, конечно, уйти пешком, добраться до ближайшего центра развлечений и улететь оттуда, но куда идти, я не знал...

От нечего делать, я вскрыл маяк и принялся изучать повреждения. Проверял все, что можно, укреплял, заменял, но проклятый маяк не желал работать. Наконец я не выдержал, бросил это пустое занятие и вернулся в дом.

Я решил, пользуясь отсутствием хозяйки, осмотреть ее хоромы. В комнате с компьютером изучать уже было нечего, и потому я толкнул соседнюю дверь. За ней оказалась спальня. Широкая кровать, какая-то мебель, на стене светокартина. Нет, не картина – портрет. Я подошел ближе. Вот это открытие! На меня смотрел... все тот же Артур Нэй.

“Час от часу не легче... Что у нее – тайная любовь? Держит портрет в спальне, а сама с ним на вы... Ничего не понимаю. – Я вернулся в гостиную. – А все же, почему не работает маяк?”

Уже вечерело, когда мелькнула догадка. Все было до смешного просто: я проверял все, кроме ориентации передающего кристалла. Действительно, она оказалась сбита. Поставить кристалл на место было делом минуты. Затаив дыхание, я послал вызов и почти тотчас мог улететь, но торчал здесь только по собственной глупости. “Ничего. Главное, кажется, выбрался из этой ловушки. Да и время провел не без пользы – маяки вот чинить научился... портрет отыскал. В общем, неплохо! Между прочим, портрет может кое-что прояснить из прошлого Вайлы... Ага, это за мной”. – Над лесом показался гравилет. Вернувшись в дом, я тщательно закрыл окно. Вышел и затворил дверь.

Смеркалось. Вега скрылась за лесом, окрасив небо в изумрудный цвет. С гор потянуло свежестью.

“Действительно, замечательное место!” – усмехнувшись, я пома- хив маячку и, подняв гравилет, направил его домой.

Кончался второй день моего отпуска на Салге...

Едва раздался сигнал посадки, я взял управление на себя и, заста- вив гравилет зависнуть, выглянул за борт. Внизу спокойно мигал мая- як. Убедившись, что в окнах темно, садиться на крышу не стал – не хотелось заранее оповещать о своем прибытии, – а опустился на ма- ленькую полянку в лесу, где прятал гравилет Нэй. С энергатором в руках бесшумно подкрался ко входу в дом. Толкнув дверь, скольз- нул внутрь и, прижавшись к стене, замер. Свет в холле не загорелся! Осторожно ступая, я двинулся вдоль стены.

“Кажется, здесь. – Переложив энергатор в левую руку, я нашарил кнопку. – Ну!”

Слабое движение воздуха сбоку заставило меня резко отпрыгнуть, но нападавший оказался проворней: тяжелый удар обрушился на го- лову! Луч моего энергатора ударил в стену, рассыпавшись множест- вом искр. На мгновение в глаза ворвался ослепительный свет, и сразу наступила тьма...

– Вот и все. Через пару минут он придет в себя.

– Ты уверен?

– Можешь не сомневаться. Взгляни!

– Ничего не понимаю в твоих закорючках на экране...

– Верь тогда на слово. Впрочем, сейчас сам увидишь.

Разговаривали рядом и, очевидно, обо мне, но голоса звучали как- то неестественно приглушенно, будто уши были чем-то заложены. Стараясь не пропускать ни слова, я напрягся, но это усилие отозва- лось тупой болью в затылке. Непроизвольно застонав, я повернул го- лову.

Минуту царило молчание.

– Видишь! Он уже реагирует на боль – пытается поудобней при- строить голову.

– А что? Обезболивание больше не действует?

– Оно ни к чему. Регенерация закончена. А остаточные болевые ощущения некоторое время неизбежны. Как только окончательно вернется сознание, мы снимем их гипносом. Между прочим, отлич- ная вещь! И не только в таких случаях. Особенно хороши те, которые создает Вайла. Не пробовал?

– Не приходилось...

– Сразу видно – голова тебя не беспокоит. И спишь, наверное, сном праведника?

– Не жалуюсь... ну что, будем снимать регенератор, или рано?

– Да, помоги.

Чьи-то руки приподняли мне голову. Под подбородком щелкнула застеежка, и с меня что-то сняли. От яркого света я зажмурился.

– Ну-ну, не бойтесь, откройте глаза. Мне надо их осмотреть.

Теперь ничто не закрывало уши, и голос прозвучал громко. Он был мне незнаком.

“Где я? Неужто все-таки попался? – Память отчетливо хранила все происшедшее. – Понесло тебя в темный дом! Выпутывайся те- перь...”

Незаметно пошевелив руками и ногами и убедившись, что они повинуются, я несколько приободрился – посмотрим еще, кто кого, – и открыл глаза. Из груди вырвался вздох облегчения – первое, что смог разглядеть, лицо Рики, склонившейся ко мне.

– Вет, ты меня слышишь?

– Как нельзя лучше! – В затылке опять возникла тупая боль, но я пересилил ее и улыбнулся.

– Повремените с вопросами, ему пока трудно говорить.

Повернувшись на голос, я увидел незнакомого человека с каким-то прибором в руках.

– Смотрите сюда, – он приблизил инструмент почти к самым моим глазам. – Отлично! Зрение в полном порядке. Теперь пять минут гипносна. И вы окончательно отремонтированы. Морис, дай!

Я уже не удивлялся, увидев своего друга. Подмигнув, он что-то ловко укрепил у меня на висках и отошел. Незнакомец пристально уставился в глаза:

– А теперь спать, спать, спать...

Охватила приятная истома. Веки сами собой сомкнулись, и я ощутил ни с чем не сравнимое чувство свободного полета...

Когда гипносон кончился, я, стяхнув оцепенение, повел глазами и опять увидел Рику. Она дремала в кресле рядом с моей постелью. Больше в комнате никого не было. За распахнутым окном давно наступило утро. Пели птицы, плескалась под обрывом река. Жизнь продолжалась! Радостно было сознавать это...

Опершись на руку, я привстал и легонько щелкнул Рику по носу:

– Подъем!

Она ошалело распахнула красные от бессонной ночи глаза, но, увидев меня, расцвела в улыбке.

– Ну как ты?

– Вроде жив...

– Брось свои шуточки! Как себя чувствуешь? Голова не болит?

– Все в порядке. Только вот слабоват немного... Пожалуйста, объясни, что здесь произошло! События минувшей ночи для меня – сплошной мрак.

– Что ж... его легко прояснить. Ведь это я напала на тебя в холле.

– Ты?!

– Ладно, расскажу по порядку, – она помолчала. – Мы с Морисом ушли из клуба, когда ты затеял музыкальную перепалку с Вайлой: я очень обиделась и хотела одного – скорее попасть домой. Но твой галантный друг уговорил поехать развлекаться, резонно заметив, что, если тебе хорошо, почему мне должно быть плохо? Где мы только не были. И вдруг до меня дошло, что ты мог вести себя так неспроста! Попытки связаться с тобой ни к чему не привели; я забеспокоилась и, сославшись на усталость, попросила Мориса лететь домой. Путь был неблизкий, и вернулись мы только к вечеру. Заглянув в твою комнату, я поняла, что ты здесь был. Разбитый биопредатчик на подушке, рваная грязная одежда на полу, какой-то перстень... Все это не развеяло тревоги, но, по крайней мере, указывало, что ты жив. Перед верандой у лестницы трава была примята – явно след посадки гравилета.

– И глаз же у тебя! Это я сажал гравилет, чтоб погрузить труп Нэя... А что дальше?

– Меня позвал Морис и растерянно сообщил, что компьютер не работает: оказывается, он тоже встревожился твоим отсутствием и пытался связаться с Вайлой в надежде что-нибудь узнать. Я вскрыла машину, а он пошел к своему гравилету, чтобы вызвать ее по бортовому компьютеру...

– А почему же не работал компьютер в доме?

– Он был кем-то умышленно испорчен. Чтобы понять это, достаточно было беглого взгляда – все важнейшие блоки варварски разбиты. Когда вернулся Морис, умолчала об этом, сказав лишь, что поломка безнадежна, но он только рукой махнул: “Брось его! Завтра попрошу прислать новый... И о Вете не беспокойся – Вайлы нет дома, наверняка, до сих пор где-то болтаются... Ты как хочешь, а я пошел спать”. Я осталась одна... Изуродованный компьютер не давал покоя. Я знала, что ты оставил в нем послание, но кто-то очень не хотел, чтобы оно дошло до меня. Я стала искать дубликат, но нашла не скоро – только когда пошла на кухню попить. Теперь многое прояснилось... Послав запросы, о которых ты просил, я села в холле ждать исхода контрольного времени. Атмосфера была гнетущей – твое предостережение относительно возможности нападения на меня мало радовало. Но больше всего тревожили неопределенность и собственное бессилие влиять на события. Я поднялась на крышу. Свежесть наступившей ночи несколько успокоила, но вдруг мне показалось, что в лес опустился гравилет – его силуэт будто мелькнул на фоне неба. До назначенного времени было еще далеко, да и зачем тебе садиться в лесу? Спустившись в дом, я отключила световую автоматику и притаилась. Когда бесшумно приоткрылась входная дверь, я различила скользнувшую в нее фигуру. Ошибки не было! Кто-то, не желая обнаружить себя, крался вдоль стены. По моему разумению, хозяева так не ходят. Поэтому выждав, пока неизвестный поравнялся со мной, я прыгнула и нанесла удар... Счастье, что не устояла на ногах, – поверх резанул луч энергатора. Каков же был мой ужас, когда, включив свет, я увидела на полу тебя, с расплывшимся пятном крови вокруг головы...

– Да... Затрещину ты мне дала мастерскую! Всю спесь сбила. Благодарю покорно! А что было дальше?

– А что дальше... На шум вскочил Морис. Мне удалось избежать расспросов, сразу объяснив, что произошла трагическая случайность, виной которой ты сам. Захотелось, мол, ему подурачиться, испугать спящих, пробирался в дом крадучись, вот и получил по затылку. Впрочем, болтать было некогда – мы попытались остановить кровотечение, но безуспешно. Тогда Морис вызвал врача, своего приятеля, а тебя перенес в комнату.

– А что вы сказали врачу?

– Сказали, что, прилетев, обнаружили тебя на лестнице веранды: видимо, просто оступился. Он не спорил, сразу взялся за дело. Кстати, наша версия вполне правдоподобна – врач установил у тебя физическое и нервное переутомление. Что еще сказать? Специалист он хороший – быстро остановил кровь и напаялил тебе на голову какой-то регенератор. Никогда не слышала про такой при-

бор. Что-то новое, изобретенное, вероятно, здесь, на Салге. Но он творит чудеса, — Рика осторожно погладила меня по затылку. — Вот, собственно, все... А теперь расскажи, наконец, что случилось с тобой?

Я поведал Рике обо всем. Трудно сказать, для кого старался больше — для себя или для нее: повествование позволяло еще раз все тщательно проанализировать. Рассказ получился долгим.

— Вот видишь, мои похождения — в духе лучших искателей приключений. Особенно финал, который ты мне подарила! — закончил я.

Но Рика не приняла шутку. Даже не улыбнулась.

— Значит, все-таки внешнее вмешательство, — произнесла она. — А что они хотят?

— Не знаю, но думаю, что приток на Салгу творческих личностей — следствие их деятельности. Похоже, им зачем-то надо собрать воедино цвет Земной ассоциации... Необходимо с этим разобратся.

— Будем вызывать группу дознания?

— Думаю, пока рановато. Если б я не проморгал труп Нэя! А так нечем подкрепить свои слова. Да и сколько шуточек посыплется в мой адрес...

— Не думаю.

— Понимаю. Ты хочешь сказать, что осталась тайна биографии Вайлы.

— Именно!

— Ну и что? Мало ли у человека может быть причин скрывать свое прошлое? Само по себе это, конечно, странно, но ничего не доказывает. Неземное происхождение во всяком случае. Ее исчезновение тоже ни о чем не говорит — захотела и улетела с Салги. Вот и все. Кстати, пришли ответы на запросы?

— Да.

— Ну и?..

— По-моему, ничего интересного. Расширенный поиск по Вайле пока ничего не дал: ни в одном каталоге она не значится ни живой, ни мертвой. С Артуром Нэем — то же самое. Да, ты еще просил выяснить, кто из сотрудников Службы знал о нашем отпуске. Для этого и запроса не надо, могу так сказать — многие. Шеф не делал секрета из этого.

— Верно! Мог бы и сам догадаться.

— Вет, а все же, какое задание он тебе дал, отправляя на Салгу?

— Я же тебе говорил — никакого.

— Скрываешь?

— Клянусь, говорю правду! Сказал: "Отдохни", сунул два билета и выгнал. Больше ничего.

— Ну-ну... И что же ты теперь собираешься делать, если говоришь, группу дознания вызывать рано?

— Искать Вайлу. Надеюсь, она знает, где труп Нэя. Да и сама может оказаться любопытным объектом исследования.

— А если все они уже улетели с Салги, прихватив убитого или попросту уничтожив труп? Не допускаешь?

— Жаль, если так. Тогда все резко усложнится. Ведь нам неведомо, бросят они начатое дело или нет. А это значит, что в поисках возможно несуществующих сообщников придется проверять множест-

во людей. Расследование будет почти безнадежным, растянется надолго. Поэтому лучше бы найти Вайлу.

— Как?

— Подумай! Сделала меня инвалидом — теперь расхлебывай. Твоя очередь работать.

— Хорошо. Не злись. Пойду за твоим завтраком, заодно подумаю. А сюда пришлю доктора: по-моему, лучшей компании больному не сыскать.

Рика скрылась за дверью. Но один я оставался недолго — в комнату вошел мой ночной спаситель.

— Как самочувствие? Слабость? Ерунда! После таких ударов бывает похуже... — Он укрепил у меня на голове датчики и включил какой-то прибор. — Сейчас все станет ясно. Кстати, мы не знакомы. Иван Плас, врач.

— Вет Ник — искусствовед. Знаете, а я почему-то догадался о роде ваших занятий.

— Неужели? — он засмеялся. — Поздравляю! Слабость скоро пройдет. Даже без стимуляторов. День вас наблюдаю, а завтра буду уже не нужен. У вас отличное здоровье и крепкая голова. Только, видно, иногда плоховато варит: разве можно развлекаться до того, что ноги не держат?

— Что правда — то правда, иногда жутко тупею.

— Я не шучу. Не всем такие удары сходят благополучно. Бывает весьма печальный исход.

— А что, часто такое происходит?

— К счастью, нет. Не считая вас, я всего лишь однажды столкнулся с подобным. Тот случай закончился трагически... — Лицо Ивана помрачнело, и он замолчал.

— Вы хотите сказать, что тогда были бессильны? А почему?

— Я прибыл слишком поздно, и удар был опасней... Но не это главное. Человека можно было спасти, если бы...

— Что?

— ... у меня был этот аппарат, — он кивнул на шлем регенератора.

— Не захватили с собой?

— Не в этом дело: регенератор был в доме, но его не было у меня.

— Простите, Иван, но я ничего не понимаю!

— Что тут понимать! — он с раздражением хлопнул крышкой своего прибора. — Впрочем, извините. У меня характерное для многих заблуждение: если самому все ясно, ждешь, что и другие поймут с полуслова. Та ночь была страшной — на моих руках погибал человек, а я был бессилён. Помощь запоздала, и все старания ни к чему не привели. Наутро он умер. Неделю спустя ко мне неожиданно прилетела его жена и вручила какой-то прибор. Погибший делал его для меня. Назначение было ей неизвестно, но под крышкой я нашел кристалл с инструкцией. Да, это был регенератор! Мог ли я знать, стоя над умирающим, что спасение, созданное его руками, рядом. Вот вам пример злой иронии судьбы.

Наступило тягостное молчание.

— А его жена так ничего и не узнала об этом? — наконец решился спросить я.

– Не знаю. Во всяком случае, от меня – нет. Вайла была безутешна и вскоре покинула дом, где все напоминало о пережитой трагедии. Говорить ей такое – выше моих сил.

Я чуть не подпрыгнул на кровати.

– Простите, вы говорите о Вайле Дани?

– Да.

– Я и не знал, что она была замужем.

– Об этом вообще мало кто знает.

– Как же так?

– Для всех она появилась на Салге два года назад, с тех пор как поселилась на новом месте. А до этого ее никто не знал. Они жили отшельниками в Северных джунглях. Он был чужак – Луст Торн. Предпочитал уединение и ненавидел всю эту праздную шумиху. У них даже компьютеры были отключены от системы связи. Поэтому я и прилетел тогда слишком поздно: чтобы связаться со мной, Вайле пришлось гнать гравилет до ближайшего центра развлечений.

– Луст Торн... А что, Вайла не носила фамилию мужа?

– Никогда этим не интересовался.

– А вы его хорошо знали?

– Вместе учились. Потом наши дороги разошлись: я ушел в медицину, а он стал заниматься генными мутациями. Пять лет назад случайно встретились здесь, на Салге. Я изредка навещал его. О своих работах он не распространялся, но с интересом относился к моим проблемам. Талантливый и разносторонний ученый, он изобрел и сделал для меня несколько уникальных приборов, последнее его детище – регенератор.

– Вы и сейчас общаетесь с Вайлой?

– Конечно. Она создает прекрасные гипносны, которые очень помогают в работе. Между прочим, действие одного из них вы испытали на себе. Но о прошлом не вспоминаем никогда. Вайла не хочет беречь едва зажившую рану и, насколько мне известно, никому не доверяет свою тайну. И я бы ни за что не рассказал, если б не проклятый удар – он всколыхнул воспоминания. Прошу никому не говорить о том, что узнали!

– Не беспокойтесь. Но позвольте еще один вопрос.

Иван нехотя кивнул.

– Вы сказали, что травма у Луста Торна была при внешнем сходстве с моей гораздо опасней. Так?

– Верно.

– Тогда скажите, у вас не было сомнений относительно несчастного случая?

Врач с интересом посмотрел на меня.

– Как вам сказать... Сначала об этом думать было некогда – я работал. А потом у меня действительно возникли некоторые мысли. Даже хотел сообщить об этом в Службу космической безопасности, но так и не собрался. Кому мог мешать Луст? Жил в глуши. Наукой занимался. Интересно, а почему вы об этом спросили?

Но его вопрос остался без ответа: дверь открылась, и Рика вкатила столик с завтраком.

– Кушать подано! Встанешь или прикажешь кормить с ложечки?

– Лучше с ложечки – с детства люблю.

– У-у, ты мой маленький, – она подседа ко мне. – Открой ротик. Ам!

Иван поднялся с кресла.

– Вижу, мои услуги пока не нужны. Кушайте хорошо, больной, не капризничайте – скорее поправитесь. После завтрака позовите меня, проведем сеанс гипноза. А пока пойду искупаюсь. Где Морис?

– У компьютера.

– Прихвачу и его, – Иван вышел.

– Ну как, придумал что-нибудь? – спросила Рика, едва мы остались одни.

Я отрицательно помотал головой.

– Некогда было – беседовал с доктором о здоровом образе жизни. А что, в доме уже новый компьютер?

– Да, утром привезли. Но ты лучше жуй и слушай, – она сунула мне в рот очередную ложку. – Сейчас покормлю тебя и улетаю.

– Куда?

– Осматривать дом Вайлы. Ты же, наверняка, сделал это поверхностно – не тем голова была забита.

– Наверное, ты права. Главным для меня было вырваться из ловушки.

– Вот-вот. А я осмотрю все спокойно, с компьютером поработаю. Может, целы кристаллы памяти... На светопортрет Нэя не прочь взглянуть: все-таки неземное существо! Словом, сделаю все, как надо. Уверена – найду зацепку. Не могли они замести все следы – слишком поспешным было бегство.

– Вместе бы слетать...

– Лежи уж! Об этом не может быть и речи. Пока не вылечишься, беру все в свои руки. Какой шифр у ее дома?

Возразить было нечего, пришлось сказать.

– Действуй, только будь осторожна. Кто знает, что сейчас там творится.

– Успокойся! Этим владею не хуже некоторых, – в ее руке блеснул маленький изящный энергатор.

– Ого! Покажи. Я и не видел таких.

– Просто никогда не интересовался, чем вооружены женщины Службы! Нам же негде прятать колоду, вроде твоей, – она протянула мне оружие.

– Наверное, он очень слабый, – я с сомнением повертел энергатор, целиком умещавшийся на ладони. – Игрушка, да и только.

– А ты испытай. Вон дерево за рекой, попробуй на нем.

Я привстал и посмотрел в окно.

– Если б опасался испортить Морису пейзаж, никогда бы не сделал этого, – вскинув руку, я нажал спуск, прицелившись в низ ствола.

Ничего не произошло, дерево осталось стоять. Обернувшись к Рике, я хмыкнул:

– Может, думаешь, я промахнулся?

– Напротив, сработано здорово. Смотри!

Огромный ствол покачнулся и, с треском ломая сучья, упал с обрыва в реку.

– Натворили мы дел: там же Морис с Иваном купаются!

– Ничего, они не догадаются. Зато ты будешь за меня спокоен.

— Это уж точно. Спрячь скорей! — я вернул энергатор Рике. — А куда ты дела мой?

— Загляни под подушку. — Она поднялась. — Мне пора. Не безобразничай здесь, слушайся доктора.

— Постараюсь. Когда тебя ждать? — я поймал ее руку.

— Все зависит от результатов. Надеюсь, к вечеру вернусь.

— Не позже. Даже если что-то обнаружишь, возвращайся. Никакой работы в одиночку. Это приказ!

— Хорошо, — чмокнув меня в нос, Рика ушла, прихватив столик с остатками завтрака.

Про разговор с доктором я умолчал умышленно: она могла передумать, а ее отлет сейчас был мне на руку. У меня возник план, и я собирался покинуть дом, но в присутствии Рики об этом не могло быть и речи. Она бы просто меня не пустила.

— Как вы тут? — в комнату вошел Иван Плас с полотенцем на плече. — Не соскучились в одиночестве?

— Что вы! Больного здесь ни на минуту не оставляют без внимания. В открытую дверь заглянул Морис.

— Иван, моя помощь еще потребуется?

— А что?

— Хотел отправиться по делам.

— Валяй! — встрял я. — Продержимся. Правда, доктор?

Иван утвердительно кивнул.

— Тогда — привет! Выздоровливай!

— Как-нибудь! — я помахал ему рукой.

Один за другим в небе за окном мелькнули два гравилета и скрылись за лесом. Мы с доктором остались одни.

— Что ж, приступим к сеансу, — он подошел ко мне с пластинками гипносна. — Вы сможете сами укрепить их?

— Подождите, Иван. Хотелось бы прежде закончить наш разговор. Я не ответил на ваш вопрос — принесли завтрак.

— Вопрос? Ах, да. Вы интересовались, не сомневаюсь ли я в смерти Луста от несчастного случая.

— Да. А затем...

— Я спросил, почему вы об этом заговорили.

— Сейчас объясню.

— Слушаю. — Иван сел в кресло и испытующе посмотрел на меня.

— Должен вам сказать, что искусствоведение — не основная моя специальность.

— Кто же вы?

— Сотрудник Службы космической безопасности! Вот мой личный знак. — Мысленно приказав, я воспроизвел его на ладони. Лицо моего собеседника вытянулось от удивления, но он промолчал. — Накануне я познакомился с Вайлой Дани. Летал с ней в центр развлечений, потом был у нее в гостях. Когда прилетел домой, представьте, на меня напали! Обратите внимание, на Салге я чуть больше двух дней. До этого не был здесь лет десять. Кому я мог мешать? Почему? Не правда ли, в чем-то похоже на историю с Лустом Торном? Да еще этот удар! — Я бессовестно свалил в одну кучу правду и выдумку. Но что оставалось делать? Доктор был единственным человеком, который знал место, где когда-то жила

Вайла и где она могла скрываться теперь. А повидать ее очень хотелось.

— Пожалуй, вы правы, — Иван провел пальцем по переносице. — Но чем я могу вам помочь?

— Сами понимаете, мне необходимо срочно поговорить с Вайлой. Пока вы купались, я пробовал связаться с ней, но безуспешно.

— Странно... Обычно днем она всегда дома.

— Вот-вот! Мне она говорила то же самое. Правда, когда мы прощались, Вайла обмолвилась, что собирается куда-то ненадолго улететь. Не в свой ли старый дом?

— Вряд ли. Там все заброшено. Не помню, чтобы она посещала его.

— И все же, Иван, необходимо побывать там. Прошу вас, помогите мне в этом.

— Вы полагаете, что Луста убили?

— Во всяком случае, после ночного нападения вполне допускаю эту возможность, впрочем, как и вы. И теперь просто обязан осмотреть дом. Ну как, согласны показать мне, где он?

— Давайте-ка, я обследую ваше состояние.

— Бросьте, я чувствую себя отлично! Не будем терять времени. — Спрыгнув с кровати, я стал одеваться. — Вызывайте гравилет!

— В этом нет необходимости — мой гравилет здесь.

Четверть часа спустя мы покинули дом Мориса и взяли курс на север.

Внизу, насколько хватало глаз, расстилался бескрайний ковер Северных джунглей. Никаких признаков деятельности человека: заповедный, дикий край... Иван уверенно вел гравилет. Неожиданно мы стали снижаться.

— Прилетели, — произнес доктор в ответ на мой вопросительный взгляд.

До слез напрягая глаза, я ничего не мог разглядеть в колыхавшемся под ветром лесном море. Наконец показался дом. Он стоял среди подступающих вплотную деревьев, их кроны нависали над ним. Как у Мориса, посадочная площадка была оборудована на крыше, и на ней стоял небольшой гравилет.

— Вы оказались правы, Вет. Вайла здесь — это ее гравилет.

Трудно передать мои чувства: это было торжество охотника, который, наперекор всему, все-таки выследил редкую дичь.

Зависнув над площадкой, Иван собрался садиться, но я тронул его за руку.

— Не спешите. Сядем где-нибудь рядом.

— Почему? Ах, извините, конечно, вам видней.

Он хорошо знал окрестности и быстро подыскал подходящую полянку.

— Подождите меня здесь. — Я сжал ему локоть и вышел. Уже закрывая дверцу, добавил: — Возможно, разговор затянется, но все равно сами туда не ходите.

Продравшись сквозь заросли, я оказался около дома и, осторожно открыв дверь, вошел внутрь. Снаружи был яркий день, но здесь царил полумрак, пахло сыростью. "Склеп какой-то!.." — меня аж передернуло. Одна из дверей, выходящих в холл, была открыта, и я, недолго думая, заглянул туда. В комнате никого

не было, но в углу светился экран компьютера – здесь только что кто-то работал. Спрятавшись за пыльной портьерой, я притаился. Ждать пришлось недолго. Послышались шаги, и в комнату вошла женщина. Да, это была Вайла, но как она изменилась! Лицо осунулось, под глазами залегли глубокие тени, от царственной осанки не осталось и следа. Была ли королева Салги? Неряшливо одетая, сутулая, она пересекла комнату и села к компьютеру.

Я тихо вышел из-за портьеры и опустился в кресло у нее за спиной.

– Добрый день! Чем это ты занята?

Вайла испуганно обернулась и, вскочив, вскрикнула:

– Вет? Откуда? Как ты нашел меня здесь?

– Неважно. Главное, что нашел. И хочу кое о чем спросить. Но сначала представлюсь. Я – Главный следователь Отдела новых проблем Службы космической безопасности. Вот мой личный знак. – Я произвел его на ладони.

– Так что же тебя интересует? – Вайла овладела собой и села, положив ногу на ногу.

– Не что, а кто! Один из твоих друзей. Вчера на рассвете, когда я возвращался от тебя, он напал на меня из засады с явным намерением убить. Но случилось обратное.

– Так это ты? – воскликнула Вайла. – Ты убил Артура?

– Представь себе. А что делать? Иначе он снес бы мне голову, а расставаться с жизнью пока в мои планы не входит. Между прочим, я не произносил имя Артура Нэя. Откуда ты знаешь, что речь идет о нем?

– Я знаю, что он убит. Увязать факты нетрудно.

– Согласен. Но как ты узнала о его гибели? – настаивал я. – Может, пояснишь и кто он такой? Меня это крайне интересует, потому что он не человек: кровь у него какая-то странная, зеленоватая! Заодно уж расскажи, почему ты не значишься в каталоге жителей Земной ассоциации, почему не отождествляется твой биоспектр. По существу дела мне кажется естественным предположить, что...

– Что я и Артур – инопланетяне, находящиеся на Салге с секретной миссией, – докончила за меня Вайла. – Так?

– Да! Именно так.

– Должна огорчить – я такой же человек, как и ты. Что касается Артура – то и здесь ты прав лишь наполовину.

– Это как?

– Объясню. Он, действительно, не человек, но и не инопланетянин. Он – андроид! Биологический робот. Причем созданный человеком.

– Никогда не слышал, что научились создавать таких роботов, – я с сомнением покачал головой.

– И не услышишь. Это удалось лишь одному человеку. Между прочим, мой биоспектр изменил он же.

– Зачем? Что за глупые эксперименты?

– Мне кажется, знай ты причину, то не задал бы этот вопрос.

– Ну так расскажи!

Вайла помедлила.

— Хорошо, — наконец, сказала она. — Слушай. Шесть лет назад мой спортивный гравилет упал в Северных джунглях недалеко отсюда. Виновата была я сама — развлекалась, выключила аварийную автоматику, прозевала наступление гравитационных возмущений, и машину бросило на лес. Но разговор не об этом. Человек, живший в этом доме, был свидетелем катастрофы. Он отыскал меня и буквально вдохнул жизнь в изуродованное тело. Это был воистину великий ученый. Его искусство граничило с волшебством, но и у волшебства есть пределы: поднявшись с постели, я не узнала себя в зеркале. На меня смотрела незнакомая женщина, предстояло привыкнуть к своей внешности. Но образ мыслей, привычки, любовь к своему делу остались прежние. Последнее обстоятельство оказалось самым тяжелым, — Вайла прервалась на полуслове, устремив взгляд на руки.

— Почему? — нарушил я затянувшееся молчание.

— Оказалось, что пальцы утратили былую чувствительность, и, не смотря на упорные занятия, мне не удалось обрести прежнюю форму. Надо было начинать жизнь заново. Я упросила своего спасителя изменить мне биоспектр, — не удивляйся, это было ему по силам, — сменила имя. Прошлые постаралась забыть. Так родилась Вайла Дани. Теперь об Артуре. Его создал тот же, кто спас меня. На то были какие-то причины, сильно упрощавшие дело, но внешне Артур — копия своего творца.

— Имя которому — Господь Бог!

— Если б так, — грустно улыбнулась Вайла. — Он был бы бессмертен. Нет, его звали Луст Торн. Мы поженились и четыре счастливых года прожили здесь. Потом — нелепый случай, и он умер. А я, увы, не обладаю, подобно ему, даром воскрешать. Не смог этого сделать и Иван Плас, один из немногих друзей Луста, врач. Тяжело было оставаться в этом доме, и я переехала в другое место, которое подыскал Артур. Артур дорог мне, как живое воплощение памяти. Ты думаешь, что убил его? Ошибаешься! Он здесь и скоро будет восстановлен. Перед твоим появлением я как раз запустила последнюю программу в компьютер. Нельзя вернуть человека, а робота починить можно. — Вайла закрыла глаза, и под ресницами блеснули слезы.

Молчал и я. Теперь стало понятно, чей светопортрет висел у нее в спальне.

— Идем! — Вайла неожиданно встала и, схватив меня за руку, потянула из кресла. — Тебе надо видеть все своими глазами — иначе не поверишь ни одному слову. Так и будешь считать нас инопланетянами!

В холле она толкнула одну из дверей, и мы вошли в ярко освещенную комнату без окон. В центре под прозрачным колпаком лежал Артур Нэй. С разных сторон к его обнаженному телу тянулись щупальца каких-то аппаратов. Приблизившись, я посмотрел на правое плечо, где была столь памятная мне рана, но ничего не обнаружил: совершенно гладкая кожа. И еще он дышал! Грудь ритмично вздымалась...

— Лаборатория Луста, — произнесла Вайла и вдруг, без всякого перехода, быстро проговорила: — Это счастье, что я знаю, как восстановить Артура. Надеюсь, через пару часов все завершится.

Я не поддержал разговора, с интересом разглядывая оборудование лаборатории. Назначение большинства приборов было совершенно непонятно, но в главном сомневаться не приходилось: вся техника имела земное происхождение.

Вернувшись в комнату с компьютером, я вновь уселся в облюбованное кресло, а Вайла подошла к экрану и запросила какую-то информацию. Получив ее, повернулась ко мне.

– Ну как, убедился, что мы не космические шпионы?

– Вполне. А вообще-то жаль. Давно не встречался с лицами такого рода.

– Прости, что огорчила.

– Да что уж там. Скажи, а как Нэй попал сюда? Где ты его нашла?

– Это непонятная история! Я спала, когда услышала вызов. Некто неизвестный, заблокировав видеоканал, сообщил, что говорит по поручению Артура. “Он просит вас срочно прибыть в Северные джунгли и дожидаться его”. На этом разговор оборвался, и я поняла – что-то случилось! У нас с Артуром биоконтакт, и он всегда сам мог сообщить что угодно, не прибегая к обычной связи. Обеспокоенная, я прилетела сюда. Часа два спустя на площадку сел гравилет.

– Кто в нем был? – перебил я.

– Только Артур, вернее, его безжизненное тело.

– Интересно! Как это покойник довел его сюда? Ведь в доме нет маяка, и гравилет надо вести вручную.

– Обычный – да, но это был мой гравилет. Тот самый, на котором Артур улетел, оставив нас вдвоем. Он так и не вернул его, и мне пришлось добираться на обычном.

– А какая разница?

– Понимаешь, для моего гравилета я сама своеобразный маяк: его компьютер настроен на мое биополе, и, если включить соответствующий режим, он найдет меня где угодно.

– Ясно. Но кто же включил этот режим? Точно знаю – Нэй этого сделать не мог!

От спокойствия Вайлы вдруг не осталось и следа. Губы задрожали, из глаз хлынули слезы. Она вытирала их, размазывая по щекам.

– Не знаю, – наконец выдавила она. – Не знаю и не понимаю. Почему Артур напал на тебя? Зачем хотел убить? Как все ужасно!

– Успокойся, – как можно мягче сказал я, опасаясь истерики. – Я жив, Артура скоро починят автоматы. Вот мы все у него и спросим.

Она помотала головой.

– Ничего не выйдет. Для возвращения к полноценной жизни ему потребуется пройти курс обучения, потому что память о прошлом будет отсутствовать напрочь.

В этот момент раздался мелодичный звонок, оборвавший мою собеседницу, – на посадочную площадку сел чей-то гравилет.

– Кто это может быть? Я не жду гостей. – Вайла хотела встать с кресла, но я удержал ее.

– Потерпи, сейчас узнаем.

– Привет, Вайла! Как дела? – в комнату не спеша вошел... Вильс Торн.

Резко поднявшись, я оказался с ним лицом к лицу.

– Вот мы и встретились вновь, Вильс Торн!

Он остолбенел от неожиданности.

– Не ожидали? – продолжал я.

– Ник? Как вы здесь оказались? – жалко пролепетал он.

– Пролетал мимо. Дай, думаю, загляну, – усмехнулся я. – А вообще, сказать по правде, жаждал повидать вас.

– Меня? Здесь? – он опустил глаза на подлокотник свободного кресла. – А с чего вы взяли, что я прилечу сюда?

– Вы меня явно недооценили. Ведь вас наверняка предупреждали, что придется иметь дело с серьезным противником. Не так ли? – я не удержался от соблазна польстить себе, такова уж моя натура.

Торн несколько пришел в себя. На его губах мелькнула улыбка.

– Вы говорите загадками, Вет. Ничего не понимаю!

– Можете сколько угодно прикидываться дурачком – дело ваше. Но данными мне полномочиями вы арестованы и полетите со мной!

– Позвольте поинтересоваться, на основании каких таких полномочий вы меня арестовываете и за что? И куда, собственно, мы полетим?

– Вам все отлично известно. Но для проформы могу уведомить официально: я Главный следователь Отдела новых проблем Службы космической безопасности Вет Эльм Ник, вы полетите со мной на Землю.

– Так, с полномочиями разобрались. А с причинами как? Должен же я заранее хотя бы иметь представление, относительно каких проступков от меня ждут объяснений.

– Действительно, Вет, что все это значит? – вмешалась молчаливая доселе Вайла. – Объясни!

Я не спеша прошелся по комнате и встал возле двери. Так, на всякий случай, чтобы отрезать своему собеседнику путь к бегству. Мера предосторожности, возможно, и излишняя. Потому что вид у Торна был неважный.

– Это значит, – сказал я Вайле, – что перед тобой человек, организовавший на меня нападение. Он же прислал сюда гравилет с трупом.

– Бред какой-то! – перебил Торн. – Какое нападение? Что за гравилет с трупом?

– Гравилет с трупом Артура Нэя, – закончил я прерванную фразу и, обратившись к Торну, произнес: – Кстати, кольцо вы всучили мне мастерски. Спокойно, спокойно, уважаемый любитель игр!

– Вет, я ничего не понимаю! – перебила меня Вайла.

– Сейчас объясню. Речь идет о перстне, с которым я вышел из игры.

– Это я поняла, но при чем здесь Вильс? Ты обыграл компьютер, вот и все.

– Однако припомни, что было потом. Ты пригласила всех в гости. Я и Нэй согласились, а Торн отказался, сославшись на желание поиграть еще. В конце концов – его дело. Но мне показалось странным, что он отправился продолжать игру в гриб, из которого вышел я. Пока мы летели к тебе, это обстоятельство не давало покоя, и вдруг, что называется, снизошло озарение: перстень – это простенький биопередатчик, на волну которого настроен конкретный гриб. При его посредстве компьютер получает информацию о мыслях владельца. Но если он работает внутри гриба, почему не работать и снаружи? Не всучили ли мне его специально, объявив победителем компьютера, чтобы выведать мысли? Как это осуществили – до сих пор не знаю, но главное в другом. Еще в процессе игры у меня возникло подозрение, что некто пытается проследить каждый мой шаг на Салге. Зачем? Ве-

роятно, хочет узнать цель моего пребывания здесь. Перстень в таком случае мог оказать неоценимую услугу – пока он у меня на руке, я нахожусь под контролем. Конечно, все это могло оказаться лишь совпадением, подозрения – издержки профессии, но проверить было необходимо. Колпак гравилета не пропускает биоволн, а потому, ничем не рискуя, я все обдумал во время полета и дальше держал мысли под контролем – тому, кто, возможно, подслушивал, нельзя было дать и повода заподозрить, что мной ведется встречная игра! Ответь, – неожиданно обратился я к Вайле, – когда Торн порекомендовал обратить на меня внимание?

– Как только прилетел на Салгу. Связался со мной и в разговоре сказал, что скоро в клубе появится очень интересный человек, искусствовед с Земли... – машинально ответила она, но тут же смешалась.

– Я так и думал... Это он отдал приказ Нэю убить меня!

– По-моему, здесь ты ошибаешься! – воскликнула Вайла. – После смерти Луста он подчинялся только мне.

– Вот-вот! – оживился пригорюнившийся было Торн. – Не скрою, я знал, что Нэй – андроид, но приказывать ему не мог. Это и Вайла подтверждает. Так что ваши выдумки насчет кольца яйца выеденного не стоят. Да и зачем мне было вас убивать?

Я спокойно выслушал его реплику.

– Должен огорчить, но затея с моим убийством действительно весьма глупа. Узнав мои мысли и не предполагая встречной игры, вы решили меня убить. А ведь я тогда ровным счетом ничего не знал, были только догадки. Зато теперь уверен, что они верны! Что касается андроида, то управлять вы им могли! Да, да, не удивляйся, Вайла. Наверняка биоспектр Вильса Торна близок к биоспектру твоего мужа Луста, его родного брата. Думаю, это несложно проверить, справившись в общем каталоге.

– Справляйтесь где хотите, но доказательств вашим басням все равно не будет! Глупо это или умно, но вы так и не ответили, зачем мне понадобилось вас убивать. Учтите, я буду жаловаться в Высший совет и обещаю, что вам крепко влетит за подобные безобразия! – Он храбрился из последних сил.

Пора было заканчивать эту словесную перепалку.

– Доказать, что именно вы организовали нападение, сравнительно просто, – сказал я. – Начнем, как вы выразились, с басни про кольцо. Достаточно побывать в центре развлечений и выяснить, в каком режиме работал тот самый гриб после моего отлета. Это наверняка зафиксировано в памяти компьютера. Если он работал на прием сигналов извне, то, как говорится, комментарии излишни – ведь там находились вы... Как установить вашу связь с андроидом, я только что показал – надо лишь сравнить два биоспектра, ваш и Луста... Итак, только два человека могли направить Нэя на убийство – Вайла и вы. Но Вайла отпадает. Остаетесь только...

– А почему Вайла отпадает?! – перебив, закричал он. – Или вы строите обвинения на личных симпатиях?

– Вопрос резонный. Еще час назад я допускал причастность Вайлы к этому делу. Сомневался, но допускал. Но Вайла сама рассказала, кто такой Нэй, была уверена, что только она может им командовать... Есть еще кое-что – не хочу перечислять. Вам этого мало, Торн?!

Он молчал. Не дождавшись, я продолжил:

– А знаете, я ведь и не буду собирать эти доказательства. Попытка убийства следователя – мелочь в ваших деяниях!

Вот тут он буквально окаменел.

– Да, мелочь! И объяснения на Земле вы будете давать по другому поводу... Меня интересует, что вы затеваете на Пэле, какой-то такой климат собирается там менять! Первое, что сделаю, оказавшись на Земле, – потребую послать на эту планету группу дознания, экспертов в которую наберу сам. Думаю, что, разобравшись с Пэлой, станет понятно, почему происходит отток лучших представителей человечества на Салгу. Заодно, кстати, выясню, кто из сотрудников Службы космической безопасности курирует ваши работы. Скорее всего, этот сотрудник – ваш сообщник, и именно он предупредил о моем отлете на Салгу... Так что тем для бесед у нас более чем достаточно. Вы удовлетворены моими объяснениями?

– Вполне! – неожиданно быстро отозвался Торн. – Ваша проницательность достойна восхищения. Все события воспроизведены очень точно. Особенно поразительны ваши выводы! Только, боюсь, полет на Пэлу не состоится...

Сказано это было издевательским тоном и сопровождалось ехидной усмешкой. Я не мог понять, в чем дело: поверженный минуту назад противник вдруг воспрянул духом.

– И сотрудника Службы космической безопасности искать не придется, – раздался за спиной знакомый голос. – Это я!

Резко обернувшись, я опешил: в дверях стояла Рика. Ее изящный энергатор был направлен мне в грудь.

Выражение моего лица, видно, полностью соответствовало внутреннему состоянию, потому что моя любящая подруга рассмеялась:

– Первый раз вижу в смятении прославленного Ника, красу и гордость Службы. В этом что-то есть – растерявшийся супермен! – Внезапно ее веселье оборвалось выкриком: – Сядь на место, Вильс, и не вздумай к нему приближаться! Ты даже не представляешь, как это опасно! – Сжимая оружие и не спуская с меня глаз, она произнесла: – Брось на пол энергатор и отойди на пять шагов. Без шуток – я не промахнусь!

Что оставалось делать? В последних словах Рики мне сомневаться не приходилось, поэтому я выполнил приказ. Она подобрала энергатор и перебросила Торну. Теперь на меня были направлены два ствола. Впрочем, Торна можно в расчет не брать: вряд ли он смог бы воспользоваться моим энергатором. Но Рика! Вот это по-настоящему серьезно. Такого противника никому не пожелаешь. Мало того, что профессионал высшего класса, так еще и досконально знающий меня. “Да, плохи твои дела, Вет Ник!” – обезоруженный, стоял я перед двумя врагами, лихорадочно пытаюсь хоть что-нибудь придумать...

– Ну вот и ладно, – Рика наконец вошла в комнату. – Теперь садись, Вет, – она указала стволом на кресло, – и поговорим. Надо во все внести полную ясность. Ты сделал правильный вывод, Вет. Действительно, на Пэле – ключ к разгадке того, что происходит здесь. Конечно, никто не собирается изменять ее климат. Там ведутся совершенно другие работы... Торн, руководитель всего предприятия, прибыл на Землю, чтобы получить еще одну установку по производству антивещества. С ее помощью все будет закончено через месяц. Мы решили

разлучить основную массу человечества с его творческими представителями. Собрав большинство их здесь, на Салге, мы разрушим гравитационный узел, в который входят Вега и Солнце, и они далеко разлетятся в Галактике. Для этого взорвем Процион, звезду Пэлы и сердце нашего гравитационного узла... Теперь ясно, какие работы ведутся на Пэле?

— Ну где мне понять? Я же не по этой части...

— Там производится и накапливается антивещество. Накануне твоего отлета на Салгу Торн прибыл на Землю, чтобы получить еще одну установку для ускорения работ. Я уже говорила, что с ее помощью необходимый запас будет накоплен через месяц. Когда подготовка закончится, грузовые гравилеты через подпространство доставят антивещество в центр Проциона. Они мгновенно сгорят, и начнется реакция аннигиляции. Ядро звезды потеряет устойчивость, и Процион взорвется... В общих чертах — так. Подробнее, думаю, объяснять излишне, — она усмехнулась, — в деталях это весьма сложно... Между прочим, идея, принцип и расчет дозы антивещества принадлежат твоему другу — Морису Квису!

— И он тоже участник вашего заговора? — не удержался я.

Рика засмеялась.

— Ну и словечко ты ввернул! Нам до этого и в голову не приходило считать себя заговорщиками. Но пусть так! Нет, Морис ничего не знает. Я же сказала, что мы овладели ситуацией с помощью Нэя.

— Можешь назвать меня круглым идиотом, но я ничего не понимаю!

— Еще бы! — вмешался Торн. — Хороши бы мы были, если бы организовали все так, что первый же залетный сыщик все разнюхал. Но сейчас у нас нет тайн от вас, — он многозначительно повертел в руках мой энергатор, — и поэтому я могу дать разъяснения. Морис, как истинный житель Салги, — большой любитель игр. Во время одной из них Артур, по нашему заданию, натолкнул его на идею передвинуть Солнце в Галактике. Ваш друг этим очень заинтересовался, тем более что такое перемещение, по его мнению, сулило немалые выгоды человечеству — он, между прочим, как и вы, шагу ступить не может без дум об этом. В данном случае речь шла о продлении жизни людей: достаточно отправить Солнце в точку, где нет каких-то там вредных излучений, и проблема, над которой столетия бьются биологи, решена. Как вы, наверное, догадываетесь, последнее нас мало интересовало, но вот принцип разрушения узла, а именно, как взорвать центральную звезду, было как раз тем, что нужно. И надо сказать, Квис блестяще справился с задачей...

— Но мог ли он не учитывать, что взрыв Проциона разрушает всю Земную ассоциацию, разбрасывает Землю, Салгу и другие планеты, колонизованные землянами. Кроме того, он отлично знает, что вы якобы собираетесь менять климат Пэлы. Но с Проционом погибнет и он! Он что, еще не успел предупредить о бесперспективности вашей затеи?

— В том-то и дело, что ваш друг постарался учесть все! Именно поэтому его расчеты затянулись. Он исходил из модели, запрещающей распад Земной ассоциации — после взрыва она, как единое целое, должна была перемещаться в пространстве... Что касается Проциона, то он и не знал, что взрывать будут его! Из расчетов следовало, что центром нашего узла является совершенно другая звезда. В этом-то и

состоит заслуга Нэя! Компьютер, с которым работал Морис, впрочем, как и все другие компьютеры Салги, объединенные в целостную систему, находился под его контролем. Поэтому ваш друг получал несколько искаженные результаты и пребывал в полной уверенности своей правоты. А истинную информацию получали мы. По-моему, недурно придумано, а? — он самодовольно засмеялся.

— Да... Весьма. Теперь мне наконец понятно, как вам удалось превратить игру и оставить меня с перстнем... Но если уж вы столь открытвенны, то осветите еще несколько темных мест.

— Валяйте!

— Предположим, к взрыву все готово. Что, вся ваша компания преобразователей полетит на Землю? Я верно понял?

— Не совсем, — Торн посмотрел на Рику. — Марика изложила точку зрения лишь части наших единомышленников. Ну и свою, конечно. Другая часть, к которой отношусь и я, придерживается диаметрально противоположных взглядов...

— Вот как?! Какие же вы единомышленники, раз имеются коренные разногласия? Как же вы мирно уживаетесь и делаете общее дело?

— Все просто. Наши расхождения — делу не помеха. Судите сами. Марика и ее друзья считают ученых дармоедами, из-за которых человечество в основной массе разучилось самостоятельно мыслить... Впрочем, не буду повторять то, что вы уже слышали. А вот мои друзья думают иначе: мы считаем основную массу человечества балластом, вьющим по рукам и ногам полет творческой мысли. Избавившись от этих пут, гораздо полнее можно раскрыть творческий потенциал одаренных личностей. Кроме того, мы уверены, что собранный воедино человеческий талант приведет, в конце концов, к возникновению расы сверхлюдей! Как видите, цели у нас разные, но метод достижения один — разделение человечества. Таким образом...

— Все ясно, можете не продолжать! Вы и ваши приятели останетесь на Салге, а Марика — на Земле.

— Да, Вет! И, надеюсь, вместе с тобой.

— Конечно, надеешься! Ты же за меня замуж собралась, а так останешься ни с чем.

— Твои шутки сейчас неуместны. Мне всегда казалось, что наши взгляды на подобные вещи одинаковы.

— И зря! Никогда бы не взял на себя ответственность решать за все человечество, каким путем ему развиваться дальше. А вы на пути к своей цели не останавливаетесь ни перед чем. Человеческая жизнь уже потеряла для вас ценность! Торн, испугавшись моей осведомленности, не колеблясь пошел на убийство...

— Успокойся, — прервала поток моего красноречия Рика. — Мы никого не убивали и не собираемся убивать. Просто у Вильса сдали нервы — близок долгожданный день, и вдруг все может разрушиться. Я его не оправдываю, но понять могу... И потом, к чему ты так разволновался? Исправить все равно ничего не удастся. Ни ты, ни Вайла до последнего момента перед взрывом не получите никакой возможности внешнего контакта. Убивать мы вас не собираемся, но, поверь, изолировать сумеем. Так что советую заранее решить, где ты хочешь остаться — на Земле или на Салге.

Только сейчас я вспомнил, что в комнате находится и Вайла. В пылу полемики совершенно забыл о ней.

– Что ж, как ты сказала в начале разговора, внесем во все полную ясность, – бросил я Рике. – Итак, Торна понять можно – у него сдали нервы. А как прикажешь понимать тебя? Говоришь – не убивали и не собираетесь убивать, а сама...

– Что ты имеешь в виду? – оборвала меня Рика, вздрогнув.

Мгновение назад это была лишь догадка, но сейчас я уверенно про-изнес:

– Вайла, это она убила твоего мужа! И, наверное, не ошибусь, если скажу, что Вильс Торн благословил это убийство!

– Откуда ты знаешь? – сдавленно проговорила Рика. – Откуда?!

– Так ли уж важно. Я спрашиваю: зачем ты убила Луста? Спокойно, Вайла! – добавил я, заметив, что та привстала. – Пусть ответит.

– В чем в чем, а в умении добывать факты тебе не откажешь, – попробовала улыбнуться Рика.

– Благодарю покорно. Не даром же я, по твоим словам, краса и гордость Службы. Но все-таки, объясни!

– Вы, кажется, забыли, – вмешался Торн, – что находитесь здесь в несколько ином качестве, чем следователь на допросе...

Но Рика перебила его:

– Ничего, Вильс! Именно поэтому можно рассказать все как было. Что нам грозит? – она расхохоталась, наконец овладев собой. Но смех был недолгим. – Да, я убила Луста, и Вильс знал об этом! Скажу больше – помог подготовить убийство! Причина? Она проста: нам нужен был андроид. Я уже говорила, какая важная роль отводилась ему... Ты верно догадался – Вильс мог управлять им, но Луст сразу узнал бы о наших делах: ему, как своему создателю, все рассказал бы сам Артур и попросил одобрить свои действия. А вот этого никогда бы не произошло – Вильс несколько раз пытался заговаривать с братом о нашей идее, но наткнулся на глухую стену непонимания и отрицания... Ничто и никто не мог заменить андроида, и мы решились на крайнее средство. Однажды вечером я подстерегла Луста около дома и нанесла удар. Такой же, как тебе, только в несколько раз сильнее. Затем, инсценировав несчастный случай, улетела... Отныне можно было претворять в жизнь наши планы. Если интересно, могу добавить, что точно так же решил действовать Вильс в отношении тебя. Нэй получил приказ убить и инсценировать аварию гравилета – мог же случиться отказ автоматики... Вот почему он действовал без оружия, да и негде было взять его – мы никогда не предполагали использовать андроида в подобных целях...

– А почему бы сразу не устроить аварию? Ведь смог же он посадить гравилет. По-моему, с тем же успехом можно было просто обрушить его на лес... Или ему подраться захотелось?

– Ты неисправим. Меня всегда восхищало твое присутствие духа... Посадить машину можно, отдав приказ бортовому компьютеру, который входит в общую компьютерную систему Салги. А ее Нэй полностью контролировал. Но аварийная автоматика автономна, она бы не позволила гравилету упасть. Это потом Артур ее бы испортил... Вообще, узнай я вовремя о намерении Торна, то не допустила бы ничего подобного. Одно дело – убрать безобидного ученого, другое – профессионального агента Службы. Кроме того, рано было пороть горячку – все могло оказаться провокацией с твоей стороны. Так и вышло...

– И последний вопрос, – сказал я.

— Да! Дух следователя в тебе неистребим. Что ж, давай! Спешить некуда...

— Почему Морис называет тебя каким-то интимно-уменьшительным именем Альфи?

— Ты и это знаешь? Невероятно! — удивилась Рика, но тут же засмеялась: — И как только ты попал впросак? Успокойся, повода для ревности нет. Меня с ним познакомил Вильс, как со своей подругой, и назвал это имя. Мне хотелось иметь представление об ученом, на которого пал наш выбор. Я и подумать не могла, что Морис — твой друг, и поэтому, когда мы с тобой прилетели к нему, в первый момент растерялась. Но его чувство такта оказалось выше всяческих похвал — он и виду не подал, что узнал меня. Неужели все-таки проговорился? Впрочем, сейчас это не имеет значения. Ну, теперь ты знаешь все. Рада, если удовлетворила сполна твое профессиональное любопытство. Только что тебе в этом проку?

— Как знать, — медленно произнес я после некоторой паузы.

Минуту назад у меня созрел очередной план. Он был верхом наглости и граничил с безумием, но рисковать необходимо. Другого шанса могло не представиться.

— Ладно! — я хлопнул по подлокотникам кресла. — Картина ясна. Но взрывы звезд отменяются — вы оба арестованы! И сейчас полетите со мной. — Поднявшись, я потянулся. — Ох, все тело затекло — совсем засиделся...

— Сядь! — как-то растерянно закричала Рика. — Ты что, с ума сошел? Сядь, иначе вынудишь меня выстрелить!

— Интересно, как это у тебя получится? — и я сделал шаг к ней.

— Еще движение, Вет, и стреляю! Если рассчитываешь, что моя любовь к тебе не позволит этого сделать, то ошибаешься...

Ее палец на спуске энергатора побелел от напряжения. Это было заметно даже при скудном освещении комнаты.

— Какая там любовь! — я обернулся к Вайле. — Как ты считаешь, похожа она сейчас на любящую? Да не терзайте вы мой энергатор, — бросил я Торну, — у него предохранитель с секретом. Никогда не догадаетесь, с каким. Все специально предусмотрено для подобных случаев. — Здесь я сказал правду — именно потому с самого начала он был мне не опасен. — И ты можешь опустить свою игрушку! Предполагая подобную встречу, я разрядил ее сегодня утром, после того как срезал дерево на берегу из окна своей комнаты. Припоминаешь? Да взгляни же на индикатор, если не веришь!

Женщина есть женщина: ее глаза опустили сами собой... И этого мгновения мне хватило, чтобы прыгнуть. Никогда еще мой бросок не был столь стремителен — я вложил в него всю силу! Но все-таки в последний момент Рика успела нажать на спуск. Не обращая внимания на острую боль, вдруг вспыхнувшую в правом плече, я нанес два точных удара, и она, потеряв сознание, упала. Выбитый энергатор отлетел далеко в сторону. Мог ли я когда-нибудь предположить, что так жестоко обойдусь с любимой женщиной! Но время для сантиментов было неподходящим. Не устояв, я повалился рядом с Рикой, краем глаза успев заметить, что к ее оружию метнулся Торн. Предстояла новая схватка. Вскочив на ноги, я понял, что мое дело плохо: правая рука висела плетью, а куртка на плече набухла кровью. Я чувствовал, как убывают силы. И вдруг какая-то тень бросилась ему наперерез.

Вайла! Налетев сбоку, она сильно толкнула его, и он, потеряв равновесие, споткнулся. Кинувшись, я намеревался угостить его хорошим ударом, но опоздал. Оставив попытку завладеть энергатором, Торн выбежал из комнаты, и его шаги часто застучали вверх по лестнице. Преследовать сил не было, и потому, подобрав злополучный энергатор Рики, я вышиб ногой окно и перевалился через подоконник. Отбежав несколько шагов и увидев взлетевший с крыши гравилет, поднял левой рукой оружие, целясь в силовую установку.

— Никуда не уйдешь! Сейчас я тебя посажу! — почему-то истошно орал я, все никак не решаясь нажать на спуск: рука тряслась, в глазах плавали черные круги.

А гравилет все поднимался, забирая на юг. И вдруг... он превратился в ослепительный шар! Загрохотало. Сильный толчок бросил меня на землю. Мгновение спустя все было кончено. Лишь легкое облачко осталось на месте взрыва.

Кто-то приподнял меня за плечи. Откинув голову, я увидел Ивана Пласа и Вайлу.

— Ну вот и все, ребята. Работа закончена. Остались формальности... — Язык плохо ворочался. — Видела? — обратился я к Вайле, указав глазами на облачко. Она молча кивнула. — Между прочим, твой гравилет... Рика потому и задержалась наверху, что готовила взрыв. А он, когда бежал, в панике запомнил.

— Зачем им меня-то убивать?

— Ладно, потом объясню. Потерпи. А вам, доктор — выговор!

— За что, позвольте узнать?

— Просил вас не приходите сюда, а вы вот явились.

— Время считал подходящим — в доме драка, в небе взрывы. Раненые на земле лежат. Обопритесь на меня. Пойдем в дом чиниться. Вайла, помоги.

— Иван, в доме лежит Рика, — поддерживаемый с двух сторон, я пошел к двери. — Осмотрите ее. Очень бы не хотелось, чтобы она очнулась раньше времени. Если можно, введите что-нибудь усыпляющее.

— Со всеми разберемся, — начал Иван, но его перебила Вайла:

— Не беспокойся, Вет. Скоро она не очнется!

— Что ты с ней сделала? Она хоть жива?

— Не знаю. — Глаза Вайлы мстительно сверкнули.

Откуда и силы взялись — вырвавшись из рук сопровождавших, я побегал в комнату. У окна в луже крови лежала Рика. Рядом валялись моей энергатор и какой-то короткий металлический прут. Опердивший меня доктор склонился над телом.

— Когда ты выпрыгнул в окно, она пришла в себя и подобрала твой энергатор. Торн его бросил... — услышал я голос Вайлы. Она стояла в дверях и не торопилась зайти в комнату. — Ты целился в гравилет, а она пыталась разобраться с предохранителем. Я не стала дожидаться.

— Жива! — Иван поднялся. — Но дело худо. Срочно необходим регенератор. А вам, Вет, придется подождать — он у меня один.

— Подожду, доктор. Ее обязательно надо спасти!

Иван кивнул и вышел. Очевидно, за инструментами к гравилету.

Я валялся на диване, уставившись в потолок. Рядом молча сидела Вайла. Прошло уже больше часа, как Иван Плас прицепил мне к плечу регенератор и вернулся в соседнюю комнату к Рике, оставив нас

вдвоем. Никогда еще не было мне так плохо. Нет, не в физической боли дело, — она-то как раз прошла, — саднила душевная рана... Чтоб хоть как-то отвлечься от тяжелых мыслей, я попробовал пошевелить пальцами раненой руки. Удалось! Но Вайла тут же пресекла дальнейшие упражнения:

— Лежи спокойно! А то позову Ивана, и он тебя усыпит. Сеанс не закончен.

В конце концов неизвестно, кому из нас сейчас было хуже, и мне вдруг захотелось приободрить ее. Удивить. Дальнейшее молчание было невыносимо.

— Роси, — спросил я, — а фонаккорд в доме есть?

— Есть, но никакого желания играть... Да и тебе, кажется, рановато. Зачем он? — она остановилась и растерянно посмотрела на меня. — Как ты узнал мое прежнее имя?

— Музыка помогла.

— Музыка? Но я не сочиняю с тех пор, как стала Вайлой. Так, импровизирую иногда по просьбе друзей.

— А гипносны, которые ты создаешь для Ивана? Музыкальный почерк удивительно походит на почерк Росны Зор, музыку которой я знаю почти всю.

— Так уж и всю?

— Представь себе. Ведь я в некоторой степени музыкант, а она была для меня недостижимым идеалом. Однако Росна погибла, и это ставило в тупик. Но тут ты сама помогла.

— Как?

— Аварию расследовал один мой приятель, и я, естественно, знал подробности. Между прочим, и то, что под обломками гравилета не обнаружили тела. Поскольку машина лежала на краю болота, решили, что его выбросило ударом, и оно утонуло. И вот сегодня твой рассказ. Все встало на свои места. Сомнений не было: Росна Ойла Зор и Вайла Мария Дани — одно и то же лицо.

— Лица-то как раз разные. Потому называй меня по-прежнему Вайлой. Росна умерла.

— Хорошо. Но должен сказать, что именно это открытие позволило поверить в твой невероятный рассказ, отбросить версию с инопланетянами.

— Знаешь, я до сих пор не понимаю, зачем она напала на тебя у Мориса. Убивать, судя по всему, не входило в ее планы.

— Конечно, нет. Просто хотела привести меня в беспомощное состояние. Рассчитывала, что я передам дело в ее руки и, само собой, расскажу о задании, которое дал шеф. Убивать, не зная сути полученных мною инструкций, было безответственно. На Салгу прибыла бы группа дознания, и неизвестно, до чего она докопалась бы. Кроме того, мое задание могло быть никак не связано с их деятельностью. Мало ли что. Короче говоря, Торну крепко влетело за проявленную самостоятельность. Вот почему, кстати, он и не пытался напасть на меня возле твоего дома, а ограничился лишь угоном гравилета с трупом. Теперь Рика взялась за все сама и, надо сказать, весьма преуспела. Во-первых, она выяснила, что я уверен во внешнем вмешательстве, то есть в деятельности на Салге инопланетян. Во-вторых, я не собираюсь вызывать группу дознания, пока не разыщу тебя и труп Нэя. Доказательств-то никаких! Все это было ей на руку. Правда, напоследок она

решила воспользоваться твоей услугой: никто больше не мог восстановить Артура, а андроид им был необходим. Удайся ее замысел, и все мои розыски инопланетян или их сообщников ни к чему бы не привели. В конце концов я бы вызвал группу дознания, следствие затянулось и в итоге зашло бы в тупик. Понятно теперь, почему твой гравилет взорвался?

Вайла кивнула.

– А о задании шефа ты ей так ничего и не сказал?

– Напротив! – я улыбнулся. – Выложил как на духу.

– И в чем же оно заключалось?

– Хорошенько отдохнуть и набраться сил.

– Да ну тебя! Не хочешь – не говори, если это секрет, а насмехаться нечего.

– Вот-вот! И Рика так прореагировала. Однако это правда. Никакого конкретного задания я не получил! Другое дело – отпуск был неожиданным, и это заставляло думать, что предоставлен он неспроста. Бэр Хард, мой шеф, вероятно, имел какие-то подозрения относительно Салги и, без объяснений послав меня туда, рассчитывал, что, если я столкнусь с чем-то странным, то не пройду мимо. Кроме того, накануне он позаботился, чтобы о моем отпуске узнали как можно больше сотрудников Службы. Видно, у него были основания полагать, что кто-то из них причастен к делу Салги. Вообще, неожиданный отлет Главного следователя кого хочешь насторожит, никто не поверит, что у него нет задания. Так и случилось!

– А твоя подруга? – Вайла упорно не желала называть Рiku по имени. – Почему она оказалась с тобой? Или шеф ее подозревал?

– Не думаю. Скорее всего, это совпадение. На Рiku выбор пал, потому что мы давно симпатизировали друг другу, а отправляли-то меня в отпуск в конце концов! Все должно было выглядеть вполне естественно.

Я замолчал. Вайла задумчиво вертела в руке какую-то безделушку.

– Ну и работа у тебя, – наконец произнесла она.

– Что поделывать? Ничего другого не умею.

– Что ж, будем прощаться...

Мы с Иваном уложили спящую Рiku в гравилет и подошли к Вайле.

– До свидания, Вет, – доктор крепко пожал мне руку и, вдруг спохватившись, выпустил.

– Все в порядке, Иван, – я улыбнулся. – Жмите как угодно – отремонтировано на совесть! – И сам сжал его ладонь. – Всего доброго. Рад был знакомству.

– Еще бы! Ума не приложу, что вы будете без меня делать?

– Постараюсь не ломаться. До свидания, Вайла!

Но она не ответила, а обняла меня.

– Я буду ждать тебя, Вет Ник. Ведь ты вернешься?

Впереди была большая работа. Неизвестно, что готовила судьба. Но я вдруг понял, что очень хочу этого. А потому, склонившись к ее уху, прошептал:

– Обязательно вернусь. – И уже вслух с улыбкой добавил: – Даже могу заранее сказать на сколько – на целых семь дней!

– Почему на семь?

– Столько осталось от моего отпуска. Но, возможно, я задержусь.

Я поцеловал ее и, не оборачиваясь, пошел к гравилету.

Тридцать лет спустя...

...после публикации в «Смене» первой карикатуры Виталия Пескова я разговариваю с ним, знатным и умудренным, стараясь не впасть в чересчур лирические воспоминания.

И все же...

– *А помнишь?*

– Ну, конечно. Я служил тогда в армии. В стройбате, в Нижнем Тагиле. И через третьи руки пара моих рисунков попала к уже известному в то время писателю-юмористу Михаилу Андраше. А он был тесно связан со «Сменой»... Так в 1967 году, в мартовском номере, я и «засветился».

– *Значит, «Смена» твоя крестная мама?*

– И папа. Олег Теслер, художник «Смены», – тоже поддержал меня здорово. Мы с ним и творчески, и по жизни крепко сошлись...

– *А потом?*

– «Литературна», клуб «12 стульев», мультипликация, выставки...

– *И премии, призы...*

– Самый дорогой для меня – «Золотой Остап-95».

– *Твой вездесущий герой «Коля» прошагал по парижам, лондонам, пожалуй, по всем городам и весям СССР и нынешней России... Где ему было сподручней, что ли, уютней?..*

– Среди людей... Знаешь, во все годы у нас смех сквозь слезы и слезы сквозь смех – дело привычное. Так что кому-кому, а моему Коле всегда место найдется.

– *А художнику Виталию Пескову?*

– Ну, на страницах «Смены», надеюсь... Да, в общем, жаловаться не на что, работы хватает – ведь сейчас что ни день, то подарок для карикатуриста... А если серьезно, душа болит... Надеюсь, хотя бы мой Коля чем-то обрадует людей и они улыбнутся. Человек улыбающийся, как заметил прекрасный писатель Юрий Олеши, живет в согласии с самим собой и оправданием... А это – путь к стабильности, о которой ныне все так пенутся.

– *Твой первый гонорар?*

– 24 рубля, из «Смены». Представляешь, какая это была сумма для солдата? За один рисунок почти четвертань! Я прямо-таки сам себя зауважал...

– *О чем мечтал двадцатидвухлетний солдат Виталий Песков и о чем мечтает он тридцать лет спустя?*

– Мечтал? (Тут художник провел пятерней по остаткам бывлой шевелюры и стал чем-то неуловимо похож на своего героя...) Ну, о «гранданке», о веселых девушках, о хорошей дружной компании, где тебя понимают... О славе, деньгах? Нет – это и тогда, и сейчас как-то мимо души... Впрочем, вру. Вот именно сейчас мечтаю стать богатым, купить обалденный компьютер со всеми «наворотами» и делать на нем «мультики». Себе и другим в радость.

– *Вместе с Колей?*

– А куда же он без меня, а я без него?

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

В. Песков

В. Песков

ТАК ЖИТЬ ~~НЕЛЬЗЯ~~
~~МОЖНО~~
~~НЕЛЬЗЯ~~
~~МОЖНО~~
~~НЕЛЬЗЯ~~
МОЖНО

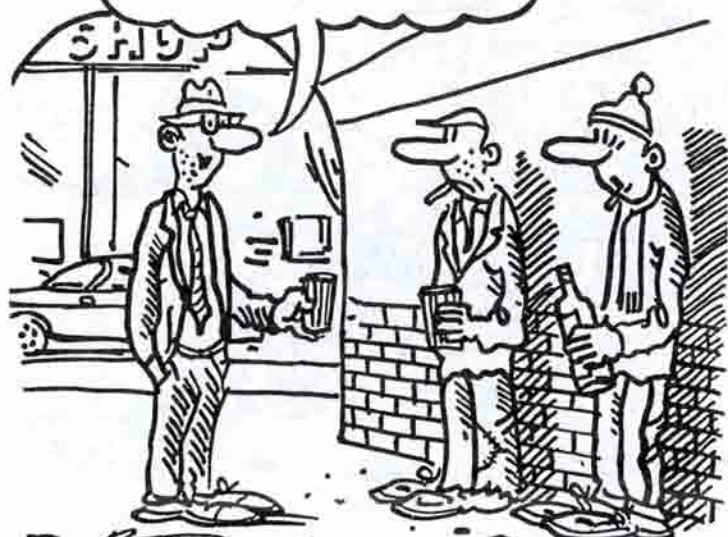
В. Шевцов 94

В. Шевцов

ФУРШЕТ - ЭТО КОГДА,
КАК И МЫ, ПЬЮТ СТОЯ

В. В. Смирнов 952

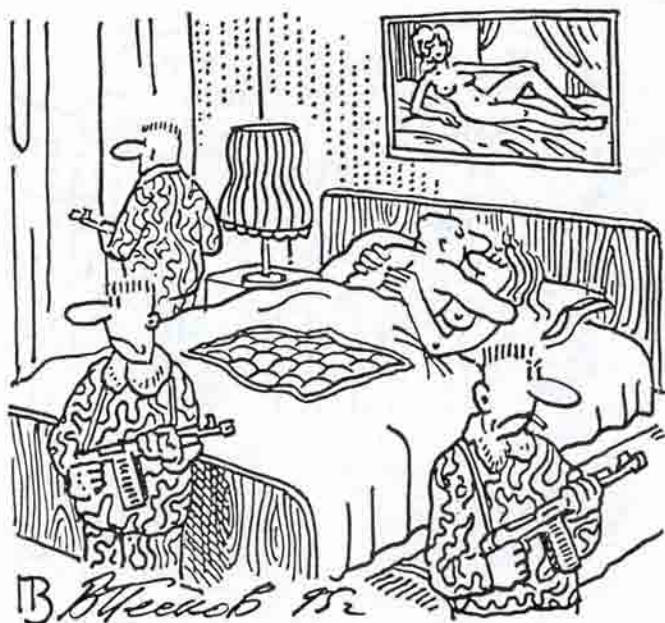
МОЕ ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ:
СООБЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,
СЕГОДНЯШНИЙ КУРС ДОЛЛАРА

В. В. Смирнов 852

В. Алексеев 85

В. Алексеев 952

Душа и Юмос

Если тебя обзывают "психом", а ты отвечаешь:
"от такого слышу", то не исключено, что ты прав...

Мы все сегодня живем в экстремальных условиях. Ломаются старые общественные отношения и стереотипы сознания, души людей испытываются на прочность, многие пребывают в состоянии тревоги за завтрашний день, за детей, за судьбы Отечества. Как же выжить в этих условиях? Здесь без совета психолога не обойтись.

Наш корреспондент обратился к такому специалисту. Кандидат медицинских наук **ОЛЕГ РЮМИН**, психолог Центра подготовки космонавтов, многие годы работает с теми, кто добровольно обрекает себя на нечеловеческие порой трудности, – с космонавтами.

– Олег Олегович, я слышала, что американские астронавты, познакомившись с нашей системой предполетной тренировки, отмечали ее чрезмерную жесткость, даже усмотрели в ней покушение на права человека...

– У американцев свои правила подготовки, у нас – свои. Наши космонавты по обыкновению находятся на орбите многие месяцы, поэтому и подготовка более основательная, позволяющая выявить, а порой и развить скрытые физические и психологические возможности. Американцы нередко отвергают наши методы. У них психологическая подготовка отсутствует вовсе. Однако сейчас, после полета Нормана Тагарда, они убедились, что без танковой не обойтись... Вообще, сегодня идет неуклонный процесс сближения двух систем подготовки космонавтов и астронавтов. Ведь в ближайшей перспективе у нас международная космическая станция, а дальше... Может быть, и полет к Марсу!..

– Вы год проработали в Хьюстоне. Отличаются ли американские «небожители» от наших по социально-психологическим качествам? С кем из них труднее или, скажем, интереснее работать психологу?

– Американцы привыкли к комфорту во всем, в том числе и в космосе. В этом нет ничего плохого. Они так воспитаны. Мы же воспитаны аскетами. Например, американские астронавты пребывают в космосе не более 15 дней, но они все равно требуют несколько раз в неделю встречи в эфире с близкими. Мы же считали, что это чересчур часто: во-первых, каналы связи останутся перегружены, во-вторых, думалось, такое частое общение с родными излишне, может даже травмировать космонавта.

Уехав в Хьюстон, я, можно сказать, побывал в «космическом» годовом полете. Сначала звонил домой каждый день. Потом начал звонить друзьям, потом – прочим знакомым. И убедился, как нужна эта широта и частота общения. Ведь в полете у человека меняется многое: впусы, привычки. Космос психологически очень меняет человека. Общение – это защита от стрессов, неизбежных в таком случае.

У американцев нет житейских проблем в нашем понимании, и нам ошибочно кажется: американец проснулся, увидел, что солнце светит, и – уже счастлив. Но и их жизнь, не меньше чем наша, порождает «проблемы души». Потому они привыкли обращаться к психологам, психоаналитикам. И надо сказать, это – хорошая привычка.

– Верите ли вы в существование души?

– Что такое душа? Это внутренний мир человека, а зеркало души – его поведение. Ясновидение? Есть фанты, подтверждающие это. Я имел дело с таким человеком несколько лет назад. Он владел гипнозом. Даже внешне он резко отличался от окружающих: черные брови, колючий взгляд... Он ставил интересные эксперименты. Сначала, внашл испытываемым ощущение невесомости. Их состояние в

какой-то степени соответствовало тому, что бывает с человеком на орбите. Гипноз – один из методов психологии. Это явление имеет под собой теоретическую и материальную основу.

А вот в заряженную воду, в лечение по фотографиям не верю совсем! На такие трюки поддаются только очень внушаемые люди. И к космонавтам не раз приезжали такие «специалисты». Но доверия им нет.

Мы используем иные методы: систему йогов, аутогенную тренировку и другие, основанные на знании природы психических процессов. Это позволяет нашим космонавтам управлять своим состоянием.

– Можно ли использовать достижения космической психологии в повседневной жизни простых землян? Возможно ли с помощью психолога обрести если не полное спокойствие в душе, то хотя бы какое-то равновесие?

– Дело в том, что космонавтов мы готовим на земле. Уже поэтому, что мы делаем, полезно не только космонавтам. Возьмите, скажем, обычное умение управлять собой, умение расслабляться в напряженной ситуации. Оно необходимо всем, но редко кто им владеет. Откуда, скажем, у нас агрессивность?

Агрессивность – это сложное состояние, и в психологии ее изучением занимаются специалисты. Одной из причин агрессивности, на мой взгляд, можно считать дисгармонию внутреннего мира человека и внешней среды. При этом под средой нужно понимать весь комплекс проблем – от социально-бытовых до общегосударственных, создающих положение, при котором личность не может реализоваться, а ее потребности и возможности не согласуются между собой. Возникает нервность, агрессивность. В данном случае я говорю об агрессивности как о состоянии, а не как о проявлении психического заболевания.

– Значит, всем людям в России нужна сегодня психологическая подготовка, нужны «психологи для всех»?

– Когда мы пересаживали летчиков на пятое поколение самолетов, от них потребовалась более высокая техническая и психологическая подготовка, иначе им трудно было бы разобраться в этом нашпигованном элентрониной летательном аппарате и адаптироваться к нему. А сейчас наше российское общество целиком переходит в новую фазу общественных отношений и одновременно переходит еще и в другой век – век элентроники и информации, сильно при этом отставая в темпах от того же американского общества. Кто, как не психолог, должен быть рядом с людьми, чтобы помочь им выжить, потому что иначе воздействие на общественное сознание стрессов может привести к развитию патологии.

Психологически готовить человека к жизни надо с малых лет. Необходимо начать уже сегодня (если не сказать «вчера»!) расширять сеть психологических консультаций – по образцу юридических. Нужны семейные психологи – ведь есть же семейные врачи. Психический анализ – очень действенный метод, в основе его лежит индивидуальный подход к каждому пациенту.

Начинать готовить к жизни нужно в школе, а может быть, и в детском саду. Ведь психология и педагогика близки друг другу. Если воспитатель детского сада не владеет азами психологии, думаю, ему нельзя доверять воспитание малышей, ибо такие педагоги стремятся уравнивать детей под общий знаменатель. К примеру, почти каждый российский левша расскажет вам, как его в детстве мучили, переделывая то, что заложено в нем природой. Его «ломали», заставляли писать и рисовать

только правой рукой. Американские педагоги этого давным-давно не делают. Едва ли не половина американцев пишут левой рукой. Это означает только, что у одного человека ведущим является правое полушарие головного мозга, у другого левое.

Мы пока не умеем быть добрыми с детьми, настраиваться на их ритм жизни. Не потому ли они у нас порой ведут себя, как волчата? Особенно если собираются стайкой, когда вокруг подростков моментально возникает агрессивная аура. А вокруг соблазны, провоцирующие запреты, выпивка, наротики... Сколько стимулов для агрессивности!

– Психология указывает путь лечения недугов человека и общества. Во всяком случае, без нее не обойтись, если вы выбираете путь к здоровью и душевному равновесию. Но что делать в тех случаях, когда психолога нет рядом и не к кому обратиться за помощью?

– Люди в какой-то мере сами себе психологи. Они сами могут воспитать в себе спойности, терпимость. Человек делает себя сам в любом случае. Мы учим своих подопечных не принимать споропатительных решений. Такой же совет можно дать всем. Умение управлять собой, своими эмоциями смягчает стрессы, облегчает путь к здоровью.

– Олег Олегович, вот вы говорите, что даже во многих стрессовых ситуациях люди в состоянии помочь себе сами? Но – каким образом?

– То, что мы советуем космонавтам, готовя их к полету, может пригодиться и обычным людям. Снажем, владеть своими эмоциями, уметь расслабляться в напряженной ситуации – этому каждый должен научиться. Мы разработали тесты, которые назвали «Познай самого себя». На них можно проверить свое внимание, память, волю. Они полезны для абитуриентов, поступающих в военное училище. Их мы использу-

ем и для подготовки космонавтов. Каждый подросток, юноша может проверить на них свои возможности. Возможности анализировать, проверять, тренировать, развивать свои психологические качества: внимание, память, наблюдательность, волю – словом, «ставить» себе характер.

Могу предложить сейчас несколько наиболее эффективных методик тренировки. Начать можно с памяти. Но – сделаю небольшое отступление.

Думаю, каждому интересно узнать: а наковы вообще возможности нашей памяти. Один из крупнейших математиков и кибернетиков двадцатого века фон Нейман рассчитал, что человеческий мозг может вместить примерно 10^{20} единиц информации. Это означает, что каждый из нас может запомнить всю информацию, содержащуюся в миллионах томов крупнейшей в мире Российской государственной библиотеки. Фантастика? Нет, все зависит от того, насколько человек сумел реализовать свои возможности, заложенные природой.

Историки утверждают, что Гай Юлий Цезарь и Александр Македонский знали в лицо и по имени всех своих солдат – до 30 000 человек! А философ и писатель Луций Сенека был способен повторить две тысячи не связанных между собой отдельных слов, услышанных только один раз.

В зависимости от содержания различают несколько видов памяти: образная (зрительная, слуховая, двигательная и т. д.); эмоциональная или «память чувств»; словесно-логическая, или смысловая. У большинства людей смешанный вид памяти. Однако встречаются ярко выраженные (снажем, зрительный, слуховой или двигательный) типы, зависящие от задатков конкретной личности. Все это нельзя не учиты-

вать при выборе профессии. Тесты помогают определить, в чем человек силен, а в чем слаб. Советую не просто использовать выявленный у себя тип памяти, а развивать те стороны, которые находятся на более низких уровнях.

Еще одно пожелание. Не следует огорчаться, если первые попытки окажутся неудачными. Нужно сосредоточиться, найти свой подход. Дело в том, что чисто механическое запоминание не всегда эффективно. Необходимо всегда искать нить воспринимаемой информации.

В предлагаемых тестах речь пойдет как о зрительной, так и о слуховой памяти – нужно уметь быстро переключаться с одного типа на другой.

А теперь давайте дадим читателю время подготовиться: для проверки слуховой памяти понадобятся диктофон или магнитофон, часы с секундной стрелкой, лист бумаги и карандаш. На магнитофон записываются 40 не имеющих смысловой связи слов, разделенных на четыре серии:

1-я серия	2-я серия	3-я серия	4-я серия
запад	трава	фляга	хлеб
игра	ремень	зима	радар
мост	гараж	самолет	тюльпан
завод	акустик	деревня	журнал
стул	город	прицел	краб
береза	ящик	рычаг	лампа
золото	вилка	оно	шина
каска	миска	база	огурец
грабли	слива	солнце	лимон
казак	шалаш	офицер	водолаз

(Можно обойтись без магнитофона, если вам кто-то будет зачитывать эти слова.) На звуковое воспроизведение каждой серии дается 20 секунд. Задача испытуемого – запомнить и записать услышанные слова. (Пусть первые три серии будут тренировочными, а четвертая –

зачетной). Затем в течение 45 секунд он должен написать на бумаге слова в любом порядке. Оценка памяти проводится по «школьной» пятибалльной системе. Поэтому просто выяснить: ваша слуховая память – «двоечник» или «отличник». Если удалось запомнить только 4 слова, то дается 2 балла, если 5–7 – 3, 8–9 – 4 балла, 10 – 5 баллов.

А вот тест, который у нас называется «Коррентурная проба». Думаю, это наиболее универсальная методика оценки свойств внимания. Для этого нужен вот такой бланк:

ж ф с я а б ц о в л р д н а с т у
о я г р л е ю о в л а н г а з и о н ц
ц п л о н д в т ж б ш р я о е а н
з д к л и о ц и а н е с г в у я о з
е н о в н а и ю х э ф г ш ж б т р
я г в м о е а ш ч э л в е м ж ч ш
и у я ч с м в ы г у е о н а т ж б ш р
я о х э ф р д р н в б о л э п ж х ч н
п т ж б о р д ф я к е м б ы г у о с м
в ы г у ш к ю х э ч н ф д г и у х г и

Понадобится еще секундомер и карандаш. По команде необходимо внимательно рассмотреть строки и зачеркнуть все встречающиеся определенные буквы (их должно быть две, скажем, «с» и «б»).

Через кандную минуту, опять же по команде, вы должны поставить вертикальную черту там, где остановились. Затем идти дальше. Общая продолжительность работы – три минуты.

Оценка свойств внимания производится путем подсчета количества просмотренных строк (5) и допущенных ошибок (т). Из этого определяется коэффициент устойчивого внимания. Целесообразно построить график устойчивого внимания, где по оси «Х» отложить время работы (1,2,3 минуты) по оси «У» – число ошибок. Он поможет вам наглядно наблюдать, как в процессе тренировок

идет формирование устойчивого внимания.

– *А как научиться концентрировать внимание?*

– Можно начать с самого простого. Научиться сосредотачиваться на объекте наблюдения. Для тренировки можно взять обычные часы. Сконцентрируйте свое внимание на секундной, а потом и на минутной стрелке, полностью отключитесь от внешней среды на 1,2, а потом и на 5 минут.

Очень интересный способ тренировки концентрации внимания предложил К.С. Станиславский. Пространство внимания человека делится на три круга. Большой – это все обозримое пространство; средний – круг непосредственного общения и ориентировки человека; малый – сам человек и ближайшее пространство, в котором он действует.

Упражнение нужно подкреплять мысленными командами: «Я концентрирую свое внимание. Мысленно представляю себе три круга: большой, внутри него средний, а в среднем – малый.

Первый круг моего внимания – это все обозримое мной пространство. Я мысленно вижу свой город, свою улицу, дом, в котором живу, и людей, которых я знаю много лет.

В этом большом круге моего внимания есть второй, ограниченный стенами комнаты, в которой я сейчас нахожусь. Мысленно рассматриваю обстановку комнаты. Все здесь радует взор, успокаивает и располагает к отдыху.

В комнате есть и третий круг моего внимания. Это я сам. Когда я обращаю внимание на себя, все окружающее становится расплывчатым и тусклым. Мысленным взором вижу только свое тело: лицо, руки, ноги, туловище. В общем пространстве внимания я сейчас вижу лишь себя, я – целиком, абсолютно сосредоточен на себе»...

– Последнее время много говорят об аутогенной тренировке. Можно ли любому овладеть ею, и в чем она заключается?

– Сегодня разработаны достаточно эффективные методы, помогающие корректировать психологическое состояние людей, работа которых связана с экстремальными ситуациями, с повышенным нервно-эмоциональным напряжением.

Первый путь связан с особенностями влияния тонуса скелетных мышц и дыхания на нервную систему. Чем напряженнее деятельность, тем выше этот тонус, тем интенсивнее поток так называемой активирующей импульсации, проходящей в нервную систему от мышц. И, наоборот, полное расслабление всех мышц понижает уровень активности центральной нервной системы. Значит, надо учиться поддерживать оптимальное состояние своих мышц и дыхания в любой, даже самой стрессовой ситуации.

Второй путь основывается на использовании активной роли представлений, чувственных образов. Замечено, если в мыслях постоянно удерживать мрачные, безрадостные картины, рано или поздно здоровье у человека ухудшится. Светлые, жизнеутрачивающие образы и представления, наоборот, улучшают самочувствие, «оздоравливают» организм.

Азбука аутогенной тренировки включает в себя управление вниманием, оперирование чувственными образами, словесные внушения. Попробуйте представить в отдельных участках рук, ног ощущение тяжести и тепла. Постепенно это ощущение распространите на все тело. Можно сделать так. Погрузите палец правой руки (если левша – левый) в теплую воду и все внимание сосредоточьте на воспринимаемом при этом ощущении. Если через некоторое время попытаетесь вызвать этот образ, то с первого раза возникнет не-

которое ощущение (покалывание, пульсация) внутри пальца, а затем и нужное ощущение тепла.

Словесные формулы каждый составляет для себя сам и произносит медленно в такт дыханию. Надо научиться и релаксации (расслаблению).

Во многих профессиях необходимо проявлять творчество, уметь быстро решать интеллектуальные задачи. Иметь изобретательность, экстравагантность мысли. Скажем, кузнецу принесли пять обрывков цепи по три звена в каждом обрывке и заказали соединить в одну цепь. Кузнец решил раскрыть четыре кольца. А нельзя заковать цепь, раскрыв меньше колец?..

Способность к творческому, разному мышлению в равной степени необходима любому современному человеку – и летчику, и космонавту, и моряку-подводнику, и предпринимателю. Большинство людей сегодня то и дело оказываются в сложной обстановке, когда времени на принятие решения очень мало и без быстро срабатывающего образного мышления невозможно с максимальной полнотой ни оценить ситуацию, ни выбрать единственно верный ход.

– Олег Олегович, если это не очень большой секрет, случалось ли вам наблюдать кого-либо из космонавтов, кто психологически, если и не сломался, то вернулся из космоса в таком состоянии, что ему пришлось очень долго, может, годы, приходиться в себя, и о дальнейших его полетах не могло быть и речи?

– Если бы такие были, сказал бы: «Да, были», – но не назвал бы фамилий... Нет, в космос летали и летают люди мужественные, психологически сверхстойчивые, и возвращаются они оттуда еще более закаленными в этом смысле. Не помню, кто бы из них не хотел полететь в космос во второй, третий раз.

Беседу вел ЕЛЕНА ВАЛЬКОВА.

ВЛАДИМИР
КАРПОВ

УЛДЭБ НИЩИХ

В Бийской церкви мне подал нищий. Лет сорока на вид, исхудалый, с ясным до воспаленности взором. Он закрывал воротники церковной ограды за последним прихожанином, кланяясь каждому и крестясь. Можно было принять его за дворника, но скорее всего он выполнял поручение, делая все истово и трепетно.

– Закрыто уне? – заговорил я в сердцах. – Эх, как жалко, а!.. Мне крестини хотелось купить детям. Они здесь крещены, а живем в Москве. Хотелось, чтоб крестини были отсюда. А завтра я уезжаю...

– Проходите!.. – широко и резко распахнул воротники убогий.

Мне запала в память легкость и стремительность его походки: пропустив, в следующее мгновение он уне был впереди меня, в двух словах все объяснил служке, приоткрывшей двери церкви; с той же несуетной стремительностью передвигаясь под сводами храма, разыскал,

привел другую служну, которая разложила передо мной крестини и свечи...

А когда я вышел из церкви, уже за ограду, мужичок этот – нищим ли, юродивым его назвать? – догнал меня.

– Детям вашим, – протянул он булку черного хлеба.

Я невольно отметил обременявшийся рукав его велиноватого пальто, обвисшую кирзовую сумку, где успела побывать даруемая булка хлеба, и первым моим чувством, грешным делом, была брезгливость... Я даже досадливо и обреченно подумал в том духе, что, мол, не было печали эту заскорую буханку из Бийска в Моснву тащить.

Но тотчас и засовестился, поняв, что ведь ради этого я сюда и приходил, связь искал, спасительную и для себя и для детей своих, связь с родовым, предначертанным, и вот он, знак-то воплощенный, даден... Взгляд нищего был осиянным, упругим, да и во всей сухопарой фигуре его чувствовалась неожиданная подобранность, сила.

Я уходил с хлебом нищего в своей и без того переполненной сумке и как-то радужно представлял, как разрежу булку на сухарики, как будут дети хрумкать, ничего не подозревая... Мне важным казалось, чтоб они именно «ничего не подозревали», тогда и сила эта, связующая небо, родину и нас, затерянных, будет к ним подспудно приходить, включать в свое кругообращение...

Ночевать я отправился к родственникам, которые живут около вокзала: на первый автобус – и в барнаулский аэропорт.

– Ой, Вовочка, все же зашел, – по-старушечьи прильнула к плечу моя двоюродная, или, как у нас говорят, сродная племянница. – А то слышу, что ты приехал, а не заходишь и не заходишь!..

В родне моей даже троюродные ближе, нежели в иных семьях – родные. А было у моей матери десять братьев и сестер, почти у всех из них в свою очередь – по пятеро. Родила меня мать поздно, поэтому в ровнях моих оназались племянники.

– А к нам счас соседна заходила, у ней горе, – оправдывая расплавленность свою нетрезвую, говорила племянница. – Сына в милицию забрали. Где-то около вокзала он в палатку залез, а тут, как на грех, милиция!.. Она пришла, плачет: как же так, говорит, они всегда с вашим Женькой неразлучны были, с крестником-то твоим, ты хоть помнишь, что Женька тебе крестник, забыл уж, поди?.. Жень, поздоровайся с лелькой-то!

Она открыла дверь комнаты: крестник мой, худенький, чернявый, как и мать, подросток лет семнадцати лежал на кровати. Поздоровался, но не поднялся.

– Так вот она и говорит: как же, мол, они всегда вместе были, и наш пошел, залез в этот ларек, а ваш же вот не пошел!.. А куда же, говорю, он пойдет, у него даже ботинков нет!..

– Бить его некому, – вышел из кухни улыбающийся глава семейства: небольшого росточка, тоненький, но духовитый. Он третий муж моей некогда цыганисто красивой племянницы – с первым она развелась, второй ушел под весенний лед в кабине грузовина, а этот, третий, Витен, приехал за ней, уже имевшей двух детей, аж с Дальнего Востока. Работать стал: водил КамАЗ с прицепом в Монголию. А это, друзья, требует характера: я вот с ним летом как-то по Чуйскому проехал до пограничного поселка Ташанта, так до сих пор во мне живет ощущение подвига – горы, дорога плохая, долгая – а как зиму представишь, гололед!.. Ну, конечно, красота – Алтай.

У племянницы моей тоже была денешная работа: в парикмахерской. Помню «внешпосылторговские» рубли стали они копить, в магазин «Березка», которого в Бийске не было, в Новосибирск ездили за попутками...

Витен, радостно щуря хитренькие глазки, позвал меня на кухню.

— Здесь вчера мышь повесилась, — открыл он холодильник, окончательно став похожим на очарованного жизнью чукотского рыбака, какими их рисуют на картинках.

— Дожили, Вовочка, — запричитала за спиной племянница. — Чуж, парикмахерскую приватизировали, продали, теперь перестраивают, я без работы осталась, этот на ремонте уж, однако, полгода!.. Я не знаю, че он там столько ремонтирует?!

— Ты все в Монголию гоняешь?

— Какой там в Монголию!.. В коммунальном хозяйстве, на мусорке он работает!

— Так на мусорке-то заработки, вроде, должны быть?

— Какие заработки, он всю дорогу на ремонте!.. А у ребенка, вон, ботинков нет, на улицу выйти не в чем!..

— Вов, прикинь, целый день лежит. Целый день! Ни девон ему не надо, ниче... — При этих словах Витя достал початую бутылку водки и поставил на стол рядом с большим комком крупной соли на тарелке.

Когда я ложился спать, то отметил, что на стенах висят подвыцветшие, но добрые еще ковры, купленные когда-то в «Березке», мебель приличная, и как бы ничто не говорит об упадке, о подступившей нищете...

— Вишь, Вовочка, мы выпили-то почему, — в который раз присаживалась на кровать ко мне моя сродная. — Женькиного друга посадили, он в ларен залез, в палатку эту, взяты-то ниче не взял, а тут мили-

ция... А мать-то пришла его, говорит, как же так: наш пошел, а ваш же вот не пошел? — И далее следовало как бы поразившее ее: — А куда же он пойдет, когда у него ботинков нет?!

Это была боль и тягостная дума, видимо, уже не первого дня — ботинки!.. И до меня не сразу дошло, что рассказ ее целенаправлен. Ведь я — лелька, то есть крестный, второй отец!.. Тем более что родной Женин отец погиб... Когда-то у меня выходили книги, в конце восьмидесятых здесь, на Алтае, снимался фильм, тогда еще, помнится, режиссер все подшучивал: «Если бы я знал, что так будет, никогда бы здесь не стал снимать: куда ни придешь, отовсюду бегут семьдесят Нарповых — и все со шмурдюном!..» Но сейчас... Завернул я на родину по пути из командировки, и других денег, кроме командировочных... Да и, прямо сказать, у моих детей с ботинками тоже немалые сложности, не говоря уж обо мне... Словом, не на ботинки, но на тапочки наскреб.

— До лета бы дожить, — заговорила племянница спокойнее, — а там, я думаю, возьму инструмент и пойду по селам, подстригаться же людям все равно надо, а ному и прическу сделать?.. Сколько уж заплатят...

— Вовчик, — появился за ее спиной улыбающийся Витен, — ты там вынеси предложение: пусть нас дустом каким-нибудь, что ли, сыпнут! А то жить не живем — и помереть не можем!..

— У других торговать получается, а я вон пошла, стояла, стояла, так и отдала, сколько дали...

Всю ночь они шебутились, возня каная-то шла, в полусне я успевал подумать, что и тапочек, видимо, не будет. Хотя, впрочем, после той водки, которую родные мои пили под соль, не уснешь и не протрезвешь. Я вот с одним из сродных братьев под пельмешки, грибочки и прочие соленья отпробовал для меня весь-

ма умеренную дозу местной водки, причем, как было сказано, «проверенной», так сутни ходил – не пьяный! – чумовой какой-то!..

И родня моя необъятная вставала перед глазами: дядьки, крупные, немногословные, ломовые в работе и жалостливые по-бабьи, мать и тетки, по-мужски сдержанные, безропотные, как вечность, братки и няньки, так же все костистые, но уже побойчей, задиристей... Остается только гадать, как могло бы разрастись, подняться, размахнуться в родовом селе на речке Кажна это доброе, дружное до ощущения единотелости племя, не развеяй его по белу свету каждое десятилетие меняющейся эпохи.

Так, в полудреме, я поднялся после звонка будильника, стал одеваться.

– Чаю хоть попей, – потирая припухшие вены, подошла племянница. – Ты уж не обидься, что так встретили тебя. Вчера, вишь, женькиного друга мать приходила... – Ужне на трезвеющий раздумчивый лад принялась она за прежнюю историю.

– Какой чай, десять минут до автобуса, – наклонился я, чтобы обуться...

Ботинков не было. Нигде их не было. Сон как рукой сняло; билет у меня на десятичасовой рейс, до Барнаула три часа пути, там еще до аэропорта, и если я сейчас не успею на автобус... Витькины распознанные обутки мне и близко не лезли, а бежать босичком по сибирскому-то морозу!..

– Где Володины ботинки?! – страшно прокричала племянница.

– Откуда я знаю, – ответил, не вставая с кровати, крестник.

Виктор вскопился со сна, будто после драки, заозирался жутковато – не надо, похоже, Витен, никакого дуста! – а я прикидывал: двадцать пять процентов стоимости билета вычтут, у кого можно занять денег, чтобы доплатить и улететь?..

Вдруг что-то странное, как бы выкручивающее глазницы, всколыхнулось в лице женщины. Она метнулась в ванную, открыла крышку стиральной машины.

– Володя, Вовочка, не подумай что... – зашептала она в густо хлынувших слезах, – Во-во-очка-а-а...

Поверх белья лежали мои разношенные осенние обутки.

Одет я был по-московски, и сибирский утренний мороз сразу же пробрал меня насквозь. Вдоль всей улицы, до привокзальной площади уже выстраивались лотошники, стихийные продавцы, раскладывающие товары на ящиках и коробках... И всего меньше здесь можно было увидеть «даров Алтая»: недровых орешников, меда, даже масло облепиховое исчезло!.. Все те же, одинаковые от Москвы до самых до окраин, импортные упаковники, а если есть орехи, то грецкие, уже очищенные и развешенные...

Подрагивая и ежась, я вспомнил, что в Москве, точнее в Подмосковье, меня ждет совершенно промерзшая квартира: писательский дачный поселок, где я жил тогда, оказался неоттапливаемым, то ли, как судачат, начальство хочет довести все до ручки, а потом продать, то ли просто по бесхозяйственности...

И, словно вмести в себя мечту племянницы моей о лете, когда она налиной перехоной пойдет по Руси с ножницами и расческой, с веселой Витькиной мстительностью я подумал: ничего, Жека, крестничек, доживем до лета, а там можно будет и без «ботинков» подломить ларек!..

В автобусе, переведа дух, я вдруг обнаружил пропажу: в сумке не было хлеба, который мне подал Божий человек... В первый миг обдала досада: не поест моим детям сухариков, напитываясь негаданно вразумляющей силой небесной!

Но тотчас понял: хлеб нищего попал по назначению.

ВИКТОР ЧАЙКА:

**"Я-ОДЕССИТ,
и Это значит...!"**

В Одессе, близ Дерибасовской, в модном ателье работал простой гладильщик, который отличался от своих коллег тем, что постоянно прожигал кофточки и платья закатчиками. За испорченную одежду расплачивался из своего кармана, залезая в долги. Но вскоре ему надоела такая жизнь. Решил попробовать свои силы на другом поприще – музыкальном. Поступил в консерваторию на дирижерское отделение. После окончания учебы он с молодой женой и мизерной суммой в кошелек отправился покорять Москву. И покорил. Стал вначале известным композитором Виктором Чайной (его песни исполняют Ирина Аллегрова, Валерий Леонтьев, Ирина Понаровская и многие другие звезды), а затем и исполнителем собственных песен.

– Вы долгое время работали в джазе... Почему песня перебила джаз?

– Я знал, что делал. Хотя больше горжусь тем, что до того, как заявить о себе в шоу-бизнесе, преподавал в джазовой студии вместе с Брилем, Нозловым, Гараняном. Вот это музыканты!

– Ну а нынешние ваши коллеги по сцене?

– Увы, высокий интеллигентный уровень сейчас не моден в музыкальных кругах. Звездой может стать кто угодно, даже человек, не знающий нот. Просто слететь пару песен, запрограммированных на хит, не представляет большого труда. А потом начинается «звездная» болезнь. («Я – знаменитость!») – считает новоявленный певец, и те, кто кормится за счет него, активно его в этом поддерживают.

– А как в рок-музыке? На нее это не распространяется?

– Рок сейчас популярен, но в меньшей степени, поэтому халтурят чаще в развлекательных музыкальных жанрах. Из рок-музыкантов очень уважаю Андрея Макаре-

вича, Бориса Гребенщикова и Юрия Шевчуна. Это серьезные люди, философы. Они всегда находились и находятся в стороне от моды, им всегда есть что сказать слушателю, наверное, поэтому их и любят. А когда видишь на сцене пацана, который через мат или просто плохие стихи пытается что-то донести до слушателя – даже не смешно.

– Но ведь этих пацанов тоже любят и хотят слушать.

– Фанаты и фанатки – закон жанра. Сегодня они «балдеют» от одного, завтра – от другого. В конечном счете им все равно, от кого сходить с ума. Артисты со стажем это понимают. Молодняк же «тащится» от своего однодневного успеха. Эстрада – это искусство со своими законами. Мне приходит в голову сравнение эстрады с колбасой. Вкусы у всех разные, но колбасу едят все. И в больших количествах.

– Если эстрада – колбаса, тогда вы – повар. Ваша продукция «съедобна»?

– Я стараюсь изготавливать качественную музыкальную продукцию, и успех многих моих песен – тому подтверждение. Я всегда знаю, кому какая песня предназначена.

– Почему вы сами стали исполнять песни?

– Несколько лет назад я с удовольствием работал с Алесеем Глызиным, много в него вложил. Сегодня стало не в кого вкладывать, и я запел сам.

– Выступив с сольным проектом, вы начали снимать видеоклипы на свои песни. Один («Мона Лиза») вам стоил целого состояния: вы продали машину, чтобы оплатить недостающую сумму. Кстати, почему на экране вы выглядите старше своих лет? Может, плохо снимают?

– Действительно, снимают ужасно. Я часто недоволен съемками. Большинство режиссеров

видят во мне героя-любовника, пытаются сделать из меня замороженный персонаж с томным взглядом. Это не мое. Я – одессит, и этим все сказано. Надо один раз прийти на мой концерт, и все будет ясно.

– *Вы не хотели бы заняться продюсированием молодого певца или певицы?*

– Согласился бы, но при условии, что у новичка потрясающий голос. А так... Но мне приходят дочки-сыночки богатеньких пап и просят написать песню, похожую на ту, что я когда-то написал, к примеру, для певицы Н. Но они не понимают, что в одну реку нельзя войти дважды. Даже с большими деньгами.

– *Вы долгое время работали с Глызиным, затем с Аллегровой, а теперь с Борисом Моисеевым. Вы автор его программы «Дитя порока», которая написана в «галубых» тонах и рассчитана на специфическую аудиторию. Почему вдруг решили работать с Моисеевым?*

– Сразу скажу, что лично я никакого отношения к сексуальным меньшинствам не имею. Боря Моисеев мне понравился как человек, и я написал несколько песен для него. Песни показались на-

столько близки Борису, что он попросил написать для него музыкальную программу. И я придумал целый цикл песен о чувствах и жизненных ощущениях Бориса. Кстати, не боюсь, что меня в чем-то обвинят. Художники не всегда разделяют точную зрительную картину, которую рисуют на своей картине.

– *Виктор, хотелось бы побольше узнать лично о вас?*

– Я – одессит. Папа работал хирургом в санатории. У меня была другая фамилия и звали меня товарищи по двору следующим образом: «Витьна Сигал через забор сигал». Обидно очень было. Сигал в переводе с английского «чайна». Так и появился мой сценический псевдоним. Ну что еще о себе рассказать? Женат уже многие годы, в скандалах на почве личной жизни никогда не был замешан. Люблю элегантную красивую одежду. Зарабатывать на хлеб начал с детства, и причем с помощью исполнения песен. Как-то по дороге домой в автобусе начал петь, развлек пассажиров. Когда я заканчивал песню, мне в качестве награды протягивали пряники, яблоки, конфеты. Вот так начиналась сладкая музыкальная жизнь.

ГАЛИНА СИРИН

*Международная ассоциация медицинской парапсихологии,
диагностики и нетрадиционных методов лечения
Всемирной организации здравоохранения*

**Рукоцелитель, костоправ, массажист,
доктор народной медицины СТАДОТ**

Лечение радикулиты, остеохондрозы, заболевание позвоночника, сколиозы, коксартрозы, заболевание нижних и верхних суставов, головная боль, физическая и умственная усталость, фитотерапия (лечение травами), ЛФК.

Кабинет мануальной терапии и лечебного массажа: Москва, метро «Водный стадион», ул. Адмирала Макарова, д. 10, НПФ «Гемма Б». Тел.: 452-18-04 (регистратура). Запись с 9 до 18 часов (кроме воскресенья) или 574-64-21 с 16 до 22 час. ежедневно.

Бьется посуда. С посвистом пули
 белой эмалью стреляют кастрюли.
 Синие чашки глядят василиском.
 Страшно, а крошатся с тоненьким писком.
 Желтые блюдца летят в поднебесье –
 в моде явление полтергейста!
 Бьются стаканы, бокалы, бутылки.
 Господи, чем мы тебя прогневили?
 Черные дыры... Времени ломка.
 Где ты, последняя в мире соломка?
 Тоненький лучик сухого растенья...
 Кто и зачем нас растит для растленья
 горем и бытом? Горки не круты –
 сивки укатаны. Биты и гнуты.
 Жизнь – это каторга или цунами.
 ...в море осколков зреет цунами.

В воздухе сумеречном проведу
 заледеневшей ладонью черту,
 звездочку, словно беду отведу
 за горизонт, не спеша перечту
 ту, что вдвоем мы с тобой написали,
 рукопись в девять предельных страниц,
 в нашем начале нисколько печали
 не было, и продолженья царит...
 В нашем соавторстве не было боли...
 Что там морочит оконный проем?
 "Верю–не верю" – крамольны! Довольно
 каркать, осеннее воронье!
 Верую – сколь ни пришлось продолженья
 ждать и глазами к окну припадать,
 Буду учиться науке, для женщин
 невыносимой, – ждать, ждать и ждать.
 Только бы не пожелтели страницы,
 только бы не почернел виноград,
 видно, ленивая я ученица,
 раз не умею унять листопад!...

В воздухе сумеречном проведу
 чуть потеплевшей ладонью черту,
 и незаметно в октябрь перейду...

Все уже решено. Наши жизни текут параллельно,
 сообразно Евклиду, Арахне и дуре-судьбе.
 Закрутила любовь? Но она не смертельна,
 все равно что под ливень попасть в полутьме.

Для уставшего сердца любовь –
это лишь полустанок,
с одинокой березой, седеющей в струях дождя.
Что останется нам? Только то, что досталось:
три пропитанных сыростью осени дня.

СВЕТЛАНА АБРАМОВА

Не покидай меня, душа,
не рви последнюю надежду,
Я не желаю, чуть дыша,
одеться в белую одежду...
Хочу еще любить и жить,
мечтать, надеяться и верить.
Продли немного жизни миг,
я так хочу в себя поверить!
В чем смысл жизни на Земле
и в чем мое предназначенье?
Узнать бы правду о себе,
чтоб все успеть в одно мгновенье.
Молю, душа, не улетай,
Не рвись в пространства неземные,
Не знаю, попаду ли в рай
И встречу ль души там родные?

Я ладони твои, словно два лепестка,
Увлажненных вечерней росой,
На лицо положу, как два свежих ростка,
Нежно пахнущих перед грозью...
Затрепещут ресницы, роняя слезу
На прильнувшие к векам ладони.
Никому никогда о тебе не скажу,
Нежность рук твоих только запомню...

НАДЕЖДА ВЕСЕЛОВСКАЯ

ЗИМОЙ

Я всегда любила зиму,
Чтобы – ветер, путь, разбег,
Чтобы наискось и мимо
Налету искрился снег.
Чтобы небо наливалось
Поздней зимней синевой,
Чтобы мир вокруг, казалось,

Затаился, но живой...
Посмотрите – не случайно
День, не мешкая, погас.
Это святочная тайна
Скрылась в тень от наших глаз.

НА САМОМ ДЕЛЕ...

Я видела насупленные пни –
Не зря их дети в сумерки боятся!
Я видела в рождественские дни,
Как в чаще леса елочки резвятся.

На снежных шубках полами вразлет,
Как серебро, поблескивали льдинки.
Возник нарядный длинный хоровод,
Кружной, как в чаще
хитрые тропинки...

Чтоб не мешать, я двинулась уйти,
Но хоровод
уже пришел в движение;
Куда ни глянешь – всюду на пути
Оборки хвои, изморозь, круженье...

А дальше – больше. В следующий миг
(Не зря ль мы сказкам так давно не верим?)
От мельтешенья елочек возник
Со всех сторон сквозной хрустальный терем.

Мороз утих. Иное началось –
Поляны, чаща сказочно глядели...
Так мне узнать однажды довелось,
Каков он, мир лесной,
на самом деле...

АДЕЛЬ АЛЕКСЕЕВА

КУИНДЖИ

154

Куинджи – один из самых таинственных художников, он загадал загадки, которые не могут отгадать до сих пор критики и художники. Жизнь его – как полет звезды, ярко прочертившей небо и угаснувшей вдали. К тому же в полете том он сумел обрести не одну, а несколько форм, то есть как бы прожить несколько жизней.

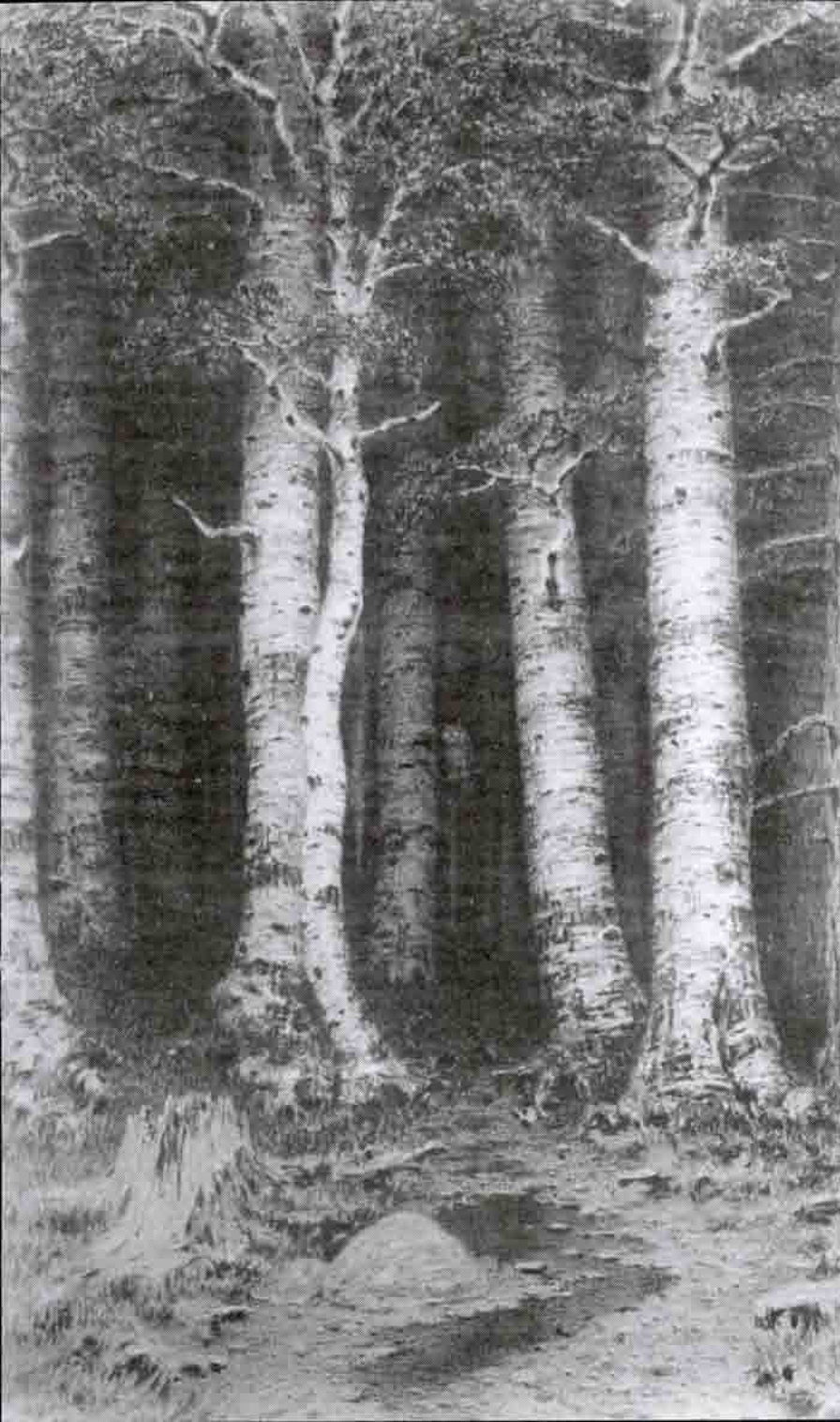
Откуда вырвалась эта звезда? Родился Архип Иванович в Мариуполе, в 1842 году, в семье сапожника Ивана Христофоровича, грека по национальности. Ему не было и пяти лет, как остался он круглым сиротой. Жил у родственников, ходил в городскую школу. Кое-как усвоил русскую грамматику (и потом, дабы не обнаруживать слабую грамотность, почти не писал писем), учился плохо, зато вот рисовал хорошо.

В десять лет «пошел в люди». Поселился на кухне у подрядчика по строительству церкви. Однажды хозяин увидел стены кухни «испачканными», то бишь разрисованными. Хотел выругать мальчика, но, рассмотрев интересные рисунки, стал хвастаться диковинками. Затем шустрый черноглазый мальчик попал к итальянцу Аморетти. Прислуживал в комнатах, чистил обувь, платье и... рисовал. О себе говорил: «Я русский... из крымских греков, наши деды поселились тут при царице Екатерине».

Кто-то посоветовал ему съездить в Феодосию: там живет самый знаменитый художник Айвазовский, он-то укажет путь. Куинджи отправился в Крым, но не застал там мастера, – только помощника его Феслера. Феслер давал ему копи-

Иванович

Пес.

ровать полотна маэстро, учил растирать краски, пользоваться мольбертом, палитрой, соединять цвета. Вероятно, подолгу стоял юноша возле марин Айвазовского, изучал, как ложатся мазки, откуда идет свет, словом, приобщался к живописи. А затем отправился в обратный путь, и это стало самым ярким впечатлением от всей поездки. Ехал он по Чумацкому тракту. Медленно двигались телеги, груженные зерном, солью, фруктами... Расстилались широкие дали, земля на горизонте соединялась с небом. А по ночам сияли звезды и открывался ночной простор. Картина эта навсегда врезалась в его память, и спустя несколько лет он напишет на этот сюжет одну из лучших своих картин — «Чумацкий тракт».

В Мариуполь вернулся, казалось, тот же коренастый, горбоносый юноша, слегка застенчивый и упрямый, с копной вьющихся волос, но — это был уже совсем другой человек: он знал, чего хотел, верил в собственную звезду. И знал, где находится «гора Олимп», на которой обитают боги — художники — в Петербурге. Однако пройдет еще несколько лет, прежде чем появится он в столице, а пока едет в Одессу и работает у фотографа. Искусство фотографии тогда только зарождалось и захватывало многих. Фотография, ретушь, дневное и вечернее освещение — все это пригодится ему со временем, по-особому отточит его глаз, а глаз, как и слух, бывает развитым, абсолютным.

Прибыв в Петербург почти нищим, каждый день с десяти до шести он служил ретушером, а все утро, от четырех до десяти, рисовал, оставаясь свободным художником. Свободный, вольный — эти слова оказались самыми подходящими для Куинджи. И не только потому, что стал вольнослушателем Академии художеств, — он по духу был вольным человеком. Его «угнетали учебные дисциплины», педагогические наставления, он более всего надеялся на себя и был истинно самородком.

Чтобы выставить, наконец, картины на академической выставке, следовало сдать закон Божий, русскую историю, географию, математику, анатомию, историю изящных искусств, — предметы, которые ученики Академии изучали пять лет, а ему надо было все пройти самостоятельно.

30 августа 1869 года Куинджи пишет такое заявление: «Прося о сем, имею честь присовокупить, что, не быв учеником Академии и не слушав читающихся лекций, нахожусь в крайнем затруднении относительно требующегося экзамена из вспомогательных предметов академического курса, почему и осмеливаюсь просить небольшого снисхождения, а именно, разрешить мне держать экзамен из одних лишь главных и специальных предметов...»

Его все-таки освободили от некоторых предметов, но подвергли нескольким «словесным испытаниям». На том и закончилась его единственная в жизни экзаменационная сессия, но он получил право выставить три картины: «Татарская деревня при лунном освещении» (ночное освещение на-

писано в традициях Академии, но там есть и собственное видение), «Буря на Черном море» (не без влияния Айвазовского), «Исаакиевский собор при лунном освещении» (если первые две картины написаны по воспоминаниям, то последняя — с натуры). Картины понравились, — талант и упорство победили!

Молодой, горячий, любознательный, Куинджи жил в то время в одном из самых бедных домов Васильевского острова, а вечера проводил в компании учеников Академии. Среди них — Васнецов, Савицкий, Репин, Шишкин. Не смолкали шутки, споры о предназначении живописи, о поисках заработка. Рассказывали, как великий Рембрандт, чтобы продать картины, решил объявить о своей смерти. Но они-то, студенты, еще никому не известны. Бывало, кричали и спорили чуть не до утра.

А спорить было о чем: 1870 год — год создания артели передвижников, «протестантов», выступивших против диктатуры Академии; время Писарева, народничества, время споров о будущем России и ее социальных бедах. Кто-то горячо доказывал: к чему «девятый вал», «буря на море», когда народу так тяжело живется? В такое время художник не имеет права на романтический пейзаж! И у Куинджи появилась картина «Осенняя распутица» — полная тоскливой печали сцена из русской жизни, написанная в манере голландских, тональных живописцев, блеклыми красками, но — это... это еще не Куинджи.

Однажды Шишкин, Клодт и Куинджи отправились на остров Валаам и привезли оттуда отменные пейзажи, но абсолютно не похожие друг на друга. Шишкин обожал и знал лес, любил детали, Куинджи тяготел к широким просторам. Картину «Остров Валаам» он как бы разделил по диагонали на две половины — светлую и темную, а на границе — три березы. В темной половине чувствуется суровое дыхание Севера, тайна. Огромное небо создает ощущение бескрайности вселенной, — его притягивает космос.

В картине «Ладожское озеро» тоже четыре пятых полотна отдано небу: высокие пышные облака, торжественные, будто застывшие в ожидании бури, и лишь на переднем плане — подробно выписаны камни, дно (впрочем, потом он не станет более обращаться к такому подробному описанию). Неторопливо, спокойно ведет художник повествование о природе Севера, о гранитных берегах и темных густых лесах.

О Куинджи заговорили в прессе, отмечали самобытный талант, Петербург его заметил. Достоевский назвал «Остров Валаам» национальным пейзажем, Репин и Крамской пришли от картины в восторг, ее приобрел Третьяков.

Так взошла над столицей звезда Куинджи.

Сам-то он в нее верил всегда, мечтал создать нечто невиданное, не похожее ни на Саврасова, ни на Поленова, ни на Шишкина. И вот первое слово сказано — что дальше?

А дальше — появились деньги, значит можно поехать в Европу, посмотреть, чем живет европейский художник. Бер-

лин, Дюссельдорф, Кельн, Брюссель, Париж, Лондон, Вена... Невозможно пройти равнодушно мимо всех этих городов, живописи этих стран, однако... Куинджи не так прост: он заявляет, что не нашел там ничего интересного, что «работать надо в России». Может быть, ему не хватало русских споров-разговоров? «Без языка» в Европе не поговоришь.

В самобытном художнике проявлялась явная склонность к философствованию, он торопился выразить мысль и был оригинален. Недаром Крамской как-то написал, что молодой Архип Иванович «твердо стоит на ногах... прозорливость у него большая... То, что он говорит, я лет пять назад переворачивал в мозгах...» А Репин писал: «Он всегда идет вглубь до бесконечности. Жаль, образования у него не хватает; а он большой философ и политик большой». Вместе с тем тот же Крамской отмечал, что Куинджи «все еще около чего-то ходит, что-то в нем сидит, но все это еще не определилось».

«Около чего-то ходит...» Да, он был себе на уме. Он и там, за границей, «ходил», во все внимательно вглядывался, ничем не восхищался, но все мотал на ус. В итоге, как пишут искусствоведы, он «трансформировал русский и европейский романтизм, опыт немецких художников дюссельдорфской школы, французских барбизонцев, русский реализм» — и все это преломил через собственное видение.

Наконец художник берется за картину, которая поразила его во время поездки в Феодосию к Айвазовскому и жила в глубине души, — за «Чумацкий тракт». Степь под Мариуполем, дорога, по которой бредут нагруженные волы; бесконечные хляби, пыль, дождь и ветер; что-то роковое, бесконечное чудилось в этом их кружении, а в бескрайнем небе светил лишь один проблеск. Птицы возле лужи, собака, надрывающаяся в лае... Движение, звук, дождливая бескрайность — и чувство космического кружения на просторах южной России.

Картина была выставлена в 1875 году и сразу приковала к себе всеобщее внимание. Гаршин, тончайший писатель, написал о ней так: «...грязь невылазная, дождь, мокрые волы и не менее мокрые хохлы, мокрый пес, усердно воющий возле дороги о дурной погоде. Все это как-то щемит за сердце».

В тот год Куинджи приняли в Товарищество передвижных выставок, Третьяков купил картину, а художник предпринял новое путешествие за границу. На этот раз — вместе с Репиным, который знал языки и мог переводить. Увы! — и на этот раз Куинджи говорил, что глух к французам. Скорее всего, он просто стремился домой, скучал по невесте, которая ждала его в Мариуполе. (Вера была дочерью купца Кетчерджи-Шаповалова). После возвращения Куинджи из Европы, он обвенчался с Верой, и молодые поселились в Петербурге. А через месяц-два поехали на Валаам, где так хорошо писалось. В дороге чуть не погибли: пароход наткнулся на мель, и все эскизы, заготовки пропали.

А через год — новый взлет! — «Украинская ночь», представлявшая зрителям на V передвижной выставке и просто ошелом-

мившая всех. Никогда еще никто не писал такой черной ночи с такими белыми хатками, тополями, с дорогой, залитой зеленоватой луной. Полное ощущение того, что ты сам погружаешься в эту ночь. У картины постоянно стояла толпа, торговкам не было конца. «Украинская ночь», бесспорно, самая яркая звезда всей выставки», — пишет Прахов. Нестеров: «Совершенно я растерялся, был восхищен до истомы, до какого-то забвения... И что это было за волшебное зрелище!..» Репин: «Куинджи — художник света...»

Художник как бы приобщает зрителя к величественным небесным мистериям, к таинству космоса... Кроме пространственности, неба, здесь появилась неподвижность, некая оцепенелость. Всякая картина запечатлевает миг, остановленное мгновение, но тут — совсем особая неподвижность. Она как бы вбирает в себя зрителя, покоряя его и заманивая. Зрители подходили, не веря чуду, заглядывали сбоку: нет ли там лампы? — такова была иллюзия света!

Картину повезли в Париж, тот самый Париж, который оставил равнодушным Куинджи. Французская критика тоже в восторге: автор поражает «необыкновенной величавостью и поэтичностью», «ни малейшего иностранного влияния».

Да, прав оказался Репин: «иллюзия света была его богом, и не было художника, равного ему в достижении этого чуда живописи». Напряженный контраст света и цвета — абсолютно новое явление в живописи 70-х годов. В это время появляется «Березовая роща», вероятно, наиболее известная его картина, а затем — «После дождя», в которой вновь предстало величественное природное явление: грозоздыря тучи, борются светлые и темные слои, струится неземной свет...

«Увидев «Березовую рощу», зрители, — пишет Крамской, — в первый момент оторопели, они не приготовились, долго были с раскрытыми челюстями и только теперь начинают собираться с духом и то яростно, то исподтишка пускают разные слухи и мнения; многие доходят до высокого комизма в отрицании его картин». Художник Прянишников вспоминает, что освещение в картине было такое, «какое было до рождения Христова».

Однако... в газетах появляются и статьи, в которых Куинджи обвиняют во всех живописных грехах: что он злоупотребляет эффектами, что пишет через цветное стекло, «зеленит» свет. Затем в газете «Молва» анонимный автор разругал «Березовую рощу». Куинджи становится известно, что автор — Клодт, товарищ, передвижник. Ярости его не было границ и — Куинджи немедленно подает заявление о выходе из рядов Товарищества. Чтобы уговорить его взять обратно заявление, в Петербург приехал Репин, но тот оставался непреклонным. Тогда правление Товарищества объявило об исключении обоих художников из своих рядов.

Было ли это чистое недоразумение, проявление характера? Нет, скорее всего независимому художнику стали тесны рамки передвижников, социальные проблемы, «тенденции» тяготили его. Он устремлялся к чистым высотам. Оттого-то

мудрый Третьяков написал: «А Куинджи прав! Никогда бы он не достиг такой славы, оставаясь в Товариществе, потому что на Товарищеских выставках говорили бы о нем и рассматривали его в связи с другими, теперь же отдаются всецело ему одному».

Крамской отметил другое: «Бог с ним, с Куинджи. Пусть его прославляется. Для меня давно вещь решенная, что все выходящие (из ряда вон) люди не социальные. Обыкновенные смертные нуждаются друг в друге, а не силачи».

Действительно, Куинджи не нуждался в союзе, группе, он был «силачом». Веселый добродушный человек в быту — в мастерской, дома, он дружил с Шишкиным, заходил чуть ли не каждый день к нему. Иван Иванович Шишкин тоже был частым гостем у Архипа Ивановича. Особенно его влекли «сады Семирамиды»: на крыше Куинджи посадил множество цветов и растений, там пели птицы, ползали черепахи. Называл Шишкин своего друга «Архипиус», «Чародей». Это не мешало им постоянно спорить о живописи, рисунке, о том, займет ли искусство место религии и сколь велика роль доброты в обществе. Однажды так поссорились, что Шишкин написал резкое письмо, мол, не поддастся более «хитрому греку». Прошло несколько дней — и Куинджи примчался к другу и со слезами извинялся за какую-то свою вольность, а потом они заперлись в кабинете и оттуда долго доносился бас гостя: «Нет, ты постой, я тебе говорю, говорю...» — «Ну тебя совсем», — отвечал Шишкин, и они примирились.

Похоже, что Куинджи действительно чувствовал себя силачом и равно принимал хвалу и клевету, ибо убежден был в истинности своего пути. Настолько убежден, что однажды объявил об открытии выставки, на которой представил единственную картину, — для того времени событие исключительное.

«Лунная ночь на Днепре» обрела легендарную славу. В мастерскую к нему поднимались Тургенев и Полонский, Крамской и Чистяков, Менделеев и Солдатенков. И великий князь Константин, который и купил за огромные деньги это полотно.

«Лунная ночь на Днепре» и «Днепр утром» — эпические картины земного и небесного простора, там нет человека, но глядя на них, человек немедленно попадает во власть вечного и божественного.

А разговоры о тайне его метода, о секрете красок продолжались, кое-кто даже уличал его в фокусах, в связи с нечистой силой. Может быть, и в самом деле не обошлось тут без чего-то мефистофельского? Художнику помогала и фотогра-

Ладожское озеро. 1873 г.

Ночное. 1905-1908 гг.

Солнечный свет в парке. 1898-1908 гг.

фия, и ретушь, и советы химиков, с которыми он не раз обсуждал законы света. Известно, что Куинджи был знаком и дружен с Менделеевым (сохранились воспоминания его дочери), известно, что ученый даже написал рецензию на «Лунную ночь». Кстати, в отзыве этом есть такие строки: «Бесконечное, высшее, разумнейшее и вдохновляющее нашлось вне человека, в понимании... природы». Менделеев отмечает как черту времени – соединение науки и искусства. Кроме того, художник бывает у химика Петрушевского, и искусствовед Манин считает, что «основные куинджевские эффекты – яркость, красочность картин, иллюзия глубины пространства – соответствуют предложенной Петрушевским системе дополнительных цветов и замечаниям его о закономерностях света и цвета...»

В любом случае Куинджи унес с собой свою тайну, и мы сегодня видим его картины отнюдь не в том виде, какие были при нем. Да и в то еще время Нестеров, к примеру, отмечал, как с годами поблекла «Лунная ночь». Крамской мучился мыслью о красках и времени и писал: долговечна ли «комбинация красок, которую открыл художник? Быть может, Куинджи соединяет такие краски, которые находятся в природном антагонизме между собой, по истечении времени известного потухнут, изменятся и разложатся до того, что потомки будут пожимать плечами в недоумении: отчего приходили в восторг добродушные зрители?.. Вот во избежание такого несправедливого к ним отношения в будущем я бы не прочь составить, так сказать, протокол, что его «Ночь на Днепре» вся наполнена светом и воздухом, его река – действительно совершает величественное течение и небо – настоящее, бездонное и глубокое».

Пусть так, пусть мы сегодня не видим подлинного Куинджи, однако впечатление от картин по-прежнему сильно; стоя перед его воздушными пространствами, мы ощущаем себя частицей великого мироздания.

70–80-е годы – время триумфа художника. Ему, кажется, подвластно все, его картины покупают нарасхват, он получает огромные гонорары и становится очень богатым; к тому же проявляет явные способности делового человека. Начинается еще одна жизнь Куинджи. К чему художнику деньги? Он отдает их на алтарь искусства: берет учеников и занимается с ними бесплатно. Мало того: везет за свой счет в Европу! Он покупает участок земли в Крыму, где теплее его сердце. Строит сперва шалап, потом большой дом, объясняется с местными жителями на знакомом с детства татарском языке. Лишь по осени и зиме в Петербурге окунается в бурную общественную жизнь – и снова в Крым.

Что касается собственного творчества, то художник замыкается – в мастерскую никого не пускает и работ не выставляет. Ему нужно снова окунуться в «живую» воду собственных мыслей, то есть заново родиться. Однажды вот как объяснил он свое поведение: «Художнику надо выступать на выставках пока у него, как у певца, голос есть. А как только

спадет голос — надо уходить, не показываться, чтобы не осмели. Вот я стал Архипом Ивановичем, всем известным, ну это хорошо, а потом я увидел, что больше так не сумею сделать, что голос как будто стал спадать. Ну вот и скажут: был Куинджи и не стало Куинджи!»

Не выставляя картин, он, однако, не оставляет работу, не устанно пишет и опять ищет, экспериментирует. Появляется цикл южных картин, виды моря, Кавказа: «Сумерки», «Степь», «Зима», «Осень», «Закат зимой». Настроения, манеры в них разные: то тихой элегии, то бурной декоративности, то плоскостного письма, то тональной, а то пастозной живописи.

В Крыму устраивает что-то вроде академической дачи; сюда приезжают его ученики и работают. Он создает свою собственную школу. Были художники более крупные, известные, однако они не создали школы, а Куинджи создал, и Общество его имени жило еще долго после него. Сегодня, глядя на горы Рериха, читая лаконичный его язык, невольно вспоминаешь Куинджи. След его виден в небесных просторах Рылова, в особом, таинственном освещении неба на картинах Крымова...

Но тут мы вновь должны вернуться к Шишкину и их отношениям. Оказалось, что как педагоги (а в 1882 году оба были назначены профессорами Академии) они противоположны по своим методам.

Иван Иванович Шишкин требовал прежде всего точности в передаче природы, хорошего рисунка и был порой резок в оценках ученических работ. Одному студенту сказал: «Вам следует запереть вашу живопись в шкаф, а ключ выбросить в море». Признавал роль фотографии в работе, если она помогает выявить рисунок. Но он рыцарски служил натуре. У Куинджи — все наоборот. Он «насытился» фотографией и отрицал ее в живописи, не любил подробностей природы, ему важнее передать впечатление, любил явления природы, которые не поддаются долгому писанию с природы. В самом деле: как можно написать луну, на миг выглянувшую из-за туч, да еще к тому же ночью? Надо запоминать тона, считал он, и писать по памяти. Увидав «Березовую рощу» Куинджи, Шишкин сказал: «Я таких берез не видел». И еще: «Краски-то иллюминировать всякий может, а нужен рисунок, рисунок...»

И вот два столь разных художника должны вести пейзажные классы в Академии. Естественно, возникли противоречия, разногласия. Куинджи предоставлял своим ученикам свободу, увлекал занимательными беседами, в мастерской его было шумно, весело. Неуверенный Шишкин обижался, ученики покидали его. И дружба двух по-своему замечательных художников распалась.

К тому же через пару лет в Академии разразился новый скандал, после которого Куинджи вынужден был уйти. В Петербурге происходили студенческие волнения, и Куинджи обвинили в том, что он их поддерживает, ищет дешевой популярности. Вообще, крайне независимое поведение Куинджи

раздражало академиков. Художник Кузнецов так описал причину разлада: «Куинджевская история довольно простая. Он своим давлением и чрезмерным старанием сделать Толстого (вице-президента Академии. — А.А.) полезным для Академии вызвал в нем протест. И тот только искал случая, чтобы свергнуть куинджевское иго... Толстой во время последних ученических смут выставил его перед великим князем как виновника беспорядков, как человека, не выбирающего средств для своей популярности».

Когда заходил разговор о студенческих беспорядках, Куинджи хмурил брови и, заикаясь, говорил: «Зачем эт-то? Я эт-того не понимаю... Эт-то совсем не касается искусства... Я и революционер — это смешно...» Но — материально он помогал бастующим студентам.

Исключенный из Академии, Куинджи тем не менее не бросил своих учеников. Продолжал давать частные уроки, помогал готовить конкурсные работы. Вновь проявился заложенный в нем дар мецената: взяв тринадцать учеников, на свои деньги везет их за границу. Когда же ученики его задумали создать Общество имени Куинджи, он передал им все имеющиеся у него картины, денежные средства и всю принадлежащую ему землю.

Истинный художник не может бросить живопись, и Куинджи, не выставляя своих картин, продолжал работать, вдохновенно воспевая красоту и лунной ночи, и солнечного дня.

И все же... все же часто он чувствовал себя одиноким. Не оттого ли в 1901 году взялся за сюжет: одинокий Христос в Гефсиманском саду, его любимая лунная ночь, дорога, по которой двигается одинокий путник... Не оттого ли все чаще звучит мотив заката? «Закат зимой», «Закат в степи, на берегу моря», просто «Закат». Он наслаждается богатством красок, множеством оттенков, которые бывают лишь при прощании с солнцем, с его уходом. Все реже приезжает в Петербург, все чаще остается в Крыму.

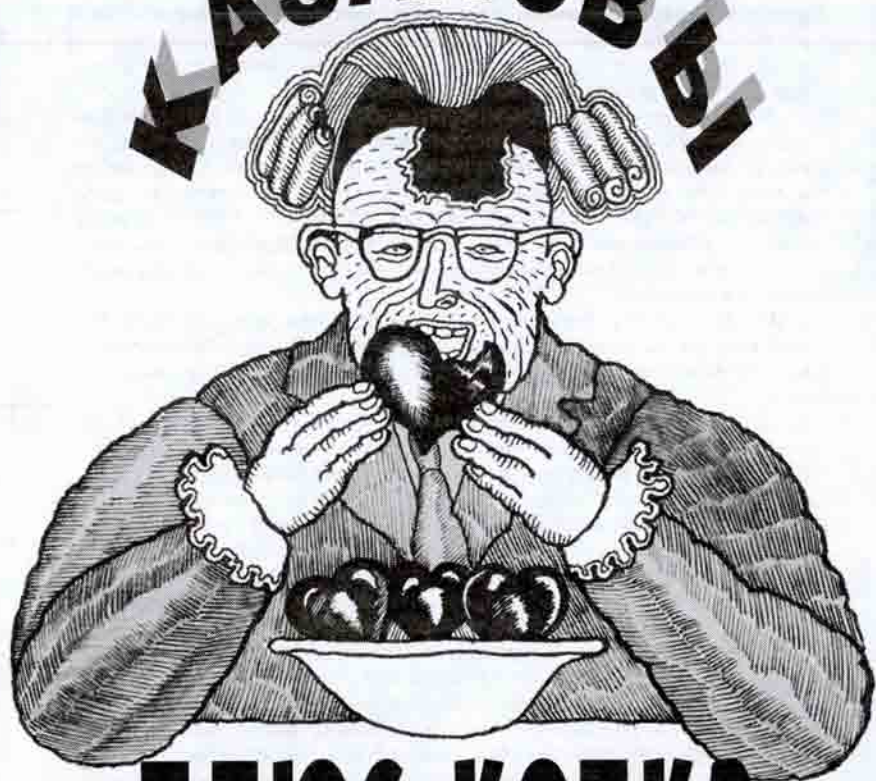
В марте 1909 года, вернувшись из Крыма, почувствовал себя плохо. И все же, еле оправившись, вновь поехал в Крым. Болезнь осложнилась воспалением легких. Немедленно выехала жена Вера Леонтьевна, они решили вернуться в Петербург, к лучшим врачам. Положение оказалось тяжелое, безнадежное, долгая болезнь, неподвижность измотали человека, не терпевшего застоя. Он говорил: «Не умереть страшно, а умирать». Просил яду... Не стало Куинджи 11 июля 1910 года. К его могиле принесли венок от Репина со словами: «Художнику беспримерной самобытности от старого друга».

Когда смотришь на позднюю его картину «Ночное», невольно всплывает в памяти Лермонтов: «Небеса торжественны и чудны, Спит земля в сияньи голубом...» Тонкий серп месяца, свет мерцающего горизонта. Силуэтом виднеется лишь фигура быка. Светоносная сила, идущая от полотна, поражает. Здесь нет места человеку, но — тут живет душа человека, этот мир — вместилище ее.

МАЙЯ ОРЛОВА

МЕТР

КАЗАНОВЕЦ

ПЛЮС КЕПКА

Известие о том, что Лени – Леонида Петровича Татарина – больше нет в живых, не стало для его друзей громом среди ясного неба. Удивительно было то, что он вообще прожил столько, сколько прожил, нарушая все мыслимые и немыслимые нормы поведения и просто плюя на медицинские советы. И это при отнюдь не богатейском здоровье.

Удивило еще количество рыдающих женщин на похоронах. Леонид Петрович росточек имел ниже среднего, внешностью обладал скорее курьезной, нежели роковой – круглое красное лицо, нос пуговкой в тон лицу, глаза – никакие. И материальные факторы, как говорится, не влияли: жил от полочки до полочки, из долгов не вылезал, нажил двухкомнатную сугубо малогабаритную смежную квартиру в районе печально известных «трех вокзалов» – и ту по материальным обстоятельствам был вынужден поменять на комнату в общей квартире. Не более того. Но женщины... Ох, уж эти женщины, непознаваемые и непредсказуемые существа! Как вились они вокруг Леонида Петровича всю его сознательную жизнь, так и на похороны слетелись немалой стайной. Достаточно, к стати, пестрой, как по возрастным критериям, так и по всем остальным.

– Любил покойник женщин, ох, любил, – философски заметил один из друзей, оглядев собравшихся на кладбище. – Меня так провожать не будут.

– Так у тебя за всю жизнь – вторая жена и полторы любовницы, – резонно заметил другой. – А Леняна, царствие ему небесное, открыто говорил, что ему каждую неделю новая нужна. И не только говорил...

– Был бы умереннее, глядишь, еще бы прожил...

– Если бы у бабушки были колеса, была бы не бабушка, а трамвай. Назанова он и есть Назанова. То есть был...

За сорок лет до этого грустного события выпускник престижного института Леонид Татаринцов находился в тяжелых раздумьях. Ему предстояло выбрать один из двух вариантов своей дальнейшей жизни, причем каждый был по-своему интересен и заманчив. Можно было поступить в аспирантуру крупного научно-исследовательского института, года через три-четыре защитить диссертацию и в дальнейшем уже ни о чем не беспокоиться. Потому что степень кандидата наук в те далекие времена означала пожизненную ренту, в два раза превышавшую обычную зарплату, плюс ежегодный полугодовой отпуск, плюс многие другие приятные мелочи в виде права на дополнительную жилплощадь или обслуживание в ведомственной поликлинике. А для того, чтобы все это получить, Леониду нужно было всего лишь... жениться на дочери одного из руководителей института.

Если бы не второй вариант, Леня не колебался бы ни минуты. Но во втором-то предлагались вещи ничуть не менее заманчивые. Трехлетняя командировка в одну из экзотических восточных стран, работа по дипломатической части и соответствующая карьера. Плюсы – «красивая жизнь» за границей, возможность обеспечить себя на всю оставшуюся жизнь и завидный в те времена «железного занавеса» статус «выездного». Минус – необходимость быть или хотя бы казаться морально устойчивым, что очень портило вышеперечисленные плюсы. Ну и еще пустячок: обязательно жениться на чьей-то дочери. Потому что неженатого за границу не выпустят,

а жениться просто так, без видимых выгод – слуга покорный.

Чтобы стало совсем смешно, добавлю: Леня любил женщин настолько, что просто не представлял себе, как это можно ограничиться одной-единственной при практически неограниченном выборе. Все равно что есть вареную картошку без соли и без масла изо дня в день и даже не пытаться хоть как-то разнообразить рацион. Родись Леня на Востоке, где четыре жены – положенная норма, а наложниц-любовниц никто и не считает, он точно оказался бы на своем месте и в своей стихии. Но ему суждено было родиться в России, да и не в России даже, а в Союзе Советских Социалистических Республик, во времена, к шуткам не располагающие. Один-единственный официальный развод автоматически делал человека существом «второго сорта», а уж наличие неофициальных связей у женатого человека... О последствиях и подумать было страшно.

Так что раздумья Лени над дальнейшей карьерой нельзя было назвать легкими и приятными. И только было он решил посвятить свою жизнь науке и не жертвовать привычными радостями жизни ради туманных турецких и прочих берегов, как позвонила одна из его любимых женщин, Милочка, и в ультимативной форме потребовала немедленной встречи. Ультиматумы Леня любил не больше, чем все остальные нормальные мужчины, но для Милочки, которая вообще отличалась категоричностью и любовью командовать, делал исключение. Уже очень пикантный контраст составляла подобная манера поведения с абсолютной покорностью и даже некоей униженностью, которую Милочка демонстрировала в постели. Генерал – в вертикальном

положении, восточная рабыня – в горизонтальном. Коктейль, конечно, на любителя, но в данном случае...

– У нас будет ребенок! – заявила Милочка, едва переступив порог квартиры Леонида. – И ты должен...

– У тебя будет ребенок, – холодно поправил ее Леня. – И о долгах в данном случае говорить не будем. Я у тебя не первый, не надо иснать крайнего. И аборт, слава богу, разрешили.

Похоже, такой поворот разговора не стал для Милочки неожиданностью, потому что она продолжала его с того самого места, на котором ее прервал любовник:

– И ты должен со мной расписаться. Первый ты или нет – дело десятое. Но ребенок точно твой, и если папа узнает...

– А папа у нас кто? – неоригинально осведомился Леня, проклиная себя за недалекость. Не поинтересоваться отцом такой ухоженной и уверенной в себе девушки – просто разгильдяйство. Ясно же, что не слесарь, не дворник и даже не школьный учитель.

Милочка назвала фамилию – и Леня похолодел. Какая карьера – живым бы остаться, если откажется от законного брака. Портреты папы в полной парадной форме и с коллекцией орденов на широкой груди регулярно появлялись в газетах и журналах, а то и на фасаде какого-нибудь здания в ряду других портретов к очередному празднику. Не жениться на его дочери в сложившейся ситуации мог только душевно больной человек, у Лени же с психикой было все в порядке, впрочем, как и с инстинктом самосохранения...

Зачем этот брак понадобился Милочке – остается только гадать. Даже интересное положение, в котором она оказалась, не

могло стать препятствием к заключению более престижного и уж точно более стабильного союза. По-видимому, действительно имела место любовь – та самая, которую Леня ухитрялся вызывать практически у любой представительницы прекрасного пола не позже чем через сутки после знакомства, а уж если укладывал даму в постель – то сразу после нее. В эту версию укладывается абсолютно все: и то, что брак этот продлился более чем достаточное время, точнее, до кончины молочкиного папы, и то, что молочка – тогда уже Людмила Алексеевна – предприняла несколько попыток вернуть бывшего мужа. Прав был классик: странная вещь сердце человеческое вообще, а женское – особенно.

После свадьбы, столь же пышной, сколь стремительной, молодые уехали к месту службы Леонида – на Ближний Восток. Ребенок, правда, так и не родился: климат оказался неблагоприятным для благополучного хода беременности. Впрочем, возможно, дело было не в климате, а в особенностях организма Милочки: как минимум три сотрудницы посольства за пять лет работы там Леонида были вынуждены отправиться на Родину по причине весьма деликатной и интимной. Ни одна из них, кстати, не назвала виновника события, хотя допрашивали всех с пристрастием. Догадывались, конечно, но твердых доказательств не было. Поэтому дамы приезжали и уезжали, а Леонид Петрович оставался и неторопливо поднимался по дипломатической лестнице.

Когда Милочка забеременела неизвестно в который раз, врачи категорически потребовали, чтобы она не просто уехала в родной климат средней полосы России, но еще и легла бы в больницу на

весь оставшийся до родов срок. Иначе последствия могли быть самыми плачевными не столько по женской части, сколько по части психики. Либо она родит, либо сойдет с ума, – объявили местные эскулапы. А доктора на Родине это подтвердили. Иметь сумасшедшую жену Леониду Петровичу хотелось еще меньше, чем ребенка, посему выбора у него просто не оставалось. В очередной раз,

– Подумай о ребенке, о себе, а не о том, что я тут буду делать без тебя и с кем общаться, – вразумлял он Милочку, одинаково боящуюся и оставить дорогого супруга на чужбине без присмотра, и рисковать собственным здоровьем. – Не пропаду, не маленький. Родись и вернешься, расстанемся максимум на полгода. Даже говорить не о чем.

Про себя же Леонид Петрович уже предвнушал бесконтрольные утехы и остальные прелести холостяцкой жизни. Даже не холостяцкой, а еще более интересной: соломенной вдовца. Потому что мужик, с одной стороны, свободен, а с другой – наоборот, женат. Сплошные радости, никаких проблем. И когда Милочка улетела в Москву, Леонид Петрович по этому поводу выпил лишнюю рюмку виски. Один.

Но жизнь без жены за границей оказалась далеко не такой легкой и приятной, как он предполагал. Неожиданно обнаружилось, что именно Милочка с ее командирским характером удерживала Леонида Петровича от чрезмерного увлечения... нет, не женщинами – алкоголем. А в жарком климате экзотические напитки в неограниченном количестве и с минимальной закуской очень быстро превратили любителя красивых застолий в обыкновенного

пьяницу. До алкоголя дело не дошло, потому что, благополучно родив сына и оставив годовалого ребенка на попечение бабушки и дедушки, Милочна вернулась к мужу. А обнаружив, что дипломатическая карьера супруга вот-вот рухнет, сделала все возможное и невозможное, чтобы добиться его перевода в другую страну, где никто не знал ни о чрезмерном его увлечении прекрасным полом, ни о пристрастии к горячительным напиткам.

Увы, и на новом месте все пошло по-прежнему. К тому же Леонид Петрович начал терять чувство меры, полюбил рассказывать всем, кто соглашался его слушать, что он на самом деле – резидент русской разведки, глубоко законспирированный и очень опытный, который чувствует за своей спиной ледяное дыхание врагов-империалистов и по сему притворяется пьяницей и бабником – такого-де никто всерьез не воспримет. Когда эти милые разговоры плюс кое-какие гусарства в пьяном виде дошли до кого следует, Леонида Петровича в двадцать четыре часа выставили и из страны, и с дипломатической службы вообще. Понадобилось все влияние тестя, чтобы пристроить «резидента» в одно из агентств новостей на довольно скромную должность. Благодаря этому же влиянию Леонид Петрович остался в партийных рядах и отделался только выговором, который и в личное дело-то забыли занести. Хотя и грозились.

За пятнадцать – немалый-таки срок! – лет работы за границей удалось купить «Волгу» в экспортном исполнении и кое-что из бытовой техники. Остальные деньги ушли, как вода в песок: часть на напитки, чуть меньше – на лечение сына. Костя родился слабень-

ким, болезненным, то и дело возникала необходимость в импортных лекарствах, особых процедурах, массаже, курортном лечении. Это сейчас мы вздыхаем, что раньше-де все лечение было бесплатным, а на самом деле лукавим сами перед собой, потому как и в те времена было отлично известно: даром лечиться – это лечиться даром.

Но Леонид Петрович не унывал. На новой работе он быстро освоился, почувствовал себя вольготно и занял в свое удовольствие. Завел новые знакомства, возобновил старые связи. А поскольку дипломатические навыки утрачиваются не сразу, если вообще утрачиваются, то сумел стать вторым лицом в профноме агентства – и извлечь из этого все мыслимые и немыслимые блага. Начиная от бесплатной путевки на престижный курорт и кончая возможностью ни черта не делать на рабочем месте, а только подписывать время от времени кое-какие бумаги да сидеть на совещаниях и заседаниях. А это, в свою очередь, создавало возможности для широких маневров в семейной и личной жизни, поскольку проверить, где именно находится профсоюзный активист – задача не из легких. Да Людмила Алексеевна и проверяла-то уже для порядка: почти двадцать лет супружеского стажа сделали свое дело. И тут умер ее отец...

На следующий же день после похорон Людмила Алексеевна обнаружила, что с ней в одной квартире живет совершенно посторонний мужчина, который ее не то что человеком – и женщиной-то не считает. Конечно, она знала, что под мягкой простоватостью Леонида Петровича скрывается звериный эгоизм и изрядная доля жестокости, но об истинном лице своего супруга не догадывалась.

Смерть тестя освободила Леонида Петровича от многих и многих донучных условностей, в том числе необходимости ночевать дома и соблюдать нормы человеческого общения.

– Не считаешься со мной – хоть бы сына постыдился, – бросила как-то в пылу очередного скандала Людмила Алексеевна. – Незачем мальчину знать, что отец у него – кобель и алкоголик...

Договорить эту свежую и оригинальную фразу она не успела. От пощечины, которую ей отвесил супруг, у женщины едва голова не отвалилась. А попытка не то чтобы дать сдачи – защититься оказалась более чем неудачной: Леонид Петрович избил жену, что называется, до полусмерти, причем бить старался так, чтобы внешние повреждения оказались минимальными.

– Убить не убью, а до «психушки» доведу, – пообещал он ей затем. – Ты уже одной ногой там стояла, забыла? И про сына не смей мне напоминать, я его позволил родить только потому, что твое сумасшествие импонировало мне еще меньше.

Оклемавшись, Людмила Алексеевна надумала обратиться за помощью по месту работы мужа. Но там предпочли не связываться и просто перевели Леонида Петровича в другое отделение агентства – подальше от центральной кормушки, от начальства, от ответственности. С потерями в зарплате, естественно, но хоть с чистым партбилетом.

– Добилась своего, сука? – нежно поинтересовался Леонид Петрович у жены, когда страсти улеглись. – Были лишние деньги или моя должность в профкоме не устраивала? Можешь быть довольна: получать буду меньше, а работать больше. И о бесплатных путевках забудь, и о продовольст-

венных заказах, и о распродажах.

С колыбели привыкшей к достатку в родительском доме, а впоследствии избалованной возможностями работы за границей Людмиле Алексеевне такой поворот событий и в голову не приходил. Как не приходило в голову и то, что ее супружеская жизнь может развалиться не только фактически, но и формально. А между тем именно так и произошло: Леонид Петрович подал на развод и через пару лет, несмотря на ожесточенное сопротивление жены, развод получил. И почти тут же зарегистрировал новый брак с женщиной, которая была его моложе на добрых двадцать лет и работала продавщицей в универмаге. Объединяла новых супругов одна, но пламенная страсть – выпивка. И ради этого они ничего не жалели.

Благоразумно оставаясь описанным в квартире родителей, Леонид Петрович при разводе выглядел даже благородно, не претендуя на жилплощадь – немалую! – бывшей жены. Забрал в качестве своей доли имущества «Волгу», что также выглядело если не благородно, то естественно. А вновь женившись, довольно быстро поменял большую двухкомнатную квартиру на меньшую и худшую, но с приличной доплатой, машину же продал. Денег, правда, хватило ненадолго, пришлось свой «пай» вносить молодой супруге. И та стала «приваривать» к зарплате продавца несколько больше положенного. Долго так продолжаться, естественно, не могло: в те самые «застойные» годы воровать мог каждый, кому это позволяла работа, но строго по табели о рангах. Зарвавшихся система вышвыривала, даже не досчитав до трех. Арест, недолгое следствие, суд, приговор, тюрьма. Леонид Петрович развелся со второй

женой, когда еще чернила на приговоре не высохли: только осужденной за хищения ему с его биографией не хватало! И так от описи имущества удалось с трудом увернуться: новую супругу он в своей квартире так и не прописал. Описали комнатенку в коммуналке и стол с табуреткой. Да и того, если честно, было жалко. Ну, да честь дороже!

Людмила Алексеевна сделала робкую попытку вернуть супруга: предложила снова зарегистрироваться и доживать оставшиеся годы если не в любви, то хотя бы в согласии. Но вместо благодарности за протянутую руку помощи услышала встречное предложение:

– Если тебе нужен мужик, пожалуйста, приезжай ко мне переночевать... время от времени. Но снова совать голову в это ярмо – слуга покорный.

– Ты же сопьешься один, – попыталась достучаться до его здравого смысла экс-супруга.

– А я один и не пью. Да и с женщинами предпочитаю встречаться, не сочиняя алиби и не оглядываясь на дверь. В общем, я предложил, тебе решать. Все.

Теперь уже никто не узнает, почему Людмила Алексеевна это предложение приняла. Почему один-два раза в месяц ездила к бывшему супругу с полными сумками продуктов и напитков, почему оставалась ночевать, почему довольно долгое время даже не пыталась хоть как-то по-другому устроить свою личную жизнь. Остается еще раз вспомнить бессмертное высказывание Михаила Юрьевича Лермонтова насчет сердец – и на этом успокоиться.

А жизнь тем временем продолжалась. Человек достаточно умный и циничный, Леонид Петровичнисколько не удивился, обнаружив, что его уход из профнома

резко сузил круг друзей и приятелей. А если называть вещи своими именами – свел этот круг до минимума. Сначала остались трое: с одним вместе учились в институте и умудрились не потерять друг друга до этих самых пор, с двумя другими работали вместе в агентстве, вместе отбывали дежурства в блаженной памяти добровольной народной дружинке, вместе отмечали крупные и мелкие события в стране и на работе. Потом исчез институтский приятель: зайдя разочек «на огонек» к Леониду Петровичу и обнаружив его в обществе молодой, но уже потасканной женщины и нескольких бутылок дешевого портвейна, эlegantный и ухоженный доктор философских наук брезгливо поморщился и сказал:

– Буду нужен, позвони. На лечение я тебя устрою.

Леонид Петрович уже плохо себя контролировал после нескольких рюмок, посему ответил просто и незамысловато, а слова сопроводил запущенной в друга пустой бутылкой. Подобный способ общения в интеллигентской среде так и не привился, поэтому друг хлопнул дверью и больше не появлялся. Но несколько дней спустя позвонил Людмиле Алексеевне и посоветовал обратить внимание на бывшего мужа, просто из человеколюбия. Описанная картина настолько потрясла Людмилу Алексеевну – она и не такое видела, сколько заставила задуматься о собственном будущем. Спустя несколько месяцев она вышла замуж за своего старого поклонника, давно помогавшегося этой честью. Поклонник был человек со странностями, иногда казалось, что визит к психиатру ему не повредит, но зато не пил ни капли ни при какой погоде. После мужа-алкоголика такой вариант представлялся просто раем.

Леонид Петрович экс-жену поздравил по телефону, выразил надежду, что на их отношениях это не отразится, и не ошибся. Людмилу Алексеевну тянуло к нему, как наркомана к зелью, и очень скоро ее визиты в обшарпанную и заганненную квартиру у трех вонзалов возобновились. Теперь она – Людмила Алексеевна – уже не претендовала даже на исключительность, а была согласна посидеть в компании Леонида Петровича и его очередной приятельницы, выпить портвейну, закусить яблочком или сигареткой...

– Моя старшая жена, – называл Людмилу Алексеевну Леонид Петрович. Причем называл не только в избранном кругу, но направо и налево, стоило ему выпить хоть чуть-чуть. Младшие же жены менялись с головокружительной скоростью, причем качество их ухудшалось столь же стремительно.

В один далеко не прекрасный день начальству окончательно надоел непрорывающийся и неразборчивый в связях сотрудник и Леонид Петрович сослался редактором в журнал, длинное название которого, включавшее слово «социализм», сейчас уже восстановить невозможно. Там не нужно было ежедневно отсиживать «от и до», да и приходиться можно было два раза в неделю. Платили, правда, соответственно, но что такое деньги для творческой личности? Так, пыль, мусор, тлен...

– Если бы я хотел быть богатым человеком, я бы им стал, – любил повторять Леонид Петрович. – Но меня всегда больше привлекали духовные ценности. И слава богу, что перевели в журнал, теперь наконец появится время написать книгу. Давно вынашиваю план, ох, давно! Вот это – главное, а деньги – тьфу! Сегодня – воз, завтра – навоз...

Эту возвышенную точку зрения разделяли и два сохранившихся еще друга Леонида Петровича. Один из них – Владимир – был женат и посему соблюдал какую-то видимость приличий, что не мешало ему несколько раз в месяц напиваться до положения риз. Другой – Виталий, убежденный старый холостяк – умел пить, не напиваясь, да к тому же располагал квартирой в самом центре: отовсюду близко. В квартире имелись стол, стулья, два дивана и тарелки со столовыми приборами. Закуску и выпивку гости приносили с собой. Особым успехом пользовались кильнки в томате – из-за их феноменальной дешевизны. Хозяин дома, выгнанный из того же самого агентства за «аморалку», работал ночным сторожем и в деньгах отнюдь не купался. Но гостям всегда был рад, не подозревая, что уволили его при активной помощи Леонида Петровича, чуть-чуть поправившего на этом свой моральный капитал и продержавшегося в агентстве дольше, чем мог бы при ином раскладе. А Леонид Петрович об этом, разумеется, не сообщал: что было – то было, каждый человек – кузнец своего счастья и вообще не подставишь другого – другой подставит тебя. Философия простенькая, но жизнью достаточно апробированная. Если ею овладеть – многие проблемы перестанут существовать автоматически.

И такую замечательную «хату» Леонид Петрович спалил, можно сказать, собственными рунами. В редакции познакомился с женщиной-автором и чисто машинально начал за ней ухаживать. Несколько лет назад, возможно, его колленцию украсил бы еще один женский снальп – и только. Но квалификация была безнадежно утрачена: теперь Леонид Петрович мог обаять только вонзальных преле-

стниц. В гости-то к нему дама, которую звали Наташей, пришла, но с порога поняла, что делать ей в этом доме нечего и повернулась к выходу. Пытаясь спасти положение, Леонид Петрович предложил поехать к другу («интеллигентнейший, светский человек, Наташенька, вам понравится»). Позвонил Виталию, предупредил, приехали... Через три месяца Наташа и Виталий поженились, сделали в квартире ремонт, купили кое-какую подержанную мебель и стали жить в любви и согласии. Выяснилось, что Виталий мог пить, а мог и не пить, если было другое занятие. Молодая – не по статусу, а по годам – супруга занятие это быстро отыскала, устроила мужа редактором в небольшое издательство и попросила алкоголиков в дом не пускать. Виталий жену любил и просьбу, естественно, уважил.

Так Леонид Петрович потерял еще одного друга и последний дом в Москве, куда он еще мог заявиться в гости. К тому же началась перестройка, все полетело кувырком, еще вчера приличная зарплата оказалась смехом или слезами, а казавшиеся вечными кормушки – типа журнала с длинным названием – просто могильниками, да еще и обреченными на снос. Леониду Петровичу стукнуло шесть десятков и вместо почетных проводов на заслуженный отдых с электрическим самоваром в подарок он получил письменное уведомление о том, что с такового числа является пенсионером. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Праздник себе он устроил самостоятельно: пригласил двух с виду приличных женщин и устроил пир. Женщины были без комплексов и без определенных занятий, с хозяином общий язык нашли быстро, не конетничали и ни от каких предложений не отказыва-

лись... Сутки спустя, с трудом вынырнув из тяжелого сна, Леонид Петрович обнаружил, что ограблен практически до нитки. Прекрасные незнакомки проявили благородство, оставив хозяину не только мебель и все документы, но и кое-что на опохмелку. Все остальное – даже давно испорченный транзисторный приемник – из квартиры исчезло. Про деньги, наверное, можно даже и не говорить. Но ведь они никогда не были для Леонида Петровича особой ценностью, так что и горевал он недолго. Опохмелился – и начал обмен своей квартиры на меньшую с доплатой. Дело житейское.

Случайно узнав об этом решении, Людмила Алексеевна пришла в ужас и попробовала вмешаться. Они как-то давно и между прочим договорились, что квартира Леонида Петровича будет приватизирована и завещена сыну, что естественно и справедливо. А однокомнатная квартира всегда меньше двухкомнатной, как ни крути. Тем более что по ходу процесса Леонид Петрович решил квартиру поменять сразу на комнату, чтобы два раза не мучиться, а денег получить больше. Об этом он бывшей жене и сообщил, вызвав скандал, от чего давно отвык. Женщина становилась помехой, от которой необходимо было избавиться, и чем быстрее, тем лучше. Леонид Петрович изобрел гениальный в своей простоте способ: позвонил новому мужу Людмилы Алексеевны и, слегка изменив голос, сообщил, что его супруга регулярно навещает мужчину по такому-то адресу. Муж поверил и проследил. Второй визит Людмилы Алексеевны к Леониду Петровичу оказался для нее роковым: ревнивый муж зарубил ее кухонным топориком, едва она вернулась домой. Экспертиза показала, что ревнивец был давно и неизле-

чимо психически болен, но ни покойнице, ни ее осиротевшему сыну от этого было не легче.

После этого ничто не мешало Леониду Петровичу совершить обмен и получить казавшуюся внушительной сумму денег. Вариант оказался тем более удачным, что во второй комнате его новой квартиры проживала женщина, не обремененная ни семьей, ни пред-рассудками, с которой общий язык был найден почти мгновенно. Это не мешало Леониду Петровичу регулярно приводить в дом новых прелестниц, хотя Клаве – соседке – такой расклад не нравился и она этого не скрывала. Будучи женщиной ревнивой, Клава эмоций не сдерживала и объяснялась тем, что под рукой оназывалось: скалка, сновородка, бутылка. Один раз отходила соседка-сосожителя железной палкой по спине и голове – насилу оклемался. Другой раз швырнула в него ножом, да так удачно, что пригвоздила ступню к полу. Но случались и добрые периоды, когда Леонид Петрович с Клавой жили душа в душу и довольствовались обществом друг друга и портвейном.

Обо всех своих удачах и неудачах Леонид Петрович неизменно докладывал по телефону другу Виталию, который не столько сочувствовал, сколько мысленно крестился: его самого от подобной судьбы уберег случай в лице жены Наташи. Но, будучи человеком справедливым, помнил, кто его с женой познакомил, поэтому время от времени с Леонидом Петровичем встречался и подкидывал ему кое-какие деньги. В одну из таких встреч столкнулся с Клавой – и ахнул: он даже представить себе не мог, до какого разряда женщин докатился его бывший коллега и друг. К тому же слухами земля полнится, и причины нелепой гибели Людмилы Алексеевны

выплыли на свет. От Леонида Петровича отшатнулись те немногие, кто ему еще сочувствовал и чем-то помогал.

Говорят, легкая смерть – удел праведников. Абсолютная чушь, хотя, возможно, это звучит кощунственно. Леонид Петрович умер так, как дай бог нам всем вместе и каждому по отдельности. Утром похмелился с Клавой, часок погулял, купил бутылку, выпил ее один и уснул. К вечеру Клава вернулась из своих походов за едой и питьем, приготовила закуску, пошла будить сожителя. Тот просыпаться отказался, спал сладко, похрапывал и улыбался во сне. Клава плюнула, выпила-занусила сама, легла спать рядом с Леонидом Петровичем. Кровать в доме давно была одна – парные вещи стали излишней роскошью и были проданы. Утром женщина обнаружила, что делит ложе с покойником: бывший блестящий дипломат и любимец женщин, маленький Казанова, Леонид Петрович Татаринев скончался во сне, не переставая улыбаться.

Равнодушные патологоанатомы в больничном морге результатам вскрытия не удивились: они и не такое видели, особенно в последние годы. Рубцы на сердце, рубцы на желудке, спеншиевые чуть ли не в комочки легкие, уничтоженная циррозом печень... Странно было то, что человек со всем этим вообще жил.

На похоронах было двое мужчин и очень много женщин. Почти все женщины плакали, говорили о покойнике только хорошее, и вообще казалось, что хоронят какого-то известного врача, спасшего немало женских жизней. Или актера, давно и незаслуженно забытого всеми, кроме верных поклонниц и старых друзей.

Сын Леонида Петровича на похороны не пришел.

НЕ ПЛАЧЬ, МОЯ

МЭРИ ХИГГИНС КЛАРК

174

Пролог
июль, 1969

Ослепительное солнце горело над Кентукки. Восемилетняя Элизабет притулилась на веранде, забившись под узкую тень навеса. Девочке хотелось поплавать, но она понимала: сейчас проиться нельзя. Мать и ее дружок Матт пили весь день и уже принялись ссориться. Ссоры их Элизабет ненавидела, особенно летом, когда все окна настежь. Сегодня ругались они особенно бурно. Мать визжала, осыпала Матта ругательствами, и тот наконец стукнул ее. Теперь оба спали, развалившись на кровати, пустые стаканы стояли рядом на полу.

Да еще Лейла, ее сестра, уходила на работу по субботам и воскресеньям. Раньше Лейла называла воскресенье их днем, уводила Элизабет куда-нибудь. Местные молодые девушки почти все гуляли с парнями, но Лейла – нет. Она мечтала уехать в Нью-Йорк и стать актрисой, а не торчать в Ламбер Крике до конца дней своих. «В таких провинциальных городках, Ласточка, девчонки выскакивают замуж, едва окончив школу, и в результате – куча хныкающих детишек да каша-размазня на свитере бывшей девчонки-заводилы. Нет, со мной такой номер не пройдет!»

Сегодня Лейла, наверное, опять работает сверхурочно – в кафе на побережье. В жаркий день, случилось, другие официантки не являлись на работу.

Элизабет прибралась, как умела, стараясь, чтобы в гостиной стало покрасивее. Опустила шторы, защищаясь от слепящего солнца. Вытряхнула пепельницы, вымыла столешницы, выброси-

ЛЕДИ

ла пустые пивные бутылки и отправилась к себе в комнату, где умещалась раскладушка, бюро да стул с продавленным сиденьем. На день рождения Лейла подарила ей белое бархатистое покрывало, купила подержанную книжную полку и повесила ее на стенку.

Девочка задремала, а когда открыла глаза, над ней навис Матт. От него несло табаком и пивом. Ухмыльнувшись, он задышал тяжелее – запахло еще противнее. Элизабет отодвинулась, но от него нельзя было увернуться. Он погладил ей ногу.

– Твоя мама долго будет спать. Давай, прилягу с тобой рядышком. – В мгновение Элизабет была отброшена к стенке – Матт занял чуть не всю раскладушку. Элизабет попробовала выбраться.

– Пойду приготовлю гамбургеры, – она старалась не показать страха.

– Сначала приласкай папу, милочка.

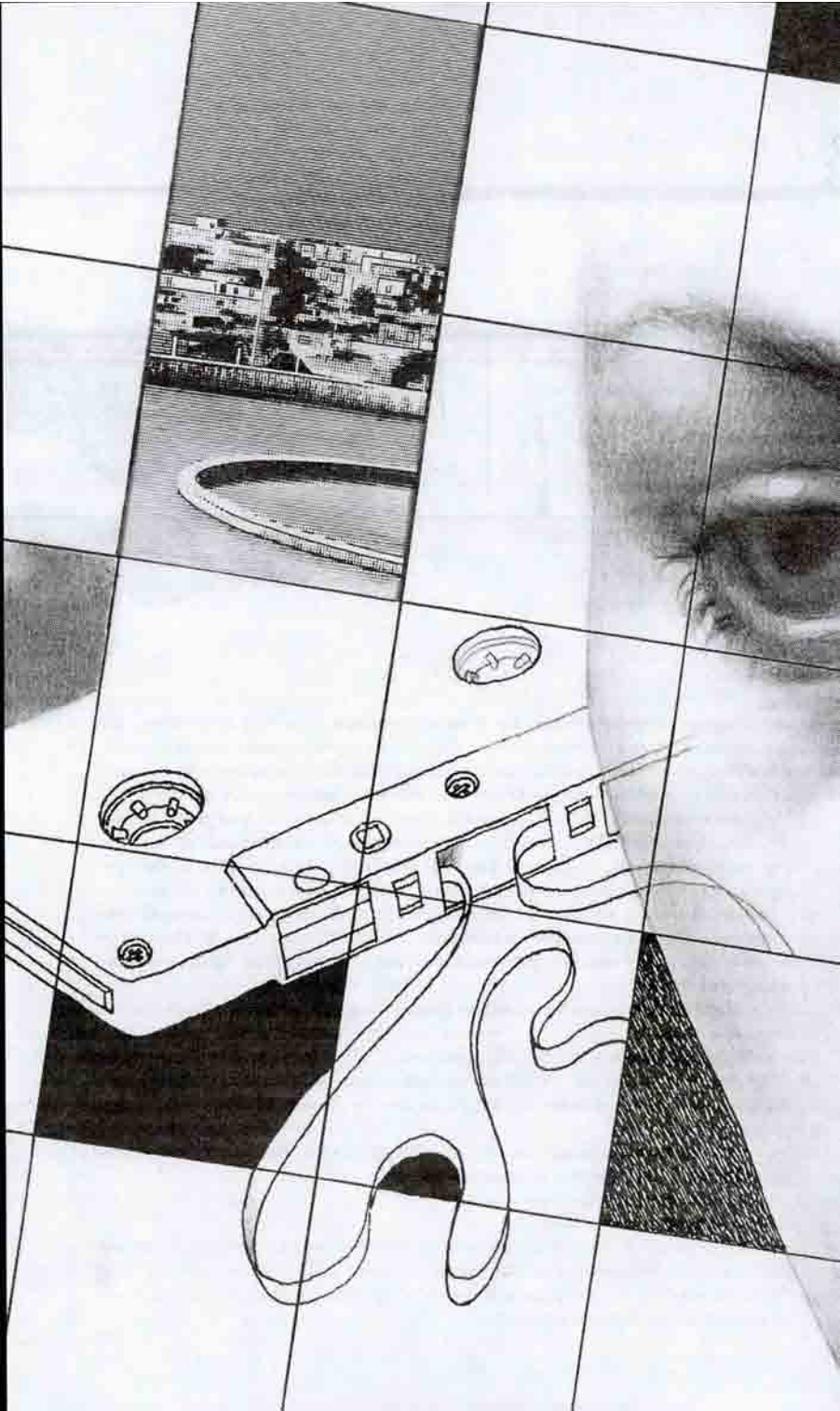
– Ты мне не папа! – Она почувствовала себя в ловушке. Ей хотелось кричать, звать маму, разбудить ее, но Матт уже целовал ее.

– Такая хорошенькая девочка... Вырастешь, настоящей красавицей станешь, – рука его заскользила по ее ноге.

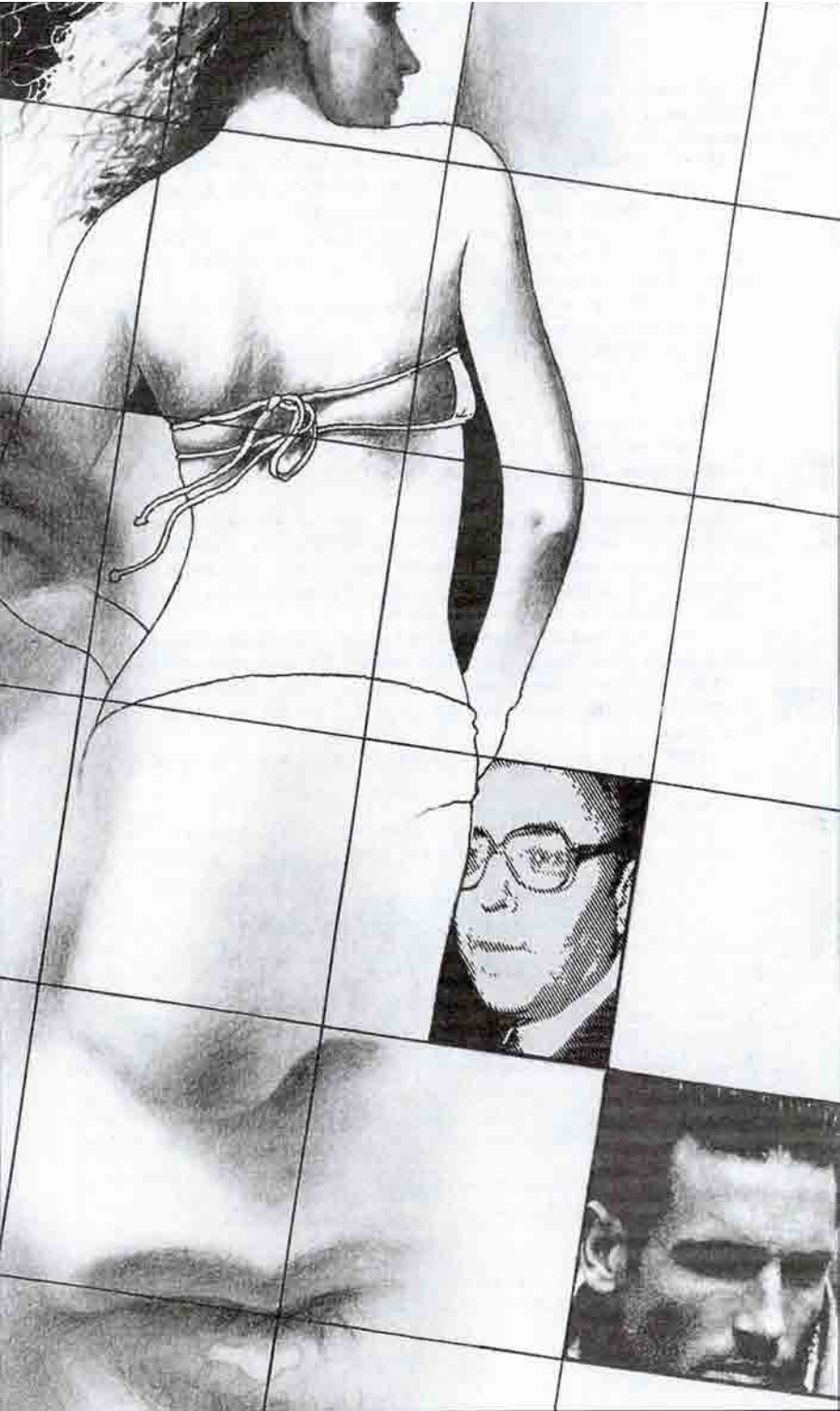
– Пусти! – вырывалась она.

– Не нравятся, детка?

Вдруг через плечо Матта она увидела в дверях Лейлу. Зеленые глаза сестры потемнели от гнева. В одну секунду она метнулась через комнату и вцепилась в волосы Матта с такой силой, что голова у того запрокинулась.

– Хватит того, что ко мне в кафе липнут всякие мерзавцы! – визжала Лейла. – Я убью тебя, если посмеешь полезть к ней опять!

Пятки Матта гулко стукнулись об пол. Он скатился с кровати, пытаясь увернуться, но Лейла больно крутила его длинные волосы, и Матт тоже принялся орать на нее.

От шума проснулась мама, вошла в комнату, завернувшись в простыню, с мутными, в темных кругах, глазами, красивыми рыжими волосами, стоящими дыбом.

– Что тут у вас? – сердито проворчала она, на лбу у нее Элизабет увидела свежий синяк.

– Вели своей бешеной девке, пусть не бросается на меня, когда я по доброте читаю книжку ее сестре. Словно я дурное что делаю! – злобно орал Матт.

– Лучше скажи этому грязному растлителю, чтоб убирался подальше, не то вызову полицию! – В последний раз дернув Матта за волосы, Лейла отшвырнула его и присела на раскладушку к Элизабет, крепко ее обняв.

Мать стала вопить на Матта, потом Лейла стала вопить на мать, и в конце концов мама и Матт ушли в спальню продолжать борьбу: там наступила долгая тишина. Вышли они уже одетыми, объяснили, что произошло недоразумение, и уж раз обе девочки дома, они ненадолго уйдут.

– Иди, открой жестянку супа и приготовь гамбургеры, ладно? – попросила Лейла после их ухода. – А мне надо подумать.

Элизабет послушно отправилась на кухню. Затем они молча поели. Элизабет была рада до смерти, что ни мамы, ни Матта нет дома.

– Нет! Она никогда не переменится! – наконец воскликнула Лейла.

– Кто?

– Мама. Она пьянчужка, и у нее вечно будут мужики. Не один, так другой. Пока все не перемрут. Нет, не могу я бросить тебя с этим Маттом.

Как? Лейла уезжает? Не может быть!..

– Так что, давай, складывай вещички! – велела Лейла. – Этот подонок снова станет лапать тебя. Тут опасно. Уезжаем, сестричка, на последнем автобусе в Нью-Йорк. – И взъерошила волосы Элизабет. – Одному Богу известно, как я обернусь там с тобой, Ласточка, но обещаю – я изо всех сил буду заботиться о тебе.

Потом Элизабет не раз припоминалась эта минута. Глаза Лейлы снова стали изумрудно-зелеными. Гибкая стройная фигурка, кошачья грация, рыжие волосы, пламенеющие в солнечных лучах, сочный глубокий голос, уговаривающий: «Не бойся, Ласточка, давно пора отряхнуть пыль старого кентуккского дома с наших ног!»

И вызывающе захохотав, Лейла пропела:

– Не плачь, моя леди!..

1

Рейс 111 «Пан Америкэн» пошел на последний круг над аэропортом Кеннеди. Элизабет прижалась лбом к стеклу, впитывая

сверкающий на солнце океан и далекие силуэты небоскребов Манхэттена. Момент, который она когда-то так любила: конец путешествия, чувство возвращения домой. Но сегодня ей страстно хотелось остаться в самолете.

— Чудесный вид, правда? — Сидящая рядом женщина приятной наружности, улыбнувшись, раскрыла книгу. Что вполне устраивало Элизабет, меньше всего ей хотелось болтать с чужим человеком.

— Мое третье путешествие в Италию, — продолжала соседка. — Но чтоб я еще полетела туда в августе — ни за что! Туристы! Жарища! А вы откуда?

Элизабет решила быть вежливой.

— Я актриса. Была в Венеции на съемках.

— О, как интересно! Вы сразу мне напомнили Кэнди Берген. Такая же высокая. И такие же прелестные белокурые волосы и серые глаза. Но почему мне неизвестно ваше имя?

Избегая дальнейших расспросов, Элизабет озабоченно вытащила дорожную сумку из-под сиденья и стала копаться в ней. Будь на ее месте Лейла, подумала она, вопросов об имени не возникло бы. Лейлу ЛаСалле все узнавали с первого взгляда. Но Лейла летала только первым классом.

Будь это Лейла. Прошло больше года, пора бы уже принять ее гибель как реальность.

В газетном киоске, в центре зала аэропорта, продавался дневной выпуск «Глоб». Невольно Элизабет зацепила взглядом заголовок: «СУД НАЧИНАЕТСЯ 6 СЕНТЯБРЯ». И помельче: «Явно рассерженный судья Майкл Харрис решительно отверг отсрочку процесса над мультимиллионером Тедом Уинтерсом, обвиняемом в убийстве!» Ниже, крупным планом, — лицо Теда. В глазах горечь, ошеломленность, рот сурово сжат. Снимок был сделан после предъявления ему большим жюри обвинения в убийстве его невесты Лейлы ЛаСалле.

Пока такси мчалось по городу, Элизабет уткнулась в газету — снова детали гибели Лейлы. Следующие три страницы заполнены ее фотографиями: Лейла на премьере с первым мужем; на сафари со вторым, Лейла на присуждении «Оскара», — все взято из газетных архивов.

— Приехали, леди...

Вздвигнув, Элизабет подняла глаза. Такси затормозило перед «Хамилтон Армс» на 57-й и Парк-авеню. Газета соскользнула с колен. Элизабет заставила себя говорить спокойно.

— Простите. Я дала неправильный адрес. Мне надо на угол 11-й и 5-й.

— Но я уже выключил счетчик!

— Включите снова. Я заплачу. — Руки ее ходуном ходили, когда она рылась в бумажнике. Этот адрес Элизабет назвала машинально. Здесь Тед убил Лейлу. Столкнул с балкона в припадке пьяной ярости.

Невольно Элизабет стал бить озноб; снова картина, которую ей никак не удавалось стереть из воображения: красивое

тело Лейлы в белой шелковой пижаме и с каскадом длинных рыжих волос летит мимо сорока этажей на бетонную площадку двора.

И вопросы... вопросы... Была ли она в сознании? Понимала ли, что происходит?

Какие жуткие, наверное, последние секунды перед смертью...

Останься я с ней, думала Элизабет, такого никогда бы не случилось...

2

После двухмесячного отсутствия квартира показалась тесной и душной. Но как только Элизабет распахнула окна, подул ветерок, неся специфические, нью-йоркские, запахи: пряный аромат индийского рестораника за углом, чуточку цветочного с балкона через улицу, едкий бензиновый от автобусов с Пятой авеню, намек на морской с реки Гудзон. Несколько минут Элизабет глубоко вдыхала воздух, чувствуя, как отпускает напряженность. Как хорошо быть дома!

Элизабет сноровисто распаковала чемодан, поставила в раковину цветы. Ясно, жена управляющего дома не выполнила обещания регулярно поливать их. Ощипав увядшие листочки, Элизабет взялась за почту, сложенную на обеденном столе. Наскоро просматривала конверты, отбрасывая рекламные буклеты, откладывая личные письма, нетерпеливо улыбнулась красивому почерку на одном конверте и точному обратному адресу в верхнем углу: Мисс Дора Самуэлс, Сайприс Пойнт Спа, Паббл Бич, Калифорния. Самми... Но прежде чем браться за ее письмо, Элизабет нехотя распечатала конверт с обратным адресом — «ОК-РУЖНАЯ ПРОКУРАТУРА».

Совсем короткое письмо. Напоминание, что ей необходимо позвонить помощнику окружного прокурора Уильяму Мэрфи 29 августа и договориться о дне встречи для обсуждения ее свидетельских показаний.

Телефон зазвонил так неожиданно, что Элизабет вздрогнула.

— Хэлло, — едва слышно отозвалась она.

— Элизабет! — прогреготал голос. — Как ты? Я тревожусь о тебе.

Мин фон Шрайбер! На Элизабет мигом навалилась усталость. Первую работу — фотомодели — Лейле дала Мин. Теперь она была замужем за австрийским бароном, ей принадлежал роскошный курорт Сайприс Пойнт на Паббл Бич в Калифорнии. Старинный преданный друг, но сегодня Элизабет не хотелось говорить с ней. Однако Мин была не из тех, кого Элизабет могла бы отшить.

— Прекрасно, Мин! — постаралась ответить она бодро. — Подустила капельку. Я всего минут десять как вошла.

— И не распаковывайся. Завтра утром приезжаешь к нам в Спа. В «Американ Аэрлайнс» у дежурной для тебя лежит билет. А в Сан-Франциско в аэропорту тебя встретит Джейсон.

— Но, Мин, я не могу...

— Приглашаю. Гостьей.

Элизабет едва сдержала смех. Как говорила Лейла, для Мин это были самые трудновыговариваемые слова.

– Мин, но понимаешь...

– Никаких «но». В Венеции, когда мы встретились, ты была такой худышкой. Да еще нервотрепка эта – суд. Тебе просто необходим отдых.

Элизабет мысленно представила Мин: черные, как смоль, волосы, уложенные узлом на затылке. Властная, не терпящая возражений манера общения...

Еще несколько тщетных протестов, и Элизабет согласилась, наконец, принять приглашение Мин.

– Значит, до завтра. Приятно будет повидаться с тобой, Мин. – Элизабет улыбалась, когда опускала трубку.

За три тысячи миль от нее Минна фон Шрайбер, подождав, пока их разъединят, тут же принялась накручивать новый номер.

– Ты был прав, – прошептала она в трубку. – Удалось легко. Она согласилась. Не забудь выразить удивление, когда ее увидишь.

Тут в комнату вошел барон фон Шрайбер.

– Ты все-таки пригласила ее?

– Да! – вызывающе взглянула на него Мин.

– Невзирая на все мои предупреждения? Минна, Элизабет рассыпет весь твой карточный домик. К концу недели ты сама горько пожалеешь о приглашении.

Элизабет решила, не откладывая, позвонить окружному прокурору. Уильям Мэрфи явно обрадовался, услышав ее.

– Мисс Ланж, я уже стал нервничать. Куда вы запропались?

– Я же сказала, что вернусь сегодня. Хотя не ожидала застать вас в субботу.

– Работы много. Процесс назначен на 8 сентября.

– Я читала.

– Необходимо просмотреть ваши свидетельские показания, освежить их в вашей памяти. Обсудить вопросы, которые может задать защита. Сумеете зайти в понедельник на пару часов? Посидим подольше, а потом встретимся еще раз на уик-энд. Вы будете в городе?

– Я завтра утром уезжаю. Может, на уик-энде все и обговорим?

– Я бы предпочел предварительно увидаться. Сейчас всего три часа. На такси доберетесь за пятнадцать минут.

Элизабет нехотя уступила. Через полчаса она уже сидела напротив помощника окружного прокурора в его кабинете. Лысеющий, довольно толстый, лет под 30, с сильным нью-йоркским акцентом, Мэрфи производил впечатление человека пронзительного и энергичного. После слушания большого жюри он сообщил ей, что ее свидетельские показания послужили главной причиной для предъявления обвинения Теду.

Сейчас Мэрфи распахнул толстую папку – «Народ Нью-Йорка против Эндрю Эдварда Уинтерса 3-го».

– Я понимаю, как это тяжело для вас, – начал он. – Снова оживлять воспоминания о гибели сестры, заново переживать боль. Да вдобавок давать свидетельские показания против человека, который вам нравился, которому вы доверяли.

– Тед убил Лейлу. Человека, которого я себе воображала, не существовало никогда.

– На процессе не должно возникнуть случайностей. Он отнял жизнь у вашей сестры, и мой долг – с вашей помощью – позаботиться, чтобы его лишили свободы. Суд для вас, конечно же, тяжелое испытание, но уверяю, как только процесс закончится, горе ваше утихнет. Итак, когда вас приведут к присяге, то попросят назвать ваше имя. Я знаю, Ланж – это ваш сценический псевдоним. Пожалуйста, назовите присяжным настоящее свое имя – ЛаСалле. Вас непременно также спросят, жили вы вместе с сестрой или нет.

– Нет. Сразу после окончания колледжа я переехала на другую квартиру, собственную.

– Ваши родители живы?

– Нет. Мать умерла через три года после нашего с Лейлой отъезда в Нью-Йорк, а отца я не знала вовсе.

– Теперь давайте пробежимся по вашим показаниям, начиная со дня накануне убийства.

– Меня не было в городе три месяца, я уезжала на гастроли... Вернулась в пятницу вечером, 28 марта, как раз успела к спектаклю Лейлы.

– В каком настроении находилась ваша сестра?

– У нее была нервная депрессия. Забывала реплики. Спектакль провалился. В антракте я зашла к ней в гримерную. В тот вечер она глотала неразбавленное виски. Я отобрала у нее бутылку и вылила в раковину.

– И как прореагировала Лейла?

– Пришла в бешенство. Она очень переменялась. Никогда не увлекалась выпивкой, а тут пьет и пьет... В гримерную зашел Тед. Она закричала, чтоб мы выметались! Оба!

– Вас удивило ее поведение?

– Вернее, просто поразило.

– С Уинтерсом вы это обсуждали?

– Он тоже недоумевал. И рассердился. А после спектакля мы все отправились к «Элайне».

– Все – это кто?

– Лейла, Тед, Крэг... я... Сид с Черил... Барон и баронесса фон Шрайберы. Мы все близкие друзья. Одна компания.

– Вас попросят объяснить присяжным, кто есть кто.

– Сид Мелник был агентом Лейлы. Черил Маннинг довольно знаменитая актриса. А барон и баронесса фон Шрайберы – владельцы Сайприс Пойнт Спа в Калифорнии. Когда-то у баронессы фон Шрайбер было агентство фотомоделей в Нью-Йорке. Это она помогла Лейле с работой. Тед Уинтерс... кто он, известно всем. К тому же, жених Лейлы. Крэг Бэбкок – помощник Теда, вице-президент компании «Уинтерс Энтерпрайзиз».

— Что произошло в ресторане у «Элайны»?

— Дикая скандал. Лейлу заносило, она все пуще расходилась. Тед попытался ее образумить, но она сдернула с пальца обручальное кольцо и швырнула его через весь зал.

— А Тед?

— Постарался сдержаться. Кольцо принес официант, и Тед сунул его в карман. «Подержу до завтра, — бросил небрежно, — когда она придет в норму». В конце концов мы усадили ее в машину и отвезли домой. Тед помог мне уложить ее, а я пообещала, что уговорю Лейлу позвонить ему утром.

— Когда будете давать показания, я спрошу вас, где они жили.

— У Теда была квартира на втором этаже, в том же здании. Ночь я провела с Лейлой. Она проспала до полудня, а проснувшись, чувствовала себя отвратительно. Я дала ей аспирин, и она снова легла. Я сама позвонила Теду. Он попросил передать Лейле, что зайдет часов в семь, — голос Элизабет дрогнул.

— Вы с сестрой обсуждали предыдущий вечер?

— Нет. Она явно не желала об этом говорить. Велела мне возвращаться домой, распаковать и позвонить ей часов в восемь, предложила вместе пообедать. Как я поняла, на обед предполагалось идти вдвоем: она, Тед и я. Однако Лейла мимоходом обронила, что не намерена принимать кольцо обратно. С Тедом покончено.

— Мисс Ланж, это очень важный момент. Сестра сказала вам, что хочет порвать с Тедом Уинтерсом?

— Да. — Элизабет уставилась на свои руки и торопливо продолжала: — В восемь я позвонила... Лейла с Тедом ссорились. Голос у нее был, будто она опять выпила. Лейла попросила меня перезвонить через час. Я позвонила — они все еще ссорились. Лейла кричала, чтобы Тед убирался. Твердила, что не доверяет мужчинам, что ей никто не нужен. Она хочет, чтобы я уехала с ней.

— А что ответили вы?

— Старалась ее успокоить. Напомнила, что она всегда не в себе, когда у нее новое шоу. Сказала, что пьеса для нее — настоящий бенефис. Убеждала, что Тед по ней с ума сходит, и она сама прекрасно это знает. Потом прикинулась, будто злюсь, но тут вернулся Тед и стал кричать на нее.

— Вот, мисс Ланж, и критический момент ваших показаний. У судьи не должно быть сомнений — голос вы действительно узнали. Так кто кричал в комнате вашей сестры?

— Тед... Тед Уинтерс.

— А что он кричал?

— «Брось трубку! Слышишь, сейчас же брось трубку!»

— Вы помните, мисс Ланж, когда именно бросили телефонную трубку?

— Ровно в 9.30.

— Что вы сделали потом?

— Я ужасно расстроилась. Решила зайти к Лейле. Но пока ловила такси, пока доехала... До Лейлы я добралась уже в одиннадцатом часу.

– И в квартире никого не оказалось...

– Да. Я пыталась дозвониться до Теда. Но его телефон не отвечал. Я села и стала ждать... прождала всю ночь, не зная, что и думать. Может, Лейла с Тедом помирились и куда-то поехали?

– На следующее утро, когда труп обнаружили, вы решили, что она нечаянно упала с балкона? Но была дождливая мартовская ночь. Зачем ей выходить на балкон?

– Лейла любила стоять там, смотреть на Нью-Йорк. В любую погоду. Ведь предупреждала ее, чтобы она была поосторожнее, перила там не очень высокие. Я подумала, что она, вероятно, перегнулась, и перила не выдержали.

Элизабет вспомнила: горевали вместе – она и Тед. Сплетя руки, плакали на панихиде. Позже Тед утешал ее, когда она уже не могла сдерживать рыданий: «Я понимаю, Ласточка, понимаю». На яхте Теда они отплыли миль на десять в море и развеяли прах Лейлы.

А две недели спустя объявилась свидетельница и под присягой показала: она видела, как Тед столкнул Лейлу с балкона в 9.31.

– Но без вашего свидетельства защита разгромила бы Салли Росс в пух и прах, – услышала Элизабет слова Мэрфи. – Как вам известно, у мисс Росс были серьезные нелады с психикой. И то, что она так долго тянула с показаниями, тоже говорит не в ее пользу. Правда, она утверждает, что намеревалась рассказать все сначала своему психиатру, а того не было в городе.

– Без моих показаний это всего лишь ее утверждение, а Тед отрицает, что возвращался в квартиру Лейлы.

– Вы под присягой засвидетельствуете, что он находился там. Они ссорились и трубку бросили в 9.30. А Салли Росс самолично видела, как Лейлу столкнули с балкона в 9.31. Версия Теда, что он якобы ушел от Лейлы в десять минут десятого, спустился к себе, позвонил приятелю, а потом на такси отправился в Коннектикут, весьма сомнительна. В дополнение к вашим показаниям и свидетельству Салли Росс у нас есть веские косвенные улики. Царапины на лице Теда, частички его кожи под ногтями Лейлы; показания таксиста: пассажир был белый, как простыня, и дрожал так, что едва сумел выговорить адрес. И почему, черт побери, Тед не послал за личным шофером? Был в панике, вот почему! Приятеля, с которым говорил по телефону, назвать не может. И мотив у него есть – Лейла бросила его. Но вы должны понять одно: защита вцепится в то обстоятельство, что вы после гибели Лейлы были с ним так близки.

– Мы оба любили ее больше всех, – тихо ответила Элизабет. – По крайней мере, так я думала. Пожалуйста, можно мне уйти?

– Хорошо, остановимся на этом. Вид у вас измученный. Судебный процесс предстоит долгий и не особенно приятный. Постарайтесь как следует отдохнуть неделю, забыть про все, отвлекаться. Вы уже решили, где проведете это время?

– Да. Меня пригласила баронесса фон Шрайбер погостить в Сайприс Пойнт Спа.

– Надеюсь, вы шутите?

– Почему?

Мэрфи прищурился. Лицо у него вспыхнуло, казалось, он изо всех сил сдерживается, чтобы не сорваться на крик.

— Мисс Ланж, по-моему, вы недооцениваете серьезности положения. Возможно, барон и баронесса фон Шрайберы ваши друзья, но они и друзья Теда Уинтерса. Они придут в Нью-Йорк свидетельствовать в его пользу. И вы серьезно намерены гостить у них?

— Мне известно, что Мин с мужем дают показания в пользу Теда. Они считают, он не способен на убийство. Если бы я не слышала собственными ушами его голос, тоже не поверила бы. Они повинуются своей совести, я — своей. Все мы поступаем, как велит нам долг...

Письмо Самми лежало поверх других бумаг на обеденном столе. Элизабет взяла его и улыбнулась элегантному почерку: он так живо напоминал Самми, ее хрупкую фигурку, мудрые глаза за очками без оправы; всегда в блузке с кружевами и практичной кофточке — кардигане. Десять лет назад Самми откликнулась на объявление Лейлы о секретарше и в первую же неделю стала незаменимой. После смерти Лейлы Мин взяла ее к себе в Спа секретаршей-приемщицей.

Разрезая конверт, Элизабет подумала, что первую страничку письма можно угадать заранее:

«Дорогая Элизабет!

Надеюсь, сейчас ты уже немножко пришла в себя. Я, мне кажется, с каждым днем все больше и больше скучаю по Лейле. Могу себе представить твои чувства. Но после суда, думаю, тебе полегчает.

Работать у Мин для меня полезно, и все равно, наверное, скоро уйду. Я так и не оправилась после операции».

Перевернув лист, Элизабет прочитала еще несколько строчек:

«Как тебе известно, я еще отвечаю на письма фанов Лейлы. Осталось разобрать три большущих сумки. Причина, по которой я пишу: только что наткнулась на анонимное письмо. Очень встревожилась — оно такое злобное и явно не первое. Этого Лейла так и не распечатала, но предыдущие прочитала наверняка. Возможно, тут объяснение ее взвинченности в последнее время.

Самое ужасное, автор анонимки хорошо ее знал. Хотела было вложить анонимку в конверт, но не знаю, кто забирает почту в твоё отсутствие; не хочу, чтобы письмо увидели посторонние. Позвони, как только вернешься в Нью-Йорк, ладно?

С любовью,
Самми».

С растущим чувством страха, Элизабет читала и перечитывала письмо. Лейла получала анонимки! Очень злобные, от человека, который хорошо ее знал! Самми, а она никогда не преувеличивает, считает, что анонимки — возможная причина эмоционального расстройства Лейлы.

Элизабет лихорадочно набрала номер в Спа. Хоть бы трубку взяла Самми, молила она. Хоть бы... Но ответила Мин. Самми в

отъезде, объяснила она. Гостит у своей кузины, где-то под Сан-Франциско, вернется в понедельник вечером.

– Тогда и увидишь ее, – в голосе Мин проклюнулось любопытство. – Ты чем-то расстроена, Элизабет? Что-то срочное к Самми?

Вот удобный случай сообщить Мин, что она передумала.

– Мин, окружной прокурор... – начала было Элизабет, но тут взгляд ее упал на письмо Самми. Жгучая потребность увидеть ее захлестнула Элизабет. Вот так же кинулась она к Лейле в ту последнюю роковую ночь... – Нет, никакой особой срочности. До завтра, Мин.

Перед тем как лечь спать, она написала записку Уильяму Мэрфи с адресом и телефоном в Спа. Порвала. К чертям все его предупреждения! Она едет в гости к старым друзьям – к людям, которых любит, которым доверяет и которые любят ее. Пусть Мэрфи считает, что она в Ист-Хэмптоне.

Уже давно он понял: Элизабет необходимо убить. Она опасна. Убить ее он планировал в Нью-Йорке.

В преддверии приближающегося суда она, конечно же, вновь и вновь перебирает мельчайшие подробности тех последних дней. И неизбежно наткнется на деталь, которая таится у нее в подсознании, – деталь, губительную для него.

В Спа большие возможности обставить ее смерть как несчастный случай. Там, в Калифорнии, гибель ее вызовет меньше подозрений, чем у нью-йоркской полиции. Перебирая ее привычки, он выискивал способ. Взглянул на часы. В Нью-Йорке – полночь.

Сладких тебе снов, Элизабет! Жить тебе осталось всего ничего!

ВОСКРЕСЕНЬЕ

30 АВГУСТА

1

186

Всегдашний шофер Шрайберов Джейсон ожидал у выхода. Невысокий, худощавый, бывший жокей. Несчастный случай закончил с его карьерой, и он работал на конюшне, когда его взяла на службу Мин. Элизабет знала, что он бесконечно предан Мин. Обветренное жесткое лицо расплылось приветливыми бороздками, когда Джейсон заметил идущую к нему Элизабет.

– Мисс Ланж! Приятно, что вы снова к нам!

Она мельком подумала, помнит ли он, что последний раз она приезжала в Спа с Лейлой.

Наклонившись, она поцеловала его в щеку.

– Джейсон, что это еще за «мисс Ланж»? Можно подумать, я у вас платный гость. – Она заметила скромную карточку у него в руке с именем «Алвира Михан». – Встречаешь еще кого-то?

– Всего одну. Пора бы ей и выйти. Пассажирка первого класса, как обычно.

Естественно. Не будет же экономить на самолетном билете тот, кто в состоянии заплатить три тысячи долларов, как минимум, за неделю на курорте Сайприс Пойнт. Она тоже принялась

рассматривать выходящих пассажиров. Джейсон поднимал карточку, когда проходили элегантные дамы, но ни одна не пошла.

– Надеюсь, она не опоздала на рейс, – пробормотал он, когда наконец последняя замешкавшаяся пассажирка оказалась в дверях. Толстуха лет 55 с багровым пухлым лицом и редующими рыжевато-каштановыми волосами. Ярко-розовое платье на ней было несомненно дорогим, но топорщилось на талии и бедрах и задиралось на коленках. Интуитивно Элизабет поняла – это и есть Алвира Михан.

Та разглядела имя на карточке и подскочила к ним, облегченно улыбаясь.

– Ну вот и я! Как же я рада, что меня встречают!

– Мы всегда встречаем гостей.

Губы Элизабет дрогнули в усмешке: таким озадаченным стало лицо Джейсона. Мисс Михан была явно не из числа обычных гостей.

– Мэм, позвольте ваши квитанции на багаж.

– О, как мило! Ненавижу стоять за багажом. Конечно, мы с Вилли обычно катаемся на «Грейхаунде», а там и с чемоданами можно, но все равно... У меня, правда, и барахла-то мало. Здесь все куплю. Хотела дома, но моя подружка Мэй сказала: «Алвира, погоди, оглядись сначала, что люди носят. На всех этих курортах магазинов доплати, купишь, успеешь...» – Сунув багажные квитанции Джейсону, она повернулась к Элизабет: – Я – Алвира Михан. А вы тоже в Спа? Но выглядите вы, милочка! Вам лечебный курорт вовсе ни к чему!

Через пятнадцать минут обе сидели в длинном серебряном лимузине. Алвира устроилась сзади, откинувшись с довольным вздохом на спинку сиденья.

– Фух, хорошо-то как! Все никак не привыкну. То есть, представляете, сижу в своей комнате, парю ноги... Пять квартир за неделю прибрать не шуточки, а уж пятница – прямо убийство настоящее: шестеро ребятшек, все неряхи, а мамочка их и того хуже. И вдруг – бац! Выиграли в лотерею! Все номера сошлись! Мы с Вилли поверить не могли. «Вилли, – говорю я, – мы богачи!» Читали, наверное, в прошлом месяце? Сорок миллионов долларов! А за минуту до того в кармане – тишина!

– Вы выиграли в лотерею сорок миллионов?

– Удивительно, как это вы не читали! Самый крупный выигрыш в истории лотерей штата Нью-Йорк. А, каково?

– Чудесно!

– Я давно уже спланировала, что сделаю перво-наперво – поеду на Сайприс Пойнт Спа! Столько читала про этот курорт! Здорово ведь пожить бок о бок со всякими знаменитостями! Обычно место надо заказывать за несколько месяцев, но я получила с ходу! – Алвира повернулась к Элизабет, пристально вглядываясь в ее лицо. – Между прочим, болтаем с вами, а я даже не спросила, как вас зовут.

– Элизабет Ланж.

Большие карие глаза, и без того увеличенные толстыми линзами, совсем округлились.

— А-а! Теперь до меня дошло, кто вы! Сестра Лейлы ЛаСалле! Она была моей любимой актрисой. Я все-все про вас и Лейлу знаю! Про то, как вы вдвоем приехали в Нью-Йорк. Вы были совсем маленькая. Такая трогательная история. А за два дня до гибели Лейлы я видела премьеру ее последнего спектакля... Ох, простите! Не хотела расстраивать вас!

— Ничего. Голова болит. Отдохнуть бы. — Элизабет отвернулась к окну и прижала к глазам руку.

Чтобы понять Лейлу, надо прожить ее детство, тогдашнюю поездку в Нью-Йорк, страхи и разочарования... И знать, какой бы умильной история ни казалась в журнале «Пипл», все было не так уж красиво...

Из Лексингтона в Нью-Йорк автобус ехал 14 часов. Элизабет спала, свернувшись калачиком на сиденье, положив голову на колени Лейле.

Лейла говорила ей, через какие штаты они проезжают — Мэриленд, Делавэр, Нью-Джерси. Поля сменились безобразными вышками, машины катили все большие. У тоннеля Линкольн автобус то и дело тормозил.

Не успели они выйти из автобуса, как к Лейле подскочил парень. Худой, с темными, вьющимися, но уже отступавшими со лба волосами. Длинные баки, карие глазки, сладко щурившиеся, когда он улыбался.

— Я — Лон Педселл, — представился он. — А вы фотомодель, которую прислало агентство Арбитра из Мэриленда? Угадал?

Фотомоделью Лейла, конечно, не была, но Элизабет видела, отвечать «нет» ей не хочется.

— В автобусе девушек моего возраста больше не было.

— И совершенно очевидно, что вы — фотомодель.

— Я актриса.

— Вот мне повезло! Если согласитесь стать моделью, станете номером первым. Плата за одно позирование — сто долларов.

Лейла поставила чемоданы, обняла Элизабет — жест, означавший «Говорить буду я».

— Уже вижу, что согласны! — воскликнул Лон. — Пойдемте! Машина ждет у выхода!

Студия удивила Элизабет. Когда Лейла рассказывала про Нью-Йорк, девочке казалось, что там везде красиво. А Педселл привел их на грязную улочку, кварталах в шести от автобусной станции. На крылечках сидели люди, а на тротуарах полно мусора.

— Извиняюсь, пристанище временное, — частил тот. — Аренда на квартиру в другом районе кончилась, а новая пока что обору-
дуется.

Квартира находилась на четвертом этаже. Такая же грязная, неприбранная, как у мамы. Лон запыхался — он вызвался нести их чемоданы.

— Сейчас притащу коку твоей сестренке. Пускай телевизор посмотрит, пока ты позировешь.

— А для чего позировать?

– Для новой модели купальника. Вообще-то и делаю пробные снимки для агентства. Девушка, которую они выберут, будет сниматься в целой серии рекламных фото. Тебе здорово повезло, что наскочила на меня. Именно такая, как ты, им и нужна, интуиция меня не обманывает.

Он провел их на кухню, крохотную сумрачную комнатку с маленьким телевизором на подставке над раковиной. Налил Элизабет коки, а себе и Лейле вина.

– Мне тоже коку, – попросила Лейла.

– Как желаешь. – Он включил телевизор. – А теперь, Элизабет, я закрою дверь, мне нужно сосредоточиться. Оставайся тут, развлекайся, как тебе вздумается.

Элизабет посмотрела три программы. Иногда сквозь шум телевизионных программ слышались слова Лейлы: «Эта идея мне не нравится», но не испуганные, а просто немножко обеспокоенные. Наконец она вышла.

– Я закончила, Ласточка. Давай, беремся за чемоданы. – И вернулась к Лону: – Не знаешь, где бы нам снять меблированную комнату?

– Хотите – оставайтесь тут.

– Нет. Отдай мне только мою сотню.

– Распишись, вот квитанция.

Когда Лейла подписала, он улыбнулся Элизабет:

– Можешь гордиться своей старшей сестрой, скоро она станет знаменитой моделью.

– А теперь мою сотню. – Лейла протянула ему расписку.

– Тебе заплатит агентство. Вот их карточка. Наведайся к ним утром.

– Но ты же говорил...

– Какая ты смешная! Учись нашему бизнесу. Фотографы никогда не платят моделям. Платит агентство, когда получает расписку.

Помочь снести чемоданы вниз он не предложил.

От гамбургеров и молочных коктейлей в ресторанчике под названием «Карман орехов» девушки приободрились. Лейла купила карту Нью-Йорка и газету и принялась изучать раздел «Недвижимость».

– О, вот! Подходяще. Пентхаус, 14 комнат, с прекрасным видом и балконом. «Да, когда-нибудь, Ласточка, обещаю тебе...» Район вроде ничего. 95-стрит и Вест-Энд-авеню. Можно на автобусе доехать.

Квартира оказалась хорошей, но любезная домовладелица скисла, как только узнала, что жить тут будет и Элизабет.

– Никаких детей!

Всюду повторялось то же самое. Наконец в семь часов Лейла спросила таксиста, не знает ли он приличного места, дешевого, где она могла бы поселиться с Элизабет. Тот предложил меблирашки в Гринвич Виллидж.

На следующее утро они отправились в агентство моделей на Мэдисон-авеню за деньгами. Дверь была заперта, висела таблич-

ка «Письмо опустите в ящик». Там уже лежало с полдюжины конвертов. Лейла позвонила. В домофон спросили: «Вам назначено?»

– Мы пришли за заработанными деньгами, – объяснила Лейла. Они с женщиной заспорили.

– Сгиньте! – наконец закричала женщина.

Но Лейла снова нажала на кнопку звонка и не отрывала пальца, пока дверь не открылась. Элизабет отпрянула: перед ней стояла женщина с тяжелыми темными косами, угольно-черными глазницами и страшно сердитым лицом. Не очень молодая, но красивая. В белом шелковом платье. Элизабет вдруг увидела: ее синие шортики совсем выгорели, краска у кармашка на майке полиняла. Раньше она считала – на Лейле наряд очень красивый, но рядом с этой дамой лейлино платье смотрелось крикливым и потрепанным.

– Послушайте! Желаете оставить свое фото – пожалуйста, но начнете снова рваться в дом, я вызову полицию.

Лейла сунула ей в руку бумажку.

– Вы должны мне сто долларов. Я не уйду, пока не расплатитесь.

Та повертела расписку, прочитала и расхохоталась.

– Нет, ты и вправду дура! Непроходимая! Этот шутник вечно откальывает такие фортели с провинциальными простофилями! Где он тебя подцепил? На автобусной станции? Спала с ним?

– Нет! – Лейла вырвала расписку, разорвала и раздавила каблуком. – Пойдем, Ласточка. Пусть тот тип сделал из меня дуру, но я не позволю, чтоб еще и эта стерва потешалась на мой счет.

Элизабет видела, что Лейла ужасно расстроилась, вот-вот расплачется. Страхнув ее руку с плеча, девочка встала перед обидчицей.

– Вы очень злая! Тот человек притворялся милым! Если он обманул, заставил работать даром, надо пожалеть его, а не насмехаться! – И развернувшись, потянула Лейлу за руку: – Пойдем!

Они направились к лифту, но женщина окликнула их: – Эй вы! Вернитесь! – Они не обратили внимания. – Кому сказано – вернитесь!

Спустя две минуты девушки сидели в ее кабинете.

– У тебя есть возможности. Но твоё платье... И в макияже ничегошеньки не смыслишь. Еще требуется хорошая стрижка. Непременно стильная. Обнаженной для этого проходимца позировала?

– Да.

– Ну и прекрасно. Если хорошо получилось, возьму тебя в коммерческую рекламу мраморного мыла. Клипов он не снимал?

– Нет.

– Еще лучше. Отныне договора для тебя буду заключать я.

На следующий день у Лейлы было несколько визитов в салон красоты, потом встреча с хозяйкой агентства у фотографа.

– Зови меня Мин, – сказала та, – и не переживай насчет платьев. Принесу тебе все, что нужно.

– Мне тут нравится! – произнесла счастливая Элизабет.

– И мне тоже, Ласточка. Ты спасла меня сегодня. Клянусь, уж и не знаю, кто о ком заботится. Мин – чудесный человек. Но, Ласточка, меня выучили кое-чему и наш воючка отчим, и мамыны подонки-дружки, и вчерашний подлец. Ласточка, я больше никогда не буду доверять мужчинам!

2

Машина остановилась у главного особняка. Джейсон бросился открывать дверцу. Алвира Михан, втиснув ноги обратно в туфли, неловко согнувшись, выбралась из машины.

– Фу! Точно с пола встаешь, – прокомментировала она. – О, смотрите-ка! Вон мисс фон Шрайбер идет! Я ее по фоткам узнала. Мне ее баронессой называть?

Элизабет не ответила. Она протянула руки, когда Мин спустилась по ступенькам с веранды. Лейла всегда сравнивала походку Мин с «Королевой Элизабет-2», врывающейся в гавань. На Мин было обманчиво простенькое платье. Роскошные черные волосы забраны замысловатым узлом. Она кинулась к Элизабет и бурно обняла ее.

– Ты совсем худышка стала! А в купальнике, спорю, смотришься костлявой. – Новое крепкое объятие, и Мин перенесла внимание на Алвиру. – М-сс Михан! Самая счастливая женщина в мире! Мы в восторге, что вы приехали к нам! Через две недели весь мир будет уверен, что вы и родились с ложкой в сорок миллионов долларов во рту!

– Чувствую я себя уже так! – просияла Алвира.

– Элизабет, поднимайся в кабинет, Хелмут ждет тебя. А я провожу м-сс Михан в ее бунгало и приду к вам.

Элизабет направилась в главный особняк, прошла мимо салона, музыкальной комнаты, парадной столовой, поднялась по винтовой лестнице и тихонько стукнула в дверь кабинета. Ответа не последовало, и она открыла ее. Барон Хелмут фон Шрайбер стоял у дальней стены, завешенной портретами знаменитейших клиентов Спа, и с ненавистью смотрел на портрет Лейлы. Руки Хелмута были крепко стиснуты за спиной.

Элизабет быстренько выскочила в приемную, с громким стуком открыла дверь и окликнула:

– Есть тут кто?

Через секунду торопливо выбежал барон. Перемена в его облике бросалась в глаза. Сладкая улыбка, поцелуй в обе щеки, комплименты.

– Элизабет, ты все хорошеешь! Такая молодая, такая блондинка, такая дивно высокая!

– Высокая – это точно! – Элизабет отступила. – Дай мне взглянуть на тебя, Хелмут. «Ей Богу, Ласточка, этот парень напоминает мне игрушечного солдатика! – насмеялась Лейла. – Как думаешь, Мин по утрам заводит его? Рода, он может, и знатного, но, клянусь, за душой у него гроша медного не водилось, когда он прилепился к Мин». Элизабет протестовала: «Но он же хирург по пластическим операциям и разбирается, конечно, в лечении. Их курорт знаменит!» «Может, и так, –

парировала Лейла, — но содержать его стоит кучу денег, и я последний доллар прозакладываю — даже самые знаменитые курорты не очень-то доходны. Слушай, Ласточка, мне ли не знать! Два раза уже замужем побывала за дармоедами. Уверена, обращается он с Мин, как с королевой, но укладывает свою накрашенную голову на наволочки в двести долларов. А Мин, вдобавок к тому, что тратит на Сайприс Пойнт Спа, выбрасывает сотни долларов на его разрушенный замок в Австрии».

Как и другие, Хелмут тоже горевал о Лейле, но сейчас Элизабет призадумалась — а не было ли это притворством?

С решительным стуком распахнулась входная дверь, и голос Мин возвестил о ее приходе.

— Хелмут! погоди, увидишь победительницу лотереи. Работы тебе по горло. Надо организовать для нее интервью. Она наш курорт расхвалит как седьмое небо! — Бросившись через комнату, Мин снова пылко обняла Элизабет. — Если б ты знала, сколько бессонных ночей я провела, беспокоясь о тебе! Надо долго к нам?

— Нет, только до пятницы.

— Но это же всего пять дней!

— Знаю. Окружной прокуратуре надо еще просмотреть со мной мои показания.

— Но зачем?

— Подготовиться к вопросам защиты на суде. Возможным нападкам адвоката Теда. Я считала, вполне достаточно говорить чистую правду, но защита, очевидно, попытается доказать, будто я ошиблась насчет времени телефонного звонка.

— А сама ты как думаешь? Ошибка невозможна?

— Мин, неужели ты думаешь, будь у меня хоть тень сомнения...

— Ладно, ладно, — поспешно прервала Мин. — Не будем сейчас про это. Итак, у тебя пять дней. Тебе надо отдохнуть, привести себя в форму. Я сама составлю для тебя распорядок. Начнешь сегодня же, с массажа лица.

3

«Вествинд» нырнул и пошел на снижение в аэропорт Монтерей. Тед проверил панель приборной доски. С самых Гавай он летел хорошо, ровненько, без ям; облака, сливаясь, плыли, словно ватные конфеты в цирке. Забавно, облака ему нравились, но даже ребенком он презирал ватные конфеты. Еще одно противоречие его жизни...

На сиденьи второго пилота заерзал Джон Моор: ненавязчивое напоминание — он тут и готов взять управление на себя. Моор уже десять лет служил главным пилотом в «Винтерс Энтерпрайзиз», но Теду хотелось произвести посадку самому, испытать, как гладко он сумеет посадить самолет.

Неслась навстречу взлетно-посадочная полоса. Тед слегка опустил нос самолета. Сколько еще ему осталось жить на свободе? Водить самолеты, путешествовать, выпивать или не выпивать, функционировать как человеческое существо? Суд начинается на следующей неделе. Ему не нравился его новый адвокат —

Генри Бартлетт. Чересчур напыщен, чересчур самовлюблен. Тед легко представлял себе Бартлетта в рекламе «Нью-Йоркера»: с бутылкой скотча и надписью «Своих гостей я угощаю только этой маркой виски!»

Стукнули о землю колеса.

— Прекрасно приземлились, сэр, — спокойно одобрил Джон.

Тед устало провел рукой по лбу. Хотя бы Джон отучился, наконец, обращаться к нему «сэр». А Генри Бартлетт от привычки называть его «Тедди». Интересно, все адвокаты по уголовным делам придерживаются мнения, что, раз вам потребовались их услуги, у них есть право на снисходительный тон? Вопрос любопытный. При других обстоятельствах он бы и близко не подошел к человеку типа Бартлетта. Но уволить юриста, который считается лучшим адвокатом в стране, когда тебе грозит долгое тюремное заключение, — неумно. А Тед считает себя умным. Правда, теперь уверенности в этом поубавилось.

Несколько минут спустя они уже сидели в лимузине, мчащейся в Спа.

— Я много слышал о полуострове Монтерей, — заметил Бартлетт, когда они свернули на шоссе 68. — Все-таки не понимаю, почему мы не остались прорабатывать дело у тебя в Коннектикуте или на твоей нью-йоркской квартире? Но ладно, по счету платишь ты.

— Потому что Теду требуется расслабиться, а расслабляется он только в Сайприс Пойнт, — объяснил Крэг, не скрывая раздражительности.

Тед сидел на заднем сиденьи рядом с Генри. Крэг устроился лицом к ним, рядом с баром. Приподняв крышку бара, он смещал мартини и с улыбкой протянул бокал Теду.

— Правила Мин насчет алкоголя тебе известны. Так что давай, напивайся, пока можно.

Тед покачал головой.

— Я еще помню тот прошлый раз, когда напился. Холодненького пивка там не найдется?

Он взял пиво и уставился в окно. Может, Бартлетт прав? Глупо было ехать сюда. Но в Спа ему всегда спокойно. Еще с тех пор, когда мальчишкой он проводил летние каникулы на полуострове Монтерей.

Машина остановилась у ворот на Пабл Бич, и шофер уплатил пошлину. Замелькали особняки, смотревшие на океан. Когда-то он планировал купить тут дом. Они с Кэти решили, что летом для Тедди это место превосходное. Потом и Тедди, и Кэти погибли.

А с Крэгом Тед познакомился в Дортмуте, еще на первом курсе. Крэг тогда был толстым, большим, в семнадцать лет походил на светловолосого шведа. В 34 стал худощавым, толщина превратилась в крепкие мускулы. Крупные тяжелые черты лица больше шли зрелому мужчине, чем пареньку-первокурснику. В колледже Крэг получал стипендию, но еще и подрабатывал на жизнь, берясь за все, что под руку подворачивалось: мыл посуду на кухне отеля, служил клерком, официантом, санитаром в местной больнице.

После колледжа Тед как-то наткнулся на Крэга в туалете «Уинтерс Энтерпрайзиз». «Почему же не пришел ко мне, если тебе нужна тут работа?» – удивился Тед, неуверенный, то ли рад встрече, то ли нет. «Потому что если я дельный парень, так и сам пробьюсь».

С этим не поспоришь. И Крэг пробился. На самый верх, в исполнительные вице-президенты. Если меня посадят в тюрьму, мелькнуло у Теда, балом будет править он. Интересно, часто ли Крэг мечтает об этом?

Они проехали Пабл Бич, гольфовую лужайку, Крокер Вудленд и вот он – Сайприс Пойнт Спа!

– Очень скоро, Генри, ты поймешь, почему нам захотелось побыть тут, – заметил Крэг. – Все вместе мы придумаем надежную, непробиваемую защиту. – Он перевел взгляд на Теда. – Ты знаешь, это место всегда приносило тебе счастье. – Крэг выглянул в боковое окошко и обомлел: – Боже, глазам не верю! Спортивная машина! Да тут Черил с Сидом! – И мрачно повернулся к Генри Бартлетту: – Пожалуй, все-таки ты был прав. Ехать надо было в Коннектикут.

4

Пока горничная распаковывала ее чемоданы, Алвира Михан обследовала новое жилище. Бродила из комнаты в комнату, глаза ее шныряли туда-сюда, ничего не пропуская. Мысленно она уже сочиняла, что надиктует на новенький магнитофон.

– Все, мадам? – у дверей гостиной стояла горничная.

– Да, спасибо. – Алвира попыталась подражать тону одной из своих клиенток – м-сс Стивенс. Чуть-чуть высокомерно, но дружелюбно.

Не успела за горничной закрыться дверь, как она рысью метнулась к объемистой сумке – за магнитофоном. Репортер из «Нью-Йорк Глоб» научил ее, как пользоваться аппаратом. Устроившись в гостиной на тахте, она начала:

«Ну вот я и в Сайприс Пойнт Спа. И уж поверьте мне, это вам не баран чихнул. Я хочу поблагодарить м-ра Эванса за доверие ко мне. Когда он у нас с Вилли брал интервью после выигрыша в лотерею, я открыла ему свою голубую мечту – побывать в Сайприс Пойнт Спа. Он отметил, что мне явно присуще чувство драматического, и читатели «Глоб» с интересом познакомятся, как там все на шикарном курорте. Еще он добавил, что люди, с которыми я буду встречаться, ни за что не подумают, что я – журналистка, и я смогу услышать массу любопытного. А потом, когда я объяснила, что страстная поклонница кинозвезд и знаю много об их частной жизни, он сказал, что я сумею написать серию презанимательных статей, а может, кто знает, и книгу! Это я-то! Алвира Михан! Но как вспомнишь всех знаменитостей и их романы... Сколько же среди них дерьма!

Значит, по порядку. Из аэропорта я ехала в лимузине с Элизабет Ланж. Она вся такая прелестная, молоденькая. И мне ее было очень жалко. У нее очень грустные глаза, сразу

можно догадаться — она в сильнейшем нервном расстройстве. Элизабет — сестра Лейлы ЛаСалле, но они совсем непохожи. Лейла рыжая была, с зелеными глазами. Очень сексуальная, но и на королеву похожая — нечто среднее между Долли Патрон и Григ Карсон. А про Элизабет вернее всего сказать — «цельная натура».

Немножко худовата, широкие плечи и огромные голубые глаза с темными ресницами, волосы длинные, медного оттенка. У нее красивый рот, красивые зубы, а когда она улыбнулась — единственный раз, — как будто теплое сияние пошло. Ростом Элизабет довольно высокая — около пяти футов девяти дюймов. И поспорить могу, она поет. Голос у нее мягкий и приятный, совсем непохож на нарочито актерский, каким говорят молодые старлетки. Но старлетками их теперь вроде бы уже не называют. Если подружусь с Элизабет, она, может, расскажет мне что-нибудь новенькое про свою сестру, про Теда Уинтерса... А может, «Глоб» поручит мне репортажи из зала суда?»

Довольная и сияющая, Алвира выключила магнитофон. Кто там болтает, будто сочинять трудно? В микрофон читать — одно удовольствие. Ой, а микрофон-то! Из внутреннего отделения сумки на молнии она вынула коробочку, а оттуда извлекла брошку-солнце с лучами.

Но это не какая-то там обыкновенная брошка-солнышко, горделиво подумала Алвира. В этой — тайный микрофон, редактор велел ей носить ее всегда, записывать все разговоры. «Таким образом, — пояснил он, — потом никто не сможет подать жалобу, будто вы неправильно передали его слова».

5

— Прости, Тед, но мы не можем позволить себе роскошь транжирить время. — Бартлетт откинулся на стеганую обивку кресла, сидя за круглым столом.

Они устроились в кабинете бунгало Теда, одном из самых дорогих на Сайприс Спа. Крэг с сумрачным лицом сидел наискосок от Теда, в карих глазах его сквозила тревога.

О совещании Генри предупредил еще до обеда. «Время убегает, и пока не решим, какую стратегию избрать, мы не продвинемся вперед».

20 лет тюрьмы. Вот приговор, который грозит Теду. Ему еще не верилось. Когда выйдет, ему будет 54. Ни с того ни с сего вспомнились гангстерские фильмы, которые Тед любил смотреть поздно ночью. Стальные решетки, грубая тюремная охрана, в главной роли — звезда Джимми Кагни, убийца-маньяк. Раньше Тед упивался такими лентами.

— У нас два пути, — заявил Бартлетт. — Можно не отступать от твоей первоначальной версии...

— Это не версия! — резко перебил его Тед.

— Выслушай же меня! Ты ушел из квартиры Лейлы минут десять десятого, спустился к себе. Попытался дозвониться Крэгу. — Бартлетт повернулся к Крэгу: — Паршиво, что ты не взял трубку.

— Не хотелось от телевизора отрываться, я эту программу давно ждал. Но был включен автоответчик. Рассчитывал, что пере-

звоню тому, кто звонит, позднее. И я ведь могу присягнуть, что телефон действительно звонил в 9.20, как утверждает Тед.

— Досадно, Тед, что ты ничего не записал на автоответчик!

— Терпеть не могу автоответчики, а особенно крэгов. — Губы Теда затвердели. На автоответчике Крэг изобразил говорок японского мальчишки-рассыльного, и это бесило Теда, хотя имитация была искусная. Изобразить Крэг мог кого угодно. Мог бы выступать с подражаниями на сцене.

— Зачем ты вообще звонил Крэгу?

— Провал. Пьян был. Хотел сообщить, что ненадолго уезжаю в отпуск.

— Н-да, маловато нам от этого толку. Может, если б и дозволился, не помогло бы. Разве только он подтвердил бы, что говорил ты с ним ровно в 9.31.

— Тогда я так и заявлю! — саданул кулаком по столу Крэг. — Врать под присягой не очень похвально, но я не желаю, чтоб Теда упекли за то, чего он не совершал!

— Теперь уже поздно. Ты заявление уже сделал. Перемени его сейчас, и это только ухудшит ситуацию. — Бартлетт ворошил листки, вытащенные из папки.

Тед отошел к окну. Он планировал пойти в мужской спортивный зал покрутиться немного на тренажерах. Но Бартлетт настоял на встрече. Его свободу уже ограничивают. Сколько раз он приезжал с Лейлой на Сайприс Пойнт Спа за их трехлетнюю совместную жизнь? Раз восемь-десять. Лейле тут тоже нравилось. Ее забавляла власть Мин, претенциозность барона. Она обожала долгие прогулки по скалам. «Ладно, Сокол, не желаешь идти со мной, играй в свой чертов гольф, встретимся в моей норке позднее».

— Попробуем начисто отрицать показания Элизабет Ланж и так называемой свидетельницы преступления, а то и повернем их к своей выгоде, — продолжал Бартлетт. — Ты помнишь, как подзывал такси? Как ехал в Коннектикут?

— Я не помню ровным счетом ничего.

— А твое последнее четкое воспоминание о том вечере? Расскажи-ка еще раз.

— Я провел с Лейлой несколько часов. Она была в истерике. Обвиняла меня снова и снова, будто я изменяю ей.

— А ты изменял?

— Нет.

— Тогда почему такие обвинения?

— Лейла была... очень неуверена в себе. Ее отношения с мужчинами всегда складывались неудачно. И она убедила себя, будто нельзя доверять никому. Мне казалось, я сумел излечить ее от этого комплекса. Но изредка на нее вновь нападала бешеная ревность.

— Ты пытался отдать ей обручальное кольцо?

— Да. Но она отказывалась брать.

— Что случилось потом?

— Позвонила Элизабет. Лейла рыдала в трубку, кричала на меня, чтобы я убирался. Я велел ей положить трубку. Хотел обратиться до конца. Понять, что вызвало припадок. Увидел, что

затея безнадежна, и ушел. У себя я, кажется, сменил рубашку, попробовал дозвониться Крэгу. Помню, как выходил из своей квартиры. А потом – все стерлось, пока на следующий день я не проснулся в Коннектикуте.

– Тедди, надеюсь, ты понимаешь, что сделает прокурор с такой историей? Тебе известно, сколько имеется прецедентов, когда в припадке ярости люди убивали, а потом у них случалась амнезия? Как твой адвокат, я обязан предупредить – история твоя с запашком! Это не защита. Конечно, если б не Элизабет Ланж... тогда никакой проблемы. Черт, да само обвинение просто не возникло бы. Эту так называемую свидетельницу – да я б ее на котлеты перемолол! Психбольная. Но если Элизабет присягает, что ты находился в квартире Лейлы, ругался с ней в 9.30, душевнобольной начинают верить, когда она утверждает, что собственными глазами видела, как в 9.31 ты сбросил Лейлу с балкона.

– И что же нам теперь делать? – спросил Крэг.

– Рискнем, – отозвался Бартлетт. – Тед соглашается с версией Элизабет. Да, он вспомнил, что действительно снова поднялся наверх. Лейла все еще была в истерике. Она бросила трубку и убежала на балкон. Все, кто сидел у «Элайны» в тот вечер, могут дать свидетельские показания о ее эмоциональном состоянии. Сестра и та признает, что в ресторане Лейла много пила. Она переживала из-за своей карьеры. Решила порвать с Тедом. Ей казалось, жизнь зашла в тупик, рухнула. Не она первая в подобной ситуации сходит с балкона.

В глазах Крэга засветилась надежда.

– А что? Пожалуй, сработает. Свидетельница наблюдала, как Тед пытался удержать Лейлу, а когда Лейла все-таки упала, отключился. На него затмение нашло. Вот и объяснение, почему он бессвязно говорил в такси.

– В твоем варианте зияет огромная прореха, – скучно бросил Тед. – Если признаюсь, что вернулся в квартиру и был на балконе с Лейлой, я сам сую голову в петлю. Стоит присяжным решить, что я не спасал, а убивал, и меня признают виновным в убийстве второй степени.

– На этот риск нам придется пойти.

Подойдя к столу, Тед стал бросать открытые папки в дипломат Бартлетта.

– Не уверен. Надо найти версию понадежнее. Во что бы то ни стало. В тюрьму я не сяду! Ни за что!

6

– До чего ж хорошо! – шумно выдохнула Мин. – Лучше рук ни у одной нашей массажистки нет, клянусь!

Хелмут, нагнувшись, поцеловал ее в щеку.

– Либхен, мне нравится дотрагиваться до тебя. Пусть только ради того, чтобы принести облегчение твоим плечикам.

Они были у себя в квартире, занимавшей весь третий этаж главного особняка. Мин в свободном кимоно сидела за туалетным столиком перед зеркалом. Она вынула шпильки из тяжелых волос цвета воронова крыла, и те свободно падали ей на

плечи. Видок у нее сегодня – не реклама для курорта. Круги под глазами – сколько уж времени она не красит глаза? Лет пять? Ей уже 59. Но до прошлого года никто не давал ей больше 49. Никто.

Хелмут улыбался ей в зеркало. Длинное породистое лицо, с безупречным, как на картинке, загаром, без единой морщинки; темно-каштановые, не тронутые сединой баки. Хелмут на 15 лет моложе ее. Первые годы брака это не играло роли. Но – сейчас?

Познакомились они в Баден-Бадене после смерти Сэмюэла, ее первого мужа. Пять лет ухода за капризным стариком вознаградились сторицей. Он оставил ей 12 миллионов и эту недвижимость.

Мин не обманывалась насчет внезапного внимания Хелмута к ней. Ни один мужчина не влюбляется в женщину на 15 лет старше, если не видит для себя выгоды. Сначала она принимала его ухаживания цинично, но в конце второй недели поняла, что неравнодушна к нему. Заинтересовалась его предложением превратить Сайприс Пойнт из отеля в курорт. Затраты предстояли бешеные, но Хелмут убеждал ее – это солидное вложение, а не пустое швырянье денег. В день, когда открылся Спа, он попросил ее выйти за него замуж.

Она тяжело вздохнула.

– Хелмут, я думаю о том, как прореагирует Элизабет.

– Плохо. Очень плохо.

– Ну не надо так! Ты же знаешь, я была вынуждена. Это наш единственный шанс!

7

В 7 часов перезвон из особняка возвестил о наступлении часа «коктейлей», и тут же дорожки заполнились отдыхающими – одиночки, парочки, группки из троих-четверых. Все красиво, модно одеты: женщины в элегантных просторных платьях или развевающихся туниках; мужчины в блейзерах, широких брюках и спортивных рубашках. Сверкающие драгоценности и причудливые наряды. Знаменитости тепло улыбались друг другу или отстраненно кивали. На мягко освещенной веранде официанты в синих формах подавали крошечные бутербродики-канапе и безалкогольные «коктейли».

Официант предложил Элизабет напитки на выбор – безалкогольное вино или прохладительные. Она выбрала безалкогольное. Лейла издевалась над жестким правилом Мин не подавать алкоголь.

«Послушай, Ласточка, да половина тех, кто приезжает к ней, выпивохи завязтые. Все привозят винишко с собой, но все равно им приходится ограничивать себя. Вот они и худеют. А Мин всю честь приписывает курорту. Как думаешь, барон припрятывал вино в кабинете? Я больше чем уверена!»

Нет, все-таки надо было поехать в Ист-Хэмптон, подумала Элизабет. Куда угодно. Только не сюда.

– Элизабет! – резко окликнула ее Мин. – С тобой графиня говорит.

– О, извините! – с симпатией и любовью Элизабет пожала протянутую аристократическую ладонь.

– Видела твой последний фильм, – графиня д'Арони тепло улыбнулась ей. – Ты становишься превосходной актрисой, дорогая.

– Роль выигрышная попалась. Повезло. – Тут глаза Элизабет округлились. – Мин, кто там идет? Как будто Сид с Черил?

– Да. Сегодня утром позвонили и приехали. Забыла тебя предупредить. Ты ведь не против, что они тут?

– Нет... конечно. Только... – голос ее сорвался. Ей все еще было неловко за то, как унижала Лейла Сид тем вечером у «Элайны». Сид сделал из Лейлы звезду. Пусть последние годы он допускал промахи, зато сколько раз выцарапывал для нее роли, которые ей страстно хотелось сыграть.

А Черил? Под личной дружбы у них с Лейлой клокотало крутое соперничество – и актерское, и личное. Лейла увела у Черил Теда. Черил чуть не загубила карьеру, взявшись играть в спектакле Лейлы... С другой стороны, Сид с гонораров Лейлы кучу денег огреб. А Черил... каких только трюков не пускала она в ход, стараясь снова отбить Теда. Если б ей удалось, подумалось Элизабет, может, сейчас Лейла была бы жива...

Нехотя Элизабет признала, что никогда еще Черил не выглядела так привлекательно. Ласковость приветствия обманула бы всякого, кто не знал ее.

– Элизабет, киска моя, я и не мечтала увидеть тебя тут! Как съемки? Ничего, ладятся?

Потом наступила очередь Сиды. Циничные, как всегда, глаза, унылая физиономия. Элизабет знала – он вложил в спектакль Лейлы собственный миллион, который, скорее всего, занял. Лейла его называла «Дилер». *«Конечно, Ласточка, для меня он трудится во все лопатки, да ведь и с меня ему барыш велик. В день, когда я перестану приносить выгоду, он перешагнет через мой труп».*

Элизабет передернуло, когда Сид поцеловал ее жарким поцелуем.

– Ух, какая ты раскрасоточка! Может, еще и украду тебя у твоего агента. Не рассчитывал, что встретимся до будущей недели.

Ну да, разумеется. Защита попытается использовать показания Черил и Сиды об эмоциональном срыве Лейлы в тот вечер у «Элайны».

Новым гостям тоже предложили «коктейли». Подтянулись поздороваться друзья графини. Ведущий популярного ток-шоу сердечно приветствовал Сиды.

Вдруг Элизабет услышала позади себя знакомый удивленный голос:

– Элизабет, а ты тут каким образом?

Она повернулась и очутилась в объятиях Крэга: крепкие надежные руки человека, который бросился к ней, едва услышав трагическую новость, который остался с ней в квартире Лейлы

слушать, как она изливает свое горе, который помогал отвечать на вопросы полиции и кто, наконец, разыскал Теда...

Она встречалась с Крэггом за весь год раза три-четыре. Зашел к ней, когда она была на съемках. «Не могу же я находиться в одном с тобой городе и даже не зайти поздороваться», — сказал он тогда. По молчаливому соглашению они избегали обсуждать надвигающийся суд. Но именно от Крэга она узнала, что Тед живет пока на Майи, нервничает, вспыскивает по любому поводу, раздражается часто, фактически забросил дела и не общается ни с кем из друзей. Всякий раз она слышала от Крэга неизменное: «Но ты уверена?»

Когда терпение лопнуло, Элизабет взорвалась: «Разве может человек быть уверен в ком-то или чем-то?» и попросила больше не навещать ее до окончания суда.

Но что он делает тут? Она-то считала, что они с Тедом готовятся к суду. Высвободившись из объятий Крэга, Элизабет увидела Теда — тот поднимался по ступенькам веранды.

Во рту у нее пересохло, руки и ноги ослабели, сердце заколотилось так сильно, что стук его отдавался в ушах. За эти месяцы она постаралась изгнать лицо Теда из памяти, а в ее ночных кошмарах он всегда появлялся лишь тенью — ей снились руки убийцы, сбрасывающие Лейлу через перила, жестокие глаза, следящие за ее падением...

А теперь он поднимается по ступенькам, как обычно, независимый, самоуверенный. Эндрю Эдвард Уинтерс.

Ярость и ненависть нахлынули на Элизабет, она сглотнула, стараясь подавить тошноту.

— А вот и он! — воскликнула Черил и бросилась в объятия Теда.

Злость заставила Элизабет очнуться от столбняка. Она резко развернулась и неверным шагом двинулась через веранду в вестибюль. Позади ее догонял стук каблуков Мин.

— Черт тебя побери, Мин! — яростно набросилась на нее Элизабет. — Что ты заварила?

— Сюда! — дернула головой Мин на музыкальный салон. — Элизабет, я знаю, что делаю...

— А я — нет! — Остро переживая предательство, Элизабет уставилась на Мин.

— Элизабет, в тот раз, в Венеции, ты сама сказала, что не веришь до конца в виновность Теда. Мне все равно, как это выглядит. Я знаю Теда дольше, чем ты, лет на десять... Элизабет, ты совершаешь ошибку. Не забудь, я тоже в тот вечер была у «Элайны». Ты же помнишь, Лейла прямо осатанела! Иначе не скажешь. И ты это прекрасно знаешь! — Лицо Мин хранило бесстрастность. Низкий настойчивый голос действовал сильнее крика. Она схватила Элизабет за руку. — Я знаю, честнее тебя нет никого. Даже в детстве ты никогда не врала! Так взгляни же в лицо фактам! Твоя ошибка означает, что Тед будет гнить в тюрьме всю оставшуюся жизнь!

— Мин, на следующей неделе присяжные решат, кто говорит правду. По-твоему, ты можешь управлять всем, но на этот раз не в твоей власти... Пусть мне вызовут такси.

— Элизабет! Ты не можешь уехать!

— Не могу? У тебя есть телефон Самми?

— Нет.

— Когда ты ждешь ее обратно?

— Завтра, после обеда. — Мин умоляюще стиснула руки. — Элизабет, прошу тебя!

Элизабет услышала, как позади открылась дверь. Она обернулась — в комнату вошел Хелмут. Он ласково взял ее за руки.

— Элизабет! Я пытался остеречь Мин. Ей запала безумная идея, что когда ты увидишь Теда, тебе вспомнятся счастливые времена, вспомнится, как сильно он любил Лейлу... Я умолял ее не делать этого. Знаешь, Тед потрясен и расстроен не меньше твоего.

— Так ему и надо! А сейчас, пожалуйста, отпустите меня!

— Элизабет, на следующей неделе День Труда. Полуостров кишит туристами. Студенты развлекаются напоследок перед началом занятий. Проездишь полночи, а комнаты нигде не найдешь. Оставайся. Повидаешься завтра с Самми, а потом уедешь, если захочешь.

Элизабет пожала плечами.

— В каком зале будет обедать Тед?

— В кипарисовом, — с надеждой откликнулась Мин.

— А Сид? Черил?

— Там же.

— Куда вы наметили посадить меня?

— С нами. Но графиня просит тебя сесть за столик к ней, в Океанский зал.

— Ладно. Останусь до возвращения Самми. — Элизабет сурово посмотрела на Мин. — Но, Мин, теперь тебя предупреждаю я. Тед — это человек, который убил мою сестру. Не смей больше подстраивать мне с ним «нечаянных» встреч!

8

— Для обеда в девятьсот калорий совсем недурно. — Генри Бартлетт появился из своего бунгало с красивым кожаным «дипломатом». Водрузив его на стол в гостиной Теда, он откинул крышку, являя взорам переносной бар. Достал «курвуазье» и стаканчики для бренди. — Джентльмены?

Крэг согласно кивнул. Тед покачал головой.

— Думал, ты знаешь, одно из твердых правил на здешнем курорте — ни капли спиртного.

— Если я плачу более семисот долларов в день за проживание здесь, то решать, пить или не пить, буду тоже я сам.

Щедро наполнив два бокала, Генри протянул один Крэгу и пошел к стеклянной двери.

— Никогда не мог понять, отчего Балбоа назвал этот океан — Тихим, — такой рев! — Он повернулся к Теду. — Тед, присутствие здесь Элизабет Ланж — редкостная для тебя удача. Девушка интересная. Во многих смыслах. Особенно в одном, какой упустили вы оба. Сколько оттенков чувств отразилось на ее лице, Тед, когда она смотрела на тебя. Ее терзали противоречивые мысли, и, как я догадываюсь, что-то подсказывает ей: два плюс два вовсе не равно пяти.

— Сам не понимаешь, что говоришь, — уныло откликнулся Крэг.

Генри отодвинул скользящую дверь. Гул океана перешел в могучий рев.

— Слышите? Не дает сосредоточиться. Вы платите мне кучу денег, чтобы я выдернул Теда из заварухи. Самый лучший способ — поскорее выяснить, что против нас, а что можно обратить в нашу пользу. — Его перебил пронзительный порыв ветра. Быстро задвинув дверь, Бартлетт вернулся к столу. — Нас удачно рассадил за обедом. Я все время изучал Элизабет. До чего ж красноречивы у человека лицо и движения тела! Она, Тедди, не отрывала от тебя глаз. Девушка угодила в ловушку любви-ненависти! И моя задача — разработать план, как бы нам половчее воспользоваться этим.

9

Сид провожал необычно молчаливую Черил к ее бунгалу. Он знал, обед для нее был пыткой. Она до сих пор переживает, что Теда у нее увела Лейла. А теперь мучается и страдает, что даже сейчас, когда Лейла уже не стоит на ее пути, Тед остается глух к ее кокетству.

Сид начал было прощаться, но Черил пригласила его зайти. Мысленно застав, Сид последовал за ней.

— Где водка? — спросил он.

— Заперта в моей шкатулке с драгоценностями. Единственное место, где здешние горничные не ищут спиртное. — Перебросив ему ключ, Черил устроилась на полосатой атласной кушетке. Сид приготовил водку со льдом на двоих, подал ей бокал и устроился напротив, прихлебывая ледяной напиток.

— Ну, и как твое мнение насчет сегодняшнего вечера? — начала Черил.

— Э... про что ты?

— Да все ты понимаешь! Когда Тед забывался, вид у него становился загнанным. Крэга корежило от тревоги. А Мин с Хелмутом напоминали мне дуэт акробатов на скользкой проволоке. Адвокат не отрывал глаз от Элизабет, а та весь вечер шпионила за нашим столиком. Я всегда подозревала, что девчонка втрескалась в Теда. Ну а эта смехотворная клуша, победительница лотереи, если Мин еще раз посадит ее рядом со мной — я придушу ее!

— Как бы не так! Слушай, Черил, вероятно, ты получишь роль. Но всегда маячит опасность, что сериал сдохнет из-за низкого рейтинга у зрителей. Вероятность сомнительная, но все-таки она существует. Если такое случится, тебе понадобится ролька в кино. А фильмы надо финансировать. У этой леди монеток для вложения полным-полно. Так что улыбайся ей, пока не заболят губы!

Черил прищурилась.

— Уговорить на финансирование моего фильма можно и Теда. Я знаю, он согласится. Сам говорил, что со мной сыграли дурную шутку, сунув в тот спектакль в прошлом году.

— Смотри, не промахнись. Крэг куда осмотрительнее Теда. А если Тед сядет в тюрьму, хозяином шоу останется Крэг. И еще. У тебя, голубка моя, крыша поехала. С чего ты взяла, будто Элизабет клеит Теда? Была бы влюблена, не стала бы затягивать удавку на его шее. Заявила бы, что ошиблась насчет времени, распиналась бы, как чудесно вел себя Тед с Лейлой. И точка. Судебное дело — рассыпалось!

— Мужчины — непроходимые тупицы. Ничегошеньки не замечают. Ты что, не помнишь, какой Элизабет была всегда? Вежливая, но если задашь ей прямой вопрос, получишь прямой ответ. Никаких уверток. Она просто не знает, что такое врать. Не врала никогда даже ради собственной выгоды. К несчастью, не станет врать и ради Теда. Но прежде чем разбирательство закончится, она все камешки переворошит, под каждый заглянет, отыскивая всякие доказательства в его пользу. Что делает ее весьма опасной. И еще одно, Сид! Ты слышал, что городила эта чокнутая Алвира? Она, де, читала в киношном журнале, будто квартира Лейлы ЛаСалле была точно мотель? Лейла раздавала ключи направо-налево приятелям, знакомым — живи кто и когда захочется. У тебя ведь тоже имелся ключ, а, Сид?

— Но и у тебя был!

— Да. Лейла кайф ловила, делая мне одолжения, зная, что мне не по карману не то что двойную квартиру, комнатушку в ее доме снять. Но бармен в «Жокей клубе» может засвидетельствовать — в момент ее гибели я сидела у них и пила: мой приятель опаздывал к обеду. А приятелем этим был ты, Сид. Сколько ты вбухал в тот дерьмовый спектакль?

У Сиды онемели костяшки пальцев, он надеялся, что Черил не почувствовала, как мгновенно напряглось его тело.

— К чему ты клонишь?

— Накануне смерти Лейлы ты сам говорил мне, что планируешь зайти к ней, упрямить не бросать спектакль. Ты не меньше миллиона в него всадил. Личный миллиончик был, Сид? Или занял у кого? Даже меня впихнул в это дерьмо, как посылают ягненка на заклание. Моей карьерой рискнул, лишь бы не упустить самого хиленького шанса — а вдруг спектакль все-таки продержится! Я многое теперь припоминаю, Сид. Ты ведь всегда приходишь точно, а в тот вечер опоздал в «Жокей клуб» минут на пятнадцать. Вошел в 9.45. Смертельно бледный, руки у тебя ходуном ходили, вино, помню, даже расплескал. Лейла погибла в 9.31. А ее квартира в десяти минутах ходьбы от клуба. Сид, мне позарез требуется эта роль в сериале. И ты уж расстарайся, чтоб я ее получила. Получу, так обещаю тебе — ни пьяная, ни трезвая никогда ни словечком не проговорюсь, что ты опоздал в тот вечер. А вид у тебя был — краше в гроб кладут. И что имелся у тебя ключ от квартиры Лейлы, которая фактически обрекла тебя на банкротство! А теперь — выметайся! Мне пора спать.

В четверть десятого Элизабет увидела, как гости потянулись из главного особняка. Она знала, еще минут 10–15, и курорт по-

грузится в тишину. Опустятся шторы, погаснет свет. В Спа день начинается рано. После напряженных занятий спортом и расслабляющих косметических процедур большинство обитателей рады-радешеньки лечь спать в 10.

Элизабет вздохнула, увидев, как какая-то фигура свернула с главной аллеи к ее коттеджу. Инстинктивно она угадала – это м-сс Михан.

– Подумала, что вам немного одиноко, – затрещала Алвира, без приглашения устраиваясь в плетеное кресло. – Правда, вкусный обед? В жизни не догадалась бы, что надобно считать калории. А вы? Уж поверьте мне, я б не весила сто шестьдесят пять фунтов, если б ела так всю жизнь. Красивая какая ночь, правда? Звезды кругом. И океан близко. Обожаю шум волн. О чем я? Ах да, обед. Сказать по правде, я глаз не могла оторвать от Теда Уинтерса. Настроилась ненавидеть его, но он такой милый. А как я удивилась – какая ехидная, оказывается, Черил Маннинг! Сразу видно, ненавидела Лейлу не знай как! Да?

– Почему вы так решили? – Элизабет облизнула губы.

– Я сказала, что Лейла, по-моему, станет легендой, вроде Марилин Монро, а Черил и говорит – если каждую потрепанную пьянчужку превращать в легенду, тогда Лейла годится в самый раз.

– А как реагировали другие? – тихо спросила Элизабет.

– Расхохотались все, кроме Теда Уинтерса. Он заметил, что говорить так мерзко.

– Неужели и Мин с Крэгом это показалось забавным? Не может быть!

– Наверняка ведь не скажешь! – заспешила Алвира. – Иной раз люди смеются от смущения. Но даже адвокат этот, который с Тедом, сказал, что здесь Лейле не победить на конкурсе популярности.

– Очень мило, что забежали, м-сс Михан. – Элизабет встала. – Извините, мне пора переодеваться. Перед сном я всегда плаваю.

– А-а, знаю. Об этом за столом шел разговор. Крэг – его ведь так зовут, помощника м-ра Уинтерса?..

– Да.

– ...спрашивал баронессу, долго ли вы планируете жить тут, и та ответила, скорее всего, до послезавтра, потому что ждете возвращения своей знакомой Самми.

– Правильно.

– А Сид Мелник высказался, у него предчувствие – вы будете избегать их всех. Тогда баронесса сказала, что найти Элизабет можно всегда в Олимпийском бассейне в 10 вечера. Правильно?

– Она знает, я люблю плавать. Найдете дорогу к своему бунгалу, миссис Михан? Если нет, я провожу вас. А то в темноте можно и заплутаться.

– Нет, нет, найду. Приятно было побеседовать с вами. – Алвира выкарабкалась из кресла и, не обращая внимания на дорожку, напрямик через лужайку отправилась к себе. Она была разочарована: Элизабет ни словечка не сказала полезного для

ее статьи. Но зато сколько информации она получила за обедом! Сочную статью про ревность читает в микрофон! Уж точно!

Публике интересно будет узнать, что самые близкие друзья Лейлы ЛаСалле ведут себя так, будто рады, что она умерла!

11

Он осторожно опустил занавески и выключил свет. Надо торопиться! Быстрее! Быстрее! Может, он уже опоздал. Но выйти раньше он не осмелился. Когда открыл входную дверь, его передернуло от холода. Стало очень даже прохладно, а на нем только плавки и темная майка.

Всюду тихо, тускло светят фонари вдоль тропинки и в кронах деревьев. Спрятаться в тени легко, добираясь до Олимпийского бассейна. Но застанет ли он ее там?

Элизабет планирует оставаться в Спа, пока не повидается с Самми, то есть до завтрашнего вечера. В его распоряжении всего полтора дня, чтобы убить ее.

Он остановился у кустарника, окаймлявшего патио вокруг Олимпийского, и в темноте едва разглядел Элизабет – она плавала энергично и уверенно, от одного бортика бассейна до другого. Он скрупулезно просчитывал варианты удачного убийства. Осенило его, когда Мин заметила, что Элизабет около 10 вечера всегда в бассейне. Даже с сильными пловцами приключаются несчастные случаи. Внезапные судороги, рядом – пустынно, закричишь – услышать некому. Никаких следов насилия или борьбы... Он спланировал – нырнет тихонько, пока Элизабет будет у противоположного бортика, затаится, а когда девушка поплывет обратно, набросится и будет удерживать под водой, пока у нее не иссякнут силы. Он осторожно выбрался из-за кустарника. Такая темень, можно рискнуть поближе взглянуть.

Он и забыл, как быстро она плавает. Хотя и худенькая, мускулы рук у нее, наверное, стальные. А что если, сопротивляясь, она продержится долго и привлечет внимание? А вдруг на ней этот проклятый свисток? Мин настаивает, чтоб одинокие пловцы всегда имели его при себе.

Глаза его зло прищурились, пока он подкрадывался ближе и ближе к бассейну, готовый прыгнуть, сомневаясь, тот ли сейчас момент. Плавает она быстрее и лучше него, в воде у нее, пожалуй что, преимущество...

Второй ошибки допустить нельзя.

Упорная головная боль, донимавшая Элизабет весь вечер, потихоньку рассасывалась, чувство, что ее заманили в ловушку, растаяло. Она испытывала раскрепощенность, как всегда, в воде. «Думаешь, оно зародилось в утробе? – спросила она как-то в шутку Лейлу. – Абсолютное чувство свободы, когда я в воде».

Ответ Лейлы поразил ее: «Может, мама была счастлива, когда была беременна тобой, Ласточка. Я всегда считала, что твой отец – сенатор Ланж. У них с мамой была большая лю-

бовь, пока мой дорогой папочка не испортил им фильм. А когда я была в утробе, они, по-моему, называли меня «роковая ошибка».

Это Лейла предложила Элизабет взять сценическое имя — Ланж. «Может, это и есть твое настоящее имя, Ласточка? Почему бы и нет?»

Как только Лейла начала зарабатывать деньги, она стала посылать чек маме каждый месяц. Однажды чек вернулся обратно. Мама умерла от острого алкогольного отравления.

Коснувшись дальней стенки, Элизабет подтянула колени к подбородку и, перевернувшись, поплыла назад, одним плавным движением сменив плавание на спине брассом. Мягкие всплески рук заглушали легкие шаги на другом конце бассейна. Доплыв до северного бортика, Элизабет повернула обратно. Почему-то теперь она поплыла на бешеной скорости, точно чуя опасность.

Призрачная фигура кралась вдоль бортика. Он хладнокровно просчитал скорость ее стремительного грациозного продвижения. Время — фактор существенный. Обхватить ее сзади, когда станет проплывать мимо, навалиться на нее, удерживать лицом в воде, пока не захлебнется. Сколько времени на это потребуется? Минута? Две? Но что, если справиться с ней окажется не так уж легко? Ведь смерть необходимо обставить как несчастный случай...

Тут его осенило! В темноте губы растянулись в подобие улыбки. Как же это он раньше не додумался? Костюм для подводного плавания! Имея кислородный аппарат, ее можно держать на дне бассейна, пока она не умрет. К тому же, резиновый комбинезон, перчатки, маска, очки — отличный маскарад, если даже кто и засечет его в саду!

Он проследил, как девушка подплыла к ступенькам, едва сдерживая себя: ему не терпелось накинуться на нее, убить. Но ничего, завтра вечером. Крадучись, он придвинулся ближе, когда она поставила ногу на первую ступеньку лесенки, выпрямился. Прищурившись, напрягая глаза, взглядывался, как она набрасывает халат, спешит по тропинке к бунгалу.

Он подстережет ее завтра. А на следующее утро кто-нибудь случайно заметит ее труп на дне бассейна. Как рабочий заметил во дворе труп Лейлы.

И больше ему опасаться будет нечего!

ПОНЕДЕЛЬНИК

31 АВГУСТА

1

В понедельник Элизабет проснулась задолго до рассвета. Даже плавание не оказало обычного магического действия. Ночь напролет мелькали обрывки снов. Снились все вперемешку: мама, Лейла, Тед, Крэг, Сид, Черил, Самми, Мин, Хелмут. Даже два мужа Лейлы, эти бездельники, воспользовавшиеся успехом Лейлы, чтобы самим выскочить под лучи

софитов: первый был актером, второй рвался в продюсеры и светскую жизнь...

В 6 Элизабет встала, подняла занавески и снова забилась под легкое одеяло. Прохладно, но ей нравилось наблюдать, как встает солнце.

В 6.30 в дверь легко постучали. Вики, горничная, давным-давно служившая в Спа, принесла стакан сока. Крепкая 60-летняя женщина, подрабатывающая к пенсии мужа. Они тепло поздоровались, как и положено при давнем знакомстве.

— Странно жить тут гостьей, — заметила Элизабет.

— О, ты заработала на это право. Видела тебя в «Вершине Холма». Ты изумительная актриса!

— Но все равно чувствую себя уверенно, обучая водной аэробике.

— И принцесса Диана всегда может устроиться воспитательницей в детский сад. Кончай, ну тебя!

Элизабет специально переждала, чтобы ежедневная процессия под названием «пешеходная прогулка Сайприс Спа» отправилась в путь. Когда она вышла из бунгало, пешеходы под предводительством Мин и барона уже резво шагали по тропинке на побережье. Маршрут начинался от Спа, шел по лесному заповеднику Крокер, огибал гольфовые лужайки на Пабл Бич, мимо Лоджа и снова возвращался на Спа. Всего прогулка занимала 50 минут скорым шагом. Потом — завтрак.

Элизабет устремилась в обратную сторону. Она бы предпочла пробежаться по побережью, но не хотела сталкиваться с другими.

Скорее бы вернулась Самми, думала она, убыстряя бег. Поговорила бы с ней и уже сегодня улетела. Ей хотелось выбраться отсюда. Если верить Алвире, вчера Черил обозвала Лейлу «потрепанной пьянчужкой», и все, кроме Теда, ее убийцы, расхохотались.

Мин, Хелмут, Сид, Черил, Крэг, Тед. Самые близкие Лейле люди. Те, что плакали и скорбели на ее панихиде. Лейла, Лейла...

Элизабет запыхалась и замедлила бег. Теряет форму. Сегодня же отправится в женский зал и проделает все положенные упражнения и процедуры. Она свернула на дорогу обратно в Спа — и столкнулась с Тедом.

Он схватил ее за руку, удерживая от падения.

— Элизабет, я должен поговорить с тобой...

Даже притворяться не стал, будто встреча случайная!

— Скажешь все в суде. — Она попыталась пройти, но он преградил ей дорогу.

— Сказал же — послушай! Ты не дала мне ни единого шанса! Возможно, я просто ничего не знаю, возможно, ты права, и я тогда вернулся. Я, конечно, был пьян и взбешен, но и переживал за Лейлу. Элизабет, вдумайся: если ты права и я возвращался, если права та соседка, утверждающая, будто видела, как я боролся с Лейлой, так неужели у тебя нет ни тени сомнения — а может, я старался ее удержать? Ты же помнишь, в ка-

ком нервном раздражении она находилась в тот день! Чуть на стенку не лезла! Неужели ты считаешь, что, пьяный или трезвый, я способен на убийство? — Темно-синие глаза помрачнели от боли. Закусив губу, он просяще протянул руки. — Ну так как, Элизабет?

Она быстро прошмыгнула мимо него и помчалась к воротам Спа. Окружной прокурор предсказывал это. Если Тед испугается, что ему не вывернуться, он начнет утверждать, что пытался спасти Лейлу.

Элизабет не оглядывалась, пока не добежала до ворот. Тед не пытался преследовать ее. Он стоял неподвижно, глядя ей вслед, беспомощно опустив руки.

Ей же вспомнилось еще одно предостережение прокурора.

Без нее, как свидетельницы, Тед может вывернуться на суде.

2

В 8 утра Дора Самуэлс — Самми — отъехала от дома кузины Элси и со вздохом облегчения пустилась в путь из долины Напа к полуострову Монтерей. Если повезет, к двум часам доберется. Первоначально она намеревалась уехать днем, и Элси бурно досадовала, что Самми переменила планы, но той не терпелось вернуться в Спа, просмотреть до конца письма.

Самми было уже 71. Прошло полтора года с тех пор, как аневризм чуть не прикончил ее, и после сложной операции она стала хрупкой и слабой на вид, но пока что нетерпеливо отмахивалась от всех разговоров о пенсии.

Уик-энд прошел беспокойно. Увидев, что Дора привезла сумку писем от фанов, Элси изумилась: «Как? Неужели ты через полтора года после смерти этой женщины отвечаешь ее фанам? Совсем рехнулась!»

Ничего я не рехнулась, говорила себе Дора, ведя машину на дозволенной скорости через виноградники. Она даже не пыталась объяснить Элси, что писать личные письма людям, любившим Лейлу, — это способ приглушить собственную боль утраты. И не рассказала кузине, почему привезла с собой тяжеленную сумку. Самми искала ответ, получала ли Лейла другие анонимки, кроме той, на которую она наткнулась.

Та была отправлена за три дня до смерти Лейлы. Адрес на конверте и само письмо — слова и фразы, вырезанные из журналов и газет.

«Лейла!

Сколько же раз можно писать тебе? Неужели до сих пор до тебя не доехало — Теда уже тошнит от тебя? Его новая подруга красива и гораздо моложе тебя. Я уже писал — изумрудное ожерелье, подаренное ей, подходит к браслету, который он подарил тебе. Но стоит в два раза дороже и смотрится в десять раз эффектнее. Идет слушок, что пьеска твоя вшивенькая. И роль ты плохо учишь. Скоро напишу еще.

Твой друг».

При мысли об этом письме и других, предшествующих ему, накатила новый приступ ярости. Лейла, Лейла, шептала Дора. Что же они натворили с тобой! Кто посмел?

Последние три фильма, в которых снималась Лейла, оказались неудачей. Ее тревоги и сомнения в своей карьере стали навязчивой идеей. А любовь к Теду равнялась страху потерять его. Тут Сид раскопал эту пьесу. «Самми, клянусь, мне и играть-то нечего! Просто быть самой собой. Я влюблена в эту роль!»

А потом все было кончено. Все бросили ее. Самми загремела в больницу. Элизабет уехала на гастроли со своим спектаклем. Тед вечно разъезжал по делам фирмы. И кто-то, кто хорошо знал Лейлу, забросал ее ядовитыми писульками, разбил ее хрупкое «эго», спровоцировал на выпивки...

Дора заметила, что у нее дрожат руки. Она огляделась, ища указатель ресторана. Может, от чашечки крепкого чая полегчает. Как только она приедет в Спа, сразу же займется почтой.

Она верила – Элизабет сумеет вычислить автора анонимок.

3

Тед провел утро, занимаясь в мужском спортзале. С Крэгом на пару они работали веслами в лодках-тренажерах, катались на велосипедах и до упора тренировались на аппаратах аэробики.

Закончить они решили плаванием и во внутреннем бассейне встретили Сида, тот тоже плавал. Повинуясь порыву, Тед вызвал его и Крэга на соревнование. На Гавайях он плавал ежедневно, но с трудом обогнал Крэга. Да и Сид, к его удивлению, отстал всего на пару футов.

– Смотри-ка, а ты поддерживаешь форму! – одобрил Тед. Сида он всегда считал слабаком, а тот, оказывается, очень даже крепкий.

– Стараюсь. Сиднем сидеть в конторе и ждать звонков – занятие однообразное.

– Я очень удивился, Сид, встретив тебя тут. Когда мы на прошлой неделе разговаривали, ты словечка не проронил, что собираешься на Сайприс Пойнт. – Глаза Крэга смотрели холодно.

Сид пожал плечами.

– Ты мне тоже не говорил, что вы приезжаете. Поездка в Спа не моя идея. Черил вздумалось. – Сид покосился на Теда: – Прознала, наверное, что ты тут.

– Мин никогда не треплет лишнего...

– Мин и не трепалась. Но ты, что, воображаешь, среди твоих служащих не найдется человечка, чтоб шепнуть репортерам за плату словцо-другое? Вчера утром Черил звонила Беттина Скада. Она, наверное, и подсказала. Да какая разница? Главное, Черил снова нацелилась на Теда. Для тебя – новость? Используй ее. Черил умирает от желания свидетельствовать на суде в твою пользу. Если кто и сумеет убедить присяжных, что Лейла у «Элайны» тогда с катушек слетела, так только Черил. А я поддержу. – Сид дружелюбно опустил руку на плечо Теда. – Дельце это с тухлинкой, и мы поможем тебе выкрутиться. Можешь смело на нас рассчитывать.

– Что в переводе означает – ты у него в долгу, – прокомментировал Крэг, когда они шагали к бунгалу Теда. – Смотри, не купишь. Что такого, если он и потерял миллион на том проклятом спектакле? Ты четыре потерял. А вложить их уговорил он.

– Я сам вложил, потому что прочитал пьесу и понял, что автору удалось схватить суть Лейлы. Он создал типаж – забавный, уязвимый, мудрый, невыносимый и обаятельный одновременно. Пьеса должна была стать для нее триумфом.

– Ошибочка ценой в четыре миллиона. Извини, Тед, но ты же платишь мне, чтобы я давал тебе хорошие советы.

Генри Бартлетт все утро провел в бунгалу Теда, просматривая протоколы слушания дела большим жюри, названивая к себе в офис на Парк-авеню.

– В случае, если придется избрать курс защиты «временная утрата рассудка», понадобится множество ссылок на прецеденты, – сообщил он им и добавил: – Давайте закажем ланч. Нам предстоит длинное обсуждение.

За ланчем Тед рассказал про встречу с Элизабет.

– Так вот, Генри, вчерашний вариант можешь забыть, – заключил он. – Все в точности, как думал я. Признай я вероятность своего возвращения в квартиру Лейлы, то после показаний Элизабет, считай, я уже в тюремном фургоне на пути в Аттику.

Да, день и правда оказался трудным. Тед слушал, как Генри объяснял теорию временной невменяемости.

– Лейла публично отвергла тебя, бросила спектакль, в который ты вложил четыре миллиона. Назавтра ты просил ее о примирении, но она продолжала оскорблять тебя, требовать, чтобы ты пил наравне с ней.

– Ничего, я могу позволить себе выбросить такую сумму, – перебил Тед.

– Ты знаешь это. И знаю я. Но в голове присяжного, который никак не справится с выплатами за машину, такое не укладывается.

– Но я не желаю соглашаться, будто я мог убить Лейлу. Не хочу даже рассматривать такую вероятность.

Лицо Бартлетта вспыхнуло.

– Тед, пойми же наконец, я стараюсь помочь тебе. Ладно, ты очень смекалистый и разгадал подтекст сегодняшней реакции Элизабет Ланж. Хорошо, вариант с признанием, что ты возвращался, невозможен. Но если мы заявим о полной твоей отключке, необходимо устранить свидетельства Элизабет и соседки. Или хотя бы одной из них. Я тебе и раньше говорил. Обоих в суд допускать нельзя.

– Есть одна возможность, которую мне бы хотелось пообкатать, – вклинился Крэг. – У нас имеется информация психиатра о так называемой свидетельнице происшествия. Я еще первому адвокату Теда предлагал приставить к ней детектива, собрать подробные сведения. Мне идея по-прежнему представляется недурной.

– А детективное агентство у тебя на примете есть?

– И не одно. Мы обращаемся к ним, когда у нас возникают внутренние проблемы, которые желательно решать, не поднимая шума. – Он назвал агентства.

– Высший класс, – одобрил Бартлетт. – Выясни, кто сумеет взяться за дело немедленно. Мне надо знать, пьет эта Салли Росс, или нет, кто у нее в близких друзьях, с которыми она откровенничает, обсуждала ли она с ними этот случай, не был ли кто у нее в вечер гибели Лейлы ЛаСалле. Не забывай, ей поверили на слово, что в тот вечер она находилась дома и случайно посмотрела на соседний балкон именно в ту минуту, когда Лейла упала с него. – Он взглянул на Теда: – С помощью Тедди или самостоятельно.

4

В Спа Дора приехала в 2 часа, забросила к себе в комнату дорожную сумку и напрямик отправилась в приемную.

Мин позволила ей оставить сумки с письмами в кладовке. Обычно Дора захватывала по пачке и клала в нижний ящик своего стола. Она знала – письма к Лейле раздражают Мин, но сейчас ей было все равно. В ее распоряжении оставался один выходной – она и займется просмотром писем.

В десятый раз Дора перечитала злобную анонимку. И с каждым разом росло убеждение: хоть крупца правды в ней да есть. Как ни счастлива была Лейла с Тедом, расстроенная из-за последних трех фильмов, она частенько взрывалась и вечно пребывала не в настроении. Терпение Теда, как подметила Дора, было на пределе. Может, у него и вправду возникла любовь к другой?

Именно так и решила Лейла, если прочитала хоть одну анонимку. Это объясняло ее тревогу, выпивки, депрессию последних месяцев. Лейла часто повторяла: «В этом мире есть только двое, кому я могу доверять: Ласточка и мой Сокол. А теперь и тебе, Самми». Дора чувствовала себя польщенной. «Королева Элизабет-2» – прозвище Мин – тоже, конечно, пойдет за меня в огонь и воду, но при условии, что выгадает на этом грошик-другой и это никак не заденет интересов Игречного Солдатика».

Дора быстро прошла в кладовку. Писем к Лейле оставалось еще две полные сумки. Самых разных – на листочках в линейку из детских тетрадей и на дорогой надушенной бумаге с личным грифом. Захватив полную охапку, Дора понесла ее к столу.

Дело продвигалось туго. Неизвестно, может, адрес на новой анонимке и не будет наклеен из вырезанных букв и цифр, как на первой. Начала Самми с писем уже распечатанных, которые Лейла прочитала. Но прошел почти час, а результатов никаких. Все самое обычное: «Вы моя любимая актриса... Назвала дочку в вашу честь...» «Видела вас в «Джоне Карсоне». Вы такая красивая и так смешно играли...» Но встретилось и несколько на редкость суровых критических высказываний. «Последний раз трачу пятерку, чтобы посмотреть на вас. Препаршивая киношка...»

«Лейла, а сами вы читаете сценарии, или просто хватаетесь за все роли, которые вам подсовывают?»

Дора так углубилась в чтение, что не заметила, как в приемную вошли Мин с Хелмутом. Она попыталась изобразить естественную улыбку и небрежно сунула анонимку в общую кучу.

– Самми, достань мне папку расходов на баню. – Похоже, Мин была чем-то расстроена.

Когда Дора протянула ей папку со счетами, Мин буквально вырвала ее. Хелмут потрепал жену по руке.

– Минна, пожалуйста, не надо драматизировать!

Мин не обратила на него внимания.

– Пойдем! – велела она Доре.

– Приберусь сначала...

– Брось! Какая разница.

Пригладив волосы, Дора последовала за Мин и Хелмутом в кабинет.

Мин, подойдя к своему столу, распахнула папку и принялась быстро листать бумаги. Большинство – счета от подрядчика. «Истрачено – триста тысяч, двадцать пять...» – читала она вслух все громче и истеричнее. – «Нужно четыреста тысяч долларов для продолжения работ по внутренней отделке».

Мин шлепнула папкой о стол и прихлопнула ее кулаком.

– Надо посоветоваться с тем проклятым адвокатом. Похоже, подрядчик превышал стоимость всех сделанных работ.

– Но у этого подрядчика есть душа! – заспорил Хелмут. – Он понимает смысл того, что мы делаем, Минна. Работы мы прекратим сейчас же, но все-таки подождем поставки карарского мрамора. Нам ведь не нужна дешевка, правильно? Нами, Либхен, будут восхищаться, как приверженцами чистоты стиля.

Дора вдруг почувствовала – в кабинете есть кто-то еще. Она быстро оглянулась: в дверях стояла Черил, прислонившись к косяку, глаза насмешливо поблескивали.

– Не вовремя? – Не ожидая ответа, Черил подошла и встала рядом с Дорой. – О, вижу, смотрите проекты Римской бани. Четыре бассейна, парилка, сауны, массажные и даже спальник! А что, недурная идея вздремнуть после принятия минеральной ванны! Кстати, наверное, поставка настоящей минеральной воды влетит в целое состояние? Или у нас подделка будет? А может, подведете трубу из Баден-Бадена? – Она грациозно выпрямилась. – Похоже, вам двоим не помешает поддержка финансиста. Тед очень ценит мое мнение. До того, как Лейла вонзила в него зубки, он часто советовался со мной. Увидимся за обедом! Между прочим, Мин, дорогая, счет я оставила на Дорином столе. Не сомневаюсь, мне принесли его просто по оплошности. Ты же хотела, чтоб я пожила у вас как гостья?

Черил оставила счет на столе! Дора понимала, что за этим кроется, уж, конечно, она не преминула порыться в почте и, возможно, увидела анонимку.

Мин взглянула на Хелмута, на глаза ее навернулись слезы отчаяния.

– Теперь ей известно, что нас душит финансовая удавка. С нее станется, намекнет и журналистам. Развернется всюю! –

Мин судорожно засунула разбросанные проекты и счета в папку.

Дора отнесла папку обратно в кладовку. Сердце у нее трепыхалось, когда она вернулась в приемную. Письма были раскиданы по столу, анонимка исчезла.

В смятении Дора попыталась прикинуть, можно ли использовать анонимку для шантажа Теда? Или ее постарался выкрасть обратно тот, кто ее отправил? Чтобы ненароком не выследили отправителя?

Если б только она не читала ее, когда вошли Мин с Хелмутом! Дора опустила на стул, только тут заметив листок, заткнутый за календарь, — счет Черил за недельное пребывание в Спа.

Наискосок, размашисто, рукой Черил нацарапано «Оплачен полностью!»

Элизабет еще не видела Самми, но уже знала, что та приехала. Она решила позвонить ей и набрала номер приемной.

В голосе Самми, когда та ответила на звонок, слышались нетерпение, взволнованность.

— Элизабет, дорогая, я чуть в обморок не грохнулась, когда Мин сказала, что ты здесь. Нет, нет, со мной все в порядке. Я здорова. Сейчас зайду.

Через 10 минут Элизабет распахнула дверь и обняла хрупкую старушку, страстно преданную Лейле, делившую с ней последние десять лет ее жизни. Она поразилась, как сильно сдала Дора за последнее время.

— Знаю, знаю, — грустно улыбнулась Самми. — Совсем неважнецкий у меня видок.

— Да, Самми, что-то плоховато выглядишь. Как дела?

— До сих пор чувствую себя виноватой, — пожалала плечами Самми. — Ты была тогда на гастролях и не видела, как день ото дня менялась Лейла. Я-то наблюдала, когда она навещала меня в больнице. Что-то точило ей душу. Надо было позвонить тебе, я подвела ее. И сейчас мне кажется, мой долг — выяснить, что произошло на самом деле. Не успокоюсь, пока не узнаю.

— Самми, скажи, существует хоть малейшая вероятность, что я ошиблась насчет Теда? Со временем все правильно. Если он столкнул Лейлу с балкона, то должен поплатиться. Но может быть... он все-таки старался удержать ее? Почему Лейла была вся на нервах? Почему стала пить? Ты же сама слышала, она всегда говорила, до чего ей противны люди, которые пьют. В тот вечер, за несколько минут до ее гибели, я наговорила ей гадостей. Может, если бы я посочувствовала... Спросила — почему?

— О, Ласточка! Что бы подумала про нас Лейла, увидев нас сейчас?

— Прикрикнула бы: «Кончайте хныкать! Действуйте!» — Элизабет через силу улыбнулась.

— Вот именно! — Дора нервно подколола тонкие прядки волос, норовившие выбиться из пучка. — Давай восстановим sobития. Лейла психовала перед твоими гастролями?

– Накануне моего отъезда закончились формальности с ее разводом. Она переговорила со своим бухгалтером. Впервые за много лет я видела, как она беспокоится из-за денег. «Ласточка, я зарабатывала уйму деньжищ, но сейчас подо мной тонкий-претонкий лед». Я ответила, что это мужа-бездельники загнали ее в угол. Но согласишься, Самми, вряд ли накануне брака с мультимиллионером стоит тревожиться, что лед тонок.

– А потом ты уехала на гастроли, я заболела, а Тед отпирался по делам. И кто-то пошел на нее войной, задумав уничтожить. – Дора полезла в карман кардигана. – Анонимка, про которую я тебе писала... сегодня ее украли с моего стола. Но как раз перед твоим звонком я нашла еще одну в почте Лейлы. Правда, эту Лейла тоже не читала, но письмо говорит само за себя.

С ужасом Элизабет читала и перечитывала неровные, небрежно наклеенные строчки.

«Лейла!

Все никак не признаешься себе, что Тед старается отвязаться от тебя? Его новая подружка устала ждать. Четыре миллиона – его прощальный поцелуй. Еще и много тебе. Не пусти их, милочка, по ветру. Слушок идет, пьеска – дерьмо. А ты на 10 лет старше, чем нужно для роли.

Твой друг».

– Лейла не читала? – тихо спросила девушка.

– Нет, но, по всей видимости, получала такие и раньше.

– А сегодня... Кто мог стащить последнее письмо?

Коротко Дора посвятила ее в скандал из-за расходов на Римскую баню, о внезапном появлении Черил.

– Я знаю, Черил побывала у моего стола. Оставила в календаре свой счет. Но взять письмо мог кто угодно.

– Нет, как раз в натуре Черил. – Элизабет держала анонимку за уголок – противно было прикасаться к ней. – Интересно, можно ли выследить отправителя?

– По отпечаткам пальцев?

– Да. А еще по шрифту. Узнать, из каких журналов и газет вырезано. Минутку! – Элизабет сбегала в спальню и вернулась с пластиковым пакетом. Осторожно сунула в него анонимку. – Разузнаю, куда отправить на исследование. – Усевшись, она снова сложила руки на коленках. – Самми, а ты помнишь, что говорилось в той, первой?

– Приблизительно.

– Напиши, пожалуйста. Бумага на столе.

Дора писала, вычеркивала, исправляла и наконец протянула листок Элизабет.

– Вот, почти в точности.

«Лейла!

Сколько раз тебе писать? Сама не догадываешься – Теда уже тошнит от тебя? У него есть новая подружка. Очень красивая и гораздо моложе тебя. Изумрудное ожерелье, которое он подарил ей, – я уже писал тебе – подходит к твоему браслету, но стоит в два раза дороже и выглядит в десять раз эффект-

нее. Слышал, пьеса твоя вшивенькая. А реплики учить надо. Скоро напишу еще.

Твой друг».

Элизабет внимательно прочитала.

— Этот браслет, Самми... Когда Тед подарил его Лейле?

— После Рождества. На юбилей их первой встречи. Она попросила меня отнести его в банковский сейф; начинались репетиции, и она знала, что украшение ей пока не понадобится.

— Вот именно. Тед подарил браслет Лейле на званом обеде. Кто там был?

— Обычная компания, как всегда. Мин, Хелмут, Крэг, Черил, Сид, Тед. Ты и я.

— И им было известно, сколько Тед вложил в спектакль. Вспомни, он не хотел шумной рекламы. Самми, ты закончила с почтой?

— Нет. Одну сумку начала сегодня, но осталась еще одна, большущая. Писем шестьсот-семьсот.

— Завтра я помогу тебе. Самми, милая, ну напрягись, подумай — кто бы мог писать анонимки? Мин с бароном не имеют никакого отношения к спектаклю. Сид сам вложил в спектакль миллион. Крэг вел себя, будто четыре миллиона Тед вынул из его собственного кармана. Значит, и ему было невыгодно губить спектакль. А вот Черил так и не простила Лейле Теда. Не прощала никогда и то, что Лейла — суперзвезда. Ей были прекрасно известны уязвимые места Лейлы. И именно ей необходимо заполучить анонимки обратно. Если отправитель она и ее выследят, анонимки загубят ее карьеру. Как отнесется к ней публика, когда выплывет, что Лейлу до самоубийства довела женщина, которую она считала своей подружкой?

— Элизабет! Что ты сказала?

— А что, Самми? — обернулась Элизабет. — Разве я не права?

— Ты только что оговорила, что Лейла могла совершить самоубийство!

У Элизабет перехватило дыхание. Нетвердым шагом она пересекла комнату, упала на колени и уткнулась в платье Самми.

— Самми, помоги мне! Я уже сама не знаю, чему верить! Как поступить!

5

Обедать в ресторан «Кэннери» они поехали по предложению Бартлетта и пригласили Сида и Черил. Когда Тед запротестовал, что не хочет связываться с Черил, Генри резко оборвал его.

— Тедди, нравится тебе или нет, но ты с Черил уже связан. И она, и Сид — твои свидетели. И очень важные.

— Не понимаю, с какой стати...

— Если мы не признаемся, что ты — возможно — вернулся обратно, придется доказывать, что Элизабет Ланж перепутала точное время телефонного разговора, и убедить присяжных, что Лейла была способна на самоубийство.

— А свидетельница — соседка?

— Увидела, как качается на балконе деревце. Живое изображение дорисовало — это ты борешься с Лейлой. Она психбольная.

Модный ресторан был переполнен туристами, но Крэг позвонил заранее, и им оставили столик у окна с потрясающим видом на гавань Монтерей. Черил тут же скользнула в кресло рядом с Тедом. Рука ее легла ему на колено.

— Совсем как в прежние времена, — шепнула она.

Крэг расспрашивал Сиду о делах в агентстве, сочувствовал из-за убытков, понесенных на спектакле Лейлы.

— Нас тоже выдрили. — Крэг взглянул на Черил и тепло улыбнулся. — Мы считаем, ты славный малый, Черил, попробовала спасти спектакль!

Тед закусил губу, стараясь сдержаться, не накричать на друга.

Принесли выпивку, и разговором завладел Бартлетт.

— Как вам известно, все вы включены в списки свидетелей защиты. Скандал у «Элайны», надеюсь, сумеете описать, как и еще две сотни тогдашних посетителей. Но мне бы хотелось, чтобы вы помогли мне нарисовать для присяжных более полный портрет Лейлы. Вам известно, что женщиной она была крайне неуравновешенной. Не верила в себя, ее преследовала мания провала.

— Защита типа «Мэрилин Монро», — поддакнул Сид. — Несмотря на всякие дикие рассказы об убийстве Монро, все убеждены — она покончила с собой.

— Вот именно. — Бартлетт обласкал Сиду приветливой улыбкой. — Следующим возникает вопрос — мотив. Сид, расскажи мне про пьесу.

— Пьеса предназначалась именно для Лейлы, — пожал плечами Сид. — Как с нее списано. Ей пьеса очень нравилась. И репетиции катились гладенько. Через неделю можно было начинать показы. Но тут что-то заклинило. В одно прекрасное утро она явилась в театр и закатила истерику. И пошло все разваливаться.

— Боязнь сцены?

— У кого ее нет! У Хэлен Хайс перед каждым спектаклем чуть не обморок. А когда Джимми Стюарт кончает фильм, он уверен, что в новый его больше не пригласят. С Лейлой и раньше случались срывы. Шоу-бизнес есть шоу-бизнес.

— Нет, таких показаний мне в суде не надо! — резко перебил Генри. — Мне требуется портрет женщины с проблемой алкоголизма, впавшей в тяжелую нервную депрессию.

— А что если Лейла считала, будто Тед намеревался бросить ее ради другой? — томно шепнула ему Черил. — Это укрепит версию о самоубийстве?

— Если всплывет доказательство, что Тед интересовался другой, а Лейла знала об этом, то повод для депрессии налицо. И мы разобьем утверждение прокурора, будто Тед убил Лейлу из-за того, что та бросила его. Ты намекаешь, что между тобой и Тедом происходило что-то до гибели Лейлы?

– Отвечу я! – резко вмешался Тед. – Нет!

– Ты плохо слушал! – вскинулась Черил. – Я сказала – возможно, я сумею предъявить доказательство, что Лейла считала, будто ты вот-вот бросишь ее ради другой.

– Черил, заткнись! Не соображаешь, что несешь! – прикрикнул Сид.

– Ты прав, – покладисто согласилась Черил. – Не часто такое случается, Сид, дорогой мой, но на этот раз ты прав!

– Минутку, – вмешался Бартлетт. – Черил, если это не какая-то игра, выложи карты на стол. Малейшая деталь, проясняющая душевное состояние Лейлы, очень важна для защиты Теда. Черил, что ты называешь «доказательством»?

– Может, это даже и не заинтересует тебя. С этим делом надо, как говорится, переспать.

Крэг махнул, чтобы принесли счет.

– Чувствую, беседа наша – пустая трата времени.

В половине десятого лимузин высадил их в Спа.

– Хочу, чтобы Тед проводил меня! – капризно протянула Черил.

– Я провожу, – отрывисто бросил Сид.

– Нет, Тед!

Она повисла на нем, когда они шли тропкой к ее бунгалу.

– Правда, приятно было пообедать вместе? – ворковала

Черил.

– Черил, разговоры про «доказательство» – твои выдумки?

Они были уже рядом с бунгалом.

– Входи, милый, – пригласила Черил.

– Нет. Попрощаемся тут.

– Милый! Разве ты не понимаешь, только я могу помочь тебе выйти из зала суда свободным человеком.

Войдя к себе, Сид увидел – на телефоне горит огонек. Ему звонили. Интуиция шепнула – Боб Кэниг. Президент «Уорлд компани» славился своей привычкой звонить поздно вечером. А звонок означал одно – решение принято. О роли Аманды. Сидом прошиб холодный пот.

Одной рукой он нашарил сигарету, другой поднял трубку.

– Сид, у меня к тебе парочка вопросов.

А Сид уже не сомневался – Черил проиграла. Что-то в мерцающем огоньке просигнало о роковом решении. Но у Боба есть вопросы... Значит, решение еще не принято!

– Выстреливай! – стараясь понебрежнее, бросил он.

– Мы все еще мечемся между Черил и Марго Дрешер. Сам знаешь, сериал запускать – дело рискованное. Марго знаменитее. Черил хороша, чертовски хороша, может, даже лучше Марго, однако твоя Черил давно не играла больших ролей. И этот ее провал на Бродвее без конца всплывает на обсуждениях.

Снова и снова роковой спектакль. Лицо Лейлы возникло перед глазами Сиды. Как она визжала на него у «Элайны»! Он едва сдержался, чтобы не наброситься на нее, не ударить, за-

глушить навсегда этот циничный насмешливый голос... Навсегда...

— Пьеса предназначалась для Лейлы как бенефис. Моя вина, что я впихнул в спектакль Черил. Только моя.

— Сид, все это мы уже обсуждали. Буду с тобой откровенен до конца. В прошлом году, как расписали газеты, у Марго возникла проблемка с наркотиками. Публике приелись звезды, которые полжизни торчат в нарколечебницах. Будь и ты откровенен. Не получится, что Черил тоже опозорит нас, если выберем ее?

Сид вцепился в трубку. У Черил есть преимущество! Пульс его бешено запрыгал. Ладони вспотели.

— Боб, клянусь тебе...

— А, клянутся все! Лучше правду скажи. Если остановим выбор на Черил, мне это не отойдется? Знай — тогда тебе конец!

— Клянусь! Могилкой моей матери клянусь...

Сид положил трубку, сгорбился, спрятал лицо в ладони. Липкий пот проступил по всему телу. Вот-вот ему снова удастся схватить золотую птицу за хвост!

Только на этот раз Черил, не Лейла, поймает ее для него...

6

Выйдя от Элизабет, Дора бережно придерживала пластиковый пакет с анонимкой в кармане кардигана. Они договорились, она снимет ксерокопию в офисе, а утром Элизабет отвезет оригинал шерифу в Салинас.

Окружного шерифа Скотта Алшорна часто приглашали на обеды в Спа. Он дружил с первым мужем Минны и всегда без лишнего шума помогал, если возникала проблема: например, пропадало драгоценное кольцо. Лейла его обожала.

— Анонимки — это не пропавшие драгоценности, это совсем другое, — остерегла Дора.

— Понятно. Но Скотт хотя бы подскажет, куда отослать письмо на исследование. А может, лучше сразу отдать его нью-йоркскому окружному прокурору? Я хочу оставить себе копию.

— Тогда давай, сегодня и сниму ее. Завтра в приемной будет толкаться Мин: нельзя рисковать, вдруг увидит и прочитает.

На прощание Элизабет обняла Дору.

— Ты не веришь, что Тед виноват, да, Самми?

— В хладнокровном убийстве? Нет, такому поверить не могу. А если его интересовала другая, так и мотива убивать Лейлу у него никакого не было.

Ксерокс находился в приемной и был упрятан в ореховый шкафчик. Дора открыла его, сняла крышку и, вынув из кармана письмо, бережно всунула, поддерживая за края. Двигалась она проворно. Всегда есть опасность, что Мин вздумается заглянуть в кабинет. Хелмут, несомненно, уже заперся у себя. Он страдает бессонницей и зачитывается допоздна.

Мельком Дора взглянула в полуотворенное окно. Только шум Тихого океана да терпкий соленый запах ветра. Но что зацепило ее внимание?

Гости уже разошлись по бунгалю. Светились окна. Вдалеке виднелись силуэты столиков у Олимпийского бассейна. Слева чернела глыба Римской бани. Наплывал туман. Стало трудно различать предметы. Дора подалась к окошку. Как будто кто-то идет, но не по дорожке, а прячась в тени кипарисов. Словно бы боясь, как бы не заметили... Надев очки, Дора изумилась: человек был в костюме для подводного плавания, что ему понадобилось в саду? Направляется вроде к Олимпийскому.

Элизабет говорила, что собирается поплавать. Дора сжалась в безотчетном страхе. Сунув письмо в карман кофточки, она поспешила из приемной и быстро, насколько позволяло пораженное артритом тело, бросилась по ступенькам через темный вестибюль в боковую дверь, которой редко кто пользовался. Пришелец крался вдоль Римской бани. Она заторопилась ему наперерез. Скорее всего, студент колледжа, из тех, что отдыхают на Пабл Бич, твердила она себе. Иногда они пробираются на территорию курорта поплавать в Олимпийском бассейне. Но ей не нравилось, что этот идет туда, когда там плавают Элизабет. Одна.

Обернувшись, Дора поняла — он заметил ее. По холму от ворот приближались фары тележки охранника. Пловец кинулся к бане. Дора видела — дверь туда приоткрыта. Болван Хелмут не потрудился как следует запереть ее днем.

Коленки у Доры дрожали, когда она торопилась за ныряльщиком. Через минуту подъедет охранник; ей не хотелось, чтобы чужак успел удрать. Боязливо она ступила на мраморный пол бани. Гигантский, широко раскинувшийся между мраморными стенами вестибюль, в дальнем конце винтовые лестницы. От японских фонариков на деревьях сюда падал свет, и Дора сразу увидела — в вестибюле пусто. Много тут, оказывается, успели наработать с тех пор, как она заглядывала сюда в последний раз, с месяц назад.

В открытой двери вспыхнул и потух фонарик. Коридор вел к раздевалкам, а позади находился первый из бассейнов с соленой водой.

На секунду возмущение вдруг сменилось страхом. Разумнее выйти и дожидаться охранника.

— Дора, сюда!

Знакомый голос! Она сразу ослабела от облегчения. Осторожно ступая по сумеречному коридору, Дора прошла через раздевалку и вышла к внутреннему бассейну.

Он ждал ее. С фонариком в руке. Черный резиновый костюм, выпуклые шары подводных очков, наклон головы, внезапно дрогнувший фонарь заставили ее неуверенно отступить.

— Ради Бога! Не направляй на меня свет! Я ничего не вижу! — попросила она.

Большая угрожающая рука в тяжелой черной перчатке метнулась к ее горлу.

В смятении и ужасе Дора отступила. Она подняла, защищаясь, руку, не заметив, как задела письмо, оно выпало из кармана. Не успев даже осознать, что под ногами пустота, Дора рухнула на дно бассейна.

Последняя мелькнувшая мысль в тот момент, когда голова ее стукнулась о зазубренный край цемента, — теперь она знает, кто убийца Лейлы!

7

Элизабет плавала от одного бортика бассейна до другого. Начал надвигаться туман — рваные черные клочья то клубились над бассейном, то исчезали. Элизабет предпочитала темноту. Она прорабатывала каждую клеточку тела: физические усилия, как известно, снимают эмоциональную напряженность.

Доплыв до северного края, она тронула стенку, набрала воздуха, перекрутилась и размашистым брассом поплыла обратно. Сердце ее колотилось от бурного ритма, который она сама себе задавала. Сумасшествие. Не в той она сейчас форме. Но все же скорости старалась не терять, плывя наперегонки со своими мыслями.

Наконец девушка почувствовала, что начала успокаиваться, и, перевернувшись на спину, поплыла лениво, плавно взмахивая руками.

Анонимки. Одна у них, одну украли, может, в неразобранной сумке есть и еще. Какие-то Лейла наверняка прочитала и уничтожила. Почему Лейла ничего не сказала про них? Почему не доверилась?

Не рассказала, потому что верила — Тед действительно в кого-то влюбился, и она ничего не может поделать. Но Самми права. Если Тед влюбился в другую, у него не было причины убивать Лейлу.

Что, если Лейла упала нечаянно, вырываясь от него, а потом он отключился? Что, если анонимки довели ее до самоубийства? Очень важно выяснить, кто автор, думала Элизабет.

Хватит. Она смертельно устала, зато наконец-то успокоилась. Утром вместе с Самми проглядят оставшиеся письма, а анонимку она отвезет Скотту Алшорну. Возможно, он посоветует, чтобы она тотчас переслала ее окружному прокурору в Нью-Йорк. Она строит алиби для Теда? Но в кого он влюбился?

Поднимаясь по лесенке, Элизабет дрожала. Ночной воздух очень прохладен, а она проплавала дольше, чем намеревалась. Элизабет накинула халат, достала из кармана часы. Светящиеся стрелки показали — половина одиннадцатого.

За кипарисами вроде бы слышалось шуршание...

— Кто там? — нервно окликнула она. Ответа не последовало, и Элизабет, подойдя к кромке патио, напрягла глаза, вглядываясь в кустарник и редкие деревья. Нет, никого, лишь слабо шуршит листва. Конечно же, это она.

Махнув рукой, Элизабет запахнула халат и накинула на голову капюшон.

Однако тревожное чувство отчего-то держалось, и ноги сами убыстряли шаг по дорожке к бунгалу.

Она до Самми и не дотронулся. Но вопросы возникнут. Что ей понадобилось в бане? Он проклял случайность — незапертую

дверь, то, что забежал в баню сам. Завернул бы просто за угол, Самми ни за что не догнала бы его!

Влипнуть из-за ерунды...

Но то, что при ней оказалась анонимка и выпала из кармана, это большая удача. Уничтожить ее? Он колебался.

Сейчас анонимка спрятана под резиновым костюмом. Дверь в Римскую баню он захлопнул. Охранник уже закончил обход и больше сюда не вернется. Медленно, крайне осторожно, он двинулся к бассейну. Там ли еще Элизабет? Но стоит ли рисковать второй раз? Два несчастных случая в один вечер. Вдруг это еще опаснее, чем оставлять ее в живых? Элизабет поднимет шум, когда обнаружат тело Доры. Видела ли она анонимку?

До него донеслись всплески воды в бассейне. Украдкой он выступил из-за дерева и стал следить за быстро плывущей фигурой. Надо выждать, пока она замедлит движения, устанет. Самый подходящий момент для атаки. Два, никак не связанных между собой, несчастных случая. Собрет ли путаница полицию со следа? Он шагнул к бассейну.

И тут увидел его. Прячется за кустарником. Наблюдает за Элизабет. А что он тут делает? Заподозрил, что девчонка в опасности? Или тоже решил, что она – угроза, от которой следует избавиться?

Резиновый костюм влажно поблескивал, когда его обладатель скользнул под свисающие ветви кипариса и растворился в ночи...

**ВТОРНИК
1 СЕНТЯБРЯ**

1

Первые проблески зари застали Мин лежащей без сна на огромной кровати рядом с Хелмутом. Осторожно, чтобы не побеспокоить мужа, она повернула голову и облокотилась на подушку. Даже во сне Хелмут поразительно красив. Спал он на боку, лицом к ней, одна рука вытянута, дыхание тихое, мягкое.

Но ночью он не спал так безмятежно. Она не слышала, когда он лег, но в 2 часа проснулась от ударов, голова его дергалась, голос сердитый, приглушенный. Услышала его бормотания во сне, и больше ей не спалось: «Лейла! Будь ты проклята, Лейла!».

Инстинктивно она положила руку ему на плечо, и он успокоился. Вспомнит ли Хелмут, что видел во сне? Отчего вскрикивал? Она и виду не подала, что что-то слышала. Бесполезно надеяться, что муж расскажет ей правду. Невероятно, конечно, но может, между ним и Лейлой все-таки что-то было? Или увлечение Хелмута осталось безответным?

Но от того не легче.

Сколько ей еще осталось тут жить? Может, последний сезон. А миллион долларов в швейцарском банке, напомнила она себе? Даже процентов хватит...

Хватит – кому? Ей? Вполне возможно. Но Хелмут? И думать нечего! Она не обольщалась – немаловажная составная его влечения к ней – курорт, возможность покрасоваться на его фоне,

знаться со знаменитостями. Его не удовлетворит скромная жизнь со стареющей женой.

Бесшумно Минна скользнула через комнату, накинула халат и спустилась вниз. Хелмут будет спать еще с полчаса. Ей всегда приходится будить его в 6.30. Успеет без помех просмотреть книгу расходов и счета «Америкэн Экспресс». За несколько недель перед гибелью Лейлы Хелмут стал часто уезжать из Спа. Его просили выступать на медицинских конференциях и семинарах, под его эгидой проводились благотворительные балы. Все ради бизнеса. Но чем еще занимался он в своих поездках на Восточное побережье? Тогда много разъезжал и Тед. Она понимала Хелмута. Явное презрение Лейлы к нему было оскорбительно. Встречался ли он с ней?

Накануне смерти Лейлы они присутствовали на премьерном показе спектакля, сидели и у «Элайны». Остановились они в отеле «Плаза» и быстро улетели в Бостон на благотворительный ланч. В 6.30 вечера Хелмут посадил ее на самолет в Сан-Франциско. А потом? Отправился на обед? Или вернулся семичасовым рейсом в Нью-Йорк?..

В полночь по калифорнийскому времени, то есть в 3 по восточному, Хелмут позвонил, удостоверился, что она благополучно добралась до дома. Она приняла как само собой разумеющееся – звонит он из Бостона.

Но это же легко проверить.

Держа наготове ключ, Мин подошла к кабинету. Дверь стояла отпертая. Увидев, что творится в приемной, Мин возмутилась до глубины души. Горел свет, на столике – обеденный поднос, письменный стол утонул в развалах писем. Набитые пластиковые сумки преграждали подход к столу. Окно приоткрыто, и холодный ветер перебирает бумажные листки. Даже ксерокс включен! Видно, Дора совсем измучилась и решила прибрататься с утра пораньше. Но оставлять включенными ксерокс и свет! Совсем уж безобразие! Утром она поговорит с ней, не пора ли подумать об уходе на пенсию.

Однако сейчас – скорее за дело! В кладовке Мин подошла к папке, помеченной «РАСХОДЫ НА ПОЕЗДКИ БАРОНА ФОН ШРАЙБЕРА».

Две минуты, и вот оно – искомое. Плата за телефонный разговор с Восточного побережья в Спа в вечер смерти Лейлы. Записана на кредитную телефонную карточку.

Звонок сделан из Нью-Йорка.

2

Измученная Элизабет заснула сразу, но спала беспокойно. Ей снились кошмары. Лейла стоит перед горкой писем от фанов, читает, плачет: «Я не могу доверять никому... Никому!».

Утром Элизабет приняла душ, забрала узлом волосы, натянула тренировочный костюм и, дождавшись, пока гуляющие уйдут, побежала к особняку. Она знала, в семь Самми уже за своим столом.

При виде приемной, обычно безупречно аккуратной, Элизабет остолбенела: всюду завал писем. Большой лист бумаги со

зловещей просьбой «Зайди ко мне. Мин» явно свидетельствовал: Мин разгром уже видела.

Как непохоже на Самми! Ни разу за все годы Элизабет не видела, чтобы Самми бросала стол в беспорядке. Немыслимо, чтобы она оставила такой кавардак в приемной Мин! Верный способ навлечь на себя бую негодования!

А вдруг ей стало плохо? Элизабет стремглав слетела по лестнице в вестибюль, постучалась в дверь, но ответа не дождалась. За углом слышалось гудение пылесоса. Горничная Нелли служила тут, еще когда Элизабет работала тренером. Она легко поддавалась на уговоры отпереть дверь Самми. С растущей паникой Элизабет пробежалась по симпатичным комнаткам: гостиная в светло-лимонных и белых тонах, на подоконниках и столешницах цветы, за которыми заботливо ухаживает Самми, однопальная кровать, аккуратно застеленная, на ночном столике – Библия.

– Мисс Ланж, Дора не спала на ней ночью, – указала Нелли на кровать. – А вон – поглядите! – Нелли кивнула на окно. – Ее машина на стоянке. Как по-вашему, может, ей стало плохо и она вызвала такси? В больницу поехала? Очень похоже на мисс Самуэлс. Вы же знаете, она такая независимая.

Но в местной больнице записи о поступлении Доры Самуэлс не оказалось. Все больше пугаясь, Элизабет ждала, пока вернется с утренней прогулки Мин. Стараясь отвлечься от сущего предчувствия беды, Элизабет принялась проглядывать письма фанов. А где анонимка, которую побежала копировать Самми?

По-прежнему у нее?

3

– Элизабет! – голос Мин заставил девушку подпрыгнуть. – Что-то случилось? Где Самми?

Мин и Хелмут были в одинаковых тренировочных костюмах, черные волосы Мин красиво уложены в высокую прическу, но грим на лице не скрывал морщинок у глаз и отечность век. Барон, как всегда, точно позировал: слегка расставлены ноги, руки сцеплены за спиной, голова наклонена, глаза озадаченные, наивно распахнутые.

Коротко Элизабет рассказала им, что произошло. Самми исчезла, ее постель стоит нетронута.

Мин встревожилась.

– Я спустилась в шесть утра. Свет горел, окно открыто, и даже ксерокс включен. Я рассердилась, решила – Самми становится небрежной.

Включен ксерокс! Значит, она все-таки возвращалась в кабинет! Элизабет метнулась через комнату.

– Ты не взглянула, письмо в ксероксе было?

Нет, письма нет. Но рядом Элизабет увидела пластиковый пакет, в который сама положила анонимку.

Через 15 минут была организована поисковая партия. Несмотря Элизабет уступила мольбам Мин не звонить пока в полицию.

— Самми в прошлом году была больна, — напомнила Мин. — У нее случился легкий удар, и в мозгу все перемешалось. Может, и сейчас то же самое. Ты знаешь, Самми ненавидит шумиху. Давай сначала попробуем поискать ее своими силами.

— Ладно, до ланча подожду, а потом сообщу об ее исчезновении. Если у нее помутилось сознание, может, бродит где по пляжу.

— Минна взяла Самми на работу из жалости, — резко вмешался Хелмут. — Основа нашего курорта: частная жизнь гостей — тайна. Если тут начнут шнырять полицейские, половина гостей соберет вещи и укатит.

Элизабет вспыхнула от гнева, но ответила ему Мин:

— Чересчур многое тут держалось в тайне. Звонок шерифу мы отложим ради Самми, не ради нас.

Вместе они побросали письма обратно в сумку.

— Это почта Лейлы, — объяснила Элизабет. Концы сумки она завязала хитрым узлом и осталась довольна: не так-то просто его развязать. — Попозже перенесу в свое бунгало.

— Значит, ты планируешь остаться? — попытка Хелмута изобразить радость не удалась.

— По крайней мере, пока не найдем Самми. А теперь надо собирать людей.

В поисковую партию вошли старейшие и самые доверенные служащие: Нелли — горничная, отперевшая дверь Доры, Джейсон, шофер, главный садовник. Все сбились на почти-тельном расстоянии от стола Мин, ожидая инструкций.

Но обратилась к ним Элизабет.

— Чтобы оградить частную жизнь мисс Самуэлс, мы не хотим пока поднимать шум. Нелли, проверь пустые бунгало. Порасспрашивай других горничных, не видели ли они Доры. Но поосторожнее. Джейсон, свяжись с агентством такси. Разузнай, не заказывал ли кто такси между 9-ю вечера и 7-ю утра. — Она кивнула садовнику. — А вы, пожалуйста, обойдите все закоулки. — Элизабет повернулась к Мин. — Мин, ты поищи в женских залах и в особняке. Хелмут, на тебе — клиника. А я поброжу по окрестностям. — Элизабет взглянула на часы. — Помните, полдень — крайний срок для ее розысков.

И она двинулась к воротам. Уступку Элизабет сделала не ради Мин и Хелмута, а потому что предчувствовала — Самми уже ничем больше не помочь.

Тед наотрез отказался начинать обсуждение защиты, прежде чем не проведет часок в спортзале. Когда Бартлетт и Крэг явились к нему, он только что позавтракал и сидел в синей спортивной рубашке и белых шортах. Глядя на Теда, Бартлетт мог понять, почему женщины, вроде Черил, бросаются на него. И почему суперзвезда, вроде Лейлы ЛаСалле, была влюблена в него безоглядно. В Теде сочетались красивая внешность, ум и обаяние, что влекло к нему и мужчин, и женщин.

— Ты начинай выстраивать линию защиты, Генри, — бросил Тед, — а я поболтаюсь в спортзале часок. Поплаваю. Пробежусь трусцой. А когда вернусь, желательнее бы видеть, что ты наду-

мал, и подходит ли мне это. Надеюсь, ты понял, заявлять: «Да, возможно, я действительно поднимался наверх», я не намерен?

— Тедди, я...

Тед угрожающе поднялся. Оттолкнул поднос с завтраком и враждебно посмотрел на адвоката.

— Позволь мне кое-что объяснить. Тедди — это имя двухлетнего мальчика. Я опишу его тебе. Волосы у него были, как называла бабушка, льняные, совсем светленькие. Крепкий малыш, который в 9 месяцев начал ходить, а в полтора года уже разговаривал. Его мать — нежная и милая молодая женщина, которая, к несчастью, никак не могла привыкнуть к мысли, что замужем за очень богатым человеком. Она отказывалась нанимать домоправительницу, сама ездила за покупками. Отказалась от шофера. И слышать не хотела, чтобы сестра за руль дорогой машины. Кэти жила в страхе, как бы родные из Айовы не подумали, что она стала задаваться. Однажды дождливым вечером она возвращалась из магазина, и — мы так решили — чертова банка томатного супа выкатилась из сумки прямо ей под ноги: она не справилась с тормозами перед красным светофором, и большущий грузовик налетел на жестянку, которую она именовала машиной. Погибла и она, и мой маленький сын, Тедди. Случилось это восемь лет назад. До тебя дошло, наконец, что когда ты называешь меня Тедди, я сразу вижу беленького малыша, который рано начал ходить и говорить и которому сейчас было бы 10 лет? — Глаза Теда блестящие. — А теперь, давай, планирую мою защиту. Тебе за это платят! А я отправляюсь в спортзал. Крэг, ты со мной или остаешься?

— Разомнись тоже.

Выйдя из бунгало, они направились в мужской зал.

— Где ты откопал такого? — воскликнул Тед. — Господи!

— Остынь! Он лучший адвокат-«уголовник» в Нью-Йорке!

— Нет, не согласен. Объясню, почему. К делу он приступил с уже сложившимся замыслом, а сейчас старается подогнать меня под схему. А это — фальшивка.

Вдруг Крэг остановился.

— Взгляни, не Элизабет ли это?

Они стояли почти у самого особняка, наблюдая, как стройная фигурка, сбежав по ступенькам веранды, направилась к воротам. Несомненно, Элизабет: медные волосы, уложенные на затылке узлом, вздернутый подбородок, природная грация движений. Она вытерла глаза, а потом, вытащив из кармана солнечные очки, надела их.

— Я думал, что она утром уезжает. — Голос Теда звучал безжизненно. — Очевидно, что-то непредвиденное.

— Хочешь выяснить — что именно?

— Мое присутствие только расстроит ее. Может, подойдешь ты? Тебя-то она не считает убийцей Лейлы.

— Тед, ради Бога! Кончай с этим! Ради тебя я руку в огонь суну, и ты прекрасно это знаешь, но служить мешком для ударов... это не прибавит мне пыла.

– Прости, – пожал плечами Тед. – Ты абсолютно прав. Ступай, посмотри, нельзя ли чем помочь Элизабет. Встретимся у меня через час.

Нагнал ее Крэг у самых ворот. В двух словах Элизабет объяснила, что произошло.

– Самми пропала несколько часов назад, а в полицию до сих пор не позвонили?

– Позвоним, как только проверим территорию. Я подумала, может, все-таки... – Не в силах закончить предложение, Элизабет сглотнула. – Помнишь, с ней случился тот первый припадок... Она потеряла ориентацию и очень потом смущалась.

– О'кей, – Крэг обнял девушку. – Пойдем, пройдемся.

Они двинулись по тропке, ведущей к Одинокому Кипарису. Солнце съело остатки утреннего тумана, день стоял ясный, теплый. Над головами летали кулики и, покружив, возвращались на свои насесты на каменистом берегу. Пенными гейзерами взрывались о скалы волны и откатывали обратно в море. Одинокий Кипарис всегда был приманкой для туристов и сейчас тоже находился под обстрелом фотолюбителей.

– Мы ищем пожилую леди, – обратилась к ним Элизабет. – Она, возможно, больна... Невысокого роста...

Крэг, перехватив инициативу, дал точное описание Доры.

– А как она была одета, Элизабет?

– Бежевый кардиган, бежевая хлопковая блуза и темная юбка.

– В точности, как моя мама, – заметил турист в красной спортивной рубашке, с закинутой за плечо камерой.

– Она похожа на всех мам, – отозвалась Элизабет.

Они звонили в одинокие домики, укрытые за кустарником. Горничные – кто сочувственно, а кто раздраженно – обещали «держать глаза открытыми».

Потом Крэг с Элизабет направились к Паббл Бич Лоджу.

– Иногда в выходные Самми ходит сюда завтракать, – объяснила Элизабет.

Они зашли в столовую. Элизабет молилась, чтобы глаза ее отыскали маленькую сухонькую фигурку Самми, удивленную суматохой. Но тут сидели отдыхающие в дорогих спортивных рубашках, бесцельно убивающие время, – старушек не видно.

– Если она так и не найдется к нашему приходу, надо настаивать, чтобы сообщили в полицию, – заметил Крэг.

– С ней что-то случилось...

– Необязательно. Расскажи подробно, когда ты видела ее в последний раз? Она не говорила, что собирается куда-то?

Элизабет колебалась. Ей не очень хотелось рассказывать Крэгу об анонимке, которую Самми намеревалась скопировать, и о той, которую украли. Его глубокая озабоченность утешала: если понадобится, для розысков Самми он приведет в действие все могущество «Уинтерс Энтерпрайсиз».

– Когда мы с ней расставались, Самми сказала, что зайдет ненадолго в офис, – осторожно произнесла Элизабет.

— Неужто у нее было столько работы?

Элизабет чуть улыбнулась:

— Не совсем так. — И избегая новых расспросов, предложила: — Крэг, не возражаешь, давай вернемся. Может, выяснилось что-нибудь новое.

Но нового ничего не было. Если верить горничным, садовнику и шоферу, они обшарили каждый дюйм. Теперь даже Хелмут согласился — ждать до полудня бессмысленно, надо немедленно заявить в полицию — пропал человек.

— И пожалуйста, попросите приехать Скотта Алшорна, — заметила Элизабет.

Скотта она осталась ждать за столом Самми.

— Хочешь, подожду с тобой? — предложил Крэг.

— Нет-нет, не надо.

Он взглянул на сумки.

— А это что?

— Письма Лейле от фанов. На них отвечала Самми.

— Не стоит тебе их читать. Расстроишься еще больше. — Крэг покосился на кабинет Мин и Хелмута. Те сидели рядышком на плетеном диване, тихонько переговариваясь. Он перегнулся через стол: — Элизабет, ты понимаешь, конечно, сейчас я между молотом и наковальней. Но когда все закончится, нам надо поговорить. Я ужасно скучаю по тебе. — На удивление ловко он очутился по ее сторону стола, его рука легла ей на волосы, губы дотронулись до щеки. — Я всегда рядом и всегда готов помочь. Если с Самми что-то случилось и тебе потребуется плечо, чтобы заплакаться или уху... Ты знаешь, где меня найти... Я в бунгало Теда.

4

Шериф Скотт Алшорн был давним другом Самюэля Эджерса, первого мужа Мин, человека, который построил отель Сайприс Пойнт. Они с Мин понравились друг другу с самого начала. Скотт был доволен, что Мин выполнила свою часть уговора. Она разбудила у хворого и вздорного старика новый вкус к жизни в те пять лет, что прожила с ним.

Со смешанным чувством любопытства и страха Скотт наблюдал, как Мин и этот напыщенный слабак, за которого она выскочила замуж, превратили удобный, выгодный отель в насыщенное чудище. Хотя бы раз в месяц Мин приглашала его обедать в Спа, и в прошлом году он подружился с Дорой Самуэлс. И сейчас, когда Мин позвонила с вестью об исчезновении, Скотт инстинктивно испугался худшего.

Если с Самми случился удар и она отправилась бродить куда-то, ее заметили бы. На Монтерее обращают внимание на старых и хворых, Скотт гордился своим районом.

Всю дорогу он хранил молчание. Полицейский, который вез его, заметил, что на лбу шефа собрались глубокие морщины, а загорелое лицо под густой шевелюрой сморщилось в задумчивости.

В 10.30 они въехали в ворота курорта. Все вокруг казалось безмятежным. Скотт знал, большинство гостей сейчас в про-

цедурных кабинетах — их массируют, растирают, делают маски; а когда они вернутся домой после пребывания тут, семья и друзья будут восхищаться, до чего же здорово они выглядят.

Скотт слышал, что в воскресенье в аэропорту приземлился личный самолет Теда, Тед сейчас тут. Он колебался — зайти к нему или не стоит. Теду предъявлено обвинение в убийстве второй степени. Но с другой стороны — это тот самый парень, который столько раз ходил под парусом с его дедом и с ним.

Увидев за столом Доры Элизабет, Скотт от удивления рот раскрыл. Она здесь одновременно с Тедом? Девушка была бледна, глаза обведены красными кругами, из прически выбились прядки, завиваясь у лица. Она вытаскивала письма из конвертов, проглядывала, нетерпеливо отбрасывала. Явно что-то ищет. Он заметил, как дрожали ее руки.

— Скотт! Как поживаешь? Приятно тебя видеть.

Скотт неуклюже обнял ее; маскируя собственные чувства, ворчливо пробурчал:

— Ну и худющая! Надеюсь, не сидишь на знаменитой диете Мин?

— Наоборот! Я на диете для набора веса. Бананы со сливками и шоколадные пирожные.

— Ну и превосходно.

Вместе они зашли в кабинет. При виде измученного лица Мин Скотт поднял брови. И у барона растерянные глаза. Обоих снедала тревога, и, как показалось ему, не только из-за Доры. Задав несколько вопросов, Скотт получил нужную информацию.

— Мне бы хотелось взглянуть на квартиру Доры.

Мин повела его. Элизабет и Хелмут тянулись позади. От присутствия Скотта Элизабет чуточку воспрянула: хоть что-то делается. Но лицо у него помрачнело, когда он узнал, как долго тянули со звонком в полицию.

Окинув взглядом гостиную, Скотт прошел в спальню. Указал на чемодан рядом с кладовкой.

— Самми куда-то собиралась ехать?

— Нет, напротив. Только что вернулась, — объяснила Мин и тут же изумилась — как непохоже на Самми! Даже не распаковалась!

Скотт откинул крышку чемодана — сверху лежала косметичка с трубочками лекарств. Глянул на инструкции. Нахмурился. Самми аккуратно принимала свои лекарства. Ей не хотелось нового приступа.

— Мин, покажи, как все было в приемной, когда ты спустилась утром.

Больше всего его заинтересовал ксерокс.

— Окно было открыто... Машина включена. Она собиралась снять копию, выглянула в окно... а потом что? Ей стало худо? Закружилась голова? Вышла во двор? Но куда намеревалась пойти? — Он посмотрел в окно: вид на просторную лужайку, на все бунгало до Олимпийского и на Римскую баню — это уродливое страшилище!

– Говорите, проверили каждый дюйм территории, каждое здание?

– Да, – поспешил с ответом Хелмут, – я лично проследил, чтобы...

– Мы начнем сначала, – перебил Скотт.

Следующие пару часов Элизабет провела за столом Доры. Ее пальцы пересохли от десятков конвертов. Все письма похожи друг на друга – просьбы об автографе Лейлы, о фотографии. Новых анонимок не попадалось.

В два часа Элизабет услышала крик и подскочила к окну: от бани махал полисмен. Она помчалась к бане и кинулась мимо раздевалок к бассейну.

У бассейна стоял полисмен, указывая на скрюченное тело Самми на дне.

Позже Элизабет смутно припоминалось, что она опустилась на колени рядом с Самми, протянула руку, чтобы отодвинуть слипшиеся окровавленные волосы со лба, почувствовала железную хватку Скотта, услышала резкий окрик: «Не дотрагивайся до нее!» Глаза Доры были открыты, на лице застыл ужас, очки сбились, вися на одной дужке, ладони выставлены, словно она отталкивала кого-то.

– Проверьте, есть ли у нее письмо, – услышала себя Элизабет. – В карманах проверьте. – Глаза у девушки расширились – бежевая кофточка превратилась в белую шелковую пижаму, она стоит на коленях у тела Лейлы...

И Элизабет, к счастью для себя, потеряла сознание...

Очнулась она в бунгало на постели. Над ней склонился Хелмут, прикладывая к носу пахучую ватку. Мин терла ей руки. Конвульсивные рыдания сотрясали тело девушки.

– Не хочу, чтобы Самми, – причитала Элизабет... – Не надо, чтоб и Самми тоже...

– Элизабет, успокойся! – крепко обняла ее Мин. – Хватит...

– Это ей поможет, – пробормотал Хелмут. И – укол иглы в руку.

Когда Элизабет проснулась, в спальне лежали длинные тени. Нелли трогала ее за плечо.

– Простите, что беспокою, мисс. Я принесла чай и сэндвичи. Шерифу некогда ждать. Он хочет поговорить с вами.

5

Новость о смерти Доры всколыхнула Спа, как нежеланный дождик семейный пикник. Реагировали по-разному: со слабым любопытством: «А зачем ей понадобилось бродить там?», вспоминая о смертности: «Сколько, говорите, ей было лет?», вспоминая саму Дору: «А-а, это та маленькая старушка из приемной?» – и все быстро вернулись к приятным развлечениям курорта. В конце концов жить тут дорогое удовольствие. Человек приезжает сюда избавиться от проблем, а не находить новые.

Днем Тед отправился на массаж, надеясь хоть немного расслабиться в крепких руках шведского массажиста. Не успел он вернуться к себе, как Крэг сообщил ему новость.

— Ее труп нашли в Римской бане. Наверное, у нее закружилась голова, и она упала.

— А как восприняла это Элизабет? — поинтересовался Тед.

— Плохо. Потеряла сознание.

— Она была очень дружна с Самми. Она... — Тед закусил губу и переменял тему. — Где Бартлетт?

— На гольфовой лужайке.

— Я привез его сюда не в гольф играть.

— Тед, остынь. Он работал сегодня с раннего утра. Генри говорит, ему лучше думается, когда он двигается.

— Напомни ему, суд на следующей неделе. Пусть поменьше развлекается. — Тед пожал плечами. — Безумие было приезжать сюда. Не пойму, с чего я взял, будто успокоюсь здесь. Не работало...

— Потерпи. В Нью-Йорке или Коннектикуте лучше не будет. Кстати, я только что наткнулся на твоего старого приятеля — шерифа Алшорна.

— Скотт тут? Значит, считает, что в смерти Доры не все так просто?

— Про это не знаю. Возможно, обычные формальности.

— А он знает, что я тут?

— Да. Спрашивал про тебя.

— Не просил, чтобы я позвонил ему?

Крэг запнулся.

— Э... не то чтобы, видишь ли, разговор был не светский...

Еще один человек избегает меня, подумал Тед. Еще один ждет, пока на суде не раскроются все факты. Он беспокоится по гостинной, которая вдруг показалась ему клеткой. Но со дня обвинительного акта все комнаты кажутся ему клетками. Видимо, психологическая реакция.

— Пойду прогуляюсь! — резко бросил он. И, уклоняясь от предложения Крэга составить компанию, быстро добавил: — К обеду вернусь.

Проходя по Паббл Бич Лоджу, он раздумывал, что последние полтора года перевернули всю его жизнь, толкали на поступки, прежде для него немислимые. Сейчас он смирился с тем, что до суда должен одолеть еще один высокий барьер. При мысли об этом его прошиб пот.

6

Алвира сидела за туалетным столиком, счастливо обозревая нарядные ряды кремов и косметики, подаренных ей сегодня на занятиях косметикой. Как сказала ей инструктор: у нее плоские скулы, их выгоднее оттенить мягкими румянами, а не алыми, которые она употребляет. Ее также убедили краситься коричневой тушью, а не угольно-черной, которая, как она полагала, здорово подчеркивает глаза. «Чем меньше, тем лучше», — заверила ее эксперт по макияжу, и, по правде говоря, разница сказалась. В общем, решила Алвира, новый макияж и

новый каштановый цвет волос сделали ее похожей на тетю Агнес, а Агнес всегда была красавицей в семье. Приятно также, что с рук начали сходить мозоли. Больше никаких тяжелых уборов! Никогда! Точка!

«Вы считаете, что хорошо выглядите сейчас. Вот поглядите, какой ослепительной станете после процедур барона фон Шрайбера, — посулила ей эксперт. — Его коллагеновые инъекции разглаживают морщинки вокруг рта, носа, на лбу. Настоящее чудо!».

Алвира вздохнула. Ее распирало от счастья. Вилли всегда говорил, что она самая красивая в Квинсе, ему нравилось обнимать ее — есть за что подержаться. Но за последние годы она совсем расплзлась. Разве не приятно будет выглядеть настоящей дамой, когда они начнут подыскивать дом? Не то чтобы в ее намерения входило подружиться с Рокфеллерами, но хотелось подняться хотя бы до среднего класса, стать приличными людьми. И если уж им с Вилли повезло, так чудесно осознавать, что они смогут сделать что-то хорошее и для других.

Вот кончит статью для «Глоб» и примется за книгу. Ее мать всегда говорила: «Алвира, у тебя такое живое воображение. Когда-нибудь ты станешь писательницей». Может, и наступило это «когда-нибудь».

Поджав губы, Алвира тщательно наложила коралловый блеск новой кисточкой. Считая, что губы у нее узковаты, она давно взяла за привычку подрисовывать их сердечком, но сейчас ее от этого отговорили.

Она даже чувствовала себя немножко виноватой от того, что так счастлива, когда милая симпатичная старушка лежит в морге. Но ей было 71. И Алвира успокаивала себя тем, что смерть скорее всего наступила мгновенно. Так хотелось бы умереть и ей самой. Когда наступит ее черед. Хотя, конечно, она надеялась, что наступит он еще нескоро.

Закончив с макияжем, вполне довольная собой, Алвира вытащила магнитофон и встала кассету с записью воскресного вечернего обеда. Пока она слушала, лоб ее прорезала недоуменная морщинка. Забавно — когда не видишь людей, а только слушаешь, складывается совсем другое впечатление. Например, Сид Мелник. Вроде бы считается крупным агентом, а позволяет Черил Маннинг помыкать собой. А та готова взорваться от пустяка. Только что грызла Сиду за воду, которую тот расплескал, и тут же сплошная милота — спрашивает Теда, нельзя ли съездить с ним взглянуть на спортзал Уинтерсов в Дортмутском колледже. Дортмут, вспомнила Алвира, не Дартмут, поправил ее Крэг. У него такой приятный негромкий голос.

У Теда Уинтерса тоже голос образованного человека. Но этому, понимала Алвира, и трудиться над голосом не понадобится. Все трое мило поболтали на эту тему.

Алвира проверила микрофон, надежно ли укреплен в центре брошки-солнышка, и изрекла:

— Голоса так много говорят о людях.

Она удивилась, когда зазвонил телефон. Всего девять по нью-йоркскому времени, и Вилли сейчас должен сидеть на

профсоюзном собрании. Ей хотелось, чтобы он бросил работу, но он попросил дать ему время: еще не привык ходить в миллионерах.

Звонил Чарли Эванс, редактор из «Нью-Йорк Глоб».

— Как там мой звезда-репортер? С магнитофоном нет проблем?

— Работает, как милашечка, — заверила Алвира. — Я дивно провожу время, встречаюсь со всякими интересными людьми.

— Знаменитости есть?

— О, да! — И не удержавшись, похвастала: — Из аэропорта я ехала с Элизабет Ланж. А за обеденным столом сиюзу с Черил Маннинг и Тедом Уинтерсом. — Она была вознаграждена громким вздохом изумления на другом конце провода.

— Вы серьезно? Элизабет Ланж и Тед Уинтерс там вместе?

— Нет, не то чтобы вместе. Вообще-то Элизабет и не подходит к нему вовсе. Она сразу собиралась уехать, но сначала ей хотелось повидаться с секретаршей покойной сестры. А ту сегодня обнаружили мертвой на дне бассейна в Римской бане...

— М-сс Михан! Не кладите трубку! Повторите все с самого начала, но помедленнее, вас запишут.

7

По просьбе Алшорна коронер из округа Монтерей проделал срочную аутопсию останков Доры Самуэлс. Причина смерти — серьезное повреждение головы при ударе, давление на мозг осколков черепа, вызвавших сравнительно легкий паралич.

У себя в конторе Скотт в задумчивости вчитывался в медицинский отчет.

Римская баня. Похожа на мавзолей, для Самми она стала саркофагом. Интересно, у барона совсем, что ли, крыша поехала, втягивает Мин в такие расходы? С какой стати Самми забрела в баню? Нечаянно? Или договорилась там встретиться с кем-то? Что за бессмыслица! Там даже не был включен свет. Черно, как в угольной яме.

Мин с Хелмутом заявили: баня всегда запирается. Но также признались, что днем ушли из помещения поспешно. «Минну расстроили завышенные счета, — пояснил Хелмут. — А меня — ее состояние. Дверь там тяжелая. Могло случиться, что прихлопнул я ее не до конца».

Смерть Доры наступила в результате удара затылком. Она упала навзничь в бассейн. Но сама ли? Или ее столкнули? Поднявшись, Скотт стал шагать по комнате. Эксперимент не вполне научный, зато наглядный. Нет, пусть у человека закружится голова, или он запутался, шагать пятками он не станет. Если только не пятится от кого-то или чего-то...

Скотт снова уселся за стол. Он приглашен на обед с мэром Кармела. Ладно, придется пропустить. Ему надо в Спа, побеседовать с Элизабет Ланж. Интуиция подсказывала ему — девушка знает, по какому неотложному делу вернулась Самми в офис в половине десятого вечера. Какая копия ей потребовалась срочно.

По дороге в Спа в голове у него крутилось одно: упала или столкнули? А когда машина проехала Пабл Бич, понял, что «покусывало» его – это ведь тот самый вопрос, из-за которого Теду Уинтерсу грозит суд по обвинению в убийстве!

8

Остаток дня Крэг провел в бунгало у Теда, просматривая пухлые пачки писем, пересланные из нью-йоркского офиса. Натренированным глазом он быстро проглядывал памятки, распечатки, изучал таблицы. Хмурость его и озабоченность углублялись, пока он читал. Группа «Гарвард и Уортон бизнес», которую Тед нанял пару лет назад, стали для него вечной докукой. Послушайся он их, Тед уже строил бы отели на космических площадках!

По крайней мере у них хватило ума сообразить наконец, что Крэга им все равно не миновать: все письма адресованы и ему, и Теду.

Тед вернулся в пять. Прогулка явно не принесла ему успокоения, настроение было премерзкое.

– Ты не можешь работать у себя? – первое, что он спросил.

– Особая причина?

– Да нет. Но у тебя проще.

Крэг указал на деловые папки.

– Мне надо было кое-что посмотреть.

– А, ладно. Делай как знаешь.

– Тебе бы невредно глотнуть скотча и расслабиться. Слушай, для «Уинтерс Энтерпрайзис» лучше всего избавиться от этих двух недоумков из Гарварда. Расходы на них – попросту бандитский грабеж.

– Сейчас мне не до этого.

Появился Бартлетт, порозовевший после дня на солнце.

Крэг отметил, как сжались губы Теда в ответ на сердечное приветствие адвоката. Тед ничуть не расслабился, хотя быстро опрокинул рюмку скотча и не протестовал, когда Крэг снова наполнил ее.

Бартлетту хотелось обсудить список свидетелей защиты, приготовленный Крэгом. Он прочитал его Теду – одно имя блистательнее другого.

– Только президента не хватает, – иронически хмыкнул Тед.

– Президента – какого? – поймался на удочку Бартлетт.

– Соединенных Штатов, разумеется. Случалось мне с ним в гольф играть.

Пожав плечами, Бартлетт захлопнул папку.

– Сегодня нам явно не поработать. Планируешь поехать куда-нибудь на обед?

– Нет, лично я планирую остаться тут. И вздремнуть.

Крэг и Бартлетт вышли вместе.

– Сам видишь, это становится безнадежным, – заметил Бартлетт.

В 6.30 Крэгу позвонили из детективного агентства. Отчет о Салли Росс.

— В доме Росс суета, — доложили ему. — Пытались ограбить квартиру над ней. Парня схватили — мелкий воришка с пухлым полицейским досье. Росс не выходит совсем.

В семь Крэг встретил Бартлетта у бунгало Теда. Теда дома не было. Они отправились к особняку.

— Похоже, ты так же сейчас непопулярен у Теда, как и я, — заметил Бартлетт.

— А-а! — Крэг пожал плечами. — Знаешь, если ему охота отгрызаться на мне, пускай. В некотором роде я причиной всему.

— Как так?

— Ведь это я познакомил его с Лейлой. Сначала она была моей девушкой.

К веранде они подошли вовремя, не пропустив свежую шуточку: «За четыре тысячи долларов в неделю вы можете пользоваться на Сайприс Пойнт бассейнами. А за пять тысяч — в них еще и воды нальют».

На коктейлях Элизабет не появилась. Крэг сторожил, не покажется ли девушка на дорожке, но она так и не пришла. Бартлетт отошел к теннисисту с его подружкой, Тед разговаривал с графиней, на руке у него висла Черил. Сид с кислым видом стоял поодаль в одиночестве. Крэг подошел к нему.

— Что все-таки за доказательство? Черил пьяненькая была или по своему обыкновению чепуху несла? — осведомился он.

Он знал, Сид не возмутится, что из него выкачивают информацию. Он для Сида, как и для остальных пиявок из окружения Теда, — лазейка к деньгам Теда, но Крэг считал себя скорее вратарем: не обведешь — не забьешь гол.

— Скорее так — Черил давала свой обычный блистательный спектакль!

Мин с Хелмутом показались в столовой, когда гости уже расселись. Крэг отметил, какой у обоих измученный вид, какие деланные улыбочки. Что ж... Они уже приблизились к критическому возрасту старения, болезней, смерти. Сегодня днем Самми доказала бессмысленность игры.

Мин пробормотала извинение за опоздание. Тед не обращал внимания на Черил, чья рука беспрестанно касалась его.

— Как Элизабет?

— Очень переживает, — ответил Хелмут. — Я дал ей успокоительное.

И чего Алвира все теревит свою проклятую брошку, раздражался Крэг. Она устроилась рядом с ним. Он огляделся: Мин, Хелмут, Сид, Бартлетт, Черил, Тед, Михан. Он сам. Незанятым оставалось одно место. Он спросил у Мин, кто будет еще.

— Шериф Алшорн. Он только что приехал. Беседует с Элизабет. — Мин закусила губу. — Пожалуйста, нам всем грустно, что мы потеряли Дору, но, думаю, за обедом это лучше не обсуждать.

— А зачем шерифу понадобилось говорить с Элизабет Ланж? — изумилась Алвира. — Он разве считает, что в гибели мисс Самуэля что-то нечисто?

Семь пар каменных глаз отбили у нее охоту к новым вопросам.

Суп подали охлажденный, из персиков и клубники, — фирменное блюдо Спа. Алвира удовлетворенно пила суп и думала, что «Глоб» будет интересно узнать, как откровенно Тед Уинтерс тревожится за Элизабет.

Она едва дождалась, пока приедет шериф.

9

Элизабет, стоя у окна бунгало, смотрела на особняк: гости потянулись на обед. Вот исчез в дверях последний, и тут она увидела на лужайке Скотта — он направлялся в ее бунгало.

Они сели друг против друга, слегка подавшись вперед: им хотелось поговорить, но они оба боялись начала беседы. Глядя на Скотта, на его добрые вопросительные глаза, Элизабет вспомнила, как Лейла как-то обронила: «Вот такого человека я бы хотела иметь отцом». Накануне вечером Самми предложила, чтобы они отнесли анонимки к нему.

— Прости, что не подождал до утра, — начал Скотт. — Но слишком многое тревожит меня в смерти Самми. Итак, я узнал — Самми выехала из долины Напа в шесть, сюда добралась около двух часов дня. Хотя ждали ее только поздно вечером. Наверняка она сильно устала, но даже не задержалась, чтобы распаковаться, а прямоком направилась в офис. Заявив, что неважно себя чувствует, она не спустилась к обеду в зал, но горничная сказала, что принесла ей поднос в приемную: Самми энергично разбирала почту. Потом она пошла домой и вернулась в офис. Самми явно измучилась, но тем не менее возвращается в офис и включает ксерокс. Почему?

Элизабет вытащила из чемодана письмо Доры к ней и показала Скотту.

— Мне следовало уехать немедленно, как только я узнала, что Тед тут, но мне пришлось дожидаться Самми. Из-за этого... — И она рассказала Скотту про анонимку, украденную со стола, показала копию, написанную Дорой по памяти.

— Она нашла еще одну анонимку. Вчера. Хотела снять с нее копию, а оригинал мы собирались отослать тебе. Я записала текст, как запомнилось. Мы надеялись, что через оригинал можно выследить отправителя. Ведь шрифты у всех журналов кодируют, так?

— Н-да, — Скотт читал и перечитывал анонимку. — Вонючие делишки!

— Кто-то целенаправленно старался уничтожить Лейлу. Теперь кто-то не хочет, чтоб анонимки нашли. Вчера стащили одну со стола Самми, а вечером — у нее из кармана — вторую.

— То есть, ты считаешь, что Дору убили?

— Ответить однозначно не могу. Наверняка одно: кому-то позарез требуется вернуть анонимки. Они предшествовали ссоре с Тедом и как-то связаны со смертью Доры. В этом, Скотт, я тебе клянусь. И я намерена выяснить, кто писал их. Может, тут и нет повода для возбуждения уголовного дела, но

этот человек должен как-то поплатиться. Он был очень близок к Лейле, и у меня есть свои подозрения...

За столом уже почти съели первое, когда к ним присоединился Скотт. Пустое место для него оставалось между Мин и женщиной, которая назвалась Алвирой Михан. Скотт первым приветствовал Теда. Н-да, неудивительно, что любая идет на что угодно, лишь бы отнять Теда у соперницы – настоящий красавец. От Скотта не ускользнуло, как Черил умудряется постоянно дотрагиваться до руки Теда, ненароком задеть его плечиком.

Он взял баранью котлетку с серебряного подноса, который принес официант.

– Они восхитительны, – доверительно сообщила ему Алвира. – Тут на большие порции не разоряются, но уверяю вас, ощущение после обеда – будто объелась.

Алвира Михан... Ну конечно же, он читал в «Монтерей ревю» о победительнице лотереи, выигравшей сорок миллионов долларов и собиравшейся осуществить свою заветную мечту: пожить на Сайприс Пойнт Спа.

– Вам тут нравится, м-сс Михан?

– Разумеется, разумеется. Такие чудесные люди и очень приветливые. А обслуживание! Чувствуешь себя прямо принцессой! Диетолог сказал, через две недели я потеряю пять фунтов и парочку дюймов в талии. Завтра начинаю коллагеновые инъекции для разглаживания морщинок у рта. Ой, уколов боюсь! Но барон фон Шрайбер обещал мне дать что-нибудь от нервов. Я уеду обновленная... как... как бабочка, настоящая бабочка, парящая на облаке. – Она указала на Хелмута. – Это барон сочинил. Правда, он настоящий поэт?

Алвира поймала себя на том, что слишком много болтает. Все оттого, что ей немножко неловко и хочется всем сказать приятное. Но лучше, конечно, послушать, не скажет ли чего шериф о смерти Доры Самуэлс. Однако, к ее разочарованию, на эту тему никто даже и не заикнулся. Только когда доканчивали ванильный мусс, шериф осведомился:

– Вы все пробудете здесь еще несколько дней? Никто не собирается уезжать?

– Наши планы могут измениться, – заторопился Сид. – Возможно, Черил придется улететь в Беверли-Хиллз, как только ей позвонят.

– Пусть тогда предварительно свяжется со мной. И между прочим, барон, сумки с письмами для Лейлы я заберу с собой. Сдается мне, один из сидящих за этим столом – за исключением м-сс Михан – может быть автором гнусных анонимок Лейле ЛаСалле. И мне до смерти хочется выяснить – кто это.

10

Только около 10-ти вечера они наконец остались одни. Мин исстрадалась за день: предъявлять Хелмуту улику, что он находился в Нью-Йорке в вечер гибели Лейлы, или не надо? Предъявить – означало напроситься на признание, что у него с Лейлой

что-то было. Не показывать — чревато для него опасными последствиями. Как глупо, что он не уничтожил счет за тот телефонный разговор!

— У нас тут так спокойно, — прервал молчание Хелмут. — Ты довольна, что разрешила мне нафантизировать гамму цветов? Яркие, красивые тона для яркой, красивой женщины.

— Вряд ли персиковый такой уж яркий.

— Но в сочетании с темно-фиолетовым становится ярче. Как и я, Минна, рядом с тобой.

— Тогда — почему это? — Из кармашка халата она извлекла кредитную карточку с оплатой за телефон. — Почему ты солгал мне? В тот вечер ты находился в Нью-Йорке. Был с Лейлой? Заезжал к ней?

— Минна, — вздохнул Хелмут. — Я рад, что ты, наконец, узнала. Мне так хотелось открыть тебе все.

— Вот и открой. Ты любил Лейлу. У тебя была с ней связь!

— Нет, клянусь!

— Лжешь!

— Я говорю правду. Поехал я к ней как друг, как врач. Пришел в 9.30. Дверь в ее квартиру была слегка приоткрыта. Я слышал, как истерически вопила Лейла. Как кричал Тед: «Положи трубку!» Тут стал подниматься лифт. Я не хотел, чтобы меня видели. Ты помнишь. Коридор там заворачивает круто направо. Я забежал за угол... — Хелмут опустился на колени к ногам Мин. — Минна, ее толкнул Тед! Я сам слышал, как она отчаянно кричала: «Не надо! Не надо!» И еще раз пронзительно вскрикнула, когда падала...

Мин побледнела.

— А кто вышел из лифта? Тебя заметили?

— Не знаю. Я сбежал по пожарной лестнице. — Он спрятал лицо в ладони и заплакал.

СРЕДА 2 СЕНТЯБРЯ

1

Телефон Элизабет зазвонил в шесть. Она сонно потянулась к трубке.

Звонил Уильям Мэрфи, помощник окружного прокурора. Первые же его слова мигом заставили ее очнуться.

— Мисс Ланж, я считал, вы хотите, чтобы убийца вашей сестры понес заслуженное наказание. — И не дожидаясь ответа, обрушился на нее: — Будьте любезны, объясните, как вы оказались на одном курорте с Тедом Уинтерсом?

— Я не знала, что он приедет сюда. — Элизабет опустила ноги на пол. — Я даже не подхожу к нему!

— Может быть. Но как только увидели его, вам следовало тут же улететь. С первым же рейсом. Взгляните на утренний выпуск «Глоб». Там фотография, где вы с ним обнимаетесь!

— Но я никогда...

— Снимок сделан на панихиде. Но то, как вы смотрите друг на друга, дает повод к самым разным толкованиям. Уез-

жайте оттуда! Немедленно! И что там с секретаршей вашей сестры?

— Из-за нее я и не могу уехать. — Элизабет рассказала ему про анонимки, про гибель Самми. — Я близко не подойду к Теду, — пообещала она, — но мне придется остаться до пятницы. Это дает два дня для того, чтобы найти анонимку, которая была у Доры, или разведать, кто забрал ее.

Элизабет твердо стояла на своем, и наконец Мэрфи повесил трубку, уколов на прощание:

— Если убийце вашей сестры преступление сойдет с рук — пеняйте на себя. Как я вас уже предупреждал, будьте осторожны!

Утренний звонок Крэгу был от частного детектива.

— Больше на Салли Росс ничего нет, — сообщил он, — но поговаривают, будто тот взломщик, которого «замели» в доме, заявляет, что у него есть информация о гибели Лейлы ЛаСалле. Он пытается договориться с окружным прокурором.

— Информация какого рода? Может, как раз ниточка, которую мы ищем?

— У моего осведомителя такого впечатления не сложилось.

— То есть?

— Окружной прокурор сияет. Приходится думать, что его обвинение стало крепче, а не слабее.

Позвонив Бартлетту, Крэг рассказал последние новости.

— Дам распоряжение в офисе, — пообещал Бартлетт. — Может, мои люди чего разузнают. А мы посидим тихонько, пока не выяснится, что к чему. Между тем я намерен повидаться с шерифом Алшорном. Мне требуется полная информация об анонимках. Ты действительно уверен, что у Теда не было романа с другой женщиной? Может, прикрывает ее, не хочет разглашать имени? Он как будто не соображает, что факт этот может укрепить его защиту. Намекни ему, а?

В квартире Самми что-то бесповоротно переменялось. Элизабет ощущала, что вместе с физической оболочкой отлетела и аура Самми. Цветы больше не поливали, засохшие листья желтели.

— Мин позвонила ее кузине насчет похорон, — заметил Скотт.

— А где тело Самми?

— Завтра его заберут из морга и переправят в Огайо для похорон на семейном участке.

Элизабет вспомнилась цементная пыль, испачкавшая юбку и кардиган Доры.

— Можно передать с вами одежду для Доры? Не слишком поздно?

— Нет.

— Синее шелковое, — бормотала Элизабет, роясь в кладовке. — Это ей подарила Лейла на день рождения два года назад. Самми еще говорила, будь у нее такие наряды в молодости, вся ее жизнь могла бы повернуться по-другому.

В небольшую дорожную сумку Элизабет сложила белье, чулки, туфли, дешевенькое жемчужное ожерелье, которое Самми надевала с выходными платьями.

— Хоть что-то могу для нее сделать. А теперь, Скотт, попробуем выяснить, что же с ней произошло.

В ящике Самми находились только личные вещи. Чековая книжка, блокнот. На полке в кладовке обнаружился прошлогодний ежедневник и пьеса, переплетенная в кожаную папку, — «Карусель» Клейтона Андерсона.

— Пьеса Лейлы, — заметила Элизабет. — Я так толком и не прочитала ее. — Она открыла пьесу, пробежала пару страниц. — О, это ее рабочий экземпляр. Она всегда делала массу пометок, меняла реплики на более удобные.

Скотт наблюдал, как Элизабет водит пальцем по исчерканным завитушками полям.

— Почему бы тебе не взять ее?

— Я бы с радостью.

Скотт раскрыл ежедневник. Записи, сделанные тем же кудрявым почерком.

— Это — тоже Лейлы. После 31 марта — пустота. На последней странице Лейла крупными печатными буквами вывела «ПРЕМЬЕРА!». — Скотт пролистал первые страницы, почти на всех стояло «Репетиция». — Встречи с парикмахером, примерка костюмов, посещение Самми в Маунт Синае, послать цветы, появление на публике. Последние шесть недель все больше и больше свиданий, не относящихся к театральной жизни, отменялось. Пометки: Ласточка — Лос-Анджелес, Тед — Будапешт, Ласточка — Монреаль, Тед — Бонн...

Похоже, она держала расписание ваших переездов под рукой.

— Правильно. Лейла всегда знала, где искать нас.

На одной страничке Скотт задержался.

— В тот вечер вы оба были в одном городе, — он стал листать медленнее. — В общем Тед довольно часто оказывался в тех городах, где игрались твои спектакли.

— Ну да. После спектакля мы ходили ужинать и вместе звонили Лейле.

Скотт всмотрелся в лицо Элизабет. Возможно ли, что Элизабет влюбилась в Теда и отказывалась принимать этот факт? А если так, может, подсознательное чувство вины требует, чтобы Тед расплатился за смерть Лейлы; тем самым она наказывала и себя? Неуютная мыслишка. Скотт поскорее стряхнул ее.

— Ежедневник, по всей видимости, вряд ли имеет касательство к делу, но все-таки думаю, его надо отослать в Нью-Йорк окружному прокурору, — заметил он.

— Зачем?

— На всякий случай. Вдруг пригодится как улика.

Больше в квартире Самми не отыскалось ничего.

— У меня предложение. Ступай в зал, выполняй свой распорядок дня. Как я тебе уже сказал, в сумке анонимок больше не нашлось. Ребята вчера вечером просмотрели письма. Шанс выследить, кто посылал их, дохлый. Я переговорю с Черил, но она особа хитрая. Вряд ли себя выдаст.

Вместе они прошли длинным коридором вниз.

— Стол Доры в офисе ты не осмотрела? — поинтересовался Скотт.

— Нет. — Элизабет поймала себя на том, что крепко сжимает пьесу. Что-то толкало ее прочитать ее поскорее. Она только видела этот злосчастный спектакль. Слышала, что пьеса для Лейлы бенефисная, и ей хотелось судить самой. Нехотя Элизабет проводила Скотта в приемную. Еще одно место, которое она станет обходить стороной.

Хелмут и Мин сидели у себя в кабинете — дверь настежь. С ними были Бартлетт с Крэгом. Бартлетт незамедлительно потребовал объяснить, о каких анонимках идет речь.

— Они могут помочь в защите моего клиента! У нас есть право требовать, чтобы вы, мистер Алшорн, посвятили нас в суть дела.

Элизабет наблюдала, как Бартлетт буквально впитывает рассказ Скотта. Он весь подобрался, взгляд стал пристальным, лицо напряженным. Этот человек будет допрашивать ее на суде. Похож на хищника, стерегущего жертву.

— Так. Дайте вникнуть толком, — прервал Скотта Бартлетт. — Мисс Ланж и мисс Самуэлс согласны, что Лейлу Ласалле глубоко заделли анонимки, сообщавшие про связь Теда Уинтерса с другой женщиной. А теперь анонимки исчезли. В понедельник мисс Самуэлс написала мисс Ланж про первую. А вторую мисс Ланж скопировала. Мне требуются копии.

— Не вижу причин для отказа. — Скотт положил ежедневник на стол Мин. — Кстати, для сведения, его я тоже посылаю в Нью-Йорк. Это ежедневник Лейлы, последние три месяца ее жизни.

Не спрашивая разрешения, Бартлетт потянулся к блокноту. Элизабет ждала, что Скотт воспротивится, но тот молчал. Старается подготовить меня к следующей неделе, безрадостно подумала она. Наверное, ей следует быть благодарной. Следующая неделя. Лейла будет выставлена напоказ перед двенадцатью присяжными, переберут всё — и ее отношения с Лейлой, и Теда. Ни единого закоулка частной жизни не останется скрытым.

— Я посмотрю на столе Самми, — коротко бросила она.

Положив пьесу на стол, она быстро пересмотрела содержимое ящичков. Бланки курорта Сайприс Пойнт, папки с рекламной Спа, памятки, обычные конторские принадлежности.

За ней в приемную вышли и Мин с бароном. Оба оставились на кожаную папку с броским тисненым заголовком «КАРУСЕЛЬ».

— Пьеса Лейлы? — осведомилась Мин.

— Да. Самми сохранила ее рабочий экземпляр. Я заберу его.

Из кабинета показались остальные. Бартлетт улыбался — самодовольной, надменной улыбкой.

— Мисс Ланж, вы весьма помогли нам сегодня. Но считаю долгом предупредить вас, присяжные вряд ли благосклонно взглянут на тот факт, что, будучи отвергнутой, вы устроили Теду Уинтерсу ад на земле.

— О чем вы? — Элизабет поднялась из-за стола.

— Да о том, голубушка, что своей собственной рукой ваша сестра указала на совпадения, такие частые: вы с Тедом то и дело оказывались в одних и тех же городах. О том, что и еще кто-то проследил цепочку «нечаянностей» и предупредил ее анонимками. Очень любопытно также выражение вашего лица, когда Тед обнял вас на панихиде. Вы ведь в курсе? Видели утренний выпуск «Глоб»? То, что со стороны Теда было легким флиртом, для вас явно стало серьезно, а когда он бросил вас, вы нашли способ отомстить!

— Грязный лжец! — Не помня себя, Элизабет швырнула пьесой в Бартлетта.

Выражение лица адвоката осталось бесстрастным, даже чем-то довольным. Наклонившись, Бартлетт подобрал папку и протянул ей.

— Окажите мне любезность, молодая леди, продемонстрируйте еще разок вашу ярость перед присяжными на суде. И они незамедлительно оправдают Теда!

Тед тренировался на тренажерах «Наутилуса» в мужском зале и умудрялся внешне небрежно обмениваться дружескими репликами с соседями — главой чикагской биржи, президентом «Атлантик банка», отставным адмиралом.

Держались все с ним настороженно: не знали, о чем говорить, а небрежно бросать «удачи тебе» не хотели. Затем Тед отправился плавать в закрытый бассейн. Он предпочитал Олимпийский, но опасался наткнуться там на Элизабет. А с ней он не хотел встречаться.

Тед проплыл уже раз десять, когда заметил Сиду, тот нырял с противоположного бортика. Их разделяло шесть дорожек, и после короткого заплыва Тед перестал обращать на него внимание. Но минут через двадцать заметил — Сид не отставал, плыл модным брассом, быстро, точно. Тед поднажал, стараясь обогнать его, и Сид увлекся погоней. После шести заплывов запарились оба.

Из воды они вышли одновременно. Сид, набросив на плечи полотенце, двинулся вокруг бассейна.

— Приятно поразмяться. А ты в отличной форме.

— Плавал каждый божий день на Гавайях, почти полтора года.

— Бассейну в моем клубе здоровья далеко до Гавай, но ничего, тоже помогает держаться. — Сид огляделся. В двух углах застекленного зала размещались джакуззи. — Тед, мне нужно перекинуться с тобой словом, в сторонке. — Топтаться вокруг да около Сид не стал. — Тед, у меня проблема. Крупная. Влип с ребятами, которые играют круто. Все началось с той треклятой пьесы. Назанимал кучу денег, рассчитывал, сумею расплатиться. Если Черил получит Аманду, я снова взлечу. Но с ребятами тянуть нельзя. Тед, мне нужно займы. Действительно — только займы. Но срочно. Сейчас.

— Сколько?

— Шестьсот тысяч долларов. Для тебя это мелочевка. И это же — займы. Ты у меня, можно сказать, в долгу.

— О, вот как? В долгу?

Озираясь, Сид подошел чуть ли не вплотную. Губы его приблизились к уху Теда.

— Раньше я не говорил тебе... что знаю... Но, Тед, я тебя в тот вечер видел. Ты промчался мимо меня, в квартале от квартиры Лейлы. Лицо у тебя было блее мела, а руки в царапинах. Ты был в шоке. Ты ведь не помнишь, правда? Даже не услышал, когда я тебя окликнул. Бежал, как ошалелый. Я нагнал тебя. Спросил, что случилось, и ты ответил — Лейла умерла... Упала с балкона. Потом ты сказал... Клянусь Богом, ты это сказал! «Ее сбросил с балкона мой отец... ее сбросил отец!» Точно ребенок, который пытается переписать вину на другого. Даже голос у тебя был как у ребенка!

Тед стало подташнивать.

— Я не верю тебе.

— С какой стати мне врать? Ты выскочил на мостовую и чуть не угодил под колеса такси, пытаясь остановить его. Спроси таксиста, который тебя в Коннектикут возил. Он ведь придет свидетелем на суд? Тед, я тебе друг. Понимаю, как ты себя чувствовал, когда Лейла закатила бешеную истерику у «Элайны». Так же чувствовал себя и я. В тот вечер я как раз шел к Лейле. Чтобы как-то образумить ее. Я до того осатанел, готов был убить ее. Тед, разве я обмолвился кому хоть словечком, а? Я бы и сейчас промолчал, да подперло. Ты должен мне помочь! Если не расплачусь в 48 часов, я конченный человек!

— Ты получишь деньги.

— О, Христос, Тед! Я знал, что могу на тебя рассчитывать! Господи, спасибо тебе, Тед! — Сид обнял Теда.

— Не прикасайся ко мне! — Тед почти сорвался на крик. На них с любопытством оглянулись. Страхнув руки Сида, Тед схватил полотенце и, как слепой, выскочил из зала.

2

Скотт беседовал с Черил у нее в бунгало. Нельзя сказать, чтобы Черил ему очень обрадовалась. Она была в купальнике, на плечи наброшен халат. Черил даже не старалась скрыть нетерпения.

— Через десять минут у меня занятия ритмической гимнастикой!

— Будем надеяться — успеете. И шансы возрастут, если дадите честные ответы. К примеру, это вы писали анонимки Лейле перед ее смертью?

Как Скотт и предвидел, поначалу допрос шел впустую. От прямых ответов Черил умело увиливала. Анонимки? С какой стати ей их посылать? Разбить Теда и Лейлу? А какая разница, если б они и поженились? Брак их быстро развалился бы. Прочные отношения с одним мужчиной — это не для Лейлы. Она торопилась бросить мужчину, пока тот не бросил ее. Пьеса? По-

нятия не имела. Как идут репетиции? Если честно, и не интересовалась.

Наконец Скотту надоело.

— Послушайте, Черил, вам надо кое-что уяснить. Смерть Самми не была естественной. Вторая анонимка, бывшая при ней, исчезла. Вы подходили к столу Доры. Оставили счет с надписью «Оплачен полностью». Анонимка лежала сверху, а после вашего ухода пропала.

Черил нервно облизывала губы.

— Но не хотите же вы сказать, будто я имею отношение к смерти Доры?

— Я хочу сказать, что первую анонимку со стола Доры стащили вы, и хочу, чтобы вы мне ее отдали. Это улика, и важная, в процессе об убийстве.

Под внимательным взглядом Скотта Черил отвела глаза. На лице у нее проступила откровенная паника. Проследив за ее взглядом, Скотт увидел клочок обгоревшей бумаги, застрявшей за плинтусом. Черил метнулась схватить его, но Скотт опередил ее.

На обрывке дешевой бумаги сохранились три наклеенных слова:

«...роль надо учить...»

Скотт бережно вложил крохотный клочок в бумажник.

— Стало быть, первую украли все-таки вы, — констатировал он. — Уничтожение улики — тяжелое преступление, наказуемое тюремным заключением. Ну а вторую? Ту, что была у Доры? Вы и ее уничтожили? А как забрали у нее? Да, леди, вам пора нанимать себе адвоката.

Черил вцепилась ему в руку.

— Скотт, ради Бога, пожалуйста! Клянусь, не писала я анонимок! Клянусь, единственный раз, когда я видела Дору, — в кабинете у Мин. Ладно, пускай эту анонимку я и правда стащила со стола. Думала, вдруг Теду пригодится. Показала Сиду, а он стал стращать — люди подумают, что писала я. И порвал листок. Он, а не я. Вот и все, что мне известно. Клянусь! — По щекам у нее катились слезы. — Скотт, миленький, малейшая шуха начисто погубит мои шансы на роль Аманды. Я очень вас прошу!

— Мне, ей Богу, наплевать, как сплетни повлияют на вашу карьеру, Черил. Но, может, заключим сделку? Я уберігаю вас от официального допроса, а вы хорошенько подумайте. Авось, память у вас прояснится. Надеюсь, ради вас же самой.

3

Радостно ликующий Сид припустил к себе. Тед одолжит ему деньги! Так соблазнительно было бы подперчить историйку, поднаврать, будто Тед впрямую признался, что убил Лейлу. Но в последний момент, удержавшись, он процитировал точно. Господи, Тед, как помешанный, бубнил тогда что-то про отца, про убийство... У Сида до сих пор все внутри переворачивается, когда он вспоминает, как мчался за Тедом. Сразу стало ясно — с психикой Теда творится что-то неладное.

Когда он вбежал в бунгало, телефон трезвонил всюду. Оператор попросил не вешать трубку, звонит м-р Кэниг.

— Мои поздравления, Сид! — первое, что сказал Боб.

Черил выбрали на роль! В мозгу Сиды зацелкало, быстро вычислились проценты. Два слова, и Боб снова вознес его наверх!

— Даже не знаю, как благодарить, — голос Сиды окреп. — Уверяю тебя, Боб, ты сделал правильный выбор. Черил сыграет фантастично!

— Это, Сид, я и сам знаю. С Марго мы нарвались бы на скандальные сплетни в прессе, а мы не хотим. Отсюда наш выбор — Черил. Я ее рекомендовал. Неважно, что критики недавно разнесли ее. И про Джоан Коллинз писали то же, а погляди, как она сверкает.

— Боб, и я тебе толковал то же самое.

— Дай Бог, чтобы мы оба не ошиблись. У Черил в Беверли-Хиллз на пятницу назначена встреча с прессой. Где-то на пять часов.

— Мы приедем!

— Сид, это крайне важно. Начиная с этой минуты, мы преподносим Черил как суперзвезду. Между прочим, подсажи ей, пусть нацепит улыбку. Аманда — натура волевая, но очень милая. Не желаю больше читать о скандалах с официантами и таксистами. И я не шучу!

Пять минут спустя Сид уже стоял перед Черил Маннинг, бывшей в истерике.

— Ты призналась Скотту, что украла анонимку? Ты, тупая идиотка! — Сид встряхнул ее. — Заткнись и слушай. Другие анонимки есть?

— Отпусти! Мне больно! Откуда я знаю? — Черил попыталась вырваться от него. — Я не могу упустить роль! Я — Аманда!

— Да уж, попробуй, упусти! — Сид с силой отпихнул ее, и актриса свалилась на кушетку.

Страх у нее сменился яростью. Черил отбросила волосы и стиснула зубы. Губы ее превратились в тонкую угрожающую щель.

— Всегда пихаешься, когда разозлишься, а, Сид? Так вот, пора и мне с тобой начистоту. Письмо порвал ты! Не я! Я никаких анонимок не писала. Мне Скотт не верит. Поэтому топай сейчас же к нему и доложи правду. Я собиралась отдать анонимку Теду, помочь ему. Убеди Скотта, слышишь, Сид? Потому что в пятницу меня тут уже не будет! Я уеду на прием! Не должны возникнуть слухи, связывающие меня с анонимками! Или с уничтоженными уликами!

Они сверлили друг друга глазами. Несмотря на бешеную злость, Сид понял, что, пожалуй, права она, и, порвав письмо, он поставил под угрозу сериал... Если Скотт запретит Черил уезжать из Сна...

— Мне надо подумать. Что-нибудь изобрету.

В запасе у него оставалась последняя карта, которой можно сыграть.

Вопрос — как?

Когда Тед вернулся к себе, там уже сидели Бартлетт с Крэгом. Дожидались. Ликующий Бартлетт, казалось, не замечал его угрюмости.

— По-моему, нам крупно повезло!

Когда Тед занял свое место за столом, Бартлетт сообщил о дневнике Лейлы.

— Собственноручно она пометила, когда вы с Элизабет находились в одном городе! Ты каждый раз встречался с Элизабет?

Тед откинулся на спинку кресла, забросил руки за голову и прикрыл глаза. Все казалось таким далеким прошлым.

— Тед, хоть тут я могу помочь тебе. Расписание Элизабет ты держал на столе. Могу присягнуть, ты подгонял свой график к ее гастролям.

— Будь любезен, объяснись.

— Послушайте, м-р Уинтерс. Меня наняли не для того, чтобы вы вытирали об меня ноги. Речь идет о вашей репутации. Если вы не можете или не желаете помогать своей же защите, еще не поздно нанять другого адвоката. — Бартлетт оттолкнул папки, из них посыпались бумаги. — Вы настояли на приезде сюда, хотя было бы куда разумнее и удобнее, останься я в своем офисе, где мои служащие под рукой. Вчера мы планировали работать, но вы надолго исчезли. Сегодня вам полагалось прийти еще час назад, и мы в потолок плевали, вас дожидаясь. Одну линию защиты вы уже забраковали, а она могла бы спасти вас. Теперь у нас возникает возможность одним выстрелом подорвать доверие к свидетельству Элизабет Ланж, но вас это не интересует!

— Нет, почему же. — Тед открыл глаза. — Интересует. Рассказывайте.

Бартлетт предпочел пропустить сарказм мимо ушей.

— Итак, мы сумеем представить факсимиле двух анонимок, полученных Лейлой: в них прямо говорится, что у вас появилась другая женщина. В ее роли может выступить Черил. Она подтвердит, что угодно. Но можно еще вернее. Ты же старался скоординировать свое расписание с гастролями Элизабет...

— С Элизабет мы были хорошими друзьями, — прервал его Тед. — Нам нравилось общаться. Если у меня появился выбор — приехать в Чикаго в среду, а в Даллас в пятницу, или наоборот, а мой добрый друг, с которым я могу пойти на поздний ужин, отдохнуть там же, — да, я подгонял расписание. Ну и что?

— Хватит, Тед! Ты проделывал такое десятки раз, в тот самый период, когда у Лейлы началось нервное расстройство. Когда она стала получать анонимки!

Тед пожал плечами.

— Тед! — резко вмешался Крэг. — Генри старается выстроить твою же защиту. Прислушайся хотя бы.

— Мы попытаемся представить все так, — продолжил Бартлетт. — Стадия первая: Лейла получает письма, в которых говорится, что ты влюбился в другую. Стадия вторая: Крэг засвиде-

тельствует — ты подгонял свое расписание к поездкам Элизабет. Стадия третья: своей рукой Лейла отметила в дневнике явную связь между вами двумя. Стадия четвертая: у тебя не было причины убивать Лейлу, раз ты больше не интересовался ею. — С триумфом Генри перебросил Теду «Глоб». — Вглядишься-ка в снимочек!

Тед вздохнул. Он помнил минуту в конце панихиды, когда какой-то дурак попросил органиста сыграть «Родной мой дом в Кентукки». Лейла рассказывала ему, что эту песенку она напевала Элизабет по дороге в Нью-Йорк. У стоявшей рядом Элизабет перехватило дыхание и хлынули слезы, которые ей удавалось сдерживать до сих пор. Он обнял ее, повернул к себе и прошептал: «Не надо, Ласточка!».

— Девушка влюбилась в тебя, — продолжал Генри, — а когда поняла, что для тебя это мимолетное увлечение, разозлилась. И воспользовалась безумными показаниями шизофренички, чтобы отомстить, уничтожить тебя! Уверю, Тед, этот номер нам удастся!

Тед разорвал газету пополам.

— Очевидно, я все время выступаю как адвокат дьявола. Ну предположим, сюжет твой верен. Элизабет была влюблена в меня. Но давай заглянем еще на одну стадию вперед. Предположим, я действительно понял, жизнь с Лейлой — это непрерывная череда взлетов и падений, истерик и скандалов, сомнений, выливающих в ревнивые обвинения всякий раз, как я мило побеседую с другой. Предположим, я понял, Лейла — актриса, во-первых, во-вторых и в последних; и она не хочет ребенка. Предположим, я понял, Элизабет — та, которую я искал всю жизнь. Так неужели ты сам не сообразил, что версия, которую ты подсовываешь, и есть самый веский мотив для убийства Лейлы? Потому что, разве взглянула бы на меня Элизабет дважды, будь жива ее сестра? — Тед с яростью отшвырнул стул. Тот свалился. — Слушайте, а чего бы вам двоим не поиграть в гольф? Или не поплавать? Заняться, в общем, спортом? Не тратьте попусту время! Лично я не намерен!

— С меня хватит! — лицо Бартлетта побагровело. — Послушайте, м-р Уинтерс! Может, вы и разбираетесь в отелях, но ни черта не смыслите в судебных процессах! Вы наняли меня, чтобы уберечь вас от тюрьмы, но в одиночку я действовать не могу! Более того, и не собираюсь. Либо перестаньте вставлять палки в колеса, либо ищите другого адвоката!

— Успокойся, Генри! — вмешался Крэг.

— Нет, не успокойсь! Мне не нужно это дело. Возможно, я сумел бы выиграть его, но сейчас... — Он указал на Теда. — Если ты так уверен, что ни одна моя защита не сработает, так возьми и признайся в убийстве! За чистосердечное признание срок сократят. Я сумею добиться максимум десяти лет тюрьмы. Такого тебе хочется? Скажи прямо. Или садись и работай.

Тед поднял с пола папку.

— Ладно, принимаемся за работу, — равнодушно бросил он. — Наверное, мне полагается извиниться перед тобой. Я

понимаю, ты — лучший в своей области, но я чувствую себя, как в западне. Ты серьезно считаешь, что шанс на оправдание есть?

— Я добивался оправдательного вердикта в делах и более безнадёжных. Никак не можешь понять — вина подсудимого не имеет никакого отношения к вердикту!

5

Кое-как Мин перекутилась остаток утра. Она была слишком занята, отвечая на звонки, некогда было задумываться над сценой в кабинете между Элизабет и адвокатом Теда. После взрыва все тут же ушли: Бартлетт и Элизабет, кипевшая от злости, Крэг — подавленный, Скотт — мрачный. Хелмут улизнул в клинику. Он прекрасно знал, что Мин хочет поговорить с ним. Все утро он избегал ее.

Кто, черт побери, шепнул газетчикам, что Элизабет и Тед тут оба? На настырные звонки Мин отвечала стандартно: «Имена наших гостей мы не разглашаем».

В любое другое время она была бы только рада-радешенька рекламе, но сейчас? У нее интересовались, есть ли подозрительные моменты в смерти ее секретарши. «Разумеется, нет».

В полдень она попросила дежурную не соединять с ней звонивших и поднялась к себе. Сидя на кушетке, Хелмут пил чай. Лицо у него было болезненно-серого оттенка.

— А-а, Минна, — он попытался выдать улыбку.

— Нам надо поговорить! Скажи правду, зачем ты отправился в тот вечер к Лейле? У тебя был с ней роман? Говори правду!

— Роман! — Чашка Хелмута задребезжала о блюдечко. — Минна, да я ненавижу эту женщину!

Мин наблюдала, как лицо у него пошло пятнами, а руки стиснулись.

— Ты что, воображаешь, меня очень забавляло, как она потешалась надо мной? Роман! — Он хлопнул кулаком по столу. — Минна, ты единственная женщина в моей жизни. С тех пор, как я встретил тебя, других не было. Клянусь.

— Лжец! Посмотри мне в глаза! Кончай со своим фальшивым аристократизмом. Ты был ослеплен Лейлой. Да и не ты один! Каждый раз, когда ты смотрел на нее, ты насиловал ее глазами. Да все вы, вся компашка! Тед, Сид, даже этот пентюх Крэг. Но ты — хуже всех. Любовь. Ненависть. Это одно и то же! И за всю свою жизнь ты не любил никого! Мне нужна правда. Зачем ты отправился к ней?

Хелмут вскочил на ноги, рука задела чашку, и та опрокинулась, заливая чаем стол и ковер.

— Минна, это невозможно! Я не позволю тебе обращаться со мной точно с микробом под микроскопом. Пришли кого-нибудь, пусть уберут. Мне пора в клинику. Сегодня у м-сс Мухан первые коллагеновые инъекции. Имей же сердце, дорогая. Ты отлично знаешь, это крупный взнос на наш банковский счет.

— Я видела эту нелепую даму час назад. Твоя новая крупная победа. Она трещала, какой ты талантливый, как превращаешь

ее в бабочку, парящую на облаке. Еще раз услышу от нее эту идиотскую фразу... — Она резко оборвала себя.

Колени Хелмута стали подкашиваться. Мин подхватила мужа.

— Что случилось? Скажи, что ты натворил?

6

Элизабет лихорадочно пролистывала страницы пьесы. Взгляд ее упал на приписку Лейлы на полях. Пораженная, Элизабет опустилась на кушетку, вернулась к первой странице.

«Карусель», комедия Клейтона Андерсона.

Клейтон Андерсон. Богатый профессор колледжа, вложивший в спектакль миллион. Настоящее его имя и личность неизвестны никому. Кто же он?

Элизабет позвонила в особняк. Дежурная ответила, что баронесса фон Шрайбер у себя, но просила не беспокоить.

— Я тоже у себя, — сухо сказала Элизабет. — Передайте баронессе, мне надо с ней повидаться.

Мин лежала в постели, вид у нее был неважный.

— Да, Элизабет?

Она боится меня, мелькнуло у Элизабет. Она присела у кровати.

— Мин, зачем ты пригласила меня на курорт?

— Хочешь верь, хочешь нет, — пожалала та плечами, — но я тревожилась. Ведь я люблю тебя.

— Я верю. А еще?

— Меня страшит мысль, что Теду придется провести остаток жизни в тюрьме. Иногда в гневе люди способны на чудовищные поступки, они не владеют собой. Творят такое, чего никогда не совершили, если бы их не довели. Они не в силах обуздать себя. Считаю, так произошло и с Тедом. Поступай, как велит тебе долг. Но предупреждаю, всю жизнь тебя будет терзать мысль, что ты погубила Теда.

— Мин, а нет ли другой причины, почему ты желаешь, чтобы Теда оправдали? Связанной с твоим курортом?

— Про что это ты?

— Да про то, что перед смертью Лейлы Тед планировал включать во все свои новые отели лечебные курорты типа вашего Спа. Как разворачивается проект?

— С тех пор, как ему предъявили обвинение, Тед не занимается отелями.

— Вот именно. Мин, а кто такой Клейнтон Андерсон?

— Понятия не имею. Элизабет, я очень устала. Давай поговорим попозже.

— Брось, Мин! Не так уж ты устала. — Резкость тона девушки заставила Мин открыть глаза и приподняться на подушках. — Мин, я только что читала последнюю пьесу Лейлы. Смотрела спектакль, но многое пропустила мимо ушей. Слишком за сестру переживала. Пьесу сочинил человек, прекрасно знавший Лейлу. Вот почему роль так ложилась ей на органику. В пьесу даже вставлена пресловутая фразочка Хелмута — «бабочка, па-

рящая на облаке». И Лейла ее тоже заметила. Написала на полях: «Сказать барону, что у него крадут успех»... Мин... – Женщины уставились друг на друга, у обеих сверкнула одна и та же догадка. – Хелмут сочинял рекламные тексты для курорта, – прошептала Элизабет. – Сочиняет ежедневные бюллетени для гостей. Так, может, и не существует вовсе никакого богатого профессора. Мин! Это Хелмут написал пьесу?

– Не... знаю. – Мин выбралась из постели. На ней было просторное платье, вдруг показавшееся слишком широким, будто она враз усохла. – Элизабет, извини. Мне нужно позвонить в Швейцарию.

7

Алвира нехотя шагала по дорожке к процедурному кабинету. Вот и дверь. Крохотная «С» на ней подтверждала – пришла она правильно. Несмело повернув ручку, Алвира вошла.

В кабинете – как в дамском будуаре. Обои в цветочек, салатного цвета ковер, туалетный столик и круглая табуретка. Лечебный стол похож на кровать – с простынями в цвет обоев, бледно-розовым одеялом и кружевной подушкой. На двери шкафа висит зеркало в золоченой раме. Только наличие шкафчика с инструментами намекало на истинное предназначение комнаты.

Алвира, сбросив босоножки, аккуратно поставила их под стол. Размер ноги у нее 9-й, и ей не хотелось, чтобы врач споткнулся, когда будет делать коллагеновые инъекции. Она легла на стол, натянула покрывало и прикрыла глаза.

Минуту спустя вошла медсестра. Регина Оуэнс, старшая помощница барона, та, которая записывала историю ее болезни.

– Не надо нервничать! – успокаивающе произнесла она. – Выпейте, – и подала Алвире стакан с водой и пару таблеток. – Сразу почувствуете приятную сонливость и даже не заметите, как превратим вас в красавицу.

Алвира послушно положила таблетки в рот и запила.

– Я прямо, как ребенок.

– Ничего, ничего. Вы бы удивились, сколько народу трясутся от одного вида иглы. – Мисс Оуэнс стала массировать Алвире виски. – О, да вы напряжены! Сейчас положу вам на глаза компресс, подремлете. Мы с доктором придем через полчаса. Вы нас уже и не услышите.

Алвира ощущала, как нажимают на виски сильные пальцы.

– Как приятно!

– Еще бы! – Пару минут Регина массировала лоб и шею Алвиры. Алвира стала уплывать в приятную полудрему. Потом на глаза ей наложили прохладную материю...

– Вы слышите меня, м-сс Михан?

Она даже не заметила, как вошел барон фон Шрайбер.

– Да, – откуда-то издалека донесся ее собственный голос.

– Не бойтесь. Вы даже не почувствуете. Словно укол булабочкой.

И правда, почти не почувствовала. А она-то испереживалась! Алвира ждала продолжения. Доктор предупреждал: коллаген

вкатывается в 10–12 точек с каждой стороны рта. Чего же он медлит?

Почему-то стало трудно дышать... Она не может дышать!

– Помогите! – крикнула Алвира, но крика не получилось. Она открывала рот, отчаянно хватая воздух. Она куда-то уплывает... руки, грудь – будто чужие... О, Боже! Помоги мне, помоги!

Навалилась тьма. А от двери сестра Оуэн бодро произнесла:

– Ну вот и мы, м-сс Михан! Готовы к процедуре красоты?

8

В вестибюле клиники царил тишина, но приемщицы на месте не оказалось. Вдалеке Элизабет услышала топот бегущих ног, возбужденные голоса. Она поспешила на шум. Открывались двери, выглядывали гости, которым делаю процедуры. В самом конце коридора дверь открылась нараспашку. Оттуда и доносился переполох.

Кабинет «С»... Господи, тут м-сс Михан предстояло делать коллагеновые инъекции. В Спа про это слышали все. Что-то произошло? Элизабет столкнулась с выходящей медсестрой.

– Сюда нельзя! – медсестра не владела собой.

Элизабет оттолкнула ее.

Хелмут склонился над лечебным столом, он с силой массировал грудь Алвиры, на лице у которой была кислородная маска. Гулко отдавались вздохи респиратора. Медсестра протянула Хелмуту иглу. Он вставил ее в шприц и ввел в вену Алвиры. Грудь ей стал массировать медбрат.

Вдалеке Элизабет услышала сирену «скорой помощи», ворвавшейся в ворота курорта.

В 4.15 Скотта уведомили, что Алвира Михан – жертва покушения на убийство; она помещена в больницу полуострова Монтерей. Дежурный полисмен принял срочный звонок и сопроводил «скорую» до больницы. Врачи подозревают, тут что-то нечисто. Как заявил доктор Шрайбер, коллагеновых инъекций пациентке еще не делали, но капли крови у нее на лице свидетельствуют о недавнем уколе.

Алвира Михан! Скотт потер вдруг уставшие глаза. Женщина умная. Ему вспомнились ее замечания за обедом. Похожа на ребенка из сказки Андерсена «Новый наряд короля», который воскликнул: «А король-то голый!».

С какой стати кому-то понадобилось убивать Алвиру?

В приемной больницы Скотту сообщили, что врачи трудятся над м-сс Михан. Возможно, доктор Уитли скоро сумеет выйти к нему. Пока он ждал, вошла Элизабет.

– Как она?

– Не знаю.

– Зря согласилась на инъекции. Бедняжка очень их боялась. У нее сердечный приступ, да?

– Пока неизвестно. А как ты сюда попала?

– С Мин. Приехала на ее машине. Она паркует ее. А Хелмут приехал на «скорой», провожал м-сс Михан. Нет, такого просто

не может быть! — Элизабет уже почти кричала. Сидящие в креслах обернулись на нее.

— Элизабет, возьми себя в руки. — Скотт усадил ее на диван. — С Алвирой ты познакомилась всего несколько дней назад. Чего ты так расстраиваешься?

— Где Хелмут? — раздался позади голос Мин, совершенно бесцветный, словно у нее не осталось никаких чувств. Она тоже находилась в состоянии шока, не веря в реальность происходящего. Обойдя диван, Мин села в кресло. — Наверное, расстроился очень... — она оборвала фразу. — Вот он.

Хелмут тяжело опустился в кресло рядом с Мин, нашарил ее руку.

— Она в состоянии комы. Говорят, ей сделали укол. Минна, это невозможно! Клянусь тебе! Укола не было...

— Оставайтесь тут, — приказал Скотт, увидев в конце длинного коридора главного врача — тот махал ему.

Беседовали они в кабинете.

— Ей ввели какое-то лекарство, и это вызвало шок, — сообщил доктор Уитли. Высокий, худощавый, лет 63, обычное выражение его лица — вежливость и сочувствие. Сейчас он смотрел строго.

— Она будет жить?

— Пока сказать точно — трудно. Кома, из которой она может и не выйти. Пыталась сказать что-то перед тем, как окончательно потерять сознание.

— Что именно?

— Нечто вроде «лос». Больше ничего не разобрали.

— Мало проку. А что говорит барон? Есть у него какие-нибудь догадки?

— Честно говоря, мы не подпустили его к ней.

— То есть ты не считаешь его хорошим врачом?

— В его медицинских сертификатах у меня нет причин сомневаться. Но если укол м-сс Михан сделал не он, тогда кто же?

Мин с бароном возвращались в Спа в своей открытой машине. За рулем сидела Мин.

— Я могу помочь тебе, только зная правду, — уговаривала она мужа. — Ты делал укол?

Барон закурил, глубоко вдохнул дым. Фарфорово-голубые глаза увлажнились.

— Минна, что за безумные предположения? Я вошел в кабинет. Она не дышала, я спас ей жизнь. С какой стати мне вредить ей?

— Хелмут, кто такой Клейтон Андерсон?

Барон выронил сигарету, она упала на кожаное сиденье рядом. Потянувшись, Мин осторожно взяла окурочек.

— Не стоит портить машину. Новой не предвидится. Повторяю — кто такой Клейтон Андерсон?

— Я не понимаю, про что ты? — прошептал он.

— А я думаю, прекрасно понимаешь. Элизабет прочитала пьесу. Вот почему нынешним утром ты так испугался. Причи-

на — не дневник Лейлы, а пьеса. Лейла делала на полях пометки. Она обратила внимание на idiotскую фразу, которую ты использовал в рекламе. Элизабет тоже выудила ее. И м-сс Михан. Она была на премьерном показе. Поэтому ты пытался убить ее? Все еще надеялся скрыть факт, что пьесу написал ты!

— Минна, уверяю тебя! Мне ничего не известно!

— Драматург вложил в постановку миллион. Если автор — ты, откуда ты раздобыл деньги? — Они были уже у ворот Спа, Мин сбросила скорость и взглянула на мужа. — Я пыталась позвонить в Швейцарию, проверить свой счет. Но рабочий день там уже закончился. Однако, Хелмут, я обязательно позвоню завтра. И надеюсь, деньги по-прежнему на счету.

Лицо Хелмута хранило всегдашнее спокойствие, но в глазах застыло выражение человека, на шее которого затягивается удавка.

Встретились они на террасе бунгало Алвиры Михан. Барон отпер дверь, и они вошли. Скотт увидел, Минна явно воспользовалась наивностью м-сс и поселила ее в самое дорогое бунгало.

Осмотр много времени не отнял. В медицинском шкафчике в ванной лекарства находились самые обычные, такие продают в аптеке без рецепта — капли от насморка, аспирин...

Ему показалось, барон разочарован: он настоял, чтобы были откупорены все пузырьки, и под пристальным взором Скотта высыпал содержимое, проверяя, нет ли где другой таблетки. Актерствует?

В кладовке Алвиры обнаружили среди дорогих платьев и блузонов поношенные фланелевые ночные сорочки. Почти на всех нарядах ярлыки от «Марты» с Парк-авеню и магазинчиков Сайприс Пойнт.

Неожиданностью оказался дорогой японский магнитофон в сумочке. Скотт вздернул брови. Хитрое профессиональное оборудование! Откуда вдруг такой оказался у Алвиры Михан?

Элизабет наблюдала, как он перебирает кассеты. Три из них помечены порядковыми цифрами. Остальные чистые. Пожав плечами, Скотт сунул их обратно и закрыл сумку. Через пару минут он ушел. Элизабет проводила его до машины. Она не стала посвящать его в свои подозрения, что пьесу написал Хелмут. Сначала хотела удостовериться сама, потребовать правды у Хелмута. Все-таки есть вероятность, что Клейтон Андерсон существует.

Ровно в шесть машина Скотта скрылась за воротами. Стало прохладно. Элизабет сунула руки в карманы и наткнулась на брошку-солнышко. Она сняла ее с ворота халата Алвиры после отъезда «скорой». Алвира явно дорожила брошкой, очевидно, романтические воспоминания.

За мужем Алвиры послали. Завтра она отдаст ему брошь.

Тед из города вернулся в половине седьмого. Он включил свет в бунгало, начал стягивать с себя свитер и вдруг заме-

тил, что в комнате не один. На диване, ожидая его, сидела Мин.

— Мне необходимо поговорить с тобой.

Усевшись напротив, Тед закурил.

— Бросил давным-давно, но поразительно, как быстро возвращаются дурные привычки, когда впереди маячит тюрьма. Куда вся самодисциплина девается. Может, не очень красиво выгляжу, Мин, но я ведь не ждал гостей.

— Нежданная и нежеланная, — глаза Мин обежали его. — Трусцой бегал?

— Нет. Просто гулял. Долго. На прогулке хорошо думается.

— Мысли у тебя вряд ли приятные. Можно? — Мин указала на пачку сигарет на столе.

Тед подал ей сигарету, зажег.

— Тоже бросила, но в минуты стресса... — Мин пожала плечами. — Много чего я бросила в жизни, пока карабкалась наверх. Сам знаешь... организовала агентство моделей, старалась держаться на плаву, вышла замуж за больного старика и пять лет была его сиделкой, женой, приятелем... бесконечные пять лет... О, я думала, что наконец-то достигла надежности и благополучия! Хелмут абсолютно непрактичен, я знаю, но у него тоже есть свои идеи, фантазии. Ему нужны и всегда были нужны деньги для их претворения. Ты помнишь нашу беседу, когда твоего проклятого бульдога Крэга не было рядом? Мы договаривались, что ты устроишь курорты типа Сайприс Пойнт при всех своих отелях. Идея чудесная. Она сработает.

— Мин, если я окажусь в тюрьме, новых отелей не будет. Мы прекратили строительство, как только мне предъявили обвинение. Ты же знаешь.

— Тогда одолжи мне денег сейчас! — маска с Мин упала. — Тед, я в отчаянном положении! Через несколько недель стану банкротом. Такого не должно произойти! А зачем, как думаешь, я затащила сюда Элизабет? Чтобы помочь тебе!

— Но, Мин, ты видела ее реакцию. Ситуация только ухудшилась.

— Не уверена. Сегодня я умоляла ее подумать, убеждала, что она никогда не простит себе, если тебя погубит. — Мин смяла в пепельнице сигарету. — Тед, я знаю, что говорю. Элизабет влюблена в тебя. И давно. Постарайся, чтобы это работало на тебя. Еще не поздно. — Она схватила его за руку.

— Мин, — высвободился он, — какую ерунду ты несешь!

— Нет! Я почувствовала это с первого ее взгляда. Разве ты не понимаешь, как трудно для нее было находиться рядом с тобой и Лейлой? Желать Лейле счастья, любить вас обоих? Она разрывалась надвое. Вот почему она согласилась участвовать в том спектакле перед смертью Лейлы. Роль была ей совсем не нужна, не нравилась. Мы с Самми обсуждали это. Она тоже догадывалась. Элизабет сражается против тебя, потому что чувствует свою вину. Она знает, Лейла дразнила тебя, выводила из себя. Обрати это себе на пользу, Тед. И прошу тебя, помоги мне! Пожалуйста! Прошу!

Она взглянула на него с откровенной мольбой.

— Мин, я не могу сейчас продвигать проект о курортах в отелях. А выручить тебя могу. И выручу. Но позволь спросить: тебе приходило в голову, что Элизабет, возможно, ошибается? Может, она спутала время? Я говорю правду — я не поднимался обратно в квартиру.

Улыбка Мин стала удивленной.

— Тед, мне ты можешь доверять. И Хелмуту тоже. Он не обмолвился ни единой душой. И не обмолвится. Но он слышал, как ты кричал на Лейлу. Слышал, как она умоляла пощадить ее!

10

Нужно ли открывать Скотту свои подозрения о бароне, гадала Элизабет, входя в желанное спокойствие своего бунгало. Глаза и душа отдыхали на изумрудно-белой гамме.

Лейла.

Рыжие волосы. Изумрудные глаза. Бледная, как у всех рыжих, кожа. Белая шелковая воздушная пижама, которая была на ней тогда, когда она погибла. Как вздувался, наверное, вокруг нее шелк, когда она падала...

Господи! Господи! Элизабет защелкнула двойной замок и сжалась в комочек на диване, спрятав лицо в ладони, страшась видения Лейлы, падающей в смерть...

Хелмут... он ли написал «Карусель»? Если да, как он сумел профинансировать спектакль? Подчистую разорил неприкосновенный швейцарский счет Мин? Наверное, впал в бешенство, когда Лейла заявила, что бросает спектакль. Так, что даже не владел собой?

Алвира Михан. Санитары... капелька крови на ее щеке. Не доверчивый тон санитаря: «То есть как это вы не начинали инъекций? Кого вы тут дурачите?»

Руки Хелмута, массирующие грудь Алвиры... Хелмут, делающий внутривенные вливания... Но Хелмут наверняка из себя выходил, когда Алвира без конца твердила про «бабочку, парящую на облаке»... Алвира тоже видела спектакль. Лейла заметила связь с Хелмутом. А Алвира? Тоже?

Элизабет вспомнились уговоры Мины днем. О Теде. В сущности, она признала вину Теда, но потом попыталась убедить ее, что Лейла спровоцировала его сама. Правда ли это?

И права ли Мин, что Лейла ни за что не захотела бы засадить Теда за решетку до конца его жизни? А почему Мин так убеждена, что Тед виновен? Всего два дня назад она уверяла, что произошел несчастный случай.

— Как же поступить? — шептала Элизабет. Никогда еще девушка не чувствовала себя такой одинокой.

В семь вечера донесся слабый перезвон — час «коктейлей». Элизабет решила, пусть обед принесут в бунгало. Невыносимо снова слушать пустую болтовню гостей, зная, что труп Самми лежит в морге, а Алвира на грани смерти в местной больнице. Два вечера назад она сидела за одним столом с ней. Два вечера назад тут сидела Самми, у нее в комнате. Кто следующий?

В четверть восьмого позвонила Мин.

— Элизабет, все спрашивают про тебя. С тобой все в порядке?

— Да. Мне просто нужен покой.

— Ты не больна? И знай, особенно тревожится Тед.

— Со мной правда все прекрасно. Попроси принести обед сюда, ладно? Отдохну, а потом пойду поплаваю. Не волнуйся за меня.

Элизабет положила трубку. Беспокойно походила по комнате, уже скучая по воде.

«Ин аква санитас» гласит надпись. Хоть раз Хелмут не ошибся. Вода успокоит ее, развеет тревожные мысли.

11

Он достал кислородный баллон, но тут раздался резкий стук в дверь. Лихорадочно сбросив с лица маску, он выпростал руки из неуклюжего резинового костюма. Сукул аппарат и маску в кладовку, потом, кинувшись в ванную, пустил душ.

Стук повторился — нетерпеливая дробь. Кое-как высвободившись из костюма, он бросил его на кушетку и схватил халат.

— Сейчас, сейчас! — крикнул раздосадованно и отпер дверь.

— Что ты там возился? Нам необходимо поговорить!

Только около десяти он сумел пойти к бассейну. Элизабет уже шла по дорожке к себе в бунгало. Второпях он задел за стул на краю патио. Она обернулась, и он едва успел шмыгнуть в кусты.

Завтра. Еще есть шанс убить ее здесь. Если нет, придется стряпать несчастный случай в Нью-Йорке.

Как и Алвира Михан, Элизабет учуяла запах и вела Скотта Алишорна по следу.

ЧЕТВЕРГ 3 СЕНТЯБРЯ

1

Элизабет лежала в постели, когда Вики внесла завтрак. Поставив поднос рядом с кроватью, она внимательно взглянула на девушку.

— Неважно себя чувствуешь?

— Ничего. Выживу, — криво улыбнулась Элизабет. Потянувшись, она взяла вазу с единственным цветком. — Как ты там говоришь насчет розы по утрам для «увядающих цветов»?

— Это не про тебя, конечно. — Выражение лица Вики смягчилось. — Я была выходная и только что услышала про мисс Самуэлс. Такая симпатичная старушка была. Но скажи мне на милость, что ей понадобилось в бане? Она мне сама как-то говорила — от одного взгляда на этот мавзолей у нее мурашки бегут, баня напоминает ей могилу. Даже если почувствовала себя плохо, все равно ни за что не пошла бы туда...

После ухода Вики Элизабет взяла расписание, лежавшее на подносе. Она не собиралась больше принимать процедуры или заниматься спортом, но сейчас решила иначе. На 10 она была записана на массаж к Джине. Служащие обожают посплетничать.

Только что Вики подтвердила ее собственные мысли — Самми ни за что бы не вошла в Римскую баню по своей воле. Может, сегодня что-то узнает от Джини.

В коридоре Элизабет наткнулась на Черил. Та куталась в махровый халат. Ногти на руках и ногах ярко-сиреневые. Черил схватила Элизабет за руку.

— Элизабет, мне надо поговорить с тобой!

— О чем?

— Об анонимках. Больше не отыскалось? — Не ожидая ответа, она заторопилась. — Слушай! Если найдутся еще или если уже есть, я хочу, чтобы их проанализировали. Проверили на отпечатки пальцев или что там еще можно. Пусть разыщут отправителя! Я их не посылала! Ты поняла? Не писала и не посылала!

В десять часов Элизабет лежала на массажном столе. В комнату вошла Джина.

— У нас такой переполох!

— Еще бы!

Джина прикрыла волосы Элизабет пластиковой шапочкой.

— А как же! Сначала мисс Самуэлс, теперь м-сс Михан. Безумие какое-то! — и принялась массировать шею Элизабет. — Опять ты вся напряженная. Напереживалась, конечно. Я знаю, ты была близкой приятельницей мисс Самуэлс.

Лучше не говорить о Самми.

— Да, — кое-как промямлила Элизабет. — Джина, а м-сс Михан ты массажировала?

— Конечно. По понедельникам и вторникам. Такая чудачка. Выяснили, что с ней стряслось?

— Пока не точно. Проверяют ее медицинскую карту.

— Я-то считала, она крепенькая, как доллар. Толстоватая. Но хороший цвет лица, хорошее сердце, хорошее дыхание. Уколов она, конечно, боялась, но от этого же не случается сердечных приступов!

— Джина, — перебила ее Элизабет. — Ты как-то говорила, что Спа совсем не тот с тех пор, как умерла Лейла. Я знаю, она манивала любителей знаменитостей, но барон и сам каждый год привлекал новых гостей.

— Забавно, — Джина добавила крема на руки, — но пару лет назад все тормознулось. Никто ничего не понимает. Разъезжает барон по-прежнему часто. Правда, катается в основном в Нью-Йорк. Помнишь, он организовал благотворительные балы в десятках крупных городов, лично выписывал недельное приглашение на Сайприс Спа выигравшему, а после его хвалебной речи о достоинствах Спа к счастливицу-победителю присоединилось трое-четверо его друзей, тоже жаждавших вкусить удовольствия — в качестве платных гостей, разумеется?

— И почему внезапно все оборвалось?

— Мудрит что-то барон, — понизила голос Джина. — Никто не может раскусить, в чем дело, по-моему, даже Мин. Она решила путешествовать с ним вместе. Очень тревожится, что его Королевское Высочество, или как там он себя величает, завел в Нью-Йорке интрижку...

Интрижку? Элизабет задумалась, пока Джина разминала ей мышцы, стучала по телу. А может, не интрижку, а пьесу под названием «Карусель»? А если так, угадала ли Мин правду?

2

Из зала Тед ушел в одиннадцать. После двух часов на тренажерах и в бассейне у него был массаж, а потом он понежился в джакуzzi на открытом воздухе. Припекало солнце, ветра не было, черным облачком прошелестела над головой стайка бакланов. Официанты накрывали столы для ленча, бледно-зеленые с желтым зонты отбрасывали цветные тени на плитки па-тио.

Тед медленно направился к бунгалу, отстраненно кивая знакомым, которые, пропуская спортивные занятия, блаженствовали у Олимпийского. Ему не хотелось вступать в разговоры. Не хотелось думать о спорах, предстоявших с Бартлеттом.

Память. Слово преследовало его. Обрывки и клочки воспоминаний. Наверх на лифте. Холл. Покачивание. Он был вдребину пьян. А что потом? Почему в памяти черный провал? Потому что ему не хочется вспоминать?

Тюремное заключение. А может, лучше...

В бунгалу никого. Хоть маленькое везение. Думал, они снова поджидают его у круглого стола. Надо бы отдать коттедж Бартлетту, а себе взять поменьше. Больше покоя было бы. Наверняка к ланчу эти двое объявятся снова.

Есть еще одно дело. Достав из папки бумагу, Тед сел за письмо. Закончив, запечатал конверт, позвонил горничной и попросил отнести письмо Элизабет.

В полдень, вернувшись к себе, Элизабет увидела конверт. Такой знакомый – белый с вишневой кромкой, цвета эмблемы «Уинтерс Энтерпрайзис»; твердый четкий почерк, тоже знакомый; у нее пересохло во рту. Как часто в ее гримборную в антракте приносили записки на такой бумаге: «Привет, Элизабет! Только что приехал. Как насчет ужина? Если уже не приглашена. Первое действие прошло потрясающе. С приветом, Тед». Они ужинали, звонили из ресторана Лейле. «Охраняй моего парня, Ласточка. Не позволяй, чтоб какая-то размалеванная шлюха увела его».

Оба прижимались ухом к телефону. «Ты меня под надзором держишь, звезда?» – шутил Тед.

А Элизабет, остро чувствуя его близость, вцеплялась в трубку, страстно желая набраться мужества и отказаться от встречи с Тедом.

Элизабет распечатала конверт. Пробежала первые строчки, и у нее вырвался придушенный крик. Вернуться к письму Теда сил хватило не сразу.

«Дорогая Элизабет.

Могу сказать одно – мне жаль. Но слова не передают ничего. Ты была права. Барон слышал, как я боролся с Лейлой в тот вечер. А Сид встретил меня на улице. И я сам сказал ему, что Лейла мертва. Поэтому bestолку прикидываться, будто меня там не

было. Поверь, я тех минут не помню абсолютно. Но, учитывая все обстоятельства, намерен чистосердечно признаться в убийстве. Я возвращаюсь в Нью-Йорк.

Наконец-то с этим жутким делом будет покончено. И это избавит тебя от мучений давать показания на процессе, снова перебирать детали гибели Лейлы.

Благослови и храни тебя Бог. Лейла рассказывала, когда ты была маленькой и вы ехали в Нью-Йорк, ты очень боялась, и, чтобы успокоить тебя, она напевала тебе одну милую песенку «Не плачь, моя леди...»

Представь, что она поет тебе ее сейчас, и постарайся начать новую, более счастливую главу своей жизни.

Тед».

Почти два часа просидела Элизабет на кушетке, обхватив колени и глядя в пустоту. Ты же сама хотела этого, твердила она себе. Он заплатит за все, что сотворил с Лейлой. Но боль была мучительной и наконец перешла в оцепенение.

Когда Элизабет встала, ноги у нее занемели, двигалась она неуверенно.

Есть еще анонимные письма. Она не успокоится, пока не разыщет того, кто посылал их...

Бартлетт позвонил только во втором часу.

— Нам надо поговорить! Немедленно! Приходи скорее!

— А почему бы не встретиться у меня?

— Я жду звонка из Нью-Йорка. Боюсь пропустить.

Когда дверь открыл Крэг, на предисловия Тед времени тратить не стал.

— Что стряслось?

— Кое-что, что тебе не понравится.

Бартлетт сидел за столом, а Крэг развалился в кресле, держа руку на телефоне, точно ожидая, что тот прыгнет ему в руку. Выражение лица задумчивое; немного похож, решил Тед, на философа, столкнувшегося с трудной проблемой.

— Сколько? — спросил Тед. — Десять лет? Пятнадцать?

— Хуже. Они не согласны на признание. Появился новый очевидец. Как тебе известно, мы приставили к Салли Росс частного детектива, хотели собрать компромат. Позавчера ночью детектив как раз сторожил в доме, когда в квартире выше застигли вора. И тот заключил сделку с окружным прокурором. Оказывается, в этой квартире он не в первый раз. И был там именно 29 марта. Он заявляет, что видел, как ты сбросил Лейлу с балкона.

Бартлетт наблюдал, как на лицо Теда наползает мертвенная бледность.

— Значит, никакого послабления в обмен на признание, — прошептал Тед.

— Из сообщения моих людей ясно — всякие сомнения, что видел он нечетко, отпадают. На террасе у Салли Росс эвкалипт, он мешал ей видеть. Но этажом выше деревце уже не помеха.

— Мне все равно, сколько свидетелей видели Теда в тот вечер! — рывкнул Крэг. — Он был пьян! Не соображал, что делает.

Я пойду на лжесвидетельство. Заявлю, что он говорил со мной по телефону в 9.30.

— Какое там лжесвидетельство! — оборвал Бартлетт. — В протоколе уже есть запись твоих слов: ты слышал телефонный звонок, но трубку не снял. Нечего и мечтать!

Тед засунул стиснутые кулаки в карманы.

— Забудьте вы тот злополучный звонок. Что конкретно видел свидетель?

— Пока что окружной прокурор отказывается отвечать на мои звонки. Но в прокуратуре у меня есть свои люди, им удалось разнюхать: свидетель показывает — Лейла боролась за жизнь.

— Значит, приговор грозит по максимуму?

— Судья, который будет рассматривать дело, — зверюга. Головореза из негритянского квартала отпустил, чуть пожурился, но на процессах богачей обожает продемонстрировать, какой он жестокий. А ты — богач...

Зазвонил телефон. Бартлетт схватил трубку еще до второго сигнала. Во время разговора он хмурился все больше, облизывал губы, закусил нижнюю губу. Потом рывком: «Мне требуется подробное досье на парня! Детали его сделки с прокурором. Требуются снимки балкона квартиры той женщины, снятые в дождливый вечер... Выполняйте!».

Положив трубку, Бартлетт внимательно взглянул на Теда с Крэгом.

— Процесс состоится. Новый свидетель, бесспорно, бывал в квартире раньше: он описал вещи в шкафах, а когда его схватили, он едва успел войти в холл. Утверждает, что видел тебя, Тедди. Лейла отбивалась от тебя, царапалась, старалась вырваться. Ты схватил ее, высоко поднял над перилами и тряс, пока она не выпустила твои руки. Не очень приятная сцена. Если ее красочно распишут на суде...

— Поднял над перилами... тряс... прежде чем сбросить! — Тед схватил со стола вазу и с силой швырнул через комнату в мраморный камин. Сотни осколков нежного хрустала каскадом брызнули по ковру. — Нет! Такое невозможно! — Развернувшись, он слепо метнулся к выходу, захлопнув дверь с такой силой, что стекла отозвались жалобным звоном.

Они смотрели, как Тед мчится через лужайку к деревьям, отгораживающим Спа от Крокер Вудленда.

— Он виновен, — произнес Бартлетт. — И мне его не выволить. Дайте мне отъявленного лгуна, с ним я смогу действовать. Если выставить Теда свидетелем, присяжные сочтут его высокомерным, если же не выставят, Элизабет станет показывать, как он кричал на Лейлу, а два свидетеля в деталях рисуют, как он убивал ее. Вот и защищай при таких обстоятельствах. — Генри прикрыл глаза. — Между прочим, только что он доказал нам — темперамент у него очень даже взрывной.

— Для сегодняшнего взрыва имеется особая причина, — бесстрастно пояснил Крэг. — Когда Теду было восемь лет, он видел, как его отец в припадке пьяного бешенства держал его мать над

перилами пентхауза. — Крэг выдержал маленькую паузу. — Разница та, что с небоскреба он ее все-таки не сбросил.

3

В два часа Элизабет позвонила Сиду и попросила встретиться с ней у Олимпийского. Когда она подошла, как раз начались совместные занятия аэробикой. Мужчины и женщины с мячами старательно следовали указаниям тренера: «Сожмите мяч ладонями, покачайтесь из стороны в сторону... вот так... держите его над водой... вытаскиваем...»

Элизабет устроилась за столиком в дальнем углу патио. Десять минут спустя к ней подошел Сид. Продравшись через кусты, он отодвинул стул и кивком указал на бассейн.

— Когда я был мальчишкой, мы жили в привратничке в Бруклине, видела бы ты, как укреплялись мускулы у моей матери от махания метлой. — Говорил он достаточно дружелюбно, но держался настороженно. — Для местечка, где так дорого стоит расслабиться, что-то многовато тут озабоченных. — Сид уселся напротив нее.

— И самая озабоченная, по-моему, я. Сид, ты вложил собственные деньги в «Карусель». И пьесу Лейле принес ты. Работал над переделками. Мне необходимо поговорить с драматургом Клейтоном Андерсоном. Как с ним связаться?

— Без понятия! Лично никогда с ним не встречался. Контракт обговаривали через адвоката.

— Назови его имя.

— Нет.

— Потому что никакого адвоката не существует, да, Сид? Пьесу написал Хелмут? Принес ее тебе, а ты подсунул Лейле. Хелмут великолепно понимал, что Мин кондрашка хватит, если она узнает. Из пьесы ясно видно, что автор одержим Лейлой. Оттого-то и роль для нее получилась бенефисная.

— Что ты выдумываешь! — Сид покраснел.

— А это правда? — Элизабет протянула ему письмо от Теда. — Ты встретил Теда в тот вечер? Почему же не сказал еще несколько месяцев назад?

Сид бегло пробежал записку.

— И письменно изложил! Ну, идиот!

Элизабет подалась вперед.

— Из письма выходит, барон слышал, как Тед борется с Лейлой, а тебе Тед сказал, что Лейла мертва. Почему же ни один из вас не подумал пойти взглянуть — что там? А вдруг ей еще как-то можно было помочь?

— Хватит с меня! — Сид смаху отъехал на стуле. — Наслушался!

— Нет, Сид! Еще не все! Зачем ты шел к Лейле? Зачем туда шел барон? Она ведь не договаривалась с ним о встрече.

— Слушай, Элизабет! — Сид вскочил. От злости у него лицо перекошилось. — Сестрица твоя под корень меня резанула! Бросила спектакль. Меня выкинула с работы. Вот и шел умолять ее переменить решение. Но я даже в дом не успел зайти. Смотрю, бежит Тед. Я погнался за ним. Он сказал, что она

мертва. Кто же останется в живых после такого падения? Вот я и не стал лезть. А барона я не видел. — Он швырнул девушке письмо Теда. — Но ты довольна? Теда упекут в тюрьму на всю жизнь. Этого ты добивалась?

— погоди, Сид. У меня еще вопросы имеются. Анонимка, которую стащила Черил... Почему ты порвал ее? Она ведь могла бы помочь Теду. Тебе ведь так хотелось его выручить...

Сид тяжело опустился на стул.

— Знаешь, Элизабет, давай договоримся. То, что я порвал анонимку, моя ошибка. Черил клянется, что не писала никаких анонимок. И я ей верю. Насчет барона ты угадала. Пьесу написал он. Ты помнишь, как насмеялась над ним Лейла? Ему хотелось подмять ее, получить над ней власть. Другой застал бы ее в постель. — Сид запнулся. — Элизабет, если Черил завтра не уедет, не попадет на пресс-конференцию, то потеряет роль в сериале. Студия вышвырнет ее, если выплывет, что она задержана полицией. К тебе Скотт прислушивается. Уговори его, пусть отпустит Черил. А я тебе дам ниточку к анонимкам.

Элизабет уставилась на него, а Сид принял ее молчание за согласие. Отбивая дробь по столешнице, он продолжал:

— «Карусель» написал барон. У меня имеются ранние варианты с исправлениями его почерком. Давай, Элизабет, сыграем в «Предположим». Итак. Предположим, пьеса становится суперхитом. Минна барону больше не нужна. Он устал от игры в курорты, он становится бродвейским драматургом, он постоянно с Лейлой. Как может Минна помешать такому? Подстроить провал спектакля. Но как? Уничтожить Лейлу. И уж кто-кто, а Минна способ изобретет. Тед с Лейлой жил три года. Если Черил задумала их разбить, зачем ей тянуть так долго?

261

Ответа Сид дожидаться не стал. Он резко отодвинул стул и ушел. Элизабет растерянно смотрела ему вслед. А что, вполне вероятно. Логично. Ей послышался голос Лейлы: «Господи, Ласточка, Мин прямо рехнулась на своем Игрушечном Солдате. Не дай Бог, какая приласкает его! Мин тотчас же выйдет с топором на тропу войны».

Сид исчез в кустах. Элизабет не видела мрачной улыбки, которую он позволил себе, скрывшись с ее глаз.

Может, сработает, надеялся Сид. Он гадал, как сыграть последней козырной, а Элизабет подсказала ход. Если клонет, Черил, может, вывернется. Улыбка растаяла. Может...

А он сам?

4

Не видя ничего вокруг, Элизабет сидела у бассейна и анализировала чудовищность возможного предательства Минны. Затем направилась к особняку.

День оправдал утренние надежды. Золотисто-теплое солнышко, соцветия петуний, герани и азалий, встрепенувшиеся после недавней поливки, тянулись к теплу, яркие венчики нарядно раскрыты.

В приемной Элизабет увидела временную регистраторшу, симпатичную молодую женщину лет 30. Барон с баронессой уехали в больницу, поддержать, чем смогут, мужа м-сс Михан.

— Они так из-за нее расстраиваются. — Приемщицу, казалось, глубоко трогала их забота.

Когда умерла Лейла, они расстраивались так же, подумала Элизабет. Она черкнула записочку Хелмуту и запечатала ее.

— Пожалуйста, передайте барону, как только он вернется.

Кинула взгляд на ксерокс. Самми включила его, перед тем как отправиться в Римскую баню. Может, действительно у нее помутилось сознание, все перемешалось в мозгах, и она оставила письмо в машине. Утром Мин всегда приходит спозаранку. Увидела анонимку и уничтожила.

Устало Элизабет побрела обратно к себе. Ей никогда не узнать, кто отправлял анонимки. Никто ни за что не признается. Зачем она задерживается в Спа? Все кончено. И что ей теперь делать со своей жизнью? В письме Тед советовал ей начать новую счастливую главу. Но где? Как?

Голова у нее болела — тупая, настойчивая пульсация. Она спохватилась, что снова пропустила ленч. Позвонит насчет Алвиры Михан и начнет собираться. Забавно, когда в мире нет места, куда ты можешь поехать, и нет человека, которого тебе хочется видеть. Она вытащила из кладовки чемодан. И внезапно замерла.

У нее ведь еще осталась Алвирина брошка-солнышко. В кармане брюк. Вытащив брошку, Элизабет удивилась ее тяжести. В драгоценностях Элизабет не эксперт, но безделушка явно не из дешевеньких. Повернув брошку, она стала разглядывать обратную сторону. Застежки нет. Какое-то скрытое крепление. Элизабет снова повернула украшение, всмотрелась в «солнышко». Посередине крохотное отверстие... микрофон!

Открытие ее ошеломило. Она вспомнила Алвирину привычку тереть брошку — значит направляла микрофон в сторону говоривших. Сумочка с дорогим магнитофоном, кассеты... Элизабет решила, что надо забрать их, пока не забрал кто-нибудь другой.

Она позвонила Вики.

Пятнадцать минут спустя Элизабет уже сидела у себя, кассеты и магнитофон из сумки Алвиры были разложены перед ней. Вики пугливо причитала: «Надеюсь, никто не заметил, как мы входили туда».

— Я все передам шерифу Алшорну, — заверила ее Элизабет. — Просто хочу перенести в безопасное место. Как бы не исчезли, если м-сс Михан расскажет про них.

Элизабет согласилась на чай и сэндвичи. Когда Вики вернулась с подносом, Элизабет сидела с наушниками на голове, с ручкой и блокнотом наготове и слушала записи.

5

Мужа м-сс Михан разыскали лишь поздно ночью, в час по нью-йоркскому времени, и тот на частном самолете прилетел в семь утра в больницу. Скотт уже разговаривал с ним.

Смертельно бледная, с трудом дышавшая Алвира казалась Скотту неправдоподобной. Таким, как Алвира, не положено болеть. Плотный мужчина, сидевший к нему спиной, словно и не заметил его прихода. Наклонившись, он что-то нашептывал больной.

— Мистер Михан, — тронул его за плечо Скотт. — Я Скотт Алшорн, шериф округа Монтерей. Сожалею насчет вашей жены...

Вилли Михан мотнул головой в сторону врачебного кабинета.

— Знаю, что они там думают про нее. Но уверяю, м-р Алшорн, все образуется. Сейчас говорил ей — пусть только попробует отколотить со мной эдакую штуку — помереть, весь выигрыш тогда растрянжирю с блондинкой. Уж такого она не допустит... Правда, милочка? — из глаз его полились слезы.

— М-р Михан, мне нужно поговорить с вами.

Алвира слышала, как говорил с ней Вилли. Но ответить не могла. Никогда раньше не чувствовала она себя такой слабой. До того устала, просто не в силах рукой шевельнуть.

Но она должна кое-что сказать ему. Теперь ей стало понятно, что случилось в кабинете. Она должна заставить себя говорить. Она попробовала пошевелить губами, но ничего не получилось. Попыталась согнуть палец, поманить его... Но рука Вилли накрыла ее ладонь. Она никак не могла набраться сил дать ему понять — ей нужно что-то сказать...

Беседа у дверей интенсивной терапии ничего не раскрыла. Алвира всегда была здорова «как лошадь». Никогда не болела. Не принимала никаких лекарств. Скотт даже и спрашивать не стал, не употребляет ли она случайно наркотики. Такого просто не могло быть, и он не стал оскорблять расстроенного человека.

— Она так мечтала об этой поездке, — заключил Вилли, берясь за ручку кабинета. — Даже подрядилась репортажи для «Глоб» писать. Вы бы посмотрели, как она разволновалась, когда редактор показал ей, как записывать беседы людей...

— Репортажи! — изумился Скотт. — Записывала беседы?

Но тут выскочила медсестра.

— М-р Михан! Скорее! Она опять пытается что-то сказать! Послушайте ее!

Скотт вбежал следом. Алвира мучилась, стараясь выговорить что-то.

— Гол... Го...

— Я тут, родная! — Вилли схватил ее за руку. — Я тут!

Нет, слишком сильное напряжение. Она так устала. Ужасно хочется спать. Если б она могла выговорить хоть слово... предупредить их. С невероятным усилием Алвира наконец выговорила это слово:

— Голоса!..

Послеполуденные тени сгущались. Не замечая времени, Элизабет слушала Алвирины записи. Иногда останавливалась и прокручивала кусок ленты назад. Блокнот был исчеркан пометками.

Вопросы, казавшиеся такими бестактными, на самом деле задавались весьма умно. Элизабет вспомнила, как она сидела за столом с графиней, жалея, что не слышит разговоров за столом Мины. Теперь – пожалуйста. Некоторые голоса приглушены, но слышны достаточно четко – заметны пережимы, увертки, попытки сменить тему.

Элизабет принялась систематизировать свои записки, отводя каждому собеседнику отдельную страничку. Внизу каждой она написала всплывшие вопросы. После третьей пленки ей показалось, что перед ней не просто клубок путанных бессмысленных реплик.

Элизабет как раз собиралась вставить последнюю кассету из Алвириной брошки, когда зазвонил телефон. Хелмут.

– Ты оставила мне записочку...

– Да, Хелмут. Зачем ты шел к Лейле в тот вечер? Когда она погибла?

– Элизабет, не стоит об этом по телефону. Можно зайти к тебе сейчас?

Элизабет спрятала магнитофон и кассеты. Она не собиралась посвящать Хелмута в свое открытие.

Первый раз военная выправка покинула Хелмута. Он сидел напротив нее, ссутулив плечи. Тихо, но торопливо рассказывал ей то же, что и Минне. Автор пьесы – он, и он шел умолять Лейлу не бросать спектакль.

– Ты снял деньги со швейцарского счета Минны?

Он кивнул.

– Минна тоже догадалась.

– А может, всегда знала? Или посылала анонимки специально, чтобы выбить Лейлу из колеи? Провалить спектакль? Мин лучше всех понимала эмоциональное состояние Лейлы.

– Как хитроумно! – глаза барона округлились. – Да, очень в духе Минны. Так, может она давно знает, что денег не осталось? И просто наказывала меня?

Элизабет не скрывала своего отвращения. Подойдя к столу, она взяла чистый блокнот.

– Ты слышал, как Тед боролся с Лейлой?

– Да.

– А где ты был? Как вошел? Долго ли простоял у двери? И что именно ты слышал?

Элизабет сосредоточилась только на записывании слов. Механическом. Хелмут слышал, как Лейла умоляла не убивать ее. И даже не попытался помочь ей.

Когда барон закончил, на гладком лице у него блестела испарина. Элизабет хотелось, чтобы он поскорее ушел, но не утерпев, она спросила:

— Предположим, вместо того чтобы удирать, ты вошел бы в квартиру? Может, Лейла осталась бы жива. Теде не надо было признаваться в убийстве, пытаясь смягчить наказание... Если б ты тревожился не только за себя...

— Нет, Элизабет! Ничему я не помог бы. Все случилось в считанные секунды. Но разве ты не слышала? Признания в убийстве не принимают. Сегодня уже напечатано во всех газетах. Второй очевидец видел, как Тед поднял Лейлу над перилами и держал ее какое-то время, прежде чем сбросить. Окружной прокурор намерен добиваться для Теда пожизненного заключения.

Элизабет отчаянно захотелось остаться одной, но она заставила себя задать барону последний вопрос:

— А Сид ты не встречал в тот вечер?

— Нет! А Сид тоже был там?

Все кончено, твердила себе Элизабет. Она позвонила Скотту Алшорну. Шерифа на месте не оказалось. Может, они чем-то могут помочь ей? Нет. Она попросила передать, чтобы тот перезвонил ей. Отдаст ему магнитофон и микрофон Алвиры Михан и со следующим же рейсом улетит в Нью-Йорк. Немудрено, что всех так раздражали бесконечные вопросы Алвиры. Почти у всех было, что скрывать.

Брошка-солнышко. Элизабет уже прятала ее в сумку, когда вдруг спохватилась, что последнюю кассету так и не прослушала. Ей вспомнилось, что брошка была на Алвире и в кабинете «С». С трудом Элизабет извлекла кассету из крошечного углубления. Если Алвира так тревожилась из-за коллагеновых уколов, может, оставила микрофон включенным на время процедуры?

Действительно, оставила. Элизабет прибавила громкость, приложила магнитофон к уху. Начинаясь кассета разговором Алвиры в кабинете с медсестрой. Медсестра говорит ей о валиуме, щелчок двери. Ровное дыхание Алвиры, снова щелчок двери... Немного глуховатый, тихий голос барона уговаривает Алвиру не волноваться, он приступает к уколам; щелчок двери, прерывистое дыхание Алвиры, ее попытки позвать на помощь, она задыхается, снова щелчок двери, и бодрый голос медсестры: «Ну вот и мы, м-сс Михан! Готовы к процедуре красоты?». И тут же растерянная медсестра кричит: «М-сс Михан! Что такое?! Доктор...»

Пауза, и голос Хелмута, гаркающего приказы: «Расстегните халат! Кислород!» Глухие удары, видимо, массирует ей грудь, приказывает принести внутривенное. И вошла я, подумала Элизабет. Он пытался убить ее. Постоянное повторение фразы о «бабочке, парящей на облаке». Ее громкие попытки вспомнить, где она слышала ее раньше, то, что называла его сочинителем... Возможно, Хелмут воспринимал это, как игру в кошки-мышки? Еще надеялся, что как-то удастся скрыть от Мин правду о пьесе, о том, что швейцарского счета больше нет?

Снова и снова прослушивала Элизабет последнюю ленту. Что там есть, чего она никак не может уловить. Но что? Что ускользает от нее?

Сама не зная, чего ищет, она перечитала заметки, которые набрала, пока Хелмут описывал смерть Лейлы. Глаза ее то и дело утыкались в одно предложение. Но это же ошибка!

Если только не...

Словно измученный альпинист в нескольких шагах от покрытой льдом вершины, она снова кинулась к записям, сделанным с лент Алвиры.

И обнаружила ключ.

Который всегда был рядом, поджидая ее. А он догадался, как близко подобралась к правде Элизабет?

Да.

Она вздрогнула, припомнив его вопросы, казавшиеся такими невинными; собственные взволнованные ответы, таившие для него угрозу.

Рука метнулась к телефону. Она позвонит Скотту. И тут же отдернула пальцы от диска. Что она ему скажет? Доказательств нет никаких. И никогда не будет.

Разве только она сумеет спровоцировать его на активные действия...

7

Больше часа просидел Скотт у постели Алвиры, надеясь, что она скажет что-нибудь еще. Потом тронул Вилли за плечо:

— Я скоро.

Он видел Уитли в кабинете медсестер и направился туда.

— Хочешь сообщить мне что-то, Джон?

— Нет. — Доктор сидел рассерженный и озадаченный. — Не нравится мне иметь дело с непонятным. Сахар у нее в крови был так низок, что, подозреваю, ей вкололи инсулин. Под капелькой крови оказался явный след от укола. Если фон Шрайбер заявляет, что укола не делал, дело тут нечисто.

— Какие у нее шансы?

— Трудно сказать. Слишком рано судить, пострадал ли мозг. Если у нее хватит силы воли очнуться, может быть, муж выходит ее. Пока что он ведет себя правильно. Рассказывает, как долетел на частном самолете, как они будут обставлять дом. Если она слышит, у нее появится стимул выздороветь.

Кабинет Джона выходил в сад. Скотт подошел к окну, ему хотелось ненадолго остаться одному, обдумать все.

— Мы не можем доказать, что м-сс Михан стала жертвой покушения. И не можем доказать, что мисс Самуэлс — жертва убийства.

— Да, оснований мало.

— А это означает, если даже мы сумеем вычислить, кому мешали эти две женщины, кому достало наглости покушаться на убийство в Спа, нам все равно ничего не доказать.

— Это уже скорее по твоей части, но я согласен.

Напоследок Скотт спросил:

— М-сс Михан все время старается что-то сказать. У нее получается одно слово «голоса». Человек в ее состоянии способен говорить осмысленно?

— По-моему, она еще в глубокой коме, — пожал плечами Уитли. — Уверенно сказать, что она в сознании, нельзя.

Скотт побеседовал и с Вилли в коридоре. Алвира планировала написать серию очерков для «Нью-Йорк Глоб». Редактор велел ей раздобыть как можно больше информации о знаменитостях — объяснение дорогому магнитофону в ее сумочке. Скотту припомнился град вопросов в тот вечер за обедом. Он терялся в догадках, что могла нечаянно узнать Алвира? Во всяком случае, мотив покушения на нее проглядывается явно — если покушение было.

На пять часов у него назначена встреча с мэром в Кармеле. По радио в машине он узнал, что ему дважды звонила Элизабет. Второй звонок — срочный.

Опять придется отложить встречу с мэром; чутье подсказывало — надо торопиться в Спа.

В окно Скотт увидел: Элизабет звонит по телефону. Дождавшись, пока она положила трубку, он постучал. Тени от послеполуденного солнца ложились на лицо Элизабет, подчеркивая высокие скулы, широкий чувственный рот и блестящие глаза. Будь я скульптором, я бы попросил ее позировать мне. Внешность не просто красивая — утонченная. Скоро она превзойдет Лейлу, подумал Скотт.

Элизабет передала ему пленки. Показала блокнот со своими пометками.

— Пожалуйста, Скотт, — попросила она, — прослушай записи очень внимательно. Вот эта потрясет тебя, — она показала на кассету, которую вынула из брошки-солнышка. — Прокрути несколько раз. Любопытно, удивишь ли ты то, что услышала я. — Подбородок ее решительно вскинулся, глаза загорелись.

— Элизабет, что ты задумала?

— Я должна кое-что сделать.

Скотт сообщил ей, что Алвире удалось выговорить одно слово.

— «Голоса». Ты понимаешь что-нибудь?

— Не сомневайся! — мрачно улыбнулась Элизабет.

8

Домой Скотт ехал, опустив окна, наслаждаясь прохладным океанским ветром. Было приятно, но он не мог отделаться от предчувствия страха. Элизабет что-то задумала, что-то опасное.

Дома он принял душ, переделался в старые брюки и свитер. Потом сварил себе кофе и положил на гриль гамбургер. Сядь за еду, он включил первую ленту Алвиры.

Слушать Скотт начал в четверть пятого, а в шесть его блокнот испещряли пометки. В четверть седьмого он прослушал ленту, запечатлевшую покушение на Алвиру. «Сукин сын этот Шрайбер, — пробормотал Скотт. — Все-таки вколол ей

что-то. Но — что? Может, начал коллагеновые инъекции и сразу заметил, что с ней неладно? Ушел, и тут же вернулся с медсестрой?».

Скотт покрутил кассету еще и еще раз. И наконец уловил, чего добивалась Элизабет. Некая странность голоса барона, когда тот разговаривал с Алвирой Михан в первый раз. Глуховатость, гортанность... да, голос отличается от его голоса пару минут спустя, когда Хелмут кричал приказания медсестре.

Позвонив в больницу, Скотт попросил доктора Уитли.

— Как по-твоему, укол Алвире был сделан профессионалом?

— Случалось мне видеть уколы весьма небрежные, сделанные хирургами высшего класса. А если доктор делал укол с целью нанести вред м-сс Михан, возможно, он нервничал.

— Спасибо, Джон.

— Пожалуйста.

Скотт подогревал кофе, когда позвонили в дверь. На пороге стоял Тед Уинтерс.

Помятая одежда, грязное лицо. Спутанные волосы, на руках и ногах краснеют свежие царапины. Тед неуверенно шагнул в комнату и упал бы, не поддержи его Скотт.

— Скотт, ты должен мне помочь! Кто-то должен! Тут ловушка! Клянусь, Скотт! Я старался, но не сумел. Не смог заставить себя!

— Легче... легче... — Скотт обнял Теда и довел до кушетки. — Того гляди, отключишься... — Он щедро плеснул в бокал бренди. — На, выпей!

После нескольких глотков рука Теда пробежала по лицу, словно пытаясь стереть с него панику. Попытка улыбнуться не удалась. Тед ссутулился от усталости. Выглядел он сейчас совсем юным, незащищенным и непохожим на расторопного делового президента корпорации. Двадцати пяти лет как не бывало. Скотту казалось, что он видит перед собой девятилетнего мальчугана, бегавшего с ним когда-то на рыбалку.

— Ел сегодня?

— Не помню.

— Тогда глотни бренди. Не торопись. Приготовлю тебе пока кофе и сэндвич.

Он подождал, пока Тед управится с сэндвичем.

— Вот так. А теперь рассказывай.

— Скотт! Я никак не врубуюсь в происходящее. Знаю только одно: я не мог убить Лейлу таким образом, как мне пытаются внушить. Сколько бы свидетелей не выползло из темноты! Что-то тут не так! Ты помнишь, как дико мама боялась высоты?

— И у нее были на то причины. Твой мерзавец папаша...

— Он не терпел ее страхов, — перебил его Тед, — потому что видел — у меня развивается та же фобия. Однажды, когда мне было лет восемь, он заставил ее выйти на балкон пентхауса и смотреть вниз. Она расплакалась. Крикнула: «Пойдем, Теди», и мы направились обратно в комнату. Так этот сукин сын схватил ее, поднял над перилами и держал на высоте 38-го

этажа. Она плакала. Вырывалась. Я цеплялся за него, бил. Но он отпустил ее только тогда, когда бедная потеряла сознание. Попросту бросил ее на пол и пригрозил мне: «Если увижу, что ты трусишь, и тебе того же не миновать!». Новый свидетель утверждает – я проделал такое с Лейлой. Сегодня я пробовал спуститься со скалы в Пойнт Сер. Я не смог! Просто не сумел заставить себя подойти к обрыву. Ноги не слушались.

– Под влиянием стресса люди способны на многое.

– Нет и нет! Если б я убил Лейлу, то как-то по-другому. Я уверен. Заявлять, будто я – хоть пьяный, хоть трезвый – мог держать ее над перилами... Сид клянется, что я сказал ему – Лейлу с балкона сбросил мой отец. Может, он и раньше знал про этот случай с отцом? Может, врут все? Скотт, мне необходимо вспомнить, что происходило со мной в тот вечер...

Он прав, решил Скотт. Надежда для него осталась одна – вернуться в тот вечер.

– Как лучше – гипноз или пентотал натрия?

– Хоть то, хоть другое... пусть даже вместе. Лишь бы...

Скотт снова позвонил в больницу Джону Уитли.

– Ты что, Джон, никогда домой не уходишь? – удивился он.

– Иногда случается. Вообще-то как раз сейчас иду...

– Боюсь, Джон, нет. У нас еще неотложный случай.

9

Крэг с Бартлеттом шагали к особняку. Они специально пропустили «коктейли», сейчас последние гости разбредались с веранды под приглушенный звон гонга, возвещающий об обеде. Под прохладным ветром с океана паутина лишайников, свисающая с гигантских сосен на северной стороне курорта, торжественно раскачивалась, подсвечиваемая цветными фонарями.

– Мне это не нравится! – заметил Бартлетт. – Что-то Элизабет Ланж задумала, если напрашивается за наш столик. Могу тебя заверить, окружному прокурору не понравилось бы, что его свидетель-звезда делит хлеб с врагом!

– Бывшая звезда, – напомнил Крэг.

– Отнюдь. Росс – психопатка, а новый свидетель – мелкий грабитель. Я очень надеюсь на перекрестный допрос, когда они встанут на свидетельское место.

Крэг, остановившись, схватил его за руку.

– Значит, ты все-таки считаешь, что у Теда есть шанс?

– Черт, какое там! Он виновен однозначно. А самому себе помочь не сумеет, лжец из него никудышный.

Иисус, подумал Бартлетт, буду радешенек, когда избавлюсь, наконец, от этого дела. Виновный клиент, который соврать толком не умеет, а его первый заместитель – мнительный малый, который никак не может избавиться от комплекса неполноценности.

За столом уже сидели Мин с бароном, Сид с Черил и Элизабет. Элизабет одна пребывала в спокойном настроении. И скорее она, а не Мин, взяла на себя роль хозяйки. Свободными ос-

тавались места по обе стороны от нее. Когда она увидела приближающихся Крэга с Бартлеттом, то приветливо протянула руки.

— Садитесь! Я берегла места специально для вас.

Весь обед Элизабет вела беседу. Вспоминала времена, когда они прикатывали в Спа всей компанией.

За десертом Бартлетт не вытерпел:

— Мисс Ланж, у меня впечатление, что вы играете в какую-то игру, а я не любитель игр, правил которых не знаю.

Элизабет как раз подносила ко рту ложку, полную малины.

— Вы совершенно правы, — проглотив ягоды, ответила она. — Посидеть мне захотелось с вами по особой причине. Хочу заявить всем — я больше не верю, что мою сестру убил Тед Уинтерс.

Все остолбенело уставились на девушку.

— Рассудите сами — кто-то специально травил Лейлу, посылая ей анонимки. По-моему, это писала ты, — указала она на Мин, — или ты, Черил.

— Вот тут ты здорово ошибаешься! — негодуя возразила Мин.

— Интересно! Я же сама просила тебя отправить новые анонимки на исследование! — прошипела Черил.

— И непременно пошлю! — пообещала Элизабет. — М-р Бартлетт, а Тед говорил вам, что в тот роковой вечер и Сид, и барон находились рядом с квартирой моей сестры? — Она словно упивалась его изумлением. — Да, есть и еще немало таинственного в обстоятельствах убийства. И одному, а может, и двоим из вашей компании прекрасно это известно. Видите ли, возможен иной сценарий событий. Сид и Хелмут вложили деньги в спектакль Лейлы. Сид знал, кто автор пьесы. Оба отправились к Лейле умолять ее переменить решение. Что-то у них пошло наперекосяк, в результате чего Лейла погибла. Это сочли бы за несчастный случай, если бы не соседка, которая под присягой показала: она видела, как Лейла вырывалась от Теда. А тут мое свидетельство — Тед вернулся в квартиру. Капкан захлопнулся — Тед в ловушке!

Рядом замаячил официант. Мин жестом руки отослала его. Бартлетт заметил, что сидящие за соседними столиками поглядывают на них, ощутив возникшую напряженность.

— Но Тед не помнит, чтобы возвращался к Лейле, — продолжала Элизабет. — Однако предположим — он все-таки вернулся, но тотчас и ушел. Предположим, что с Лейлой боролся кто-то из вас. Шел дождь. Салли Росс увидела, что Лейла с кем-то борется, и автоматически заключила — с Тедом. А вы двое допустили, чтобы вину спихнули на Теда, и состряпали истории, которые ему и выложили. Такое вероятно?

— Минна, девчонка спятила, — залепетал барон. — Минна, ты должна знать...

— Я категорически отрицаю, что заходил в квартиру! — выкрикнул Сид.

— Но ты же сам говорил, что бежал за Тедом. А — откуда? Из квартиры Лейлы? Потому что Тед видел, как ты столкнул Лейлу с балкона? Тебе крупно повезло, что из-за шока ему отшибло

память! Барон заявляет, что слышал, как ссорились Тед и Лейла. Но я тоже слышала! Я была на телефоне. И я не слышала того, что будто бы слышал он!

Опершись локтями о стол, Элизабет испытующе оглядывала разозленные лица сидящих.

— Очень благодарен вам за информацию, — бросил Бартлетт. — Но вы упускаете из виду, что появился новый свидетель.

— И так кстати! Но оказывается, не очень смысленый! Я говорила сегодня с окружным прокурором — парень в тот вечер, когда залез в квартиру, и увидел, как Тед убивает Лейлу, сидел в тюрьме. — Элизабет поднялась. — Крэг, ты проводишь меня? Надо паковать вещи, а я хочу поплавать. Неизвестно, когда еще выберусь сюда... если выберусь вообще.

Снаружи стояла непроглядная темень. И луну, и звезды затушило туманом, японские фонарики на ветвях расплывались цветными пятнами.

— Эффектный дала спектакль! — Крэг обнял ее за плечи.

— Вот именно. Спектакль. Я ничего не могу доказать. Если будут стоять друг за друга, доказательств — ни на йоту.

— А новые анонимки? Нашлись?

— Нет. Я блефовала.

— Итак, новый свидетель — фальшивка?

— Да нет, тоже блеф. В тюрьме он действительно сидел, но в 8 вечера его выпустили под залог. А Лейла, как помнишь, погибла в 9.31. — У дверей бунгало она прильнула к Крэгу. — О, Крэг! Все это чистое безумие! Я копаю, копаю, стараюсь добраться до правды, как старатель до золотой жилы. Беда в том, что я упустила время. Пора уж взрывать. Но, может, хотя бы посеяла зернышко тревоги и преступник — они или она — допустит промах?

Крэг погладил ее волосы.

— Ты завтра улетаешь?

— Да. А ты?

— Тед еще не появился. Вдруг у него нервный срыв? Что удивительно. Хотя совсем на него непохоже... Дождемся его. Но когда все закончится, Элизабет, когда придешь в себя, обещаешь, что позвонишь мне!

— И что услышу? Автоответчик с твоим японским говорком? Ах да, я и забыла! Ты же говорил, что сменил запись. А почему, Крэг? Это было забавно. И Лейла всегда смеялась.

Он как будто смутился. Ответа Элизабет дожидаться не стала.

— Раньше тут всегда было так весело! — вздохнула она. — Помнишь, как Лейла пригласила тебя сюда в первый раз? До Теда?

— Еще бы!

— А как ты познакомился с Лейлой? Я забыла.

— Она жила в отеле Беверли-Хиллз. Я послал ей в номер цветы. Лейла позвонила поблагодарить меня, и мы отправились вместе выпить. Она как раз собиралась сюда... пригласила и меня тоже...

— А потом встретила Теда... — Элизабет поцеловала его в щеку. — Помолись, чтобы сбылось задуманное мной на сегодня. Если Тед невиновен, я не меньше твоего хочу, чтобы он вышел из зала суда свободным.

— Знаю. Ты влюблена в него, правда?

— С того самого дня, как ты познакомил меня и Лейлу с ним.

В бунгало Элизабет переделалась в купальник и халат. Присев за стол, написала длинное письмо и адресовала его Скотту Алшорну. Потом вызвала звонком горничную. Девушка была новенькая. Прежде Элизабет не видела ее, но все-таки рискнула. Вложила надписанный конверт еще в один и набросала коротенькую записочку.

— Передайте утром Вики, — попросила Элизабет. — Но больше — никому! Понимаете?

— Конечно, — та даже слегка обиделась.

— Спасибо. — Элизабет смотрела вслед девушке, думая, что бы она сказала, прочитай записку к Вики:

«В случае моей смерти прошу передать письмо шерифу Алшорну, срочно».

В восемь часов Тед вошел в отдельную палату больницы Монтерей. Доктор Уитли познакомил его с психиатром, тот ждал, приготовив пентонал натрия. Видеокамера была уже установлена. Скотт с помощником станут свидетелями заявления, сделанного под воздействием пентонала натрия.

— Я все-таки считаю, что надо пригласить и твоего адвоката, — засмеялся Скотт.

Тед мрачно взглянул на него.

— Бартлетт как раз и отговаривал меня от теста. Хватит тратить время на разговоры. Пусть, наконец, выяснится правда. — И сбросив туфли, Тед лег на кушетку.

Через несколько минут, когда началось действие инъекции, он стал отвечать на вопросы о последнем роковом часе, который провел с Лейлой.

— Она обвиняла меня, будто я ей изменяю. Показывала снимки, где я с другими женщинами. Но я был всегда в компаниях. Я старался убедить ее, что такая уж у меня работа. Строительство отелей. Я никогда не оставался ни с одной из них наедине. Старался вразумить ее. Она пила весь день. Я — тоже. Меня уже тошнило. Я предупредил ее, она должна доверять мне, я не в состоянии выносить такие сцены бесконечно. Лейла вспыхнула — она знает, я стараюсь отделаться от нее! Лейла, Лейла... Она обезумела. Я пытался успокоить ее. Она расцарапала мне руки. Зазвонил телефон. Элизабет. Лейла все кричала на меня. Я выскочил. Спустился к себе. Посмотрел в зеркало. Кровь на щеках, на руках. Попытался дозвониться Крэгу. Так дальше нельзя. Я давно понимал это. Но надеялся, может, Лейла как-то справится с собой. Лучше оставаться с ней рядом, пока не завоюю Элизабет. Господи, как я пьян. Лифт. Квартира Лейлы. Дверь открыта. Лейла визжит...

– Что она кричала, Тед? – напряженно подался к нему Скотт.
– Не надо! Не надо! – Теда трясло, выражение лица ошарашенное.

– Тед, что ты видишь? Что происходит?

– Распахнул дверь настежь. В комнате темно. Балкон. Лейла. Держит ее. Держит! Помочь ей! Христос, он поднял ее! Не сбрасывай ее с балкона! Не сбрасывай маму!

Тед зарыдал – гулко, прерывисто. Тело у него конвульсивно дергалось.

– Тед, кто сбросил ее?

– Руки. Видел только руки. Она полетела вниз! Мой отец... – Тед стал запинаться. – Лейла... мертва... Папа сбросил... ее... Убил!

Психиатр взглянул на Скотта.

– Больше нам не услышать ничего. Или это все, что он знает, или еще не в силах заставить себя взглянуть в лицо всей правды.

– Чего я и опасался. Когда он выйдет из этого состояния?

– Довольно скоро. Сейчас ему надо отдохнуть.

Поднялся и Джон Уитли.

– Забегу еще к Алвире Михан. На минутку.

– Я с тобой. – Оператора Скотт попросил: – Забросьте видеозапись ко мне в офис. – Затем повернулся к помощнику: – Оставайся тут. Постереги м-ра Уинтерса.

Старшая медсестра в интенсивной терапии была заметно возбуждена.

– А мы собирались послать за вами, доктор. М-сс Михан как будто выходит из комы!

– Она опять сказала – «Голоса». – Лицо Вилли оживилось надеждой. – Так, знаете, разборчиво. Не пойму, про что она. Но что-то старается объяснить...

– Значит, жизнь ее вне опасности? – спросил Скотт врача.

Джон Уитли просмотрел схему, пощупал пульс Алвиры. Ответил тихо, чтобы не расслышал Вилли:

– Не наверняка. Но, конечно, признак хороший. Если знаешь молитвы, молись.

Глаза Алвиры приоткрылись. Она смотрела прямо перед собой и, когда взгляд сфокусировался, посмотрела на Скотта. По лицу у нее пробежала тревога.

– Голоса... – прошептала она. – Не было.

– М-сс Михан, – наклонился над ней Скотт, – я не понимаю.

Алвира почувствовала себя, как в доме старой м-сс Смит. М-сс Смит всегда требовала, чтобы она отодвигала пианино и вытирала за ним пыль. Сейчас она тоже будто пытается сдвинуть пианино. Ей хотелось сказать им, кто сделал укол, но имя никак не вспоминалось. Лицо она видела яснее ясного, но имя куда-то потерялось.

– Не доктор был... кто колол... не был голос его... еще кто-то... кто-то... – она прикрыла глаза и почувствовала, что ускользает в сон.

– Ей лучше! – возбужденно зашептал Вилли. – Она старается что-то сообщить.

Не доктор был... не был голос его... Какого черта она имеет в виду? — спрашивал себя Скотт.

Он бросился в палату, где оставил Теда, тот уже сидел в пластиковом кресле, сложив перед собой руки.

— Я открыл ту дверь, — глухо проговорил Тед. — Руки держали Лейлу над перилами. Я видел, как вздувается на ветру белый шелк... ее руки хватали воздух...

— Но кто держал ее? Видел?

— Все так быстро произошло. Кажется, я пытался крикнуть, а потом она исчезла, и тот скрылся. Пробежал, наверное, по лоджии.

— Какого он был роста?

— Не рассмотрел. Я будто видел отца, и он держал мою мать. Я видел лицо отца. — Тед обернулся на Скотта. — Я ничем себе не помог, да? Ни тебе, ни себе...

— Да, — без обиняков подтвердил Скотт. — Давай попробуем ассоциативное общение. Голоса... Говори первое, что приходит на ум.

— Идентификация.

— Продолжай.

— Уникальные. Личные.

— Продолжай.

— М-сс Михан вечно болтала на эту тему. У нее явно появилась идея брать уроки дикции, и она каждого вовлекала в разговор об акцентах и голосах.

Скотту вспомнился неровный шепот Алвиры: «Не доктор был... не был голос его...» Мысленно он вспоминал магнитофонные записи Алвиры. Уникальные. Личные. Идентификация...

Голос барона на последней кассете... Скотт обомлел.

— Тед, вспомни, что еще говорила м-сс Михан о голосах? Что-нибудь насчет того, что Крэг имитировал тебя?

Тед нахмурился.

— Она расспрашивала меня о случае, про который читала несколько лет назад в «Пипл». Про то, что студентом Крэг отвечал на мои телефонные звонки, и девушки не догадывались о разнице. Я ответил, да, было такое. В колледже Крэг вечно баловался такими выходками.

— А она упрашивала его продемонстрировать это ей, но он упорно отказывался. — Скотт поймал удивленный взгляд Теда и нетерпеливо покачал головой. — Неважно, откуда я знаю. Вот чего добивалась от меня Элизабет, чтобы я заметил на ленте.

— Не пойму, про что ты!

— М-сс Михан приставала к Крэгу, пусть он, дескать, изобразит твой голос. Разве ты не понимаешь? Ему не хотелось, чтобы кто-то вспомнил, что он — блестящий имитатор. Показания Элизабет против тебя целиком держатся на том, что она слышала твой голос. Элизабет подозревает Крэга, но стоит ей показать хоть краешек подозрений, и он бросится на нее... — Вдруг его как током подбросило, он схватил Теда за руку. — Скорее! Едем в Спа! — Выбежав, крикнул помощнику: — Позвони Элизабет Ланж в Сайприс Пойнт! Вели ей оставаться у себя и запереть дверь. Скорее, пошли туда еще машину!

И Скотт вылетел в вестибюль. Тед бежал по пятам. В машине Скотт включил сирену. Представляя лицо убийцы, он думал: ты опоздал. Даже если ты убьешь Элизабет, тебе это не поможет.

Машина неслась по шоссе между Салинасом и Пабл Бич. Скотт сыпал по радиации инструкциями. Постепенно до Теда стал доходить смысл происходящего. Проступили четко руки, державшие Лейлу над перилами, нарисовалось плечо; он понял, что Элизабет грозит опасность, и вдавливал ноги в пол машины, тщетно нажимая на воображаемый акселератор.

Она забавляется с ним? Играет? Определенно. Но, как и остальные, она его недооценивает. И наравне с другими заплатит за это.

Методично, хладнокровно, он разделся, отпер чемодан: маска лежала поверх резинового костюма и кислородного аппарата. Он усмехнулся, вспомнив, как в последний миг Самми увидела его глаза через маску, узнала. Когда он окликнул ее тедовым голосом, она кинулась к нему. Значит, все свидетельские показания против Теда не настроили ее против него. И Элизабет не убедили сокрушительные свидетельства, которые он так тщательно выстроил, и даже новый очевидец, которого он предоставил.

Резиновый костюм очень обременителен. Когда все будет кончено, он выкинет его. На всякий случай. Вдруг кто усомнится в естественной смерти Элизабет. Неразумно держать на виду это напоминание о том, что он — мастер подводного плавания. Милга Тед — до того глупый, до того невинный. «Я старался дозвониться до тебя, это я помню отчетливо». Таким образом, сам Тед и стал для него железным алиби. Но тут к нему прицепилась эта докучливая стерва Алвира Михан. «Дайте мне послушать, как вы говорите голосом Теда! Ну хоть разочек! Ну пожалуйста! Одно-разъединственное словечко!» Он готов был придушить ее прямо на месте, но пришлось выжидать до вчерашнего дня. Опередив ее, он спрятался в кладовке кабинета со шприцем наготове. Не повезло ей, так и не поняла, что он, наконец, демонстрирует ей образчик своего имитаторского искусства, разговаривая голосом барона.

Так, резиновый костюм надет. Он пристегнул на спину аппарат, отключил свет, переждал пару минут. До сих пор морозец пробирает, как вспомнить вчерашний вечер: он чуть не распахнул дверь, а за ней, оказывается, стоял Тед, явился обговорить все вопросы. «Я все больше убеждаюсь, что ты мой единственный друг!» — заявил он на прощание.

Он приоткрыл дверь. Никого. Туман все густеет; легко будет, прячась за деревьями, добежать до бассейна. Надо опередить Элизабет. Нырнет в воду, а когда она будет проплывать мимо, нападет. Сорвет свисток, чтобы не успела к губам поднести.

Он выскользнул, бесшумно пробежал дорожкой, избегая светлых пятен фонарей. Жалко, не разделся с ней еще в понедельник, но в купах у бассейна стоял Тед, наблюдая, как она плавает...

Вечно путь ему преграждает Тед. И все у него — деньги, красота, всегда вьются девочки. Он заставлял себя мириться с этим,

сделался для Теда полезным. Сначала в колледже, потом в фирме. Мальчик на побегушках, ревностный помощник. Долго бы ему пришлось пробиваться, не случись той авиакатастрофы. Тогда он сразу стал правой рукой Теда, а когда Тед потерял Кэти и Тедди, сумел прибрать к рукам управление компанией...

До той поры. Пока не появилась Лейла.

При воспоминании о Лейле у него зануло внутри. Как они занимались любовью! Но он привез ее сюда, и она познакомилась с Тедом. А его отшвырнула, выбросила, точно мусор, в корзину.

Он видел, как ее руки обвивают шею Теда, как прикикает к Теду изящное тело, и бесшумно уходил, не в силах выносить их вид, мечтая о мести, карауля случай.

И он подвернулся. Спектакль. Надо было доказать Теду, что вложение миллионов в спектакль – грубейший промах. Становилось ясно – Тед потихоньку отодвигает его в сторону. А заодно – это был шанс уничтожить Лейлу. Изощренное наслаждение посылать анонимки, наблюдать, как нервы у нее идут вразнос. Ему же она их и показывала, жаловалась. Он советовал сжечь письма, прятать, чтобы ненароком не увидели Тед или Элизабет. «Тед от твоей ревности уже тошнит, а если проговоришься Элизабет, что у тебя депрессия, она бросит гастрольный спектакль и останется с тобой. А это погубит ее карьеру».

Благодарная за советы и утешения Лейла соглашалась. «Но скажи откровенно, Бульдог, – настаивала она, – у него есть другая?». Слишком бурные, слишком многословные протесты оказывали требуемый эффект. Лейла поверила анонимкам.

Насчет двух последних он не тревожился. Был уверен, нераспечатанные письма попросту выбросят. Но ладно, все-таки обошлось. Одно сожгла Черил, а второе он забрал у Самми.

Наконец-то он станет президентом и председателем «Уинтерс Энтерпрайзиз».

Вот и бассейн.

Скользнув в темную воду, он поплыл к мелкому краю. Элизабет ныряет всегда на глубину. В тот вечер у «Элайны» он понял – момент убить Лейлу наступил. Все решат, что это самоубийство. Прокравшись через гостевую спальню этажом выше, он слушал их ссору, слышал, как кричал Тед, и тут его осенила идея симулировать голос Теда: пусть Элизабет думает, будто с Лейлой перед ее гибелью был Тед.

Шаги на дорожке. Элизабет приближается. Скоро он обеспечит себе полную безопасность. Долго после смерти Лейлы он считал, что проиграл. Тед вовсе не расклеился, а влюбился в Элизабет. Смерть сочли несчастным случаем. Но тут подвалила неслыханная удача: вылезла эта психопатка и объявила – она видела, как Тед боролся с Лейлой. И Элизабет превратилась в свидетеля номер один.

Все было предначертано судьбой. А теперь важными свидетелями против Теда стали еще барон и Сид. Барон не сможет отрицать, что слышал, как Тед боролся с Лейлой. Сид же встретил Теда на улице. А Тед... сцену борьбы на балконе он, скорее всего, видел, но был пьян и увиденное сменил эпизодом из детства...

Шаги все ближе. Он залег на дно бассейна. Такая уверенная в себе, такая умная... рассчитывает, что он придет сюда, хочет, чтоб он напал на нее, надеясь, что в воде перегонит его, засвистит в свисток, позовет на помощь... Нет, такой возможности он ей не оставит!

Сбросив халат у бортика бассейна, Элизабет внимательно всмотрелась в воду и тронула свисток на шею. Ей только и потребуется, что приложить его к губам.

Элизабет нырнула. До чего вязкая сегодня вода. А может, кажется, потому что она боится? В воде я удеру от кого угодно, успокаивала она себя. Деваться некуда, приходится рисковать. Это – единственный способ. Проглотил ли он наживку?

Голоса. Эту тему Алвира разрабатывала без устали. Упорство, чуть не стоившее ей жизни. Это она и пытается сказать сейчас. Она поняла – голос был не Хелмута.

Доплыв до северного края бассейна, Элизабет перевернулась и на спине поплыла обратно. Голоса. Ей опознание голоса Теда послужило неопровержимым доказательством, что он находился в комнате Лейлы за несколько минут до ее смерти.

Крэг заявлял, что в тот вечер сидел дома, смотрел телешоу, когда до него дозванивался Тед. И никто не усомнился в правдивости заявления. Тед сам обеспечил ему алиби.

Голоса.

Крэгу выгодно, чтобы Теда упекли в тюрьму. Ему Тед намерен передать управление «Уинтерс Энтерпрайсиз».

Когда она упомянула о смене записи на автоответчике, достаточно ли испугался Крэг? Бросится ли в открытую атаку?

Элизабет перешла на фристайл. Вдруг снизу ее обхватило, как стальным обручем, прижало руки к бокам. Испуганно охнув, она глотнула воды. Задыхаясь, Элизабет чувствовала – ее тянут на дно. Она стала лягаться пятками, но ноги соскальзывали с тугого резинового костюма нападавшего. Отчаянным усилием девушка всадила в ребра нападавшему локоть. На секунду хватка ослабела, и она стала вырываться на поверхность. Но не успела толком глотнуть воздуха и нашарить свисток, как ее снова обхватили в зажим и утанули в темную глубину.

Они уже приехали в Спа. Скотт тормознул перед бунгало Элизабет. Тед забарабанил в дверь. Выскочила горничная.

– Где Элизабет?

– Не знаю, – неуверенно ответила девушка. – Она дала мне письмо. Но не говорила, что куда-то собирается.

– Где письмо?

– Но...

– Дайте!

Скотт прочитал записку к Вики, распечатал адресованный ему конверт и стал читать.

– Где она? – нетерпеливо повторил Тед.

– О, Господи! Эта сумасшедшая девчонка... Бассейн! – крикнул Скотт.

Машина сминала кусты и клумбы, мчась к Олимпийскому. В бунгало начали вспыхивать окна.

Вот, наконец, и патио. Машина замерла у бортика бассейна. Скотт, врубив на полную мощность фары, направил их на воду.

— Никого! — Сердце его сжалось от страха. Неужели опоздали?

Тед указал на пузыри на поверхности воды.

— Она там! — И сбросив туфли, нырнул. Коснувшись дна, вынырнул. — Зови помощь! — Он нырял снова и снова.

Скотт нашарил в «бардачке» фонарь, схватил его и увидел фигуру в наряде подводного пловца: она карабкалась по лесенке из бассейна. Выхватив пистолет, он бросился туда.

Быстрым, яростным движением пловец метнулся навстречу и саданул его головой в живот. Пистолет выпал из рук Скотта, он упал навзничь.

На поверхности снова показался Тед, держа в руках обмякшее тело Элизабет. Он поплыл к лесенке. Пока оглушенный Скотт поднимался, пловец бросился к Теду, увлекая и его, и Элизабет снова под воду.

Задыхаясь, лоя ртом воздух, Скотт шарил вокруг. Онемевшие пальцы наткнулись на пистолет. Подняв его, он сделал два выстрела в воздух. В ответ раздался вой стремительно приближавшейся сирены.

Тед отчаянно старался удержать одной рукой Элизабет, другой отбивался от нападавшего. Легкие у него разрывались, он еще не совсем очухался после пентанола натрия, сознание уплывало. Тщетно он старался ухватить тугой резиновый костюм. Рука бессильно била по защищенной массивной груди.

Кислородная маска. Нужно сорвать ее. Отпустив Элизабет, он со всей силой вытолкнул ее на поверхность и, уловив момент, схватился за маску. Но не успел стянуть — мощный толчок отшвырнул его.

Выплыв на поверхность, Элизабет увидела, как подъезжают машины, услышала крики. Она вдохнула воздух второй, наполнила легкие и снова нырнула вниз, где сражался за свою жизнь Тед. Она знала, где Крэг, дуга ее погружения проходила прямо над его головой. Он душил Теда. Она протянула обе руки вниз. Над водой сияли фары, она видела силуэт Крэга, отчаянную борьбу Теда. Сейчас — или никогда. И она ударила резким движением ног, одновременно запуская пальцы под маску Крэга. Он потянулся к ней, и она отпрянула от оглушительного удара, голова ее резко запрокинулась, но маску она не отпускала, все тянула и, наконец, сорвала с его лица. Элизабет держала маску в руках до тех пор, пока не почувствовала — Крэга оттаскивают от нее...

Тед передал Крэга полицейским, окружившим их в воде, и вместе с Элизабет поплыл к лестнице.

В Сайприс Пойнт Спа оставшиеся гости выполняли свой распорядок дня. Водные занятия проводились в Олимпийском, массажеры растирали мускулы и били по накопленным слоям жира, тела обкладывались травяными масками — дорогая машина красоты продолжала действовать.

Скотт попросил Минну, Хелмута, Сида, Черил, Элизабет и Теда встретиться с ним в одиннадцать. Они собрались в музыкальном салоне, дверь закрылась, скрывая их от глаз и ушей любопытных гостей и персонала.

— Думаю, мы дошли до конца дороги, — устало произнес Скотт. — Крэг нанял себе адвоката — Генри Бартлетта, и тот запретил ему выступать с заявлениями. Однако когда я прочитал ему письмо Элизабет, Крэг признался во всем. Позвольте прочитать это письмо и вам. — Скотт развернул листок.

«Дорогой Скотт.

Есть только один способ доказать мои подозрения. Я немедленно начинаю действовать. Может, трюк не сработает. Но если со мной что-то случится, знай, виноват Крэг, он испугался, что я слишком близко подобралась к правде.

Сегодня я фактически обвинила Сида с бароном в том, что это они убили Лейлу. Надеюсь, приманка соблазнительная, и Крэг, почувствовав себя в безопасности, попытается убить меня. Я полагаю, произойдет это в бассейне. По-моему, приходил он туда и накануне вечером. Но в воде я сильнее всех. Когда он нападет на меня, то разоблачит себя. Если ему все-таки удастся... Отомстите за меня и за Лейлу.

Ты уже слышал пленки и заметил, как он задержался, когда Алвира стала задавать слишком много вопросов. Он сразу перебил Теда, когда тот стал рассказывать, что Крэг любит дурачить людей, имитируя его голос.

Но доказательств моим версиям нет. Доказательство будет получено, если Крэг сочтет меня слишком опасной.

Посмотрим. Одно я знаю и, наверное, всегда знала в глубине души. Тед на убийство не способен, и мне все равно, сколько бы свидетелей не показывали, будто видели, как он убивал Лейлу.

Элизабет».

Скотт отложил листок и сурово посмотрел на Элизабет.

— Лучше бы ты обратилась за помощью ко мне. Тебя чуть не убили!

— Ничего другого не оставалось, — возразила Элизабет. — Но что он сделал с м-сс Михан?

— Вколлот инсулин. Как ты знаешь, в колледже ему случалось подрабатывать санитаром, поднабрался медицинских навыков. Но первоначально инсулин предназначался не для Алвиры. — Скотт взглянул на Элизабет. — Он давно уже опасался тебя. Придумал план твоего убийства еще в Нью-Йорке. Но когда Тед решил ехать сюда, Крэг убедил Минну при-

гласить и тебя. Уговорил, что, может, ты откажешься свидетельствовать против Теда, когда его увидишь. А требовалась ему удобная возможность организовать тебе несчастный случай. Однако тут для него стала угрозой и Алвира Михан. Средство избавиться от нее уже было. — Скотт встал. — Ладно, теперь могу идти домой. — В дверях он приостановился. — И последнее. Вы, барон, и ты, Сид, помешали правосудию, утаив информацию, и не оказали Теду услуги. Возможно, косвенно способствовали смерти Доры и покушению на м-сс Михан.

Мин вскочила:

— Но если бы они открыли все в прошлом году, Теда могли убедить сделать признание в убийстве. Тед должен быть благодарен нам!

— А ты, Мин, благодарна? — осведомилась Черил. — Как я понимаю, пьеску накатал барон. Ты вышла замуж не только за аристократа, врача, декоратора, но еще и за драматурга. Наверное, ты в восхищении. И разорена!

— Барон возобновит все процедуры в клинике, — парировала Мин. — Тед обещал нам заем. Все будет хорошо!

Хелмут поцеловал ей руку. Снова он напомнил Элизабет маленького мальчика, подобострастно улыбающегося мамочке. Мин видит его сейчас таким, каков он есть на самом деле. Он пропадет без нее. Понимание этого обошлось ей в миллион долларов.

— Кстати, м-сс Михан поправляется, — прибавил Скотт. — За это мы должны поблагодарить доктора Шрайбера, быстро оказавшего помощь. Постарайтесь забыть обо всем, — обратился он к Элизабет и Теду. — У меня предчувствие, что теперь все для вас пойдет лучше.

— А нам уже лучше! — твердо ответил Тед.

2

Тед и Элизабет смотрели, как уезжает Скотт, потом повернулись друг к другу.

— А ведь действительно все закончилось! — заметил Тед. — Элизабет, я только-только начинаю понимать это. Я снова могу дышать свободно! Не просыпаться среди ночи, представляя тюремную камеру, думая, что потерял в жизни все, что ценю. Мне не терпится приняться снова за работу! А еще... — он обнял девушку, — я хочу быть с тобой!

«Вперед, Ласточка! Теперь можно. Никаких колебаний. Делай, как я говорю. Вы созданы друг для друга!».

Элизабет улыбнулась Теду. Прикоснулась к лицу и поцеловала его. Она почти слышала, как поет Лейла, как когда-то, давным-давно.

«Не плачь, моя леди...»

Перевод с английского ИРИНЫ МИТРОФАНОВОЙ.

Шахматная эпиграмма

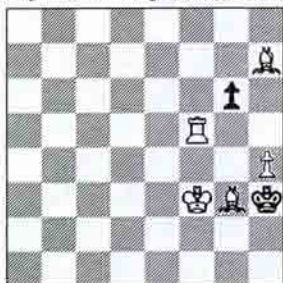
Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Публикуем оригинальные композиции VI международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр, а также решения задач, опубликованных в №№ 5-8 «Смены» за 1996 год. Правильные ответы прислали **И. Бедрин** (пос. Пинега Архангельской обл.), **В. Давиденко** (Казань), **Ю. Карташов** (Санкт-Петербург), **В. Кожакин** (Магадан), **Н. Костюкович** (Могилев, Беларусь), **И. Некрасов** (Архангельск), **Г. Попов** (Янгутск), **В. Симонов** (Самара), **Г. Садовский** (Москва).

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ

25. В. ПИЛЬЧЕНКО

г. Сухой Лог Свердловской обл.

Мат в 2 хода

26. В. МАРКОВЦИЙ

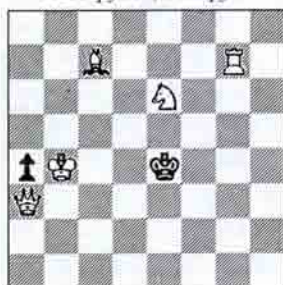
пос. Ильница, Украина

Мат в 2 хода

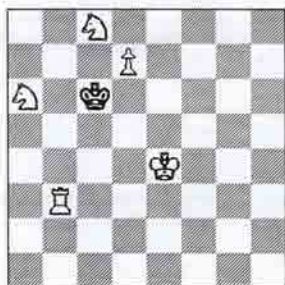
27. Л. ЛЕБЕДЕВ

г. Бобруйск, Беларусь

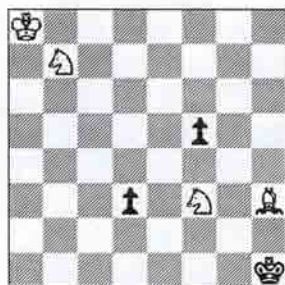
Мат в 2 хода

28. Н. РЕЗВОВ
Одесса, Украина

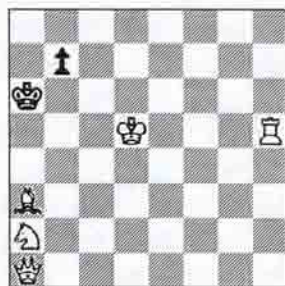
Мат в 3 хода

29. Н. НОВИК
г. Бирск, Башкортостан

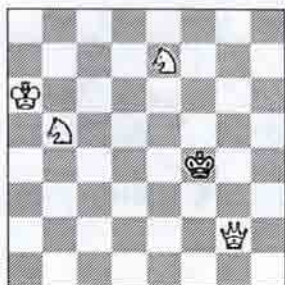
Мат в 3 хода

30. Л. ГРОЛЬМАН
Казань

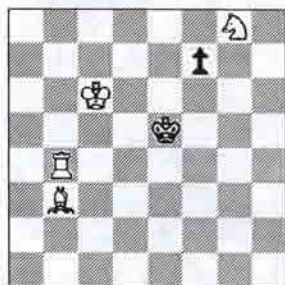
Мат в 3 хода

31. П. ЛОУРИДАС
Германия

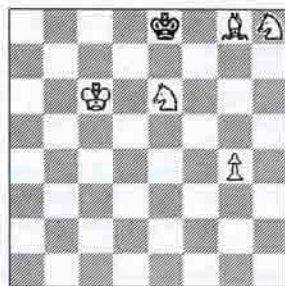
Мат в 4 хода

32. Ю. СУШНОВ
Санкт-Петербург

Мат в 5 ходов

33. М. МАРАНДЮК
г. Новоселица, Украина

Мат в 6 ходов

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ**«Смена» № 5, 1996**

49. В. Желтоножко. 1. Крe5
50. В. Иллипачев. 1. Фh8
51. В. Марновций. 1. Сb6; 1. Сe7?
ЛсВ!
52. А. Дашновский. 1. Лg5 Крh8
(Сh6) 2. Лh5
53. Е. Фомичев. 1. f8Ф? Крh1 2. Фf6,
1...f3 2. Фf4, 1... Крh4!; 1.f8Л f3 2. Лf3,
1... Крh4 (h1) 2. Лf4
54. В. Иванов и Ю. Сидорович. 1. Нg6
Крe3 2. Сel Крд4 3. Сf2х, 1... Крс5 2.
Сс7 Крд4 3. Сb6х
55. Ан. Кузнецов. 1. Ch2! h3! 2. b8Л!
Крh2 3. Лb3 Крh1 4. Лh3х, 1... Крh2 2.
b8Ф Крh1 3. Фh8 Крh2 4. Фh4х
56. Ю. Гордиан. 1. Hd3 Крс2 2. Лb6
Крд1 3. Cf3 Крс2 4. Лb2х, 1... f2 2. Сdl
Кра2 3. Сс2 fФ 4. Ла6х, 1... Кра2 2. Cf7
Крb1 3. Лс6 f2 4. Лсх, 1... Кра3 2. Cf7
Кра4 3. Сс4 f2 4. Ла6х
57. Ю. Сушнов. 1. Нf6 d4 2. Не8 d3
3. Нg7 Крд5 4. Крд3 Крe5 5. Фd4х,
2... Крд5 3. Крд3 Крe5 4. Фf6 Крд5 5.
Фd6х

«Смена» № 6, 1996

58. А. Хильдебранд. 1. Не5? Се4!; 1.
Не1
59. З. Гнат. 1. h3
60. В. Пильченко. а) 1. Крг6; б)
Фf3-h6 1. Сd2; в) Кe1-h7 1. Нg5
61. В. Дячук и В. Марновций. 1. Фf1?
Ch4!, 1. Крb3? Се5!, 1. Нс3
62. В. Коваленко. 1. Са3? Hd6!, 1.
Cd2? Нb6!, 1. Cf4? Hd6!, 1. Сg5
63. В. Сууров. 1. Крf2 Крh3 2. Фс4
1... Крг5 2. Фg6, 1... Крг5 2. Крг3
64. Л. Грольман. 1. Сd8 Кра7 2. ЛеВ
Крb8 3. Сb6х, 1... Крb8 2. Сb6 Кра8 3.
ЛеВх
65. В. Сучнов. 1. Фс3 Кра3 2. Нс2
Кра4 3. Фс6х, 1... Крb1 2. Фb3 Кра1 3.
Нс2х, 1... Сg8 2. Hd1 ∞ 3, Фb2х
66. В. Мельниченко и В. Иванов. 1.
Нg8! Крf5 2. Сf6 Крг4 3. Кh6х, 1... Крг5
2. Нh6 Крh4 3. Сf6х
67. В. Квятковский. 1. Лh8! Сс1 2.
a8Ф Са3 3. Фg8х, 1... Са7 2. Ла8
68. Ю. Гордиан. 1... Крд5 2. Нb4 Крд4
3. с3х; 1. Лс7! Крд5 2. Нс3 Крд6 3. Нb5
Крд5 4. с4х
69. П. Лоуридас. 1. Фе8! Крд5 2.
Фg6 Крс4 3. Фd6 Крb5 4. Крс3 (дуаль -
4. Сс3), 2... Крд4 3. Фf5 Крс3 4. Сс5,
2... Крe5 3. Крд3 Крf4 4. Сd6
70. Ю. Сушнов. 1. Фе7! Крe5 2. Фb6
d4 3. Cf3 d3 4. Крг5 d2 5. Фf6х, 1... d4
2. Фе7 Крд5 3. Сb5 d3 4. Крf5 d2 5.
Фe5х
71. В. Соловьев. 1. О-О Крh3 2. Лf4
Крг3 3. Ле4 Крh3 4. Лd4 Крг3 5. Лd3х
72. М. Нормильцев и Ю. Лялюш-

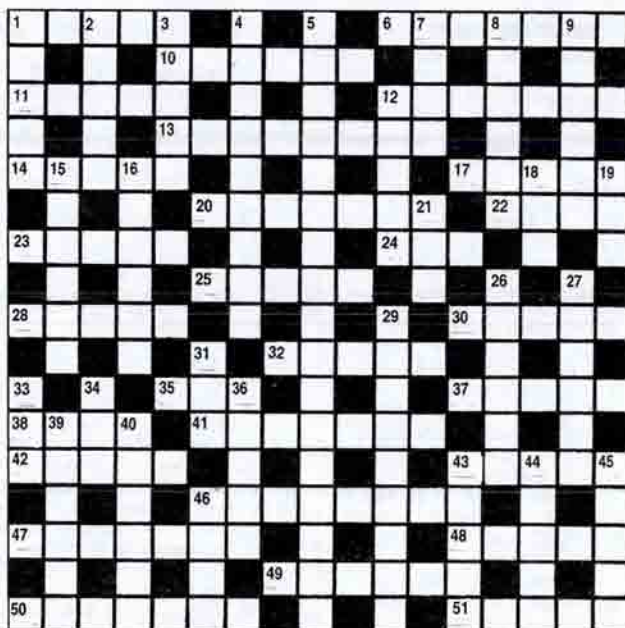
нин. 1. с6 Кра7! 2. e6 Крb8 3. b6 Крс8
4. e7

«Смена» № 7, 1996

73. В. Пильченко. 1. Фf8
74. В. Желтоножко и А. Селиванов.
а) 1. Фd7; б) 1. Фh8
75. Е. Петите. 1. Лa1
76. В. Сучнов. 1. Не6 Крh5 2. Сf5, 1...
Крг4 2. Лh8
77. А. Наргалоков. 1. Сb6 Сс6 2. Ла5
Крb6 3. Нс4х
78. В. Иванов и В. Свергунов. 1. Сg6!
Крг5 2. Крг3 ∞ 3. h4х,
1... e6 2. Фf6 Крг4 3. h3х, 1... Крг4
2. Фе5, 1... Крe3 2. Фс3
79. В. Мельниченко. 1. Сd4 d6 2.
Крс4 d5 3. Крс3
80. М. Марандюк. а) 1. Не6 Крh8 2.
Нf8 Крг8 3. Ch7 Крh8 4. Крf7 g6 5. Сg8
g5 6. Нg6х; б) 1. Hd5 Крh8 2. Нf6 gf 3.
Крf7 f5 4. g7 Крh7 5. g8Ф Крh6 6. Фg6х
81. Г. Вернер. 1. Лс8 Фс8 2. с7 Кра7
3. -13. Фg1-g2-f2-f3-e3-e4-d4-d5-c5-
c6-b6 Кра8 14. Фа6 Фа6 15. Кра6 bФ
16. с8Ф Фb8 17. Фс6 Фb7 18. Фb7х

«Смена» № 8, 1996

83. В. Пильченко. 1. Фа8? Фf3!, 1.
Лh8 Крh2!, 1. Фh8
84. Л. Грольман. 1. Фh1? Крf1, 1. Фс5?
Крд1, 1. Фb5
85. В. Желтоножко. 1. Ле4? Кра7!, 1.
Ле8? Крс5!, 1. Cf2
86. В. Иванов и В. Свергунов. 1. Се6!
fe 2. Крf7, 1... Крг8 2. Cf7
87. М. Марандюк. а) 1. Сb2 Крb4 2.
d3 Кра5 3. Сс3х; б) 1. Сbl Крb3 2. Крс5
Кра4 3. Сс2х
88. Д. Басаев. 1. f6? Се4 2. Крh6
Сg6!, 1. Лf7 Се8 2. fe Cf7 3. efx
89. Ю. Калугин. 1. Сel f4 2. Нf2, 1...
Крh1 2. Сg3
90. В. Сонин. 1. Лb1 Крс2. 2. Сf5,
1... Крс3 2. Се5, 1... Крe4 2. Крe2, 1... с3
2. Сd5
91. В. Антипов. 1... с3 2. bc; 1. Нс5 с3
2. bc, 1... Крe5 2. Фg5
92. В. Кожанин. 1. Са7 Крс6 (с8, e6)
2. e8Ф, 1... Крe8 2. Ле4
93. Ю. Сушнов. 1. Крb6? - пат!,
1. Крb7! b5 2. Крb6 b4 3. Крb5 b3 4.
Фс4х, 1... Крс5 2. Фе4 Крb5 3. Сd6 Кра5
4. Фb4х, 2... b5 3. Се5 b4 4. Фс6х
94. О. Санс. 1. Ла3! Крb7 2. Крд6
Крb8 3. Крс6 Крс8 4. Ла8х, 2... Крс8 3.
Лb3 Крд8 4. Лb8х, 1... Крд7 2. Ла8 Крс6
3. Ла7 Крс4 4. Лс7х, 1... Крс5 2. Ла4
Крс6 3. Ла7
95. Н. Чистянов. 1. Сd5 Крb5 2. b7
Кра4 3. b8Ф Кра3 4. Фb3х, 2... Кра6 3.
b8Л Кра7 4. ЛеВх
96. М. Марандюк. 1. Фd5 Крe1 2.
Фd3 e2 3. Фd5 Крf1 4. Фh1х
97. В. Нинитян. 1. a8Ф Крg1 2. Фg8
Крh1 3. Фа2 Крg1 4. Фf2 Крh1 5. Фf1х

По горизонтали.

1. Аз /суть/. 6. Цветок. Весной съесть один его листок – значит удовлетворить дневную потребность в витамине С. 10. Увертна, хитрость. 11. Японский поэт XII вена, чи стихи вошли во все официальные антологии. 12. Самый изученный дельфин. 13. Родной город поэтов Саути и Чаттертона. 14. Русская антриса, подруга жизни драматурга А. Шаховского. 17. Рена, первые исследования верховьев которой русские предприняли, чтобы узнать, могут ли китайцы по ней на судах вторгнуться в Сибирь. 20. Немецкий химин, установивший, что в железных метеоритах всегда есть нинель. 22. Художник, писавший денорации для любительских спентанлей марнизы де Помпадур. 23. Гималайское племя, чья основная пицца – абрикосы и урюк, включая ядра. Живут обычно дольше ста лет. 24. Мировое дерево славян. 25. Название колодца, проруби у номи. 28. Лъстец, подхалим. 30. Шнаф большой, дверцы маленькие. Нладут белое, вынимают черное /белое в загадке/. 32. В стихотворении А. Фета «Солнце ниже лучами в ...» В. Ботнин не понял изображение марева у горизонта. 35. Французский живописец, автор денораций для дягилевского балета. 37. Наждыя речь Мольера к публике согласно его должности. 38. Представитель сарматского племени, возглавлявшего союз кочевников в Приазовье на рубеже старой и новой зры. 41. Автор нлиги «Золя – сеятель бурь». 42. «Умохранилище». 43. Американская кошна, нападающая, по статистине, на негров чаще,

чем на белых. 46. Стронциевый минерал, окрашивающий пламя в красный цвет. 47. Помощник приходского священника у католиков. 48. Главный финансовый орган средневековой Литвы. 49. Море водки на народном языке. 50. Картина, заказанная Рембрандту назначаем гильдии сунонщиков. 51. Боксерский финт.

По вертикали.

1. «Паганини фокусников». 2. Инструмент зеков в «Нольмских рассказах» В. Шаламова. 3. Низшая форма организованного живого вещества. 4. Поэт – стихи, врач – рецепт, папа – ... 5. «Событие», из-за которого баба в «Бенином луге» И. Тургенева перебила горшки. 7. Одна из прародительниц Иисуса Христа. 8. Поэт, воспевавший в льстивых одах как Людовика XIII, так и Ришелье. 9. «Цветок-мечтатель» /М. Пришвин/. 12. Земельная собственность средневекового германского дружинника, переходившая по семейному наследованию. 15. Орган передвижения биченосцев. 16. «Толкатель стрелы», по Аристотелю. 18. «Лодочный недр» америнанских индейцев. 19. Достопримечательность жирафа. 21. Большая шишка. 26. Американский физик, споры с которым помогли В. Паули открыть нейтрино. 27. Богиня, символизировавшая вечную молодость Рима. 29. Любитель певчих птиц, на них особенно много было в Тульской губернии. 31. Выдумка, ложное известие. 33. Предмет, в какой Навзиная у Гомера играет с подругами. 34. Продунт, подрашиваемый в Грузии бархатцами. 36. Фракийский певец, растерзанный, по легенде, вакханками у современного Пловдива. 39. Туркменский поэт, писавший: «Позабыв о Боге, в мире дьявола чтут теперь». 40. «Собана с кошачьей головой». 43. Голландский мастер, создавший в 1590 году первый микроскоп. 44. Коранический сын Аллаха. 45. Ловец блестящей добычи. 46. «Индийское олово» алхиминов.

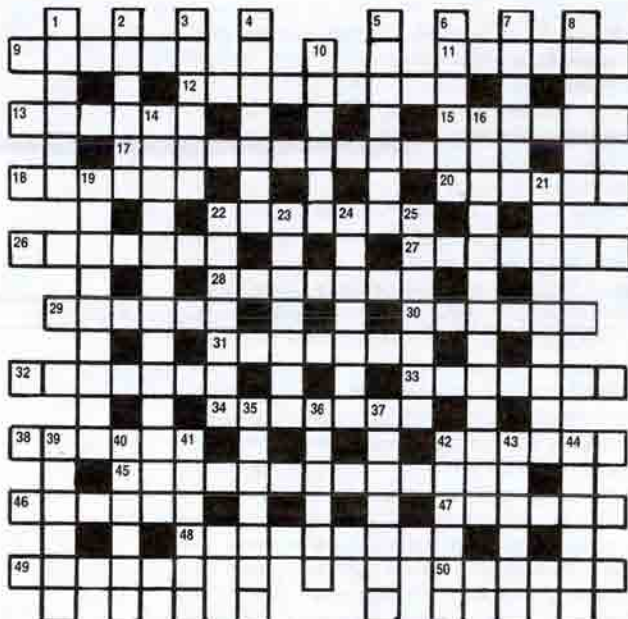
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали.

1. Цинь. 4. Эфес. 12. Платина. 13. Вдохновение. 14. Набарга. 15. Тина. 16. Нудист. 17. Лех. 18. Ряба. 22. Чико. 27. Дарю. 28. Бонитировна. 29. Битл. 30. Моль. 31. Ассистенция. 32. Умов. 33. Нивх. 36. Альт. 40. Нир. 43. Разбой. 44. Шейк. 45. Желание. 47. Презентация. 48. Люцерна. 49. Наин. 50. Орлян.

По вертикали.

2. Заочник. 3. Нанн. 5. Фунтин. 6. Спентр. 7. Баобаб. 8. Щигры. 9. Накао. 10. Светоч. 11. Евнух. 16. Нежность. 19. Язвический. 20. Адамян. 21. Нрылов. 23. Идиома. 24. Облава. 25. Отесь. 26. Юрьев. 34. Инерция. 35. Хинаят. 37. Ланкре. 38. Трепак. 39. Узбени. 40. Колет. 41. Гнель. 42. Улица. 46. Фтор.

КРОССВОРД
Составил **И. ЗЕРНОВ**,
село Вязовое
Белгородской области

По горизонтали.

9. Посадка низких растений вдоль дорожки, по контуру газона, клумбы. 11. Круг игры в бридж, винт, вист. 12. Нухонная машина. 13. Символ правосудия. 15. Перелет Москва - Северный полюс - США. Летчики - Байдунов, Беляков, ... 17. Велосипедист, ставший вместе с В. Семенцом чемпионом XX Олимпийских игр в гонке на тандемах. 18. «Пой же, пой...» /литературный прием в стихотворении С. Есенина/. 20. Шумерская богиня любви, превратившая старую богиню Билулу в кожаный бурдюк. 22. Ледник на Эльбрусе, место туризма. 26. Декоративная трава, «влюбленная» в шмелей. 27. Неспособность организма сопротивляться болезнетворным влияниям среды. 28. Светский мужчина в противоположность духовному лицу. 29. Наружная оболочка глаза. 30. Совокупность внешних очертаний судового корпуса. 31. Один из самых стойких сплавов. 32. Самое древнее копытное животное Северной Америки. 33. Пружина пьесы. 34. Передающая телевизионная трубка. 38. Роль М. Нозанова в фильме «Человек-амфибия». 42. Последователи самого известного языческого движения в христианстве. 45. Октаэдр по-русски. 46. Нисломолочный продукт. 47. Эстонский город на острове Хийумаа. 48. Уплата по частям за определенное время. 49. Блюдо из цельного куска говядины или свинины,

приготовленное в русской печи или духовке. 50. Мнение о человеке, репутация.

По вертикали.

1. Древнее государство Средней Азии, завоеванное Хивинским ханством. 2. Гречневая крупа. 3. Курорт в Латвии, где проходили песенные фестивали. 4. Крестный ход как действо. 5. Советский математик, удостоенный премии имени Н. Жуковского. 6. Жанровая картина А. Архипова. 7. Способ охоты. 8. Нынешний «брат» морфина. 10. Место, налево от которого становилась вдова с дочерью у храма Покрова /А. Пушкин. «Домик в Коломне»/. 14. Стержневая дробилка. 16. Заведение, откуда выходят композиторы, и не только. 19. Подъемная железная дорога с канатной тягой. 21. Непорядочная, плохая женщина, девушка. 22. Новелла П. Мериме. 23. Вещь редная и обычно ценная. 24. Священнослужитель собора, член капитула. 25. Воск, каким смазана шерсть овцы. 35. Работа, лишенная творческого начала. 36. Другое название оналины. 37. Человек, способный поставить на место бахвала, буйна, хулигана. 39. Количество медалей, завоеванных командой на спортивных соревнованиях. 40. Эстрадная песня на слова В. Алферова. 41. Дочь Зевса, управлявшая миром в золотом веке. 42. Столица Турции. 43. Народное название плавучего льда, льдины. 44. Одна из лучших рыб для сибирской строганины.

**ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 2**

По горизонтали.

6. Смарагд. 9. Бенакс. 10. Фронт. 11. Альтист. 13. Эндшпиль. 14. Левицкий. 15. Ерган. 17. «Филеб». 20. Вскок. 23. Кулинария. 25. Щит. 26. Навык. 27. Оргия. 29. «Инония». 30. Шушера. 31. Пырей. 33. Сомов. 35. Зан. 36. Целлулоид. 39. Голос. 41. Наина. 43. Талер. 45. Вездеход. 46. Маржерет. 47. Воронин. 48. Сдоба. 49. Жнива. 50. Хлястик.

По вертикали.

1. Трамплин. 2. Шмель. 3. Югославия. 4. Гарнизон. 5. Верди. 7. Ротару. 8. Оникс. 11. Аллер. 12. Тенст. 16. Суриков. 17. Филолог. 18. Лафит. 19. Био. 21. Напелла. 22. Пылание. 24. Ярлык. 25. Щипец. 28. Гусли. 31. Пасадобль. 32. Йен. 34. Волейбол. 35. Зотов. 37. Ладан. 38. Унижение. 40. Белоус. 42. Дзюдо. 44. Чрево... 46. Минин.

Татьяна Владович

Ее живопись спокойна и созерцательна, начисто лишена какой-либо агрессии и взрыва страстей. Напротив, мягкость и доброжелательность исходят от ее полотен и каким-то негостеприимным образом окутывают зрителя, создавая радостное, умиротворенное настроение.

В роду Татьяны Владовой никогда не было художников, вообще людей искусства. Одни технари, инженеры всех «мастей», удивлявшиеся тому, что ребенок не расстается с альбомом и карандашами. Первым, кто серьезно обратил внимание на увлечение девочки, была ее школьная учительница рисования. Особенно поражало педагога цветное видение ученицы, так отличающееся от видения других ребят.

Первые профессиональные знания Татьяна получила в престижном учебном заведении – художественной школе № 1, что на Кропоткинской. Именно там она определила для себя два увлечения, почувствовала две любви. Первая – любовь к родной Москве. До сих пор вспоминает, как прогуливала уроки, бегая по Ордынке, Балчугу, заповедным местам Замоскворечья. Любовалась старинными обветшалыми особняками, церквушками, старыми разлапистыми деревьями в скверах и на бульварах. Позже эта любовь выплеснулась в литографиях, живописных работах, посвященных Москве. Второе ее увлечение – страсть к чтению. Что бы ни читала, тут же в красках представляла героев, описание автором природы, погоды... Потому и выбор Полиграфического института оказался для нее естественным и закономерным. В институте ей повезло с педагогами. Композицию преподавал А. Гончаров, ученик Фаворского, а живопись – М. Хазанов, ученик Фалька. Еще учась в институте, Татьяна иллюстрировала сонеты Шекспира, сказки Гофмана. Тогда же начала сотрудничать в издательстве «Искусство», где оформила книги «Триста веков искусства», «Ниево-Печерская лавра», дневники Сальвадора Дали. За монографию «Древнее золото» получила диплом 1-й степени на международной выставке книги.

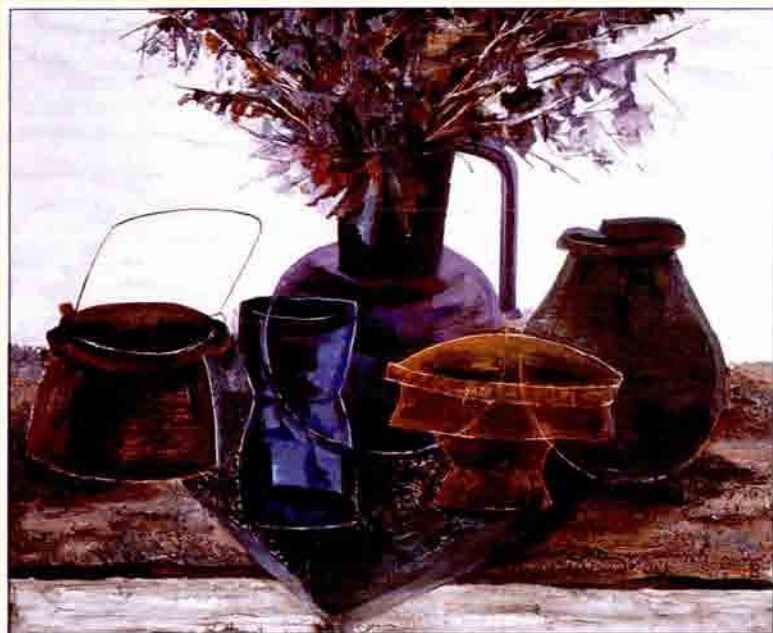
После окончания института Татьяна надолго покидает Москву. Вслед за мужем-физионом уезжает в новосибирский Академгородок. В Западно-Сибирском издательстве оформила около двадцати книг, стала членом Союза художников. Занялась станковой графикой, офортом и двухцветной литографией, не оставляя и портреты, пейзажи, натюрморты. В жизни вещей, считает художница, отражается окружающая нас действительность, и именно вещи дают возможность переосмыслить мир, в котором живем. Натюрморты у Татьяны не постановочные, это всегда фантазия, часто вымышленное сочетание предметов.

Особая тема в творчестве Татьяны – домонгольская Русь. Специально изучала историю славянских племен, историю древних Новгорода, Пскова, Москвы. Особенно ее интересовали языческие праздники: поклонение огню, солнцу, дождю, идолам, воплощающим эти стихии природы. И вот на полотнах: полыхают костры, возвышаются мрачные каменные истуканы, замерли в безысходной тоске животные, обреченные на заклятие, и на таком фоне – в дином языческом хороводе кружатся совершенно фантастические люди (абстрактные, размытые лица, фигуры), славя могущество и силу природы.

В 1991 году Татьяна вернулась в Москву. У нее уже состоялись две персональные выставки – в галереях «Интерколор» и «Лаврушинский, 25». Можно сказать, что успех и признание пришли к художнице. Ее картины – не только в музеях нашей страны, в коллекциях Министерства культуры и Мосбизнесбанка, но и в частных коллекциях и галереях многих стран.

ЛЮДИЛА КАНДАЛОВА

Татьяна ВЛАДОВА. Вечерний натюрморт

Посвящение Стринбергу

